

**РУССКИЕ
ПРОСВЕТИТЕЛИ**

ФИЛОСОФСКОЕ **Н**АСЛЕДИЕ

**РУССКИЕ
ПРОСВЕТИТЕЛИ**
(ОТ РАДИЩЕВА ДО ДЕКАБРИСТОВ)

**СОБРАНИЕ
ПРОИЗВЕДЕНИЙ
В ДВУХ ТОМАХ**

ТОМ 2

**ИЗДАТЕЛЬСТВО
СОЦИАЛЬНО - ЭКОНОМИЧЕСКОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ**

<< МЫСЛЬ >>

МОСКВА - 1966

**1Ф(С)
Р89**

**ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ**

Под редакцией *И. Я. ЩИПАНОВА*

**1-5-1
П. И.**

Александр Степанович
ЛУБКИН

ПИСЬМА О КРИТИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ

1805

Письмо первое

Претрудную комиссию вы возложили на меня, г[осударь] м[ой], требуя, чтоб я сообщил вам свои мысли о новой философии, известной под именем критической, которую основал славный Кант. Она ныне столько прославилась или столько наделала шума, что почти опасно явно обнаруживать о ней свое мнение. Ибо, г[осударь] м[ой], последователи Кантовы, коих число ныне очень умножилось и между которыми находятся уже известные ученые, не стыдяся, пазывают всех тех * оглашенными в философии (*uneingeweihte*) или еще отрочествующими, кои не признают согласно с ними их философию единственно возможною, истинною и ненарушимою или кои еще думают в ней находить некоторые недостатки. С другой стороны, слепо последуя большинству голосов, не видеть в Кантовой философии некоторых важных неясностей и произвольных и недоказанных положений значило бы более, нежели философическое самоотречение, значило бы вольное порабощение своего ума мнениям подобного себе смертного. Итак, г[осударь] м[ой], я не знаю, как удовлетворить вашему приказанию; вы требуете от

* Доказательством на сие служат самые заглавия книг: 1) «*Kiesewetters Darstellung der kritischen Philosophie, für Uneingeweihte*»; 2) *Ben-David. Darstellung der kritischen Philosophie* и проч.

меня искренности; другие тем будут приведены в философический соблазн, а может быть, и вы сами меня не похвалите, увидев, что мои мысли не совсем сходны с мнением большей части. Но, как бы то ни было, я не осмеливаюсь вас послушаться и за лучшее почитаю возбудить на себя негодование новых философов, нежели не соответствовать вашей ко мне доверенности и вашему требованию.

Кант разделил свою философию на три части. В первой рассуждает он о пределах человеческого ума и о предметах, кои подлежат его познанию. Во второй философствует он о должностях и обязанностях человека. В третьей — его чаяниях и надеждах. Первая часть составляет у него логику, вторая — правоучение, а третья — естественную религию. Самая важнейшая из них есть первая, известная под именем «Критики теоретического ума»¹, ибо в ней находятся те мысли, по которым столько Кантова философия отличается от всех прочих. По свойству предметов нашего познания он разделяет ее на две части: в первой говорит он о познании предметов чувственных, а во второй — о познании предметов вышечувственных.

В рассуждении познания предметов чувственных утверждает он, что *мы познаем вещи не так, как они сами в себе суть, но только как они нам чрез наши чувства во времени и пространстве являются*. Что, по моему мнению, значит то же, что мы о вещах чувственных, собственно, никакого познания иметь не можем, а только о их явлениях.

Сие основывает он на понятии времени и пространства, о которых утверждает, что отнюдь от вещей не происходят, а имеют основание в свойстве наших чувств и по поводу ощущения внешних предметов в душе нашей возбуждаются, почему он и называет их формую нашей чувствующей способности. Итак, ежели пространство и время основаны в нашей душе, то мы о предметах не более будем иметь познания, как сколько они ограничивают (*modificieren*) сии души нашей понятия о времени и пространстве; иначе говоря, мы чувствуем и познаем не вещи, а изменения находящихся в нас понятий о времени и пространстве.

Вот, г[осударь] м[ой], тайна, которую предоставлено было открыть критической философии! Вот чем наконец решились все многотрудные философов о естестве вещей изыскания! Без сомнения, стоит того, чтоб вникнуть поближе в сию столь важную материю, которая служит основанием всей Кантовой критике и его последователям непроницаемым убежищем, в котором мнят они себя быть безопасными от устремлений догматиков и скептиков!

В рассуждении сего Кант умствует следующим образом:

«Представления чувственных вещей суть продукты (произведения) их действия на наши чувства и свойства самих чувств.

Переменяемое в представлениях происходит от предметов, а непеременяемое и во всех общее — от свойства чувств.

Общие принадлежности всех представлений суть пространство и время.

Следовательно, понятия времени и пространства основываются на свойстве наших чувств»².

Что представления вещей в образе своем много заимствуют от свойства и устройства наших чувств, сие не подлежит никакому сомнению. Ибо, кто хотя несколько знает теорию цветов, тот нимало не усумнится, что известное качество оных происходит от известного состояния в нашем глазе лучей, от тел в оный входящих. А почему лучи, проходящие в глаз, в таком находятся состоянии, а не в другом, сие столько же зависит и от строения самого глаза, как от количества и напряжения лучей, в оный входящих. Действие на качество лучей стеклянной призмы яснее все сие объяснить может. То же сказать можно и о прочих чувствах; известные тоны, вкус, запах, степень мягкости или твердости тел и проч. суть только в рассуждении состояния наших чувств таковыми; и если б оное переменялось, то бы, конечно, и понятия сии сколько-нибудь изменились. Из всего сего следует, что качеств, в коих представляются нам вещи, отнюдь не можно почитать прямо собственными (objective tales), но вместе и относительными (subjective s[ive] relative tales).

Из сего, однако ж, никак еще заключать невозможно, что оные в рассуждении вещей суть ничто или что вещи вовсе не имеют тех качеств, с каковыми представляются. Искусственное превращение цветов, напр[имер] из голубого в зеленый, в красный или желтый, доказывает, что и вещи нечто в себе имеют, почему производят в нас о себе такое, а не другое чувствование. Мы только не знаем положить пределов, сколько представлений наши заимствуют от самих вещей и сколько от свойства наших чувственных органов; короче говоря, мы не знаем, почему и каким образом чувствуем да и к чему бы такое знание нам послужило? К ближайшему познанию вещей? Но видно, что другое, а не какое имеем, познание оных совсем несообразно было с намерением природы и бесполезно для человека, когда она снабдила его такими чувствами, а не другими.

Далее Кант утверждает, что *переменяемое в представлениях происходит от самих предметов, а непереме-
няемое и во всех общее — от свойства чувств.* Но желательно бы знать причину, почему непереме-
няемое и общее в представлениях происходит единственно от
свойства чувств, ибо с таким же правом, а притом и с
большою вероятностию можно сказать, что оное проис-
ходит от общего свойства предметов. Критическая
философия за благо рассудила приводить здесь в довод
то, что *наше чувство остается одно и то же, несмотря
на различные на него действия внешних предметов.*
Но сия причина еще довольно слаба, да едва ли и
причиною быть может, ибо: 1) из сего еще нисколько не
следует, что непереме-
няемое и общее в представлениях
имеет основание в самом чувстве. Посему бы надлежало
утверждать, что и внутренняя возможность вещей та-
кое ж основание имеет в нашем воображении, а не в
свойстве самих вещей, для того что мы никакой вещи
представить себе не можем, не применяв к ней понятия
возможности быть с такими качествами, с каковыми
ее представляем; 2) поелику во всех представлениях
о животных неизменяемое и общее находится свойство
самодвижности, то бы из предположенной причины
следовало, что и представление о свойстве самодвижи-

мости не в животных основание свое имеет, но только в нашей способности представительной; т. е. что животные не суть самодвижимы, но только таковыми от нас по свойству нашей представительной способности воображаются.

Однако ж, чтоб сей довод несколько подкрепить, то присовокупляют к нему пример, т. е. что все представления заключают в себе многообразие; но все сходны в том, что соединены с понятием времени и пространства! Иначе говоря, мы никакой вещи представить себе не можем, не поместив ее где-либо и когда-либо. И потому время и пространство в представлениях вещей есть неизменяемое и общее. Но противу сего примера, приводимого в подтверждение и объяснение большей посылки, заметить можно: 1) что он же самый составляет и меньшую посылку силлогизма. Но возможно ли, чтоб меньшая посылка доказывала и объясняла большую; 2) в самых сих понятиях — быть где-либо или когда-либо — заключается уже многообразие и особенность. Следовательно, понятия времени и пространства, вмещающиеся в представление каждой вещи, суть только общи и неизменяемы в смысле их рода или повсеместности, а не в смысле приписывания их к самим вещам, как бы по разуму большой посылки быть надлежало; 3) равным образом мы никакой вещи представить себе не можем, не придав ей каковой-либо фигуры, вещества, каких-нибудь свойств образа, происхождения, отношениях оных к другим вещам и проч.; посему следует, что и сии понятия получаем мы не от вещей, но имеем основанными в нашей способности представительной. Однако ж Кант о них не говорит ничего, а только что о времени и пространстве.

Кажется гораздо вероятнее, что как переменяемое в представлениях, так и неперемняемое и общее происходит вместе и от свойства вещей, и от свойства чувств наших: от свойства вещей потому, что они имеют способность известным образом действовать на наши чувства; от свойства чувств потому, что оные, судя по своему устроению и качествам, известным образом сии действия предметов в себе изме-
няют, на-

пр[имер] в рассуждении степени их напряженности; а вообще в представлениях — от общего свойства всех предметов.

Что ж касается до времени и пространства, столь тесно соединенных с представлением каждой вещи, то оные не суть ли паче необходимые принадлежности бытия вещей, нежели свойство или образ наших о вещах представлений? Ибо почему мы бытие свое ощущаем? Потому что чувствуем продолжение оногo, [потому] что чувствуем себя в некоей части повсеместного пространства. Без сего могли ли бы мы сказать в себе *я есмь*? И в чем будет состоять бытие вещи, когда она сама в себе будет *нигде, никогда*?

Итак, в сем умствовании критической философии примечаются следующие недостатки: 1) большая посылка не доказана, даже и не объяснена надлежащим образом; 2) меньшая посылка подставлена доказательством и объяснением на большую, что значит делать круг в доводах (*circulus in demonstrando*); 3) меньшая посылка тако ж не доказана в том смысле, в каковом разумеется большая, ибо каждая вещь представляется с своим особенным временем и особым пространством, и притом обоими изменяемыми; 4) не доказано в ней также, что понятия времени и пространства, вмещающиеся в представление каждой вещи, суть принадлежности только наших представлений, а не общего свойства представляемых предметов. Почему заключение, что *понятия времени и пространства основываются на свойстве нашей способности познавательной, а не на свойстве самых представляемых вещей*, доколе чем-нибудь другим не будет доказано, долженствует почитаться за произвольное и никак вместо основания служить не может.

Для чего не удивительно, что критические философы сами признаются, что учение их о времени и пространстве сначала весьма затруднительно для начинающих просвещаться таинствами критической философии, — что и очень естественно. Ибо, конечно, надобно иметь долговременное напряжение и крайнее усилие, чтоб приучить свой к чувствам привязанный ум к чудным Лейбницевым монадам, Вольфову пред-

определенному согласию и Кантову превратному против общего разума понятию о времени и пространстве. Для того учение о времени и пространстве составляет важнейшую статью критической философии. Защитники ее, чувствуя, может быть, слабость своего вышеприведенного довода, стараются подкрепить оный доказательствами косвенными, которыми думают они оправдать свое мнение, что понятия времени и пространства нами получаются не от предметов, но основаны в самой душе.

Первый из таковых их доводов есть следующий:

«Конечные вещи не могут нам дать понятия о бесконечной величине, о бесконечной делимости.

Но понятие пространства заключает в себе понятие бесконечного протяжения, бесконечной делимости.

Следовательно, понятие о пространстве получено не от конечных вещей, каковы суть все чувствуемые предметы, но основано в самой душе».

Противу сего довода, во-первых, то заметить надлежит, что здесь говорится уже о повсеместном пространстве, а не о таком, понятие которого соединено бывает с представлениями вещей. Следовательно здесь доказывается не то, что бы доказать надлежало.

2. Очень справедливо, что конечные вещи сами по себе и непосредственно не могут дать нам понятия о бесконечном. Однако ж самая их конечность показывает, что пределы их могут быть распространены или уменьшены. И когда мы без противоречия в понятиях не можем остановить распространения или уменьшения пределов, тогда по необходимости приобретаем понятия о бесконечном возрастающем или умаляющемся. Итак, не самая ли конечность вещей содержит в себе основание понятия о бесконечности, основание, на котором мы, утверждаясь, тотчас образуем в себе сии понятия? И без понятия о предельности каким бы образом могли мы достигнуть до понятия бесконечности?

3. По закону воображения всегда противоположенные между собою понятия одно другое возбуждают. Почему непосредственно понятие конечности возбуж-

дает или рождает понятие о бесконечности. Но сей закон воображения откуда получил свое начало, как не от ощущения многообразия и противоположности в предметах? Если бы в свете никаких других вещей не было, кроме одних людей, то бы, конечно, разум не мог образовать в себе никакого представления, коего бы *объект* был вещь, от людей отличная. И по сей-то причине мы планетных жителей³ да и самых духов всегда представляем под видами земными, по сей-то причине некоторые в отдаленных и отделенных местах живущие люди не могут себе представить, чтоб вправду можно было на другом языке говорить, нежели на каком сами говорят. Не оттого ли и у нас произошло название *немцев*, что предки наши не понимали, как можно разговаривать по-немецки, и притом полимая разговор? *

Итак, понятие бесконечности приобретаем мы, рассматривая свойства предельности; а хотя и достигаем до него посредством умозаключений, по к оным материю, а следовательно, и основание подает опыт. Почему несправедливо, что конечные предметы никак не могут дать нам понятия о бесконечности, а равным образом не доказано и то, что понятие о бесконечном пространстве не могло быть получено от чувственных предметов.

Второй косвенный их довод состоит в том:

«Поелику представления внешних предметов всегда одно последует за другим, то бы никак не можно было предварительно определить, что оные должны служить быть соединены с понятиями времени и пространства».

Но против сего сказать можно:

Поелику представления внешних предметов последуют одно за другим, а душа, примечая их, пребывает одною и тою же, то из сего непременно и долженствует она приобрести понятие о времени. Ибо время обыкновенно мы исчисляем и измеряем, приноровляя перемены наших чувствований к какому-либо менее изменяющемуся чувствованию. Понятие пространства

* Немецкое название *Deutscher*, судя по своей этимологии, не лучшее происхождение имеет.

также в нас родиться должно как по различию чувствуемых отношений к нам представляющихся вещей, так и по тому, что представления вещей мы помним и, повторенные, признаем теми же, каковы прежде были. Предварительно же определяем, что все представления должны быть соединены с понятиями времени и пространства, оттого что по опыту собственному и постоянному знаем, что все наши прежние представления с сими понятиями соединены были, а посему наводителным образом (inductive) судим и о прочих будущих. Итак, приводимый сей довод ничего еще не доказывает.

Далее:

«Ежели бы, далее говорят, понятие времени и пространства происходило от опыта, то бы не можно было дать ему никаких постоянных примет, как, напр[имер], протяженности во все стороны, потому что приметы, от опыта получаемые, всегда непостоянны».

То правда, что явления опытов всегда заключают в себе много разнообразного и изменяющегося; однако ж нельзя отрицать и того, чтоб в них не было одинакового и общего, несмотря на всю их изменяемость. В противном случае физика была бы не иное что, как только мнимая наука. А постоянные явления во всех опытах суть пространство, продолжение, или время; кроме же их непроницаемость, упорность, тяжесть тел и многие другие; так посему надлежало бы заключить, что и последние понятия имеем мы не от опыта, а что оные основаны в самой душе.

После всего можно сказать, что желательно бы было, дабы славное учение критической философии о времени и пространстве основано было на лучших доводах, нежели каковые для утверждения его приводятся. Ибо оные ничего почти не доказывают и даже некоторые из них служить могут еще подтверждением, что понятие о времени и пространстве получаем мы от опыта, от ощущения внешних предметов и что вещи не представляются нам только, но и действительно суть во времени и пространстве.

Будущий раз о сей же материи буду иметь случай продолжать далее.

Когда философы вымышляют новые системы, то редко заботятся оным дать прочное основание, а по большей части ставят вместо сего какое-либо свое предположение и думают о пышных последствиях, какие из оного выведены быть могут и которые бы своею новостью, неожиданностью и необычайностью могли на несколько времени заменить внутреннюю свою слабость. Едва ли не то же самое можно сказать и о критической философии. Чтоб доказать, что понятия времени и пространства основаны не на чувствовании, но на свойстве нашей способности представительной, она приводит в причину, что оные вмешиваются во все представления внешних предметов и что общее во всех представлениях происходит от свойства чувствования. Но сие-то последнее предположение и не доказано и принято за справедливое и несомнительное, несмотря на то, что не имеет в себе ясности ни умственной, ни чувственной.

Вы могли уже, [государь] м[ой], из предыдущих замечаний видеть неудовлетворительность доводов, в пользу сего мнения приводимых; однако ж, хотя они были и слабы, [они] по крайней мере имели вид доводов, какие в философических розысканиях употребляются. Но теперь, может быть, покажется вам странно, что сие философическим образом недоказанное мнение хотят утвердить доводами риторическими, употребляя убеждения от пользы оного в философии (*argumenta comprobante ab utili*). Говорят, что предположением, что время и пространство относятся не к вещам, а только к образу нашего об них понятия, что сим предположением многие отвращены будут нерешимые в философии вопросы. Хотя б то было и правда, однако из сего отнюдь еще не следует заключать о справедливости самого предположения, когда оно не доказано и даже надлежащим образом не объяснено. Ибо для уверения нужны доказательства, а убеждения в нравственных только случаях место и силу иметь могут. Но, как бы то ни было, когда какое мнение полезно, то желательно, чтоб оно было и справедливо,

почему и нужно теперь рассмотреть, действительно ли имеют важность представляемые критическою философіею резоны о пользе в философии Кантова учения о времени и пространстве.

Утверждают, будто из предположения только, что понятия времени и пространства основаны в свойстве нашей чувственности, можно уразуметь:

1. Что они представляются единственными.

2. Что суть представления необходимые.

3. Что только при чувственных предметах встречаются и

4. Что оба представляются бесконечными.

Но надлежит заметить:

1. Здесь говорится о времени и пространстве всеобъемлющих; а как скоро они в таком разуме берутся, то и не могут быть представлены иначе без противоречия, как только единственными, ибо в значении *всеобъемлющей* заключается уже значение единства. Что ж касается до понятий времени и пространства, соединяющихся с представлениями предметов, то, поелику они при каждом представлении суть особы, для того и заключают в себе множественность, означая в особенности определенные части всеобъемлющих пространства и времени.

Итак, не от особого свойства нашей представительной способности зависит единственность времени и пространства, но от свойства самих сих предметов, так как сие предложение $2 \times 2 = 4$ независимо от нашего ума, а само по себе есть таково и инаковым быть не может.

2. *Суть представления необходимые* не оттого, что основаны на нашей способности представительной, а для того, что она все предметы, да и самую себя, ощущает во времени и пространстве. И бытие без времени и пространства ничего бы не значило и не могло бы отличиться от ничтожества.

3. Что понятия времени и пространства при одних только чувственных предметах встречаются, сие для того, что мы только одни чувственные предметы и представляем; да и самые высечувственные, как скоро им бытие прилично, понимаем во времени и простран-

стве или по крайней мере с их понятиями сопрягаем понятия последних. И потому без того их бытие имеющими представить не можем, что сами на себе чувствуем, сколь необходимые суть потребности бытия времени и пространства.

4. Надлежало бы наперед спросить, можем ли мы еще что-нибудь бесконечное, яко таковое, представить? Множество предметов или дальность расстояния затрудняют наше воображение, а бесконечность не должна ли сделать в нем совершенного оцепенения? Из бесконечного ряда чисел, который, однако ж, начало имеет, мы представляем самомалейшую часть, а прочие лишь понимаем, и то умственно. И вообще мы только одни термины, выражающие бесконечность, представляем, а не самую вещь, которую всегда представляем копечную, хотя и понимаем умозаключительно ее бесконечность. Итак, совсем неправда, будто из предположения только, *что время и пространство основаны в нашей душе*, можно понять, почему [они] представляются бесконечными. Ибо таковыми вовсе они не представляются, а только понимаются, и то по необходимости умозаключения, потому что невозможно без противоречия придать им понятие предельности и что за предполагаемыми их пределами опять их же самих допустить надлежит. А понятия, приобретаемые умозаключением, отнюдь не суть представления.

Критическая философия, рассуждая о бесконечных времени и пространстве, между прочим, силится уверить, что понятия оных суть представления (*Anschaunngen*), доказывая сие тем, что оные не суть понятия общие (*Begriffe*). Но сколь ни справедливо последнее, что они не суть общие понятия, однако ж совсем неправда, что [они] суть представления, ибо: 1) по собственному признанию критической философии представления происходят от действия внешних предметов на нас. Посему если бы понятия о бесконечных времени и пространстве были представления, то бы произошли оттого, что бесконечное время и бесконечное пространство на наши чувства действовали. Но мы чувствуем и примечаем время и пространство только конечные; 2) общее свойство всех наших пред-

ставлений есть то, что мы о представляемых предметах судим положительно, т. е. приписываем им то, что в них есть, а о бесконечном времени и пространстве судим отрицательно, то есть отрицая от них всякие пределы; 3) все представляемые вещи можем вообразить, а бесконечного времени и пространства никак вообразить не можем, а когда и силимся, то воображаем всегда конечными. Отчего же происходит, что доказательство справедливо, а доказываемое из него не следует? Оттого, что сделана ошибка в перечислении видов наших идей. Критическая философия здесь подполагает, что два только рода находятся у нас понятий, т. е. особенные, или об особенных предметах, и общие, т. е. о целых классах предметов. Но для чего здесь пропущены отвлеченные понятия о качествах вещей и понятия, приобретаемые посредством умозаключения, каковы суть понятия о бесконечном времени и пространстве, о божестве, о духах и проч.? О каковых предметах мы отнюдь никакого представления не имеем, хотя понимаем их и ясно? Разве для того, может быть, чтоб подкрепить свое мнение, что время и пространство суть представления, почерпываемые душою в самой ей, т. е. в ее способности познавательной!!!

Говорят, что, «каким образом понятия о бесконечном пространстве и времени в душе нашей основаны, сего объяснить не можно», поэтому сие осталось тайною для критической философии? Какие ж признаки о справедливости сего таинства? Неужели вышеприведенные доводы?

Утверждают, что «понятия времени и пространства в нас не врождены, т. е. не бывают в нас прежде всякого опыта, но что основание к сим понятиям в нас находится и что мы получаем их только тогда, когда внешние предметы на нас начинают действовать». Сколь такое объяснение ни тонко, но вся его глубокомысленность состоит только в одном неудобопонятном сопряжении слов, ибо: 1) что будет такое значить *основание к понятию*, способность ли только его иметь? Но такую способность имеем мы в рассуждении всех наших понятий. Часть ли некоторую одного? То из сего

следует, что оно уже было в нас врожденным, но тогда, сходно с мнением Лейбница, было еще темно и объяснялось по поводу опыта. Невозможность ли некоторую не иметь сил понятий, как скоро будет что-либо ощущать? Но сие значит, что мы получаем их от опыта и что оные есть не отдельные принадлежности всех опыту подлежащих вещей? Итак, слова сии *основания к понятию* заключают ли в себе какое-либо понятие, кроме звука слов; 2) при ощущении внешних предметов мы отнюдь не представляем бесконечного времени и пространства, а всегда воображаем их конечными, хотя и могущими безостановочно всегда увеличиваться или уменьшаться. И потому явно, что понятия о бесконечном времени и пространстве образует в себе душа наша, представляя себе часто или отвлеченно конечные время и пространство и без успеха покушаясь их ограничить, или положить им каковые-либо пределы.

После всего можно противу мнения критической философии утверждать, что понятия (а не представления) о бесконечном времени и пространстве суть понятия, первоначально приобретенные от-вне, а потом с помощью умозаключения понимаемые бесконечными и единственными. Противоречивое о совершенном и повсеместном, некогда бывшем или будущем ничтожестве понятие некоторых философов доказывает, что они и не думали о бесконечных времени и пространстве, хотя и не хуже нашего внешние предметы ощущали. Да и новейших философов, как-то всех последователей Лейбница или Вольфа, определения пространства и времени не доказывают ли того же самого?

Наконец, надлежит еще присовокупить следующие замечания:

Ежели бесконечные время и пространство суть только одна форма представительной нашей способности, т. е. что от нее придаются к представлениям предметов, а не в них находятся, и ежели конечные время и пространство суть части бесконечных, как то и сама критическая философия утверждает, то из сего следует:

1. Что и конечные время и пространство прилагаются к вещам от нашего воображения, а не в них находятся.

2. Посему между телами никакого действительно не находится ни расстояния, ни движения, ни покоя, и они не имеют ни фигуры, ни известной предельности, ибо все таковые понятия суть следствия времени и пространства, от нас к представлениям вещей при-мешиваемые, а не в них находящиеся.

3. Посему все части прикладной математики суть только мысленные науки и к самим вещам никакого соотношения не имеют!

4. Что же значат труды, предпринимаемые нами в изменении тел, в ускорении движения, в переносе тяжестей и во всех прочих случаях, где дело производится чрез постепенное движение?

5. Следует также из того, что мы, видя какую-либо шарообразную вещь, напр[имер] яблоко или лимон, не должны думать, что они сами в себе таковы, но только такими кажутся; иначе говоря, что мы, певзирая на видимую их шарообразность, можем еще подозревать, не кубическую ли еще или какую другую фигуру имеют или что им никакая фигура неприлична, хотя мы и приписываем шарообразную.

Но вам, г[осударь] м[ой], покажутся смешны таковые последствия. Смешны или жалки, того я сказать не могу; думаю только, что они, очевидно, выходят из тонкого сего учения о времени и пространстве.

Может быть, вы припомните, что за сто почти лет перед сим подобное ж нечто было защищаемо и перевозимо последователями монадической философии, т. е. что нет действительно ни протяжения, ни движения, ни величины, для того что все тела состоят из монад, кои суть существа простые. И что хотя тела и движутся, однако ж монады, составляющие их вещество, пребывают в покое. Но чему дивиться, г[осударь] м[ой], когда уже замечено, что нет никакой странности, которая бы не была выдумана и защищаема основателями так называемых философических толков и которой бы в свое время их последователи не удив-

лялись яко торжественному памятнику человеческой мудрости?

Почему трудно понять, как имеет смысл оное фундаментальное положение критической философии: *мы познаем чувствами предметы не так, как они сами в себе суть, но как они нам чрез чувство наше являются во времени и пространстве*. Ибо здесь время и пространство явно полагаются не принадлежащими к предметам, несмотря на то что они бытие имеют, что все протяженны и все находятся между собою в известном расстоянии. Желательно бы знать, что такое без сего остается в предметах, и ведать причину, почему оные без сих понятий будут еще нечто, а не [ни]что?

Но говорят, что сим предположением отвергается множество перешимых затруднений в философии. Ибо, напр[имер], нельзя будет спрашивать:

«1. Для чего свет не прежде и не после сотворен? Когда причина, для чего он в таком пункте вечности бытие получил, а не в другом, не может находиться ни в чем: ни во времени, ни в творце, понеже он есть непременяем.

2. Когда мир конечен, то для чего он ни более ни менее надлежащего?

3. Где душа в теле имеет собственное место?»

Мудрено угадать, г[осударь] м[ой], выправду или издеваясь, г[оспода] критические философы приводят в пример сии вопросы, представляя их столько затруднительными, ибо как отвечать на них не так затруднительно, так и они совсем бесполезны, и не заключают в себе никакого почти смысла, а показывают один только ученый педантизм.

Ибо что касается до первого вопроса, то смело на оный отвечать можно, что от свободной божией воли зависело дать миру бытие в известную точку вечности и что сие создание во времени нимало к неизменяемости его существа не относится, потому что созданием ничего нового к нему не прибавилось, а переменялось только состояние мира, который из возможного только сделался существующим, да притом из перемены некоторых отношений отнюдь еще не можно заключать о перемене самой вещи. Иначе бы следовало, что есть-

ли б моя чернильница была передвинута, тогда б и со мною самым последовала перемена.

Второй вопрос подобен следующему: *для чего моя комната не просторнее и не теснее настоящего?*

Что ж касается до третьего, то оный не обдуман, ибо назначать известное место мы можем только тому, что чувственным образом познаем, а душу, яко духовное существо, познаем умозаключительно, и то лишь по ее обнаруживающимся действиям, а посему об ее собственном месте и вообще о внутреннем ее отношении к пространству ничего не знаем и знать не можем.

Далее говорят:

«Естьли бы пространство приличествовало самим вещам, то и бог бы наполнял бесконечное пространство, и потому все твари были бы его части или его модификации (образы бытия)».

Но признаюсь вам, г[осударь] м[ой], сколько я ни силюсь, право, ничего не могу в сем доводе видеть чего-либо похожего на дельное доказательство, ибо: 1) термины *наполнять пространство* мы употребляем только о телах, которые своим непроницаемым веществом действительно некую часть пространства наполняют так, что от занимаемого своим составом места всякое другое тело исключают, почему мы и говорим об них, что они наполняют пространство. А здесь сие слово употреблено в рассуждении бога некстати, как будто бы он был веществен! О существах простых мы говорим, что они, находяся в пространстве, не наполняют его, но оному соприисутствуют, в нем действуя или имея способность действовать; 2) хотя б и положить, что бог бытием своим наполняет бесконечное пространство, но из сего еще не следует, чтоб твари были его части или модификации. Напр[имер], хотя воздух и наполняет всю атмосферу, однако различные тела, в оной находящиеся, не суть ни его части, ни модификации.

Итак, г[осударь] м[ой], почти можно осмелиться сказать, не обинуясь, что учение критической философии о времени и пространстве прямыми доводами отнюдь не доказано, косвенными не оправдано и пользы в нем никакой не видно. Так для чего ж оно выдума-

но, спросите вы. О!.. Это другое дело. Впоследствии можно будет видеть, что на нем основывается важная и для философов весьма занимательная мысль, т. е. что мы о божестве, о своей душе и прочих высочайших предметах ничего по разуму знать не можем. Но кажется, едва ли можно успеть, чтоб в сем уверить, ибо общее стремление человеческого ума заниматься рассуждениями о сих предметах доказывает, что мы не только о них нечто знать можем, но даже не можем и не знать, хотя бы того и хотели.

НАЧЕРТАНИЕ ЛОГИКИ

1807

К читателю

Кажется, совсем не нужно ведать читателю, с каким намерением и по какому поводу предпринято сие начертание. Довольно, что сочинитель, занимаясь некогда преподаванием логики, при недостатке таковых книг на языке отечественном почел обязанности своею преподавать оную по своей рукописи. Почему он за нужное почитает объясниться пред читателем только в следующем:

I. Настоящее начертание логики есть в собственном смысле только лишь начертание. Сочинитель ограничивался единственно нужнейшим и общепользыным в логике; посему пространные объяснения и глубокомысленные тонкости были бы здесь неуместны; кроме того что первые по большей части скучны, а последние занимательны разве только для ученых, много лишнего времени у себя имеющих. Чистосердечный искатель истины довольствуется и одними ее признаками, а лукавый септик умышленно уклоняется от всякого уверения. Он заботливо ищет основания истины, но так и с тем только намерением, чтоб никогда его не найти, и употребляет силы своего ума не для обретения истины, но для защищения ученой своей упорности. Такому никакая логика не пособит.

II. Поелику изыскание истины (что составляет собственный предмет логики) есть уже философствование, то почтено за нужное предварительно предложить

как о понятии философствования вообще, так и о понятии и частях философии jako особой от других по содержанию своему науки. Таковое вступление, кажется, не будет почтено излишним, по крайней мере потому, что обыкновенно курс философский с логики начинается; а по сей причине и надлежит наперед и вообще предложить о понятии и содержании философии.

III. Хотя обозрение душевных способностей, собственно, принадлежит к прагматической антропологии, или психологии, но здесь помещено оно по той причине, что тесную имеет связь с логическими предметами; сверх же сего, правила хорошей методы требуют предварительно иметь нужнейшие сведения о предлагаемом предмете вообще, коего особенное какое-либо свойство раздробительно имеет быть рассматриваемо.

IV. Первую часть логики сочинитель старался обделывать как можно проще и короче, почему и состоит она в одних почти определениях и нужнейших правилах и примерах, почти так же, как и в других доселе в России общеизвестных логиках сие было наблюдаемо. Но может быть, скажут: «Для чего в том не было последовано новейшей формы логик, раздробляя понятия, суждения и пр. по категориям?» Сочинитель на сие объясняется, что он предположил себе держаться пути кратчайшего и удобнейшего и что логику представлял себе наукою здраво и основательно судить о вещах, а не искусством ученого тонкоумия, к чему очень немногие имеют время. Конечно, ученые спекуляции каждому дозволительны и иногда бывают полезны, но делать из них необходимость и каждого к ним обязывать будет, кажется, дело совсем излишнее. Лучше того не касаться, без чего столь же хорошо обойтись можно.

V. В главе о силлогизмах сделана немалая противу прежнего отмена. Прежняя теория о составлении простых силлогизмов, их фигурах и видах, основываемая на положении среднего термина в посылках, совсем оставлена как потому, что кроме бесполезной затруднительности в себе ничего не заключает, так и для того, что самое основание оной есть мнимое. Ибо известное положение среднего термина не может почтаться чем-либо первоначальным в силлогизме, но есть следствие

известного образа, по которому тогда душа действовать своим умом почла за приличнейшее с своим намерением. Почему вместо такого различия силлогизмов по внешнему их виду введено другое, основывающееся на их намерении и употреблении. Таким образом, вид силлогизмов третьей по-прежнему фигуры, годной только для исключения, поставлен непосредственно за *наведением* под именем *отражения*. Чрез таковую перемену сочинитель ласкается достигнуть по крайней мере той выгоды, что учение о силлогизмах будет проще и читатель не должен будет ломать голову над страпными и, можно сказать, магическими словами, каковы суть bArgbAra, bOcArdO, fElAptO¹ и пр.

VI. Об различных способах человеческого удостоверения и их важности предлагать в логике тем паче почтено за нужное, что без сего не могли бы иметь никакого основания логические наставления, ибо, чтоб увериться о справедливости чего-либо, надлежит наперед признать, что можно положиться на способ, которым удостоверение спискивается; и доколе источники нашего удостоверения будут еще подлежать какому-либо сомнению, до тех пор всякая логика яко наука достигать возможного степени уверенности будет невозможна.

VII. О ясности познаний и догадках предлагать особливо для того сочтено за потребное, что иначе почти не можно положить пределов, чему и сколько должны мы верить и что требуется для полной уверенности. Пышные демонстрации догматиков суть часто по одному внешнему виду таковыми, не заключая в себе иногда никакой силы к достаточному уверению.

VIII. О приближении к истине потому сочинитель признал говорить за нужное, что в кругу человеческих сведений очень немногие почтятся могут прямо знаниями или познаниями, а прочие суть сами в себе не более как только одно, однако ж подлинное приближение к истине. Кажется, что сим отделением и догматики и септики равно будут довольны: первые потому, что тут не отрицается совершенно познание истины, а другие для того, что отдается им на волю всякое

аподиктически справедливым почитаемое мнение признавать только за основательное и преимущественный перевес на своей стороне имеющее. Да в таковой строгой разборчивости, кажется, и нужды нет, ибо не для того мы должны знать что-либо, чтоб только знать, но для того стараемся познавать, чтоб, основываясь на том познании, благоразумно могли поступать. Пускающийся без нужды на явную опасность, когда погибнет, не может тем быть оправдываем, что до того не был еще аподиктически уверен о неминуемой своей в сем случае гибели.

IX. Если бы кто пожелал знать, какой системы придерживался сочинитель в сем начертании, то он признается, что заимствовался от многих как новейших, так и недавних писателей, но, собственно, системе чьей-либо не последовал никакой. Что ж касается до его образа мыслей в рассуждении познаний человеческих, то он думает, что *«иное можем мы знать прямо, иное познавать, иному по необходимости должны верить, иное по такой же необходимости предполагать, об ином только правильно догадываться, а об ином напрасно и голову не ломать»*.

X. Сверх сего, для возможного предупреждения без нужды обоюдных толков сочинитель объясняет, что философию, в смысле науки (Wissenschaft) взятую, по причине собственного ей образа умодетельности почитает он очень от других наук отличною. Он представляет себе философию не цепью вытекающих одна из другой истин, где первое звено составляющая уже по необходимости руководит разум к признанию всех последующих (каковое свойство имеет математика), но многосоставным целым, где каждая часть прилеплена к другой и сама по себе и сверх того придерживается в сем положении другими, смежными и где потому за отторжением одной какой-либо части неминуемо надлежит последовать расторжению союза между всеми. Почему он думает, что философствующий должен иметь в виду не только логическую необходимость следования одной истины из другой, но и всеобщее всеми соотношение и всеобщую гармонию. А потому хотя б что и не следовало еще очевидно из предпола-

гаемых начал, но естьли без того всеобщая гармония истин очевидно подвергается расстройству, то почитать оное не менее справедливым, как что формальным образом может быть доказано. И вообще сочинитель такого мнения, что в рассуждении о предметах философских один только аналитический способ, без помощи синтетического, совсем почти бесполезен.

XI. Благоразумное чтение книг есть, без сомнения, важнейшее средство к обогащению себя познаниями, но без предварительного знания нужнейших правил герменевтики² и критики нередко оное бывает или затруднительно, или малополезно. В «Логиках», доселе на российском языке издаваемых, предлагаемо было о сих предметах, так сказать, мимоходом. Почему сочинитель почел за должное говорить о сем несколько обстоятельнее, дабы по крайней мере познакомить читателя с главнейшими и наипаче пущими правилами сих наук.

XII. Может быть, причтут в недостаток, что во второй и третьей части «Логики» нет почти никаких примеров на правила. Сочинитель и сам признает сие охотно, однако ж объясняется: а) что величина книги и без того уже довольно немала, а естьли б помещены были и удовлетворительные примеры на каждую статью, то б надлежало быть оной вдвое более, что как для издающего, так и для читателя не так выгодно; б) естьли б кому рассудилось проходить логику действительно по сему начертанию, то знающий учитель очень легко может дополнить таковой недостаток при изустном наставлении, а малосведущий может затрудниться в объяснении и готовых и ясных примеров.

XIII. В рассуждении перевода технических терминов на российский язык много встречалось затруднений, ибо говорить по-русски о предметах философических, и притом почти в училищах только известных, еще не так-то дело обыкновенное. Почему в иных случаях употреблены были введенные уже, хотя иногда и странные, термины, в других — находящиеся в переводах подобных сей книг, а в иных сочинитель сам от себя оные придумывал, придерживаясь в том не столько литтерального перевода, сколько значения самой ве-

щи. Так, напр[имер], Instantia переведено не *настояние*, но *отражение*, и Reflexio — не *отклонение*, но *углубление*, т. е. философическое вникание и пр. Впрочем, сочинитель за слова не вяжется: он еще будет благодарен, если кто подменит их действительно лучшими.

XIV. Наконец, так как чадолюбю авторскому свойственно желать, дабы его произведение приобретало от часу высший степень совершенства, то и сочинитель сего начертания почел бы себе за приятнейшее одолжение, если б кто из знающих по сей части и благомыслящих особ удостоил сообщить ему свои замечания. Таким образом, время, благонамеренная критика и основательные советы к улучшению могли бы некогда исправить, дополнить и наградить те недостатки, каковые в сем сочинении еще находятся.

ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЕ ВВЕДЕНИЕ О ПОНЯТИИ И ЧАСТЯХ ФИЛОСОФИИ

§ 1. Трояким образом можем мы познавать вещи, и ежели мы бываем известны непосредственно о бытии оных и о различных переменах, с ними случающихся, то сие познание называется *историческим*. Ежели имеем познание о количестве какой-либо вещи и о количестве сил, ей свойственных, то такое познание называется *математическим*. И наконец, ежели познаем причины, почему какая вещь существует и для чего она сим, а не другим образом находится, то такое познание обыкновенно называется *философическим*.

§ 2. О познании историческом замечать надлежит:

I. Что предметами оного служат вещи, подлежащие нашим чувствам, и оные столько могут быть нам известными, сколько действуют на наши чувства.

II. Оно есть первое и нижайшее познание, а посему по необходимости должно предшествовать познаниям прочим.

§ 3. О познании математическом должно помнить:

I. Что оному предшествовать долженствует историческое познание нескольких вещей, которые одна с дру-

гою сличаются и сравниваются, для того дабы можно было узнать их меру или их количество относительное.

II. Вещи представляются имеющими количество или относительно их протяженности, или их состава, или судя по силам, им приличным, или их силам двигательным. Итак, предмет математического познания есть тот, чтоб найти или протяженность, или состав тела, что будет то же, что пайти груз оного, или определить количество двигательных его сил, или найти все вместе.

III. Ежели математическое познание о какой-либо вещи мы получаем непосредственным сличением или сравнением оной с другою, то таковое познание называется простонародным. Но ежели узнаем количество ее помощью умствований и математических выкладок, тогда сие познание заслуживает название ученого.

§ 4. Что касается до познания философского, то следует примечать следующее:

I. Мы не можем познать причины какой-либо вещи, ежели не рассмотрим совершенно связи, или отношения, которое находится между вещию и ее причиною. Но отношения вещей не подлежат нашим чувствам, а посему и для познания философского не довольно одних чувств, но надобно еще способность усматривать союз и отношения вещей; сия способность называется *разумом*.

II. Предмет философского познания есть двоякий: или одну вещь из другой изъяснить, или одну истину вывести из другой. Итак, философствование состоит в объяснении бытия, состояния и качеств вещей или в сравнении между собою уже приобретенных общих сведений о вещах, дабы посредством оного можно было вывести новую какую-либо истину, которая была дотоле нам еще неизвестна или недовольно известна и темна.

III. Весьма часто случается, что мы не можем узнать причину какой-либо вещи, ежели не узнаем наперед точного количества обоих. Из сего явствует, что математическое познание нередко открывает путь к познанию философскому, и посему иногда бывает основанием оного.

IV. Бывает также, что от бытия какой-либо вещи заключаем о бытии другой, которой отнюдь не чувствуем, хотя и уверяемся, что она есть. Однако ж такого познания никак историческим назвать не можно, ибо оно основывается не на чувствах, но на умозаключении.

§ 5. Кто исследывает причины вещей и дает своим суждениям пристойные резоны, тот, поколику сие делает, философствует. Но может ли, однако ж, потому назваться философом? Так как математиком прямо может назваться только тот, который основательно знает науку о измерении тел и свое знание, когда потребует случай, может употребить в действо, а не тот, который кое-как может саженью вымерять свой дом или поле; равным образом недостоин такой имени философа, который отчасти может изъяснить причины нескольких вещей, с ним ежедневно встречающихся, но разве который приобрел навык и легкость судить о представляющихся нам вещах правильно и достаточно и который удобно может усматривать, что в какой вещи может быть почтено за истинное, и таковые свои рассуждения твердо доказывать.

§ 6. Однако ж сие понятие о философии будет очень пространно, так что философия должна бы была в себе заключать все основательные о вещах познания, какие только люди иметь могут. То есть она бы должнаствовала содержать в себе все человеческие сведения, науки и искусства, какового, однако ж, философа по причине ограниченности человеческих способностей никогда не было и не будет. Почему и должно понятие философии несколько ограничить, еслили желаем иметь постоянное и отличительное понятие об оной яко об особой науке. Для того, судя по нынешнему состоянию и содержанию философических наук, можем мы назвать философию системою тех сведений, которые человеку яко человеку знать нужно для снискания благополучия. Сие определение весьма сходствует с греческим и древним оной наименованием *философии*, которое означает любовь или старание о мудрости, ибо еслили хотя немного вникнуть, то мудрость есть не что иное, как умение достигать благополучие.

§ 7. Но что человеку нужно для того, чтобы он знал, в чем состоит его благополучие и как его достигнуть? То, чтобы он ведал свою природу и природу тех вещей, посреди коих он находится, чтобы правильно мог усматривать соотношения между собою и оными и дабы, наконец, оттуда вывел для себя правила и образец своих поступков.

§ 8. В сем намерении человек может предложить себе сии вопросы: *кто я? где я? откуда я и прочие окружающие меня вещи? к какому концу я от природы назначен? что мне должно делать, дабы достигнуть сего конца?* Сими предметами должна заниматься философия, естьли не долженствует быть причисленною к наукам тщетным и бесполезным.

§ 9. Итак, вся философия разделяется на две главнейшие части: то есть на *теоретическую*, или *умозрительную*, которая предлагает о свойствах вещей, и *практическую*, или *деятельную*, которая содержит в себе правила и наставления, как поступать и жить, основанные на истинах, в теоретической части открытых.

Равным образом части философии различаться могут так, что одна заниматься будет рассуждениями о человеке, которая и называется посему *антропологиею*, а другая — вещами, находящимися вне его. Та, которая трактует о вещах, чувствам подлежащих, известна под именем *физики*, а которая занимается изложением того, что мы познаем посредством одного разума, и которая изъясняет главнейшие понятия вещей и рассуждает о внутренней их природе, которая предлагает главнейшие истины о естестве мыслящих существ, о мире, вообще взятом, и о божестве, называется *метафизикою* и разделяется на четыре части: на *онтологию*, *пневматологию*³, *космологию* и *богословию естественную*⁴.

Часть антропологии, коей предмет есть изъяснение сил и способностей души человеческой, называется *психологией*; та часть оной, которая особенно показывает употребление способностей разумных и способ, как ими управлять, называется *логикою*, а которая преподает правила управления и исправления воли, называется *этикою*⁵. К сим причисляется *эстетика*, основанная на началах предыдущих наук и которая трактует о чувст-

вовании высокого и изящного, свойственном естеству человека.

Другая часть антропологии, имеющая предметом своим тело человеческое, называется вообще *врачебною наукою*; и часть оной: 1) показывающая строение и состав тела человеческого — *анатомиею*; 2) которая изъясняет свойство и действия частей тела человеческого — *физиологию*; 3) которая научает, как сохранять здоровье, — *диететикою*; 4) которая научает способам излечения болезней, собственно врачебною наукою называется. Впрочем, вся медицина, так как и физика, по причине обширности материи ныне от философии отделяется и составляет особенную науку. Что касается до практической философии, та часть оной, которая показывает первоначальные основания законов и нравственности, называется *первоначальною нравственною философию*; а которая изъясняет законы и права, непосредственно выводимые из естества человеческого, — *правоискусством* или *правосведением естественным*; которая же изъясняет главные правила благоразумия, которые человек в обращении с другими наблюдать должен, — *политикою*; которая показывает должности и права людей, живущих в простом обществе и составляющих фамилию, — *правоискусством семейственным*; которая показывает должности и права людей, живущих в гражданском обществе, — *правоискусством гражданским*; которая, наконец, изъясняет должности и права людей, которые составляют между собою общество, учрежденное для отправления должностей религии, или богопочитания, называется *правоискусством церковным*.

§ 10. Философия от богословии откровенной⁶ различается не содержанием, или материею, которая в обеих есть почти та же, то есть чтоб показать человеку путь к достижению благополучия (выключая то, что в богословии более говорится о вечном, нежели о временном благополучии), но основанием удостоверения. Ибо откровение утверждается на слове божием, людям проповеданном, а философия — на одном только человеческом разуме и опытности и на основывающихся на них умозаключениях. И потому, чтоб философия соответствовать могла своему наименованию, то отнюдь не дол-

жны в философических рассуждениях помещаемы быть вместо резонов какие-либо убеждения, взятые со стороны уважения чьего-либо, а наипаче человеческого, но паче все в оных долженствует сколько возможно быть доказываемо доводами, из рассматривания естества вещей заимствуемыми.

§ 11. Из самого определения философии и содержания наук, заключающихся в оной, довольно уже видно ее употребление и польза, хотя не можно отвергнуть того, что философия часто бывает сама на себя не похожею и людям вредною. Чему причиною бывают те, которые, нося на себе имя философов, часто употребляют во зло свой ум, или надмеру полагаясь на разум человеческий, которого слабости и ограниченности никто не признать не может, или слишком ему недоверая, или требуя от него излишнего и превышающего силы человеческие; или кои, не имея пристойного философического таланта, вмешивают в свои рассуждения много ненужного и бесполезного; или, наконец, кои, увлечены будучи порочными страстями, стараются сделать философию рабою и орудием нечестия.

ВВЕДЕНИЕ В ЛОГИКУ

I. О логике вообще и порядке ее преподавания

§ 12. Хотя, как мы в § 9 сказали, под именем логики разуметь должно ту науку, которая научает, как употреблять способности ума человеческого и управлять оными, однако ж часто берется за самую способность судить о вещах. По сей причине в понятии логики обыкновенно делается различие между *логикою предметною* (*logica objectiva*) и *внутреннею* (*subjectiva*). *Предметная логика* есть самая наука, научающая изысканию и исследованию истины, а *внутренняя* есть самая всякому человеку свойственная способность изыскивать и исследовать истину. Внутренняя логика разделяется также на *естественную* и *искусственную*. *Естественная* есть способность судить и умствовать, образованная несколько опытностию и упражнением, а *искусственная* есть та же самая природная способность, но которая в дейст-

виях своих основывается на правилах, уже в известную систему приведенных. Открытием сих правил одолжены мы опытам многих прошедших веков и трудолюбию ученых, старавшихся о ближайшем исследовании способностей человеческого ума. Из чего уже можно понять, какое преимущество имеет образовавший ум свой искусственную логику пред теми, которые потолику только способностями своими действовать могут, сколько тому научить их могла собственная их опытность.

§ 13. Отсюда, впрочем, не следует, что искусственная логика делает уже свободным от ошибок знающего ее, хотя б и совершенно, ибо и самый искусный логик во многом может ошибаться не извинительно и даже подетски, еслили будет нерадеть о соблюдении правил логических или слишком себе доверять, или еслили воспыщаем будет в здравом суждении предрассудками, скороспешностию или другими какими причинами. Но, несмотря на сие, что знание логики есть для всякого ученого весьма нужно и полезно, сие явствует из того, поелику она довольно в себе содержит наставлений, пользуясь которыми всякий ищущий истины может ее обрести или от нее не удалиться, если добровольно сам не захочет подвергаться заблуждению. Для логики довольно и того, что она показывает путь к истине, а следовать по оному остается на произволе человека.

§ 14. *Предмет* логики есть свойства и способности человеческого разума. Итак, чтоб логике можно учиться с плодом и пользою, то, прежде нежели к самым правилам оной приступим, надлежит наперед обозреть, сколько потребно свойства человеческого ума и различные оного способности, дабы на таковом обозрении могли мы основать логические наставления.

§ 15. Самые логические правила заниматься будут или исследованием различных действий ума человеческого, или показанием справедливого употребления оных в различных случаях и обстоятельствах для изобретения или сообщения истины, которая есть главнейшая и собственная цель логики. Таким образом, логика будет состоять из трех главнейших частей, из коих *первая* будет заниматься рассматриванием действий человеческого разума и изложением различных их видов,

в *другой* предложено будет о признаках истины и основаниях человеческого познания, а *третья*, наконец, содержать будет правила благоразумия, каким образом употреблять по надлежащему способности своего разума в изыскании или сообщении истины. Истина же есть не что иное, как сходственность наших мыслей с самыми предметами, о которых мыслим.

II. Краткое обозрение способностей человеческого ума

А. О душе человеческой вообще

§ 16. *Душою* называем мы ту часть человека, которой свойственно мыслить (*cogitare*) и хотеть (*velle*). Под словом *мыслить* мы разумеем *ощущение* (*conscientia*) самого себя и вещей внешних, или отличных от существа мыслящего. Способность мыслить называется *разумом* или вообще *способностию представительною* (*representativa*) и *познавательною* (*cognoscitiva*). Способность хотения разделяется на два вида, ибо состоит или во внутренней наклонности души к известным вещам и действиям, которые кажутся хорошими, и тогда называется *желанием* (*appetitus*), или обнаруживается некоторым удалением от худых вещей и действий, и тогда называется *отвращением* (*aversatio*). Сюда же причислить можно способность *дейтельную*, которая не что иное есть, как возможность производить в действие то, чего хотим или что наших сил не превышает, а *действие* есть самое обнаружение сил, нам сродных.

§ 17. Созная или ощущая самих себя, то есть наше бытие, не может статься, чтоб не ощущали и того, что в нас происходит, то есть наших чувствований, мыслей и наклонностей. Итак, самоощущение предполагает и ощущение того, что в нас есть. Но находящееся в нас, то есть наши мысли и наклонности, суть или представления вещей внешних, или желания воспользоваться оными или от них удаляться. Итак, ощущение (*conscientia*) того, что в нас происходит, предполагает и ощущение вещей внешних, что называется *чувствованием* (*sensatio*).

§ 18. Способность хотения обнаруживается двояким образом: или желанием какую-либо вещь преимущественно знать пред прочими или получить что-либо вне нас находящееся. Посему и действия наши суть двоякого рода: одни относятся к нашему разуму, или способности мыслить, и к известному ее направлению, а другие, посредством коих желаем получить что-либо отличное от нас и оным воспользоваться и кои называются *нравственными*. Впрочем, как видно из опыта, часто случается, что желания наши управляют нашим разумом и известные мысли возбуждают в нас известные желания, так что одни другим взаимно служат и друг друга возбуждают.

§ 19. Способность желания основывается на способности представительной и на любви нашей к самим себе. Первая показывает, каково есть что-либо, приятно или нет, последняя наклоняет душу к желанию или отвращению от оногo. Если б мы сами себя не любили, то б несовместны были в нас ни желания, ни отвращения, но поелику самих себя любим, то желаем сего, что нам нравится, и отвращаемся, что нам противно. И потому любовь к самим себе побуждает нас к познанию вещей (ибо мы скучаем при недостатке новых понятий), равным образом к желанию или отвращению от того, что чувствовали или что узнали. Сверх того, побуждает нас и к тому, чтоб узнать достаточнее, и, сверх того, с нашим желанием сообразнее то, чего желаем.

§ 20. Самих себя мы ощущаем чрез самих же себя, а вещи внешние — посредством чувственных органов нашего тела. А посему не можем не допустить некоторого весьма тесного союза между душою и телом, по силе коего душа наша некоторым образом зависит от тела. Сия зависимость примечается:

1. В чувствованиях вещей внешних, бывающих посредством чувственных орудий; так, судя по различному последних состоянию, бывают и различные чувствования и понятия.

2. В идеях или представлениях, которые душа сама в себе образует, основываясь на чувствах.

3. В желаниях, от сих идей возбужденных.

4. В действиях внутренних, или относящихся к уму,

поколику, то есть, душа чувствованиями побуждается к снисканию большого познания о предметах сих чувствований.

5. В действиях внешних, которые могут только быть производимы употреблением и движением членов телесных.

6. В телесных чувствованиях приятности или неприятности, которые потому для души бывают таковыми, что сходны или не сходны с орудным⁷ устройством тела, которое душа признает своим.

§ 21. Но сколь она зависимость ли велика, однако же не должно почитать ее таковою, чтобы душа посредством собственной своей силы, благоразумием и рассудком управляемой, не могла отвращать препятствия, ей противоположаемые со стороны тела. Из опыта явствует, что были такие люди, которые напряжением души превозмогли слабость и недостаток тела и распространили пределы своих способностей, ограничиваемые оным. Итак, приличествует душе власть над телом, ею одушевляемым, которое служит ей вместо орудия в ее действиях, кои, если не превышают способностей душевных, не столько телу, сколько нерадению и небрежению души приписывать должно. И по сей-то причине правила: хорошо употреблять разумные свои дарования или управлять своими наклонностями — долженствуем мы почтить необходимо нужными для всякого человека, желающего соблюсти достоинство своего естества и не терять такового своего отличия.

§ 22. То, что мы доселе о душе вообще сказали, достаточно будет к предположенной нами цели, то есть чтобы знать, что таковое в человеке обыкновенно называется душою. Что ж касается до познания внутреннего ее естества, связи ее с прочими существующими вещами и ее предназначения, то сие больше принадлежит к метафизике, а потому с большею пристойностию там и трактовано быть долженствует.

В. О способностях ума человеческого

§ 23. В душе, так как в существе мыслящем, после самоощущения представляется нам способность ощу-

щать вещи, от нас отличные (§ 17). Но действие сей способности есть двоякое, ибо: 1) душа получает сведение о случившейся в чувственных органах перемене, которая простирается даже до общего чувствилища или до ощущения внутреннего своего состояния, что просто *чувствованием* называется; 2) посредством сей перемены душа сознает или представляет тот самый предмет, от которого произошла в чувственных органах перемена, что называется уже *представлением* или *идеєю*. Таковые идеи, поелику приобретаются от вещей материальных или посредством чувств телесных, называются *материальные* или просто *представления* (gergesentationes).

§ 24. Вещь какую-либо мы чувствуем так, что от чувствования, возбуждаемого оною, списываем о сей вещи понятие постоянное и определенное или имеем кое-какое о сей вещи представление, на котором основываясь смешиваем оную с другими вещами. В первом случае мы чувствуем и понимаем вещь *ясно*, в другом случае — *темно*, и та идея, или понятие, есть *ясное* (clara), в котором представляемый предмет хорошо от прочих отличается, *темное* же (obscura) понятие есть то, в котором представляемый предмет не отличается от прочих, но вместе с оными смешивается. Такой недостаток в идеях происходит или от недостатка чувствования, или от недостатка и порока самих чувств.

§ 25. Из собственного опыта каждому известно, что мы одарены способию прошедшие понятия удерживать и опять оные возобновлять, которая способность называется *воображением* (imaginatio), и другою, посредством которой мы предметы известных идей представляем в таком виде, как прежде оные были чувствованы, и признаем их за те же самые, которые прежде были, таковая способность называется *памятию* (memoria). Сим противопоставляется *забвение* (oblivio), которое есть двоякое: *совершенное* (absoluta), естли вещь, прежде нам известную, никоим образом опять представить не можем, и *несовершенное* (respectiva), естли вещь, прежде нами чувствованную, хотя и представляем, но не можем знать, какая она или как ее чувствовали.

§ 26. Вся способность воображения и памяти основывается на сопряжении (*associatio*) идей, которое есть такая между идеями связь и зависимость, посредством которой одна идея возбуждает другую, и так далее. Идей между собою сопряженные называются те, которые некоторым образом между собою соединены. Сопряжение ж идей имеет место: 1) ежели они в одно время были получены; 2) ежели предметы оных между собою подобны; 3) ежели между их предметами примечены от нас некоторая зависимость и соотношение; 4) нередко бывает также, что идеи противные взаимно одна другую возбуждают; 5) возбуждаются иногда также идеи в воображении от известного состояния телесного чувствительца, которое оным соответствует и которое так ограничивается не от действия предметов, но от какой-либо другой причины, как сие приметить можно в сновидениях или в некоторых болезнях. На сем сопряжении идей основывается *воспоминание*, или *припамятование* (*reminiscentia*), которое есть способность забытые и потемневшие идеи посредством некоторых с оными соединенных узнавать и превращать в ясные.

§ 27. Доселе душа к своим идеям, исключая разве одну только способность припамятования, содержалась страдательным образом, то есть ощущала только, что они в ней находятся, да и то, как ей прежде представлялись, нимало с своей стороны не содействуя к произведению воображения оных. Но по накоплении довольно количества идей и ее способности начинают оказываться деятельным образом. Во-первых же, достойно замечания *внимание* (*attentio*), которое есть не что иное, как склонность и расположение души познавать какую-либо вещь преимущественно пред прочими. Душа, внимая, делает то, что способность свою познавательную от прочих вместе ей представляющихся вещей сколько возможно старается уклонить и обращает всю оную к полнейшему познанию избранной ею вещи. Из чего явно, что внимание не может в душе нашей иметь места, если оному не будет предшествовать в ней какая-либо склонность касательно той вещи. Впрочем, сколь иногда сила внимания в нас бывает велика и

сколь много способствует к точнейшему познанию вещей, то сие всякому может быть известно, который хотя несколько вникать будет в действия свои и других.

§ 28. Равным образом и воображение оказывается деятельным образом, т. е. идеи по произволению души либо соединяя, либо разделяя, и тогда оное называется *фантазиею* или *совоображением*. Отчего бывает: 1) что душа в воображении вещи, отделенно находившиеся, соединяет воедино и, их соединивши, все вместе представляет как некоторое особое целое; 2) что мы в воображении отделяем от вещи составляющие ее некоторые части и остаток представляем как некоторую особенную вещь или целое. Новые оттуда в воображении происшедшие идеи называются *фантазмами* или *выдумками*. Само по себе явствует, что иные из них бывают возможны, другие же невозможны; выдумки невозможные обыкновенно называются *химерами* или *мечтами*.

§ 29. По снискании довольного количества идей не может статься, чтобы по причине множества оных душа все их помнила и по произволению оные возобновляла. Таковому затруднению пособляет она следующим искусством: когда в воображении своем, или совоображении, представляющиеся идеи она пересматривает, то те из них, кои в чем-либо или во многом между собою сходны, между собою соединяет и всем оным налагает какую-либо общую примету. Таким же образом поступает и с прочими до тех пор, пока все свои идеи не распределит на известные *классы*, или *разряды*, наложив на каждый таковой разряд особенную какую-либо примету. Каждый класс не иное что показывает, как только общее сходство вещей и их общую природу; отчего и произошли идеи или понятия общие, коих знаки, как напр[имер] известные звуки голоса, составляют язык. Таковым распределением идей на классы душа, во-первых, ту себе выгоду получает, что ежели не нужно вещей представлять нераздельно или так как оные были чувствованы, то она представляет только класс оных, а не каждую особливо; 2) что, распорядив идеи на классы, удобнее может вспомнить каждую порознь; 3) что ей удобнее можно сравнивать идеи между собой и примечать сходство их или различие; 4) что ей не нужно в

представлении вещей помнить оные так, как были они чувствованы, но только один класс и различие их. Наложением же знаков на каждый класс такую душу приобретает удобность, что не нужно ей представлять каждый класс со всеми его принадлежностями, которых число часто бывает чрезвычайно велико, а только знак сего класса, коего характеры гораздо проще, нежели характеры классного понятия, и для того удобнее для памятования их и воображения. Сверх того, душа вымыслила знаки *соединения, разделения и отношения* идей, так что всякий язык состоит из знаков идей и знаков отношений между оными.

§ 30. Сему искусству души весьма пособляет ее способность *раздроблять* идеи на составляющие их характеры, или части, посредством которой характеры, составляющие идею какой-либо вещи, представляются так, как особые идеи или предметы. Помощию сей способности разрешать идеи на их части душа открывает в вещах сходство и несходство и, основываясь на таковых замечаниях, причисляет каждую вещь к приличному ей классу. Впрочем, сим способом разрешения идей душа открывает новый род общих понятий, или классов, от предшествующего весьма отличный, ибо таковые подобные характеры вещей, которые сами по себе не означают прямо какой-либо вещи, но только вещам приличествуют, будучи между собою сравнены и соединены, делают разряд, который составляющие предметы суть не вещи, но только оных качества.

§ 31. Способность образования общих понятий называется *отвлечательною* (*abstractiva*), а самое действие образования оных — *отвлечением* (*abstractio*). Но поелику мы двояким образом снискиваем общие понятия, т. е. или подводя вещи под один класс, или свойства оных от них отделяя и потом между собою сравнивая, то явствует, что и отвлечение бывает двоякого рода: первое *собирательное* (*synthetica*), которое состоит в собирании вещей под один разряд, а другое *раздробительное* (*analytica*), которое занимается открытием и отделением характеров, вещи составляющих, и потом оных между собою классификацией. Отвлеченные первого рода, поелику состоят в собирании в один класс

вещей нераздельных или существ, могут быть названы *собирательными* или *самостоятельными* (*substantialia*); а последнего, поелику означают качества или отношения вещам приличные, могут назваться отвлеченными *характерическими* или *качественными*. Классы или разряды вещей называются *видами* и классы видов — *родами*. Класс, заключающий в себе несколько родов, называется *высшим родом*. Все же понятия классные вообще называются понятиями *повсемственными* или *общими*; понятия же вещей особенных или нераздельных называются понятиями *особенными* или *формальными*.

§ 32. Снося между собою идеи общие или особенные, душа сознает сродство оных или различие, сие когда она делает, то говорится, что *судит*; и суждение (*judicium*) есть такое действие души, в котором она идеи между собою соединяет или разделяет. А что вся способность суждения основывается на способности отвлечательной, сие видно и из того, что душа в суждении не другое что делает, как только какую-нибудь идею, составляющую предмет или подлежащее суждения, подводит под известный какой-либо класс или от одного отделяет. Таковые суждения, если основываются на одном внутреннем чувстве души, посредством которого она усматривает между вещами сходство или несходство, называются *воззрительными* (*intuitiva*), как будто бы оные от одного только воззрения души зависели. А которые суждения душа делает, или соединяет, или разделяет идеи между собою с помощью какой-либо третьей идеи, в связи с оными находящейся, то таковые суждения называются *умозаключительными* (*discursiva*), поелику, то есть, зависят они от умозаключения или от сравнения двух идей с третьей, а не от простого воззрения на них души. Все же сие действие называется *умствованием* (*ratiocinium*), а способность судить и умствовать называется *рассудком* (*ratio*). О свойстве суждений и умствований и об различных их видах пространнее будет предложено в своем месте.

§ 33. Показанные способности ума хотя у всех людей находятся, но почти у каждого в различной степе-

ни, отчего и происходит оное почти бесконечное умов различие! Ибо один преимуществует памяти, другой — воображением, третий — рассудливостию. Один более способен к отвлечению раздробительному, а другой — к собирательному. Один удобнее открывает между вещами подобие, а другой — различие и так далее, так что почти всякий в каких-нибудь душевных дарованиях превосходит другого, а в иных другие — его. И наконец, тот ум обыкновенно почитается *великим и превосходным*, который более имеет, чем других превосходит, а не все в высочайшем степени. Таковое превосходство умов зависит от живости воображения и от остроты в суждениях, потому что сии способности человеческого ума суть главнейшие. Причины же сего суть столь многоразличны и столь между собой перемешаны, что трудно определить, сколько которой приписать должно. Премногие примеры знаменитейших мужей показывают, что к таким причинам особенно относить надлежит влияние воспитания, рода жизни, времени, когда кто живет, обстоятельств внешних и сложения самого тела. Но находится ли и в самых душах такое различие способностей, сие неизвестно и заподлинно ничего о том утверждать не можно.

ЛОГИКИ ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

О ДЕЙСТВИЯХ УМА ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ОБ ИДЕЯХ, ИЛИ ПОНЯТИЯХ

Член первый. О разных видах понятий

§ 34. Под словом *идея* вообще разуметь надлежит всякое в душе сознание или ощущение того, что от души отлично. Но поелику предметы, о которых в душе бывает сознание, суть многоразличны, то отсюда происходят и разные виды идей, ибо оные бывают: 1) или вещи, чувствами понимаемые, коих идеи назы-

ваются *представлениями* (repraesentationes), *идеями чувственными*, или *материальными*, или которые только разумом понимаются, коих идеи называются *разумными* (intellectuales) или просто *понятиями* (notiones); 2) или вещи особые, или нераздельные, коих идеи называются *особыми*, или предметы отвлеченные, коих идеи *отвлеченными* или *общими* именуются; 3) или вещи, которые во всех составляющих их частях суть единообразны, коих идеи называются *простыми* (simples) или коих составляющие части суть одна на другую не похожи и от души различаются, коих идеи называются *сложными* (complexa). Притом идеи простые и сложные бывают таковыми или относительно к нашим чувствам, или к разуму, так как мы чувствами или разумом в предметах оных что-либо отличать можем или не можем.

§ 35. Относительно к самому существу мыслящему, или в рассуждении различного образа представления вещей, идея бывает: 1) или истинная, ежели вещь, в оной представляемая, такова сама по себе, каковую представляется, или ложная, ежели бывает напротив; 2) также темная (obscura), взбивчивая, которая недостаточна для узнавания вещи и различения ее от других, или *ясная*, которая к тому достаточна; 3) или *раздельная* (distincta), когда так вещь представляется, что вместе части ее, свойства и принадлежности, каждое порознь, между собою отличаются, или *слитная* (confusa), в которой вещь представляется без всякого различия между собою порознь частей и свойств, ее составляющих; 4) или *достаточная* (sufficiens), которая достаточна к отличению вещи от всех прочих, сколько бы их ни было, даже и самих подобнейших, или неполная, которая к сему недостаточна; 5) *соразмерная* (adaequata), когда представляется вещь точно со всеми своими принадлежностями, или *несоразмерная*, в которой бывает напротив и которая есть или обширнее, или теснее своего предмета; 6) *поверхностная* (superficialis), в которой вещи представляются только с теми своими принадлежностями, кои с первого разу и, так сказать, насильно чувствам или разуму являются, или *подробная*, когда и самые сокрытые от чувств

принадлежности вещи душа представляет; 7) *отрицательная*, когда вещь какая-нибудь представляется только что не имеющую известных каких-либо принадлежностей, или *утвердительная*, в которой бывает на-против.

*Член второй. О доброте идей и о средствах
к достижению сего*

§ 36. Совершенство идей или доброта состоит в ясности и полноте оных. А посему идеи ясные, достаточные и подробные должно почитать лучшими, нежели темные, недостаточные или поверхностные. Чтобы узнать, каким образом можно идеям своим доставлять потребную ясность, то необходимо пужно рассмотреть причины, совершенству наших идей препятствующие.

§ 37. Опыт доказывает, что темнота и несовершенство идей происходит:

а) В рассуждении вещей, чувствам
подлежащих

1) От ограниченности и недостатка наших чувств, отчего бывает, что некоторые вещи представляются нам иначе, нежели каковы они сами в себе суть; 2) от скороспешного ощущения предметов; 3) от недостатка внимания, потребного для порядочного познания вещи; 4) от развращения чувств, которое происходит от множества вещей, совокупно чувства наши поражающих; 5) от чрезмерного сходства вещи и теснейшей, нежели так усмотреть можно, связи ее с прочими, с коими вместе ощущается; 6) от чрезмерной себе доверчивости, по которой мы думаем, что вещь какую-либо уже чувствовали достаточно; 7) сюда отнести также должно причины внешние, которые препятствуют какую-нибудь вещь с довольным вниманием чувствовать и которые сокрываются или в самой вещи, или в других, от нее отличных.

б) В рассуждении предметов разумных

1) От темного представления чувственных предметов, на понятии которых основывается идея разумная; 2) от препятствий или невозможности к углублению. *Углубление* (*reflexio*) есть внимание души, устремленное к лучшему познанию внутренних свойств вещи, каждого порознь; 3) к сим препятствиям причислить также должно скороспешность в суждении, предрассудки, происходящие от разных причин и недостатков познаний предварительных.

§ 38. Отсюда явствует, что к приобретению ясного и достаточного понятия о какой-либо вещи нужно: 1) искрепления наклонность души к познанию оной; 2) совершенство чувств, ежели предмет будет только чувственный и разум довольно образованный и приготовленный к познанию того, чего чувствами познать не можно; 3) чтобы не было препятствий или порядочно вещь чувствовать, или к познанию оной прилагать должное внимание; 4) познаваемую вещь должно тщательно сличать с прочими ей подобными для открытия собственного ее от других отличия; 5) поелику, а особливо в трудных случаях, на свои чувства и проницательность совершенно полагаться не можем да и не должны, то надлежит пользоваться и свидетельствами и мнениями других и оные сносить с нашими наблюдениями.

§ 39. Предложенных правил почти довольно к приобретению о вещах понятий ясных и достаточных, что же в особенности касается до понятий раздельных и подробных, то важнейшие признаки оных суть следующие: 1) ежели представляемой вещи признаки и свойства особенно, и притом ясно, представить себе можем; 2) ежели оные можем пересказать другим; 3) ежели и самых сих признаков дальнейшие и собственные признаки открыть можем. Отсюда явствует, что всякая идея тем бывает раздельнее и подробнее, чем более она на другие простейшие идеи разрешается, а сии далее на другие, что самое и называется *разрешением идей* (*idearum analysis*). Впрочем, заметить должно: 1) что

в таковом разрешении идей не должно выступать за пределы, в противном случае от многообразия понятий, чрез разрешение получаемых, произойдет темнота самого главного предмета (§ 37, а. 4); 2) да и не можем мы продолжать оного, хотя бы и хотели, далее известной точки, и сие или по причине ограниченности нашего разума, или по причине естественной простоты самого предмета, в котором ничего далее различить и распознавать не можно; 3) по вышесказанным причинам о многих вещах, а особливо никакого многообразия в себе не заключающих, кроме понятий ясных, мы иметь не можем; 4) впрочем, не должно думать, чтобы о той вещи, о коей мы теперь кроме понятия ясного или недовольно полного не имеем или иметь не можем, не можем уже и вовсе иметь понятия яснейшего или подробнейшего мы или другие. Очень многие вещи делаются для нас ясными по случаю или по удаче, во многих преобладают пред нами другие своим остроумием и проницательностью. Для сего при таком недостатке наших сил надлежит пользоваться помощью других, но так, чтобы не всякому, кого мы почитаем разумнейшим, удобно мы верили, но с некоторым, и притом тщательным, испытанием того, что другой выдает за справедливое и себе за довольно известное.

§ 40. Хотя понятия о вещах полные и соразмерные для всякого любителя истины чрезвычайно были бы полезны и хотя для достижения оных должны мы употребить возможное старание, но поелику человеку во многих случаях предоставлено только приближаться к совершенству познания, а не достигать оного, то отсюда явствует, что должно думать о тех совершенно полных идеях, коими некоторые хвастают, и сколь должны будем мы быть скромными в рассуждении самих себя и нашего об вещах сведения. Но, несмотря на сие, достижение идей полных и соразмерных должно быть особенною и единственною целию усилий нашего разума, ибо нередко и от теснейшего о вещах понятия, равно как и от пространнейшего, происходят заблуждения.

**Член третий. О знаках идей,
или словах, оные означающих**

§ 41. Повсемственные свои идеи, как уже показано в § 29 и 30, изъясняем мы известными знаками или, по общему людей употреблению, составными звуками, голосом произносимыми. Сии звуки называются *словами* или *терминами*. Но как отвлеченные бывают или самостоятельные, или качественные, или, наконец, означающие различные идеи между собою отношения (§ 29), то и термины бывают иные означающие какие-либо вещи, иные — качества и состояние (*modus*) вещей, а иные изъясняющие известные способы соединения между собою идей. Отсюда произошли известные части речи и оных между собою сочинение.

§ 42. Впрочем, термины, поколику они суть знаки идей, и таковые, какие мы употребляем, бывают различной важности, ибо иные совершенно соответствуют своим идеям и их точно выражают, а другие только отчасти, некоторые, собственно, определены к означению известных идей, а другие только к означению оных по подобию, или по сходству, иные изъясняют одну только вещь, а иные многие, и притом различные. От сего происходит различие между терминами, называемыми *определенными* (*definitus*) и *неопределенными*, между *собственными* (*proprius*) и *метафорическими*, или *переносными*, между *постоянными* (*fixus*) и *обоюдными* (*ambiguus*). Иные термины имеют одно и то же или очень подобное значение, и таковые называются *тождезначущими* (*homonymici*) или *подобнозначущими* (*synonymici*). Иные не имеют никакого постоянного значения, и изъясняемые ими вещи более чувствуются, нежели представляются, и сии называются *домашними* (*familiares*). Иные такие, которым никакое понятие, ни чувство не соответствует и которые по справедливости названы *пустыми* (*vagi seu inanes*).

§ 43. Из сего различия терминов, их непостоянства и разномысленности весьма часто происходят темнота и величайшие ошибки в суждениях и умствованиях, ибо поелику мы привыкли термины употреблять вме-

сто идей, а сии вместо самих вещей, то нередко бывает, что употребляем термин двусмысленный за постоянный, метафорический — за собственный, знакомый нам по одному только тону — за совершенно известный, нимало не опасаясь того, куда таковое неосторожное употребление завести нас имеет; и таким образом очень часто других, а нередко и самих себя подвергаем ошибке и предрассудкам.

§ 44. О причинах же такового недостатка в человеческой речи и каким образом оный может быть отвращен (ежели только может) здесь говорить не место. Но поелику какой-нибудь язык мы должны иметь по необходимости, то нужно предложить некоторые правила, кои бы памятуя не столь удобно могли впадать в погрешности, от недостатка языка происходящие. Из сих важнейшие суть:

I. Не должны думать, что нам уже и самая вещь известна, как скоро известен какой-либо термин. Термины обоюдные, неопределенные, домашние и пустые суть сему примером.

II. Сколько возможно должны употреблять термины постоянные и определенные, буде не хотим вводить в погрешности самих себя и других.

III. Ежели когда-нибудь по необходимости должно будет употребить термин не совсем постоянный или двусмысленный, то в сем случае точный смысл и значение оного тогдашнее должны изъяснить или чрез термины тождезначущие, или чрез подробнейшее объяснение и описание означаемой им вещи, и сего также от других требовать.

IV. Часто бывает, что много термина настоящее значение можно понять только из контекста речи или связи и течения мыслей, и потому не все термины, которые, будучи взяты порознь, имеют некоторую темноту, должны быть почитаемы темными, не все также, которые, взяты будучи порознь, суть ясны, бывают таковыми же и в контексте.

V. Чтобы другие, с которыми мы говорим, нас понимали, то должно держаться употребления языка, равным образом не должно отступать от обыкновенного значения, кроме крайней необходимости, т. е. когда

мыслей своих простым образом никак изобразить не можем, но и тогда новое знание термина должно обстоятельно объяснить вышепоказанным способом.

§ 45. Хотя слова наши или термины означают только повсемственные идеи, однако ж могут они иметь и значение частности и особенности посредством присоединенных к ним местоимений, количество идей означающих, напр[имер]: *всякий, некоторый, сей* и проч.— или получают таковое значение из самого контекста речи. Итак, должно замечать, сколь пространен есть или должен быть смысл какого-нибудь термина, дабы сие не было причиною заблуждения или темноты.

§ 46. Идеи суть или положительные, или отрицательные (§ 35). А посему и термины, их означающие, суть или положительные, или отрицательные. Таковое оных различие хотя довольно ясно из этимологического слов различения, но очень часто идея положительная изъясняется термином отрицательным и, напротив, напр. *необразованный, грубый*; а иногда термин положительный равен бывает отрицательному, как *жестокый и бесчеловечный, порочный и нечестивый* и проч. А иногда термин положительный хотя и не бывает равен отрицательному, но и не совсем его отрицает и не означает еще совершенно тому противного, напр. *сладкий* и не *горький* и пр. Сие различие терминов для того замечать должно, чтобы мы или сами осторожно употребляли слова и оные заменяли другими, или бы осторожно слушали речи других и рассматривали их слова. Наконец, заметить должно, что всякий термин отрицательный силу имеет утверждения, но в том только смысле, в каком есть отрицательный, и понятие отрицания не должно распространять к утверждению в вещи того, что в ней не от недостатка какого-нибудь свойства находится, так, напр., весьма бы было неблагоприятно слово *неученый* употреблять вместо *глупого* и *невсвирепый* вместо *благоклонного*.

Примеч. Приводить примеры, подробности на каждое определение и правило, в предыдущих § заключающиеся, предоставляется изустному объяснению, а здесь для краткости оставлено.

ГЛАВА ВТОРАЯ

О СУЖДЕНИЯХ И ПРЕДЛОЖЕНИЯХ

Член первый. О разных видах предложений

§ 47. Из оной свойственной человеку способности различения и отвлечения происходит другая, т. е. способность суждения, и *суждение* не что иное есть, как соединение или разделение каких-либо идей, между собою снесенных, ибо мы внутренним своим чувством примечаем, что вещи суть или те же самые, или подобные, или различные, что принадлежат они к сим главным классам или не принадлежат, что свойственны им такие принадлежности или нет, — во всех сих случаях всегда бывает некоторое между собою идей или разделение, или соединение, и сие действие, естьли будет изъяснено словами, называется *предложением*.

§ 48. Итак, к суждению потребности две идеи, из коих та, с которою сносится другая или о которой говорится, называется *подлежащим* (subjectum), а которая с первою сносится и которая сказывается о другой, именуется *сказуемым* (praedicatum), а знак, прилагаемый к сказуемому и изъясняющий соединение или разделение оного с идеею подлежащего — *связкою* (copula), которая полагается иногда явно чрез частицу *есть* или *не есть*, а иногда скрытно. Из чего явствует, что всякое предложение должно состоять из трех частей, т. е. из подлежащего, сказуемого и связки.

§ 49. Но поелику мы в суждении идеи или соединяем, или разделяем, то явно, что суждения, или предложения, бывают или *утвердительные*, или *отрицательные*, первые, в коих мы идеи соединяем, а другие — в которых разделяем. Самый же способ суждения обыкновенно бывает различен, ибо сказуемое подлежащему приписывается или явно и просто, или с некоторым ограничением и оговоркою; поему предложения бывают *явственные*, или *категорические*, и *неявственные*, или *некатегорические*, напр.: *Он счастлив и кажется, что он счастлив; Естьли не обманываюсь, то должно почесть его счастливым; Что касается до его духа, то он счастлив* и проч.

§ 50. Судя по постранству значения, или количества, суждения бывают или *общие* (universalia), в коих подлежащее есть общее понятие, или термин, означающий целый класс вещей, или *частные* (particularia), в коих понятие подлежащего включает в себе только несколько вещей, в одном классе находящихся, или *особенные* (singularia), в коих подлежащее есть особенная какая-нибудь вещь. Предложения повсемственные означаются или могут быть означаемы местоимением *всякий* и проч., частные — *некоторый* или *некто*, особенные — местоимением *сей* и прочими сему подобозначающими.

§ 51. Суждения тако ж бывают иные *разрядные* (synthetica), иные *раздробительные* (apalytica). Первые суть такие, где подлежащее и сказуемое суть оба отвлеченные разрядные (§ 31), напр.: *Всякий человек есть животное; Никакая птица не есть рыба; Всякое доброе полезно; Гордость не есть добродетель*. А последние суть те, в коих сказуемое в рассуждении подлежащего есть нечто качественное, напр.: *Человек слаб; Сей треугольник есть равносторонний; Мудрый смотрит на конец; Всякое животное движется* и проч. Коротче говоря, предложения *разрядные* суть те, в коих показывается сродство идей, *раздробительные* — где изъясняется совместность, или совозможность, сказуемого в подлежащем.

§ 52. Предложение *простое* есть то, в коем находится одно только подлежащее и сказуемое, *сложное*, напротив, есть то, в коем многие вместе подлежащие или сказуемые находятся. К сложным также относятся и все те предложения, в коих связь подлежащего с сказуемым бывает не явственна, но неопределенная и догадочная, каковы суть все вообще предложения *неявные* (indirectae) (§ 49), к коим тако ж принадлежат:

I. *Условное* (conditionalis s. hypothetica), в котором сказуемое подлежащему приписывается только под некоторым условием, напр.: *Если довольно свеж, то может это сделать*. В рассуждении таковых условных предложений замечать надлежит: а) что они от условия только силу свою имеют, в противном случае ничего подлинного не объясняют; б) если условие будет невозможно, то предложение имеет силу отри-

цания, напр.: *Естьли можешь быть выше людей, то презирать их можешь*, т. е. что ты их презирать не должен.

II. *Разделительное* (disjunctiva), которое состоит из двух или многих подлежащих или сказуемых, но которые, впрочем, взаимно себе противореча, вместе быть не могут и потому соединяются словами *ли, либо* и проч., напр.: *Или ты добр, или хитр, что сие делаешь; Тот, который долго упражнялся в науках и ничего не знает, был или нерадив, или туп*. Само по себе явствует, что таковые предложения ничего подлинного не показывают в себе до тех пор, пока или все, кроме одного, разделительные члены будут отвергнуты, или один из них прямо или категорическим образом будет утвержден.

III. *Исключительные* (exceptivae), в коих сказуемое подлежащему приписывается хотя прямо, но упомянув некоторое обстоятельство, когда связь между ними не может иметь места. Они распознаются по словам *кроме, исключая* и проч., таковые исключения, в частности, показывают противное тому, что в самом предложении вообще было утверждаемо, напр.: *Кроме болтливости, он человек не неприятный*.

IV. *Ограничительные* (restrictivae), в коих сказуемое приписуется подлежащему в известном некотором смысле, в противном же случае оному неприлично. Слова, означающие ограничение, суть: *поколику, что касается, так как, смотря по тому как* и проч., напр.: *Что касается до истории, он человек преученный; Судья, поколику таков, должен быть строг*. В сих предложениях связь сказуемого с подлежащим бывает явственна под сказанным только ограничением, в другом же случае бывает или прямо отрицательною, или совершенно сомнительна.

V. *Сравнительные* (comparativae), в коих две или многие вещи сравниваются в рассуждении одного сказуемого, которое обоим им, но в разном или подобном степени и количестве приличествует, напр.: *Храбрее Геккулеса, более в несчастии, нежели в счастье заслуживает почитания*. Из такого рода предложений ничего подлинного заключить нельзя; и они тогда только и ясны, когда мы довольно знаем сравнивае-

мый в них предмет или ту вещь, с которою другая сравнивается. Предложения исключительные, ограничительные и сравнительные вообще называются *истолковательными* или *изъяснительными*, потому что смысл оных, чтоб был явствен, требует изъяснения.

§ 53. Теперь следует предложить о различных наименованиях предложений, у некоторых философов и наипаче у математиков употребляемых. Всякое предложение есть или *умозрительное, теоретическое* (theoretica), или *деятельное, практическое* (practica); в первом полагается, что что-нибудь есть или бывает, а в последнем говорится, что что-нибудь] сделано быть может или долженствует. В рассуждении внутренней своей силы и ясности иные предложения суть *недоказательные* (indemonstrabiles), кои сами по себе ясны, так что не требуют к утверждению своему никакого доказательства, иные *доказательные* (demonstrabiles), кои требуют еще какого-нибудь доказательства или посредством доказательства могут быть ясными. Иные предложения также бывают *истинные*, иные *ложные*, иные *сомнительные*, что из самого их наименования явствует. Предложение недоказательное, еслии оно будет теоретическое, называется *аксиомой* (axioma), еслии ж практическое — *требованием* (postulatum); предложение доказательное теоретическое именуется *теоремою* (theorema), практическое же — *задачею* или *проблемою* (problema). *Прибавлениями* или *последствиями* (corollaria s. consectaria) называются такие предложения, которые непосредственно выводятся из других. *Изъяснения*, или *примечания* (scholia), суть такие предложения, которые служат к изъяснению других, и, наконец, *леммы*, или *заимствовательные мысли* (lemmata), суть предложения, взятые из другой науки для доказанья или объяснения какого-нибудь нашего предложения.

*Член второй. О свойствах предложений,
снесенных между собою*

§ 54. Исчислив различные роды предложений и их наименования, остается предложить о их свойствах в

случае, когда между собою сносятся, или сравниваются, предложения в рассуждении материи, т. е. в рассуждении подлежащего и сказуемого, одинакие, но в рассуждении качества или количества различные. Таковое сравнение предложений бывает четверояким образом: 1) посредством *единознаменования*; 2) *противоположения*; 3) чрез *подчинение* и 4) *посредством превращения*.

§ 55. *Единозначащими* предложениями называются те, которые словами хотя различествуют, но один и тот же имеют смысл, напр.: *Науки полезны и образование ума для человека служит великою пользою*. Если одно из сих предложений бывает истинное, то и другое таково же, если одно ложно или сомнительно, то равным образом и другое.

§ 56. *Противоположение* есть снесение противных между собою предложений, где одно о том же подлежащем утверждает то, что отрицает другое, и вопреки бывает же трояким образом:

1. Когда будут снесены между собою противные повсемственные предложения, напр.: *Все люди разумны и нет ни одного человека разумного*, также *полезное всегда должно предпочитать вредному и полезное никогда вредному предпочитать не должно*. Таковые предложения называются *противными* (contrariae); из них оба могут быть ложны, но никогда, кроме одного, истинны, как видно из самого примера.

2. Когда снесутся между собою противные предложения, одно повсемственное, а другое частное, напр.: *Всякий добрый богу приятен и некоторый добрый богу неприятен*. Предложения сии называются *противоречащими* (contradictoriae), ибо, кто оба из них допустит, тот сам себе будет противоречить; из сего явствует, что по необходимости одно из них должно быть истинно, а другое ложно.

3. Когда сносятся между собою противные предложения частные, сии предложения называются *подпротивными* (subcontrariae), напр.: *Некоторый человек учен и некоторый человек неучен*. Сии предложения взаимно друг друга предполагают.

§ 57. *Подчинение* (subalternatio) есть снесение двух предложений по количеству хотя различных, но по качеству одинаких; в них предложение повсемственное называется *вмещающим* (subalternans), а частное — *вмещаемым* (subalternata), напр.: *Всякого человека любить должно; Некоторого человека любить должно; Никто на всякий час остеречься не может; Нечто на всякой час остеречься не может.*

§ 58. Превращение есть такое какого-либо предложения переменение, что в нем подлежащее делается сказуемым без нарушения справедливости превращенного предложения, так что из превращаемого предложения некоторым образом следует превращенное. И бывает: 1) *простое*, когда без перемены количества сказуемое поставляется на место подлежащего; 2) *несовершенное* (per accidens), когда бывает с переменю количества.

§ 59. Просто переменяются предложения повсемственные отрицательные и частные утвердительные, равно и повсемственные утвердительные, по только таковые, в которых сказуемое есть единозначительно с подлежащим, напр.:

1. *Никакой камень не есть человек.*

Сл[едовательно]. *Никакой человек не есть камень.*

2. *Некоторый француз учен.*

Сл. *Некоторый ученый есть француз.*

3. *Всякий человек есть животное разумное.*

Сл. *Всякое животное разумное есть человек.*

Предложения же утвердительные, частные и повсемственные, кроме вышесказанных, превращаться могут только несовершенно (per accidens), напр.:

Всякий человек есть животное. Сл. Некоторое животное есть человек.

Предложения особенные в превращении имеют силу повсемственных и превращаются, как оные, напр[имер]:

Петр не горд. Сл. Никакой гордый не есть сей Петр.

*Член третий. О различной важности суждений
касательно познания вещей, об определении
и разделении*

§ 60. Способности нашего ума тот имеют конец, чтобы посредством оных наши о вещах познания получали свою ясность, твердость, основательность и определенность. Но сему намерению различные суждения различным образом соответствуют. И во-первых, естьли сличить между собою суждения отрицательные и утвердительные, то без труда увериться можно, что посредством суждений отрицательных мало познание наше вещей выигрывает и распространяется, ибо отрицательные предложения показывают нам только то, что не есть какая-либо вещь и чего она не имеет, а не что такое есть и что имеет, хотя всякая вещь, сама в себе взятая, имеет собственные ей качества. Итак, отрицательный способ суждения доставляет нам только понятие о вещи отрицательное, которое всегда бывает недостаточно и неполно. Почему любителю истины должно более стараться о приобретении суждений утвердительных, нежели отрицательных.

§ 61. В сем разуме и утвердительные суждения бывают различной важности. Иные бывают такого свойства, что в них сказуемые составляют постоянное какое-либо качество подлежащего, посредством коего оное естьли не от всех, то по крайней мере от многих отличается, другие же таковы, что в них сказуемые в рассуждении своего подлежащего суть нечто случайное и переменяемое и нимало не способствующее к отличению подлежащего от прочих вещей. И потому старающийся о достижении точного познания вещей непременно должен стараться более об образовании таких суждений, в коих сказуемое составляют постоянные и достаточные отличия вещей, нежели о таких, в коих сказуемые означают только какие-либо случайные принадлежности подлежащего.

§ 62. Впрочем, таковых суждений, в которых сказуемые означают постоянные принадлежности подлежащего, часто в рассуждении одной какой-либо вещи случается столько, что мы по причине множества

оних и различия можем получить только смешанное о той вещи понятие (§ 37). И сие наипаче потому, что многие из таковых суждений бывают последствиями некоторых других, многие в других заключаются и с оными некоторым образом суть тождественны. Почему желающий снискать понятие о вещи какой-либо ясное и отличительное, наипаче о приобретении таковых об ней суждений должен стараться, которых бы сказуемые, вместе взятые, составляли начальное отличительное свойство той вещи, на котором бы все прочие ее свойства и принадлежности основывались, или, иначе говоря, надлежит стараться такое об вещи составить суждение, которым бы внутреннее ее естество и свойства были означены.

§ 63. Таковое о какой-либо вещи суждение, изъясняющее естество оной и достаточно отличающее ее от всех прочих вещей, обыкновенно называется *определением*. Само собою явствует, что таковые суждения основываются только на ясных, раздельных и достаточных понятиях вещей. Но каким образом можем мы снискать таковые понятия? Раздробительным ли всех находящихся в вещи принадлежностей пересматриванием и испытанием? Но в сем мы много встретим затруднений и неудобств, ибо: 1) многочисленность и различие принадлежностей, во всякой вещи находящихся, скорее произведет взбивчивость в нашем об ней понятии, нежели доставит нам ясное оной представление (§ 37); 2) таковое разыскивание многих и различных к одной вещи относящихся предместов по необходимости требует долгого медления и тщательного внимания, к чему мы редко имеем удобность и редко бываем способны. Итак, надлежит наперед рассмотреть, что вообще составляет естество, или сущность, вещей, чтоб, сие узнавши, удобнее могли мы находить и открывать в них первоначальные и достаточно отличающие их качества, составляющие собственную их сущность.

§ 64. Постоянные и неотделимые в вещах принадлежности, или свойства, суть двоякие: 1) такие, которые в вещи суть общие с прочими вещами ее разряда; 2) которые ей собственно принадлежат и которыми

она от прочих вещей своего класса отличается. Первые составляют *общее* и *родовое* ее свойство, а последние — *особенное*, или *видовое*, ее отличие, и те и другие, вместе взятые, составляют полное ее естество или сущность. Все прочие постоянно замечаемые в ней принадлежности из оных либо следуют, либо в оных содержатся. Итак, определение, поколику оное должно объяснять внутреннюю природу вещи, долженствует содержать в своем сказуемом: 1) род вещи или класс; 2) различие оной видовое. Чего ради желающий какой-либо вещи сделать определение должен сперва отыскивать: 1) к какому особенно классу вещей она принадлежит; 2) каким наипаче свойством отличается от прочих под тем же с собою классом находящихся вещей. Понятие вещи классическое отличит оную от всех вещей других классов, понятие же оной видовое отличит ее от прочих ей подобных, и, таким образом, определение той вещи делается полное и достаточное.

§ 65. Теперь остается нечто присовокупить о потребностях хорошего определения: 1) надобно, чтоб оное было кратко; 2) ясно; 3) соразмерно, т. е. не более и не менее бы в себе заключало, как сколько находится в вещи определяемой или в *определяемом* (*definitum*); 4) чтоб одно и то же составляло с своим определяемым или чтоб предложение, выражающее определение, просто могло превращаться, без нарушения истины и очевидности. Погрешности же, которая *кругом в определении* называется (*circulus in definiendo*), т. е. когда одну вещь определяем другою, а сию опять первую, всячески должно избегать.

§ 66. Определения бывают различны, а именно: иное определение называется *словесное*, которое вычисляет свойства, которыми вещь от прочих других распознается, а иное *вещественное*, в котором изъясняются причины и способ происхождения определяемой вещи. Само по себе явствует, что последнее имеет преимущество пред первым и более к точнейшему познанию вещи способствует. Но поелику происхождения и внутреннего положения многих вещей мы или не знаем или, яко человеки, и знать не можем, то остается в таком случае при недостатке вещественного опре-

деления довольствоваться словесным и оным надлежащим образом пользоваться; а стремиться достигнуть того, что превышает наши силы, значило бы надмерное и излишнее любопытство.

§ 67. Притом не должно думать, чтоб мы всем предметам, нам встречающимся, могли дать определения. Много находится таких, которых мы не знаем, а о многих хотя и знаем, но различие оных видовое открыть или одного словами объяснить не можем. Причины сего кажутся быть следующие: 1) темное понятие тех вещей, т. е. незнание, к какому они классу принадлежат и чем в особенности отличаются; 2) недостаток языка, составляющие который слова означают только главные понятия и не простираются к означению частных и нераздельных вещей, кои суть почти бесчисленны, отчего и бывает, что хотя и определяем вещь в уме, но по недостатку слов другим того объяснить не можем. Для того о таковых вещах понятие надлежит сообщать каким-либо другим образом, нежели посредством определений. А между тем надлежит замечать, что всем особенным вещам никак мы не можем давать определений.

§ 68. От определения отличается *описание* тем, что хотя в оном также исчисляются принадлежности и свойства какой-либо вещи, но не всегда первоначальные и постоянные, так что даже в описании все то об какой-либо вещи можно говорить, что только в каком-либо разуме об ней сказано быть может. Описание более употребляется у историков, ораторов и стихотворцев, нежели у философов, и берется от известных риторам обстоятельств: *кто, что, где* и пр. Оные могут быть также в употреблении и у философов, когда т. е. вещи, составляющие предмет их суждения, будут только что чувственные и потому определены быть не могут.

§ 69. Для точнейшего и подробнейшего познания вещей способствует также и *разделение*, или *раздробление*, целого на свои части, т. е. когда каждая из частей, вещь составляющих, в особенности от прочих представляется, чрез что понятие целого делается полнее и совершеннее. Раздробление какой-либо сложной

идеи на простейшие понятия называется *раздроблением логическим*. Вещь, или идея, разделяющаяся на другие, называется *делимым*, части же, из сего деления происходящие, — *членами деления*, а дальнейшее разделение сих частей обыкновенно именуется *подразделением* (*subdivisio*). Правила порядочного деления суть сии: 1) чтоб члены деления, вместе взятые, не более и не менее в себе заключали, как самое целое делимое; 2) чтоб они друг другу были противоположны, т. е. чтоб один не содержал в себе другого или с другим не значил одного и того же; 3) чтоб деление вещи чинимо было сообразно с естеством оной и не далее бы продолжаемо было, как сколько потребно, иначе не будет от того никакой пользы; 4) если вещь можно делить различным образом, то для сего тот должно избирать образ деления, который бы точно и подлинно соответствовал намерению, которого мы хотим достигнуть посредством деления.

ГЛАВА ТРЕТИЯ

ОБ УМСТВОВАНИИ И СИЛЛОГИЗМЕ

Член первый. Об умствовании вообще

§ 70. Умствуем, когда (как выше сказано, § 32) из сличения двух предложений, соединенных между собою, выводим третье, мало или совсем для нас прежде неизвестное. Но предложения не иначе могут между собою быть соединены, как только посредством какого-либо термина, в обоих находящегося и оба соединяющего; в противном случае никакое сродство между ими было бы невозможно. Для того остается, чтобы третье из оных выведенное предложение состояло из остальных терминов тех предложений, не включая туда одного общего, в обоих предыдущих их соединяющего. Итак, все умствование состоит в соединении двух идей посредством сравнения оных с третьею. Из сего явствует: 1) что *силлогизм*, или умствование, выражаемое словами, состоит из трех предложений и трех терминов. Термин *средний*, есть который, обоим предложениям будучи общим, соединяет оные между

собою, термин *больший* — который бывает сказуемым в заключении, *меньший* же — который есть подлежащим заключения. А два предложения, посредством среднего термина соединенные между собою, называются *посылками* (praemissae); одна из них, в которой больший термин соединяется с средним, называется *большою*; в которой же меньший соединяется с средним, называется *меньшею* посылкою.

Для объяснения сего здесь представляется пример:

Кто сетует, тот несчастлив.

Завистливый сетует.

След. *Завистливый несчастлив.*

Или таким образом:

Кто счастлив, тот не сетует.

Завистливый сетует.

След. *Завистливый не счастлив.*

§ 71. Из вышесказанного и приведенного примера явствует: 1) что средний термин должен быть какое-либо общее понятие, коему бы понятие меньшего термина приличествовало или от оного отделялось; 2) по причине такового соединения меньшего термина с средним больший термин соединяется с меньшим в заключении в том смысле, в каком больший соединялся с средним, так что сродство меньшего термина с средним определяет сродство меньшего с большим. Из сего довольно явствует, что ежели больший противен среднему, то непременно он же самый должен быть и меньшему противен, а естли меньший заключается в среднем, то таким же образом и больший с меньшим должен быть соединен в заключении, как он был соединен в большей посылке с средним.

§ 72. Из сего и вышепредложенного удобно можно вывести следующие главнейшие правила силлогизмов:

I. *Средний термин совершенно одинаковое значение иметь должен в обеих посылках*, ибо естли бы в меньшей посылке средний термин значил другое, то средних терминов было бы два; а потому и в самом силлогизме четыре, а не три термина (§ 70); и неизвестно бы было, почему меньший термин соединяется с большим, естли б к обоим различным образом приносиваем был средний.

Таковая погрешность в умствованиях часто бывает по причине разнозначения среднего термина, напр.:

Человек есть понятие отвлеченное.

Некоторое нераздельное есть человек.

След. *Некоторое нераздельное есть понятие отвлеченное.*

Здесь само по себе явствует, что человек в большей посылке совершенно означает другое, нежели что означает в меньшей.

II. *Термины в заключении должны быть те же самые, какие были в посылках*, ибо если бы были другие, то бы неизвестно было, почему они между собою соединяются, когда средний термин был приличен терминам другого значения или совершенно посторонним.

III. *В правильном силлогизме по необходимости должна быть одна из посылок повсемственная*, ибо ежели бы были обе частные, то не было бы никакого общего понятия, к коему бы приноровлен был меньший термин, и потому заключение было бы совершенно невозможно.

IV. *В правильном силлогизме непременно одна из посылок должна быть утвердительная*, ибо если бы обе были отрицательные, то бы меньший термин явно отрицаем был от среднего, или общего, понятия, а больший не имел бы никакого сродства с средним, и потому ничего бы не оставалось, что и по чему бы можно было о меньшем утверждать или отрицать.

Прим. Впрочем, несмотря на сие, могут быть в силлогизме обе посылки отрицательные, если смотреть на них порознь, т. е. когда в меньшей посылке термин меньший подчиняется среднему, который в большей отрицательным образом был выражен; и в таком случае меньшую посылку не должно почитать за отрицательную, потому что в ней показывается, что понятие меньшего термина заключается в понятии среднего, напр.:

Кто нерадит, тот не успевает.

Кто не внимает, тот нерадит.

След. *Кто не внимает, тот не успевает.*

V. *Заключение должно последовать слабейшей части, т. е. ежели одна из посылок была частная, то и*

закключение должно быть частное, а отрицательное — ежели одна из посылок была отрицательная. Ибо в первом случае термин меньший другое получил бы в заключении количество и потому не был бы тем же самым, что будет против правила 2-го. В последнем же соединялся бы с оным термин больший, который от среднего был отрицаем и который по сему и от меньшего должен бы быть отрицаем, поелику для того о меньшем что-либо утверждается или отрицается, что меньший имеет сродство или не имеет с средним.

§ 73. Силлогизмы, в коих посылки суть явственные предложения, называются *простыми* (categoricali), а в коих посылки суть сложные предложения, называются *сложными*; кои отступают от общего порядка умствования, называются *несовершенными* (сгруппированными); в которых, наконец, по причине только некоторого подобия выводится заключение, те известны под именем *сравнительных*, или *аналогических*.

§ 74. Ум человеческий в познании вещей таким образом простирается, что, во-первых, одну вещь, которую хочет узнать, отличает от прочих вещей, потом старается открыть, что такое есть та вещь, какие имеет свойства и какие ей неприличны. А что таковую же, а не другую имеют цель и употребление наши умствования, то сие довольно само собою разумеется. Итак, иные силлогизмы служат к тому, что посредством их открываем различие вещей, а другие к тому, что помощью их узнаем, что такое есть какая-либо вещь, что имеет и чего не имеет. Словом, все силлогизмы бывают *иные различительные*, а другие *показательные*, поелику, то есть, показывают, каковы вещи. О сих, и притом явственных, и об их особенных свойствах предложено быть имеет в следующем отделении.

Член второй. О простых силлогизмах

А. Силлогизм различительный

§ 75. Поелику прежде вещи между собою различаем, нежели оные особенно познаем, то, кажется, и свойства различительного силлогизма прежде изъяс-

нить надлежит. Вещи, между собою соединенные различием тогда, когда в одной из оных находим то, чего другая не имеет. Такое оных различие, нами примененное, ежели словами хотим выразить, то обыкновенно говорим, что сия вещь не есть оная или оная не есть сия. Итак, различие вещей не иначе мы изъясняем, как предложением отрицательным. Почему вид различительного силлогизма есть самый простейший и легчайший, т. е. в вещи, коей различие желаем показать, надлежит сыскать то, чего другая не имеет или что имеет другая, а нет в той. Различие тогда будет ясно. Порядок посылок и терминов, составляющих заключение, каков бы ни был, ясности не мешает.

Пример:

Всякое животное чувствует.

Никакое дерево не чувствует.

След. Никакое дерево не есть животное, или

Никакое животное не есть дерево...

§ 76. Способ сего умствования не подвержен ошибке, когда свойство, которым вещи, между собою спесенные, различествуют, очевидно, одной прилично, а другой противно.

Впрочем, из примеров явствует, что в сем силлогизме средний термин в посылках всегда занимает место сказуемого; а сему какая причина, то без трудности может понять тот, кто хотя несколько замечает, на чем основывается образец такового умозаключения.

В. Силлогизм показательный

§ 77. Вид сего силлогизма к тому служит, чтоб с помощью оного узнать, какова какая-либо вещь, что ей свойственно и что нет, т. е. чтоб помощью какого-либо примеченного в вещи свойства открыть, к какому классу вещей или роду оная вещь принадлежит, и что об оной можно говорить, поколику она состоит под известным классом. Итак, начало сего умствования есть классическое какое-либо понятие, с своею существенною принадлежностью (*attributum*) под кое классное понятие подводится другая идея, чтоб из сего

узнать сродство сей последней с принадлежностью класса или рода. На чем основывается сие правило: *что говорится о всех одного класса вещах, то говорится и о каждой из них*, поелику родовое свойство видов и нераздельных есть то же, что и самый род.

А отсюда происходит еще новое правило, т. е. *что прилично определению, то прилично также и определяемому*, поелику определение с определяемым, буде правильно, суть одно и то же (§ 65).

§ 78. Итак, способ такого силлогизма есть двоякий: один — *утвердительный*, а другой — *отрицательный*. В утвердительном, или положительном, приписываем какой-либо вещи свойство рода, или класса, поелику она в оном классе содержится; в отрицательном же о вещи, принадлежащей известному классу, что-либо отрицаем для того, что неприлично всему классному понятию. Итак, все составление сего силлогизма состоит в том, чтоб: 1) какую-либо вещь, о которой говорится, под свой класс подвести; 2) потом находить, что прилично роду и что нет; 3) что прилично роду, приписывать также и вещи, в оном содержащейся; что неприлично, то от нее отрицать. Из чего явствует: 1) что средний термин в сих силлогизмах составляет некоторое классическое понятие, а больший — какое-либо отвлеченное качественное в рассуждении оного (§ 31); 2) меньшее предложение всегда должно быть утвердительное, ибо иначе не было бы ясно, для чего классное свойство приписывается той вещи, которая к тому классу не принадлежит.

§ 79. Следуют здесь примеры, которыми лучше объяснится сказанное:

В образе положительном.

Всего вредного убежать должно.

Пороки вредны.

След. *Пороков убежать должно...*

* *
*

§ 80. В сей отрицательный образец показательного силлогизма можно превратить все силлогизмы разли-

чительные, так что силлогизм показательный равно способен для различения вещей, как и разделительный, напр. (§ 75):

Что не чувствует, не есть животное.

Дерево не чувствует.

След. Не есть животное.

* *
*

Кто не добр, тот не есть честный.

Но как N. N. не есть добр.

След. N. N. не есть честный.

Большее только предложение надобно превратить в равносильное отрицательное, как из примера видно.

§ 81. Когда мы таким образом умствуем, то не другое что делаем, как только какую-либо общую, или классическую, идею, разрешаем не ее простейшие характеры; потом всякую от такового разрешения происходящую новую идею приноровляем к вещи, под оным классом, или родом, заключающейся. Сие сколько в познании вещей полезно, явствует из того, что мы и недостаточны к рассматриванию каждой вещи порознь, и притом в сем трудном деле никак не можем отвлечь от себя взбивчивости и темпоты (§ 62). Итак, помощью умствований мы познаем общие и первоначальные свойства вещей, а помощью нашей способности различительной открываем видовые их отличия, естли вещи будут только что чувственные.

§ 82. Силлогизм показательный от предшествующего тем наипаче по наружности различается, что: 1) в том средний термин всегда бывает некоторое отвлеченное качественное, но в сем всегда бывает отвлеченное разрядное, или понятие классное; 2) в том средний термин всегда занимает в обеих посылках место сказуемого, в сем же в большой посылке бывает подлежащим, а в меньшей — сказуемым. Впрочем, и в сем, так же как и в предыдущем, без повреждения ясности меньшая посылка может предшествовать большей.

§ 83. Сложных умствований, или силлогизмов, два наипаче находится рода, т. е. условный и разделительный, ибо соединительное предложение, или состоящее из двух или более подлежащих или сказуемых в силлогизмах почитается простым и термины, составляющие какую-либо часть одного, берутся все вместе и потому имеют силу одного, для того что не могут быть разделены в выводимом из посылок заключении (§ 72). К сложным тако ж силлогизмам, которые лучше *составными* (complexi) называть надлежит, относятся и те, которые составлены из многих силлогизмов и которые на оные могут быть разрешены, каковые суть *дилемма*, *сорит* и *эпихерема*. Об каждом из них здесь предложено будет порознь.

I. Силлогизм условный

§ 84. Силлогизм *условный* (hypotheticus) есть тот, в котором большая посылка есть предложение условное; для того правила одного основываются на свойстве условного суждения. В таковом суждении или предложении часть, заключающая в себе условие, называется *предыдущее* (antecedens), а другая, в которой по причине такового условия нечто говорится, называется *последующее* (consequens), а связь между обеими — *последствием* (consequentia). Итак, последующее тогда имеет место, когда справедливо предыдущее, потому что из одного следует; ежели же последующее отвергается, то и предыдущее не может иметь места, ибо отсутствие *предполагаемого* (principiatum) предполагает отсутствие самого предположения и предполагаемое же в рассуждении предыдущего есть последующее, потому что по предположению одного только допускается. Итак, в силлогизме условном способ заключения бывает двоякого рода: 1) *нисходящий*, когда от утверждения предыдущего, т. е. условия, утверждается последующее; 2) *восходящий*, ежели по причине отрицания последующего отрицается предыдущее. Говоря короче, *уступив предыдущее, уступить надле-*

жит и последующее, и, отвергнув последующее, отвергать должно и предыдущее...

§ 85. Чтоб силлогизм условный был справедлив, то требуется: 1) чтоб последствие большего предложения точно было справедливо; 2) чтобы заключение выводимо было правильно, т. е. по образцу вышепоказанному. Ложное же или весьма сомнительное заключение в оном бывает: 1) ежели последствие большей посылки темно или сомнительно; 2) ежели заключение неправильно выведено будет, т. е. ежели от отрицания условия к отрицанию положения и от утверждения положения к утверждению условия заключается, ибо нередко бывает, что последующее зависит от другого предыдущего, а не от того, которое предполагается, и в сем случае от отрицания предыдущего к отрицанию последующего и от уступления последующего к уступлению предыдущего заключение не совместно. Однако ж и таким образом можно заключать, когда условие и самое положение необходимую имеют между собою связь, что из перемены большей посылки на отрицательное тождественное предложение ясно видеть можно, напр.:

1. По образцу нисходящему.

Ежели он красноречив, то говорит ясно,

Но он не красноречив; след. говорит не ясно.

В сем силлогизме заключение неправильно потому, что большее предложение, переменено будучи в противное, т. е. *Ежели не красноречив, то неясно говорит*, есть ложно, и, напротив, *Ежели он преступник, то по праву наказывается; но он не есть преступник; след. недостойно наказуется*. Сие заключение справедливо, потому что большее предложение, перемененное в противное, т. е. *Ежели он не преступник, то не по праву наказывается*, есть справедливо...

II. Силлогизм разделительный

§ 87. Силлогизм разделительный есть тот, в котором большая посылка есть предложение разделительное, т. е. в котором или подлежащее, или сказуемое состоит из нескольких терминов, между собою проти-

воположенных и из коих по утверждении одного отрицать надлежит другой и по отрицании одного другой утверждается.

Правила оного суть: 1) чтоб полное было исчисление членов разделения, а в противном случае, когда какой-либо член будет опущен, то умствование сомнительно или еще ложно; 2) чтобы оные члены были между собою противоположны, так чтоб вместе стоять не могли, в противном случае не можно бы было делать заключения от утверждения одного к отрицанию другого.

Образец сего силлогизма есть следующий:

Мудрость для человека есть или необходима, или излишня.

Но она необходима,

След. *Не есть излишня.* Или:

Но не есть излишня.

След. *Необходима.*

Откуда явствует, что еслили меньшая посылка будет утвердительная, то заключение должно быть отрицательное, и обратно.

Но не можно таким образом:

Душа есть тело, или машина, поелику члены раздельные между собою не противоположны и не противоречат.

Или так:

Сей человек есть или юноша, или старик и проч.

Ибо здесь недостает нескольких необходимых членов. Человек может не быть и юношею и стариком, т. е. быть совершеннолетним или младенцем.

§ 88. Иногда выражается бо́льшая посылка сего силлогизма образом соединительным...

III. Дилемма

§ 89. Дилемма есть такой силлогизм, в котором бо́льшая посылка в рассуждении своего сказуемого есть предложение разделительное, в меньшей посылке перечисляются члены разделения с последствиями, оттуда выведенными, которые, однако ж, должны быть между собою сходны, так чтобы из каждого в особенности следовало то же самое заключение, которое

служит или подтверждением, или опровержением предыдущего. Если большая посылка в последующем состоит из трех разделительных членов, то силлогизм называется *трилеммой*, если из четырех — *тетралеммой* и так далее. Чтоб в дилемме было заключение справедливо и ясно, то требуется: 1) чтобы в последующем большой посылки было полное исчисление членов разделительных; 2) чтобы в меньшем из каждого члена выводимы были правильные и ясные последствия и которые бы были между собою согласны. Сей силлогизм также называется *крокодильским*, по одной басне о крокодиле, также неизбежным, потому что противник, за какой член ни возьмется, все будет опровергнут.

Примеч. Впрочем, должно заметить, что все наши повсемственные суждения, ежели рассмотреть, каким образом мы их приобрели, суть не что иное, как наведение; и наводительный образ умствования есть такой, на котором основывается вся почти система человеческих познаний. Ибо мы только нераздельные знаем, а повсемственные суждения сами образуем посредством отвлечения от нераздельных...

IV. Умствование аналогическое

§ 96. Аналогически умствуем мы тогда, когда какой-либо вещи приписываем что-либо или по ее известному нам с другою вещию сходству, или по противоположности. Основывается же оно на следующих началах, выведенных из опыта и наблюдения: 1) *сходных вещей сходны природа и свойство*; 2) *противоположенные вещи имеют и противные между собою качества*; 3) *подобные обстоятельства подобное предвещают состояние вещи*; 4) *подобные причины производят подобное следствие*.

Представим на сие примеры

1. *Земля и Юпитер суть планеты.*

Земля определена для населения животных.

След., и Юпитер к тому же концу предопределен.

А посему правдоподобно, что и в нем находятся животные...

§ 97. Легко понять можно, что все суждения такого рода, ежели рассматривать их порознь, весьма мало имеют силы к утверждению, буде не присоединятся к ним другие многие, взятые из естества или отношений вещи, ибо весьма часто малейшее различие в вещах или их отношениях производит совсем другие последствия в рассуждении тех, коих ожидали мы посредством аналогии. А посему в аналогических доводах должно наблюдать величайшее благоразумие, дабы мы, рассуждая по подобию, не приписали вещам того, что им не прилично по причине некоторого различия, нам или совсем, или мало известного. Но ежели все аналогические суждения между собою сходны и ничто их не опровергает, то познанное нами помощью оных должно почитать за истинное и несомнительное столько же, как что мы или сами испытали, или категорически познали, ибо сомневаться без причины — доказывает человека или очень боязливого, или чрезмерно надменного. Здравомыслящий никак не решится отвергать того, что подтверждается весьма многими доводами и что ничем не опровергается.

*Заключения непосредственные
или явные последствия*

§ 98. Непосредственные заключения суть такого рода предложения, которые из других сами по себе, без всякого искусственного мыслей соображения, следуют или из коих, допустив одно, никак нельзя не допустить и другого. Образ такого заключения имеет место:

1. В превращенных предложениях (§ 58), где от одного непосредственно можно заключить к другому.

2. В предложениях тождественных различного качества или из коих одно будет отрицательное, а другое утвердительное, напр.:

Всякий человек смертен.

След. Нет ни одного человека, который бы был бес-смертен.

4. В раздроблении определения, где идеи, составляющие определение, все приписываются определяемому.

5. Из одного также предложения частного выводится другое частное, или подпротивное...

ЛОГИКИ ЧАСТЬ ВТОРАЯ

О СРЕДСТВАХ И ЯСНОСТИ ПОЗНАНИЙ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ОБ ИСТИНЕ, ВЕРОЯТНОСТИ И ОБ РАЗЛИЧНЫХ СПОСОБАХ УДОСТОВЕРЕНИЯ

§ 99. Истина, как уже сказано (§ 15), состоит в сообразности мыслей или суждений наших с самыми предметами. Но в рассуждении сей сообразности мы различным образом бываем уверены, ибо: 1) иное предложение столь очевидно бывает справедливо, что никакое сомнение, никакое затруднение в оном места иметь не может, и такая истина называется *очевидною* (*evidens*); 2) иное предложение так же бывает ясно, но сопряжено с некоторыми затруднениями, которых мы решить не можем, которые, однако ж, для преимущественной силы резонов, в пользу того предложения служащих, за ничто почтены быть должны, таковая истина называется *достоверною* (*certa*); 3) иное предложение бывает такого свойства, что мы несравненно более имеем резонов оное допустить, нежели отвергать, и таковое называется *вероятным* (*probabilis*); 4) иное таково, что мы хотя и никаких не имеем резонов отвергать оное, но мало и таких, которые бы принять оное нас заставляли, таковое предложение есть правдоподобное (*verosimilis*); 5) наконец, есть такие *сомнительные* предложения, что мы равное имеем право как допускать их, так и отвергать. Прочие же, которые еще менее имеют резонов в свою пользу, а больше противных, суть вообще *невероятные* или *ложные*.

§ 100. Итак, истина бывает или очевидная, или достоверная, а наши об вещах суждения бывают или

справедливые, или ложные, несомнительные или вероятные, правдоподобные или сомнительные. Но между множеством предметов нашего познания очень немного таких, кои знаем мы точно или очевидно, о большей части можем судить только по одной достоверности, об очень многих — по вероятности или правдоподобию, а об иных суждения свои должны останавливать, то есть ни утверждать, ничего не отрицать, доколе не откроется к чему-либо достаточных резонов, что значит благоразумным образом *сомневаться*. Почему любителю истины, остерегающемуся заблуждений, очень нужно знать, чему и сколько должен он верить и на каких началах уверение свое основывать. Сим образом он по крайней мере ту выгоду приобретет, что, невозможши снискать довольно ясного познания некоторых вещей, не будет в них ошибаться. Выгода очень немаловажная!

§ 101. Для того, прежде нежели мы приступим к показанию способов, посредством коих можем мы справедливое спискивать понятие о вещах, следует наперед предложить, на чем мы обыкновенно основываем свое уверение, и, показав разные виды таковых уверений и их силу, рассмотреть различную их важность и приспособление. Уверяемся же мы об истине или действительности чего-либо: 1) посредством *внутреннего нашего чувства, или сознания*; 2) посредством *чувств внешних*; 3) посредством *раздробления идей и соображения оных*; 4) посредством *очевидной нелепости* противного положения и, наконец, 5) посредством *свидетельства других* людей, которым мы должны верить. Рассмотрением чего и займемся в следующих отделениях.

Член первый. О удостоверении чувства внутреннего

§ 102. Посредством внутреннего нашего чувства, или собственного сознания нашей души (§ 16), удостоверяемся мы как о бытии нас самих, так и о действительности того, [что] в нас или с нами происходит. Следовательно, о действительности наших чувствований или понятий, хотений, наклоностей, наших действий или перемен, хотя бы они относились к телу, хотя бы к

душе, уверяемся мы сами чрез себя, т. е. чрез то души нашей сознание (conscientia), по которому мы сами себя ощущаем. И отрицать верность такового удостоверения значило бы то же, что отрицать верность удостоверения о бытии собственном нашем, т. е. сомневаться о бытии самих себя. Из чего видно, что свидетельство внутреннего чувства есть первоначальный и надежнейший источник всякого удостоверения о том, что собственно до нас принадлежит.

§ 103. Но, несмотря на то, сие свидетельство часто бывает подозрительно, ибо: 1) одарены будучи способностью воображения и притом имея слабость забвения, часто действительные чувствования смешиваем с воображениями и о том, что некогда только живо воображали, говорим, что подлинно чувствовали, и напротив; 2) в энтузиастическом, или надмеру страстном, положении духа люди часто предметы своего желания или отвращения действительно видят, хотя оных и нет совсем или есть, но вовсе не таковые; 3) во всех болезнях, сопровождаемых с сумасшествием или продолжительным бредом, тако ж являются нам предметы, коих вовсе нет, и, однако ж, что мы их подлинно чувствовали или видели, о том удостоверяемся внутренним сознанием. Итак, иногда и в том, что в нас происходит, недостаточно бывает удостоверение внутреннего нашего чувства.

§ 104. Однако ж по сей причине еще нельзя отвергать его годности и употребительности. Ибо все сии случаи только показывают, что не совсем слепо на его полагаться должны и что душа наша иногда бывает подвержена таким слабостям и припадкам, в которых она сама себя, так сказать, забывает, а занимается единственно предметами своего воображения, представляющимися ей по законам оного (§ 26). Обман первого случая совершенно может быть истреблен свидетельством других людей, вместе бывших, и сличением обстоятельств. В случае энтузиазма пособлять нечем. Оный есть род некоторого сумасшествия, и мы свои дурачества любим, равно как и самих себя, и не хотим с ними расстаться. Однако ж обманчивости оного проходят как скоро простынет энтузиазм или потому, что

иступленник сам наконец усматривает смешные и несбыточные свои бреды или другие нелепость оных благоразумным образом ему покажут. Что ж касается до сумасшествия, то мечты, бывающие в оном, нимало не ослабляют важности внутреннего удостоверения. На оное всегда может полагаться человек, находящийся в здравом рассудке и в спокойном положении духа, а для подвергнувшихся повреждению рассудка всякая логика бесполезна, и, несмотря на их уверения о действительности их мечтаний, ни один умный человек им не поверит.

§ 105. Итак, внутреннее уверение о действительности с нами случившегося не подлежит никакому сомнению: 1) когда нами сличены будут все тогдашние обстоятельства; 2) когда с собственным нашим сознанием согласны будут показания присутствовавших тогда, как скоро дело могло другими быть примечено, разумеется, что сие нужно только в случае сомнительности; 3) когда мы в то время никакую жестокою и душу возмущающею страстию объаты не были; 4) когда точно можем быть уверены, что тогда находились в положении здоровом и спокойном. Обманчивость внутреннего удостоверения называется у логиков обманом *ложного чувствования* (*vitium subreptionis*). Она сверх вышепоказанных причин тако ж происходит от торопливости нашей в чувствовании, от желания пристрастного увидеть что-либо, от недостатка самого чувствования, который силится мы дополнить из нашего воображения.

Член второй. О удостоверении чувств внешних

§ 106. Чувство внутреннее удостоверяет нас о действительности того, что с нами или в нас происходит; чувства внешние удостоверяют о бытии вещей, вне нас находящихся, и показывают нам качества оных. Чувства внешние находятся в известных органах нашего тела, перемены в коих, происходящие от действия внешних предметов и ощущаемые чувством внутренним, доставляют нам об сих предметах сведение. И хотя о действительности того, что чувствуем, обыкновенный

здравый человеческий рассудок отнюдь не сомневается, но некоторые философы, скептиками именуемые (за то, что обо всем силятся сомневаться), утверждают, что наши внешние чувствования не могут нас уверять о бытии внешних предметов, а еще менее об их подлинных качествах. Итак, следует теперь рассмотреть и то и другое.

§ 107. Перемены, в чувственных наших органах происходящие и созерцаемые душою, не могут происходить ни от самой души, ни от устройства наших чувств, ибо: 1) представления, собственно в душе бывающие, последуют одно за другим по закону воображения (§ 26); но в порядке чувствований внешних сей закон всегда почти нарушается, как видно из опыта. И притом мы, имея сознание внутреннее, не могли бы никакого делать различия между идеями, собственно от души нашей возбужденными, и между полученными от вне и впечатлевающимися в наше воображение часто поневоле, что, однако ж, бывает напротив; 2) не могут тако ж происходить сии ощущения от устройства самих чувственных органов, ибо одно устройство не предполагает еще никаких перемен в орудии, а только одну способность (*Empfänglichkeit*) к восприятию оных; сверх того, из одного орудного устройства никак не можно изъяснить столь многоразличных, столь разнообразно последующих друг за другом и столь часто себе противоположных перемен, каковы мы в своих чувственных органах можем приметить. Итак, остается, чтоб чувствования внешние происходили от действия внешних же вещей, чувственные наши органы известным образом раздражающих. Следовательно, чувствования внешние неоспоримо доказывают и бытие чувственных предметов, или тел.

§ 108. «Но точно ли внешние чувства представляют нам вещи таковыми, каковы они сами в себе суть?» Вот вопрос, который подлежит великим затруднениям, ибо: 1) часто примечается, что от устройства наших чувств зависит, в каковом виде вещи нам представляются. Примером сему служить могут все болезни и различные состояния чувственных органов; 2) раздражения, от внешних вещей производимые, суть только действия

сих на последние; и можно ли от действия заключать сполна о свойстве вещи действующей, в образе своем несколько зависит и от устройства и от состояния самих органов?

§ 109. Чтоб выдти из замешательства при таковых затруднениях, то надлежит нам припомнить, что чувства наши назначены для того, дабы посредством оных могли мы получать о внешних вещах сведение. Посему оные от натуры и устроены быть должныствуют сообразно сему намерению. Но как устроены они у всех почти людей одинаковым образом (не говоря о повреждении), то явствует, что таковое их устройство было сообразно с их назначением и что если бы они устроены были иначе, то б мы не могли посредством чувств получать таких сведений о вещах, кои бы могли употреблять в свою пользу. Таким образом, если бы наше зрение и слух были острее, то б мы не имели никакого понятия о красоте видов и приятности музыки и, следовательно, так как человеки, лишены бы были немаловажной части своих удовольствий. После сего можно теперь поставить за истинное, *что чувства представляют нам вещи точно так, как они представлять их должны*, судя по тому состоянию, в каковом вообще все мы, люди, находимся, и что сама природа определила, чтоб они представляли нам вещи таким, а не другим образом. Но за сие мы не можем знать вещей, каковы они сами в себе суть. Какая в том нужда, когда знать можем их так, что знание свое можем употреблять в свою пользу? Ето только показывает, что представление вещей иное, нежели как обыкновенно у нас бывает, было для нашего состояния несовместно, несообразно и для нас бесполезно и даже вредно. Сверх всего, и в тех редких случаях, когда нам потребно бывает подробнее обыкновенного ведать внешние вещи, мы можем чувства свои вооружить, можем принять в помощь свой рассудок и сим образом наградить чувств наших недостаток.

§ 110. Но между тем не можно думать, чтоб чувства во всем переиначивали предметы. Они только представляют нам оные в виде слитном, или смешанном, которая, однако ж, слитность при вооружении

чувств и при употреблении рассудка уменьшается или совсем почти пропадает. Что ж касается до главного и общего свойства всех чувственных предметов, то оное совсем пребывает неизменно, ибо относительная величина, фигура внешняя, упорность тел и их вещественность наблюдаются нами не по устройению наших чувств, но по тому, что тела суть таковы. И притом никакого резона не видно, почему бы от природы определено было, чтоб тела представлялись нам совсем в превратном виде. Итак, можно принять за истинное, *что чувства представляют нам предметы столько, сколько для нас нужно, и со столькими качествами, скольких познание для нас потребно.* Для сего хотя и можно допустить, что мы внутренних и всех качеств вещества не знаем посредством чувств, однако ж знаем оное столько, сколько нужно для нашего употребления и для отличительного и верного об вещественных предметах понятия.

§ 111. Что касается до второго возражения, т. е. что от действия предметов на чувства не можно заключать сполна о свойствах оных, то сие справедливо. Но поелику мы уже уступили, что мы естество вещества, или тел, знать можем не совершенно, но только частию, то справедливо будет тако ж и то, что от действий тел, нам известных и ощутительных, мы можем заключать и о свойствах оных, от которых таковые действия происходить должны. Да, впрочем, от чувств не можно требовать, чтоб они показывали нам тела так, как они сами в себе суть, когда мы со всем своим рассудком никакой вещи более знать не можем, как столько, сколько показывают нам оную обнаруживающиеся ее действия или перемены.

§ 112. Сцептики, а наипаче новейшие, утверждают, что «чувства никакого не доставляют нам надежного сведения о бытии и о свойствах тел, для того что мы не знаем, каким образом и почему чувствуем, потому что образ действия предметов на чувства и образ отношения чувств наружных к чувству внутреннему нам неизвестен». На сие ответствуется: мы тако ж неизвестны, каким образом мы можем помнить и забывать, почему можем мыслить, почему имеем такие способно-

сти, а не другие, однако ж о бытии оных в нас нимало не сомневаемся, потому что наше внутреннее чувство нас о том уверяет, что мы ощущаем внешние предметы и что сих ощущений причиною не сами мы. Для того о бытии и состоянии оных, по крайней мере чувствуем, сомневаться не следует.

§ 113. При всем том чувства нас иногда действительно обманывают, т. е. представляют нам вещи иначе, нежели каковы они в самом деле. Но сие происходит не оттого, что они с тем устроены, чтоб нас обманывать, но что мы или не надлежащим образом их употребляем, или более надлежащего им доверяем. Почему нужно предложить в предосторожность некоторые замечания о правильном употреблении чувств и о потребностях верного чувствования.

1. Чтоб мы могли хорошо ощущать предметы, для сего требуется:

1. Чтоб чувства были здоровые и неповрежденные.

2. Чтоб находились в настоящем состоянии от предметов.

3. Чтоб не было какого-либо препятствия для ощущения предметов надлежащим образом.

II. В рассуждении правильного употребления чувств надлежит заметить:

1. Когда можно, то на один предмет употреблять разные чувства.

2. Не вдруг делать заключение о свойствах предмета, но наперед рассудить, ибо часто случается, что наружный вид тел не соответствует их составу.

3. Для того в рассуждении внутренних качеств чувствуемых предметов не полагаться на одно показание чувств, но делать приличные опыты и из оных выводить осторожные последствия.

Член третий. О удостоверении посредством раздробления идей и соображения оных

§ 114. Посредством соображения (synthesis) идей, означающих главные качества какой-либо вещи, удостоверяемся мы о возможности оной или невозможности. Посредством раздробления оных удостоверяемся

о вторичных качествах вещей, происходящих от качеств первоначальных. Наконец, посредством раздробления и соображения идей вместе уверяемся о качествах, находящихся в вещи, или положительных, или о качествах оные отрицательных. Посему о всех сих родах удостоверения теперь предложим.

§ 115. Два какие-либо свойства, друг другу противоборствующие, по необходимости должны друг друга истребить, будучи вместе; в сем уверить нас может рассуждение, подкрепляемое всегдашним опытом. Итак, те мнимые вещи, которые содержат в себе качества, прямо противоположенные одно другому или противоборствующие между собою, должны, без всякого сомнения, почитаться невозможными. А напротив того, все те, коих качества между собою не противоборствуют и друг друга не истребляют, должны быть приняты быть за возможные. Если б кто в справедливости сего вздумал усумниться, для удостоверения такого можно сослаться на собственное его чувство внутреннее и чувства наружные, или повседневный его опыт.

§ 116. Итак, положив сие за неоспоримое, приступим к рассмотрению того, можем ли мы точно удостоверяться посредством раздробления идей, составляющих первоначальные качества вещи? Во всех вещах приметны два рода существенных качеств: одни первоначальные, а другие от сих происходящие или по необходимости из них следующие (§ 64). Посему от первоначального качества вещи столь же можно делать заключения и обо всех следующих из одного, как можем мы заключать от рода об виде, от целого об частях. Таковые заключения всегда суть тождественны (§ 55) с своим главным началом, ибо говорить, что человек одарен способностью сообщать свои мысли, рассуждать, помнить прошедшее и думать о будущем, — значит то же, что сказать, что он одарен способностью разума, потому что разум заключает в понятии своем все сии различные способности. И потому, раздробляя главную идею на заключающиеся в ней и сии на другие, всегда можем мы делать заключения от первоначальных вещей качеств ко вторичным; и все

таковые заключения будут справедливы, потому что будут тождественны с своим началом, или с предложением, изъясняющим какое-либо первоначальное свойство вещи. Впрочем, нельзя не заметить, что вся верность таковых умозаключений зависит от справедливого раздробления качеств первоначальных на включающиеся в оных. В противном случае ошибка будет неизбежна; и мы, когда в раздроблении главной идеи на составные, хотя примешаем одно понятие, в состав главного не по необходимости входящие, то непременно должны будем приписать той вещи множество таких свойств, которых она отнюдь не имеет.

§ 117. Посредством соображения идей и раздробления оных, бывающего вместе, открывается еще третий вид идеального удостоверения, именно ж: 1) от примеченных в какой-либо вещи внешних качеств уверяемся о качествах ее первоначальных и внутренних, оными предполагаемых; 2) соображая открытые в какой-либо вещи качества с разными принадлежностями вещей, отвлеченно и особенно взятыми, уверяемся о совместности в вещи некоторых из них и об несовместимости других, т. е. об случайностях вещи возможных и о принадлежностях оные отрицательных. Первое бывает следующим образом: мы примечаем в вещи какой-либо качество, которое сомневаемся почтеть за первоначальное и которое, однако ж, есть неизъяснимо из первоначальных свойств той вещи, нам известных. В таком случае пытаемся в прибавок к оным приписывать ей порознь новые какие-либо свойства и с каждым из них соображаем то примеченное нами и дотоле неизъясняемое качество. Сие продолжаем до тех пор, пока не найдем такого, из которого оное качество естественным и очевидным образом следует. Из чего видно, что тогда мы умствуем силлогизмом разделительным, с тою только разностию, что здесь заключение полную свою силу имеет не от отрицания прочих членов (§ 87), но вместе и от утверждения, и притом с преимущественною ясностию, оставшегося.

§ 118. Из чего видно, что верность такового умоза-

ключения зависит: 1) от достаточного и верного понятия первоначальных известных нам свойств вещи; 2) от правильного приурочения к оным, открытого нами, о котором дело идет, ее качества; 3) от возможно полного собрания подположительно приписываемых к вещи в прибавок к прежним новых свойств и от достаточного и верного об каждой из них понятия и 4) от преимущественно очевидной сообразности того качества с одним каким-либо из оных подположительно приписываемых той вещи свойств. Само по себе явствует, сколь трудно удовлетворить всем таковым требованиям и сколь легко в чем-нибудь ошибиться. Почему и не удивительно, что ученые, в общих началах будучи согласны, столь часто несогласны бывают в последствиях, ибо в таковом умозаключении одна ошибка, нарочно или ненарочно сделанная, по необходимости долженствует за собою вести многие другие. Для чего великая потребна осторожность и крайнее медление, чтоб не сделать никакой ошибки в таком умствовании и чтоб сделать оное верным, по крайней мере в смысле отрицательном.

§ 119. Второй способ умозаключения по раздроблению и соображению идей, вместе бывающему (§ 117), гораздо проще и вернее предыдущего, ибо весь он основывается на внутренней идее сообразности или противоположности (§ 115). Почему, открыв в вещи какие-либо качества, хотя б то были первоначальные, хотя б вторичные, и соображая с оными какие-либо принадлежности вещей, отвлеченно и особенно взятые, тотчас можно видеть совместность их или несовместность с оными рассматриваемыми нами вещи качествами; а посему и смело можно утверждать, возможны ли оные для той вещи или нет, ибо было бы очевидное противоречие утверждать, что может вещь иметь некоторые принадлежности, противоречащие хотя каким-либо ее свойствам. Впрочем, поелику здесь дело идет об одной только возможности, то еще отнюдь не можно заключать от совместности в вещи некоторых принадлежностей, о действительном их в оном присутствии. Для сего потребны другие основания, как, наприм., опыты, или идеальное удостоверение (§ 116).

**Член четвертый. О удостоверении,
основывающемся на очевидной нелепости противного
положения**

§ 120. Два предложения, совершенно противоположные между собою, никак не могут быть вместе справедливы (§ 56), ибо одно всегда есть опровержение другого. Впрочем, не могут быть также и ложны, ибо из двух неизбежных крайностей по необходимости надлежит принять одну, а другую отвергнуть. В сем удостоверяет нас внутреннее наше чувство, или способность наша различать предметы наших мыслей. Итак, когда будет очевидно показана нелепость последствий, из какого-либо предложения по необходимости выводимых посредством разрешения главных идей, оное составляющих (§ 116), или посредством противоположения оного с другими истинами, нами уже дознанными и несомнительными, в таковом случае оное предложение остается ложным, а противоположенное ему — истинным, несмотря на то, хотя бы мы неосновательность первого и справедливость последнего никак не могли доказать ни опытами, ни идеальными какими-либо доводами (§ 114—119), ибо невообразимо и противоречиво, чтоб из истинного предложения могли естественно следовать нелепые и явно сами по себе ложные последствия.

§ 121. Сколь таковой род умозаключения ни есть естествен и сколь ни ясен, но и оный подвержен бывает часто ошибкам, ибо вся верность оного зависит от правильности выводимых последствий и от необходимости их последования, а мы, напротив того, нарочно или ненарочно, поставляем часто за необходимое последствие то, что отнюдь не может из рассматриваемого предложения следовать. Следовательно, на верность сего заключения только тогда можно полагаться, когда мы можем себя уверить, что в оном соблюдены все правила истинного удостоверения и все оного потребности, в предыдущих отделениях показанные.

§ 122. Могли уже, кажется, видеть, что достоверность умозаключений посредством соображения и раздробления идей и посредством нелепости, естественно

следующей из какого-либо ложного предложения, вся основана на верности и справедливости понятий наших повсеместных или отвлеченных. Но некоторые противу оных замечают: «1) что они повсемственными произвольно почитаются, не более будучи как только частными, для того что только некоторые вещи нам известны, а не все; 2) что они, будучи отвлеченными, никакого подлинника у себя не имеют и, следовательно, от них к вещам особенным никакого заключения правильно делать не можно». Дабы не лишиться сей столь важной части удостоверения, надлежит рассмотреть силу и важность таковых возражений.

§ 123. То правда, что мы всех вещей не знаем и знать не можем, по из сего не следует, чтоб не могли иметь прямо повсемственных или общих понятий. Для сего надлежит рассмотреть, каким образом мы таковые понятия или предложения списываем. Сие же бывает: 1) от опытного наблюдения многих вещей, в коих, примечая мы общее свойство, делаем из того общее об них понятие; 2) от соображения такового их общего свойства с разными принадлежностями вещей, отвлеченно взятыми (§ 115), в каком случае иные из них находим совместными, а другие напротив; 3) от вывождения из таковых понятий или предложений естественно выходящих последствий (§ 120). Для того о справедливости таковых повсемственных предложений удостоверяет нас опыт и внутренняя идей сообразность; и мы только в том смысле признаем оные повсемственными, в каком заставляет признать их таковыми опыт или необходимое умозаключение. Посему справедливыми повсемственными понятиями и предложениями должны почтеться все те, кои утверждены на опыте и правильном умозаключении и в коих без противоречия не можно сделать никакого исключения. Сверх сего, надобно заметить и то, что если б все повсемственные понятия были подозрительны, то б не была возможна никакая наука, никакое знание.

§ 124. Что касается до второго возражения, что все отвлеченные понятия никакого у себя подлинника не имеют, то и оное несправедливо, ибо подлинником оных суть все те вещи, от коих они отвлечены. Следовательно

но, раздробляя какое либо отвлеченное понятие, или общее свойство вещей и выводя из того последствия, можем оные приноровлять ко всем особенным вещам, под тем общим понятием заключающимся.

§ 125. Есть еще третий род понятий, которые, не будучи чувственными, не могут, однако ж, почестся и отвлеченными, потому что приобретаются посредством сравнительного умозаключения. Сии понятия называть можем мы *разумными* (*ratiocinando acquisitae*). Оные приобретаем мы следующим образом. Приметив в вещах какую-либо принадлежность и раздробляя оную, принаравляем со всеми оттуда происходящими последствиями к существенным свойствам тех вещей. И когда видим, что сия принадлежность не только из их свойств не следует, но и прямо им противоположна, то заключаем, что она не к ним принадлежит, но относится прямо к какой-либо вещи, со всем особенное от оных свойство имеющей. Почему посредством противоположения образуем себе понятие о сей вещи, которое в рассуждении сравнения его с теми вещами будет отрицательное, а в рассуждении принадлежности, ему приписанной,— утвердительное. Таковы суть вообще понятия о существах простых или бестелесных. Поелику оные снискиваются по необходимости правильного умозаключения, то нельзя их не почитать верными, но притом надлежит помнить, что мы не далее об них можем простираť свои умозаключения, как сколько руководит к тому нас опыт и извлеченные из оного необходимые последствия (§ 116—117). В чем, однако ж, ученые очень много погрешают.

Член пятый. О удостоверении посредством свидетельства других

§ 126. Круг наших познаний был бы очень ограничен, если бы мы знали только то, что чувствовали или до чего дошли сами собственным своим рассуждением. Судя по обстоятельствам, в которых мы находимся, многие познания по необходимости должны заимствовать от других. Сие бывает тогда, ког-

да мы другим, о правдивости коих не имеем причины сомневаться, верим в рассуждении повествуемого ими; и вера (*fides*) вообще есть признание за истину чего-либо по причине свидетельства о том другого. Впрочем, заметить надобно, что верить можно по причине свидетельства других только тому, что чувствам одним подвержено и чего, однако ж, мы чувствовать или не могли, или не можем.

§ 127. Чтоб уверение по причине свидетельства других было полное, то требуется: 1) чтобы число свидетелей, судя по сличению обстоятельств, было достаточное; 2) чтоб свидетели были достойные вероятия, т. е. чтоб мы об них могли быть уверены, что они ни же хотели нас обмануть, ни же сами в повествуемом ими деле обманывались; 3) чтоб свидетельства их были постоянны, т. е. чтоб сами себе и между собою не противоречили в важнейших статьях повествуемого ими дела; 4) чтоб противные свидетельства, естли какие случатся, не имели такой важности, чтобы понизить или презреть первые; 5) наконец, и наипаче, чтоб повествуемое дело было само в себе возможно и чтоб для познания оного требовалось не более как употребление одних только чувств.

§ 128. Не говоря об особенных и ближайших признаках верных свидетелей и верности повествуемого ими дела (о чем предложено будет ниже, § 214), надлежит рассмотреть, можем ли мы еще свидетельству других верить и на оное полагаться? Не только можем, но и должны благоразумным образом, ибо: 1) если бы совсем отвергать удостоверение по причине свидетельства других, то б не можно было иметь никакого познания о премногих предметах, для сведения нашего необходимо нужных и которых, однако ж, никоим образом знать мы не можем, как только по свидетельству других; 2) в таком случае надлежало бы расторгнуть-ся всей связи общежития и сообщения между людьми, без чего, однако ж, ни один человек обойтись не может; 3) для чего б люди одарены были способностью сообщать свои мысли и сведения один другому, если б не долженствовали один другому верить; 4) если мы требуем, чтобы верили другие нам, то очень бы неспра-

ведливо было без основательных и довольных резонов не верить другим.

§ 129. Но, несмотря на сие, против уверения по причине свидетельства других возражают: 1) «что всякий свидетель, порознь взятый, может в свидетельствуемом им деле обмануться; 2) что всякий может солгать; потому и общее всех их свидетельство еще подозрительно и не довольно для точного удостоверения». Ответствуется: 1) таковая обманчивость происходить может только от обманчивого чувствования (§ 105). Но можно ли допустить, чтобы несколько человек в чувствовании одного дела все одинаким образом обманулись, когда по необходимости у каждого во время чувствования и обстоятельства были разные и внимание, и расположение духа к вероимству; 2) чтоб несколько человек все сообща могли в каком-либо деле обманывать, для сего потребно, чтоб они все в том между собою согласились. Но падобно для сего довольные и ясные резоны, чтоб всех их, не нарушая справедливости, подозревать в том было можно. Сверх того, заговор между многими, даже между двумя, долгое время таиться не может, в чем нас уверяет не только опыт, но и рассматривание склонностей человеческих. Единогласное свидетельство многих еще тогда паче бывает неподозрительно, когда известно, что от повествования своего никакой прибыли они получить себе не могли и не чаяли. Заметить, впрочем, здесь надобно, что два человека об одном и том же деле всегда рассказывают разными словами, потому естли б оно было ложное, то б не только в словах своих стали различествовать, но и в самих главных обстоятельствах.

§ 130. «Но иногда и единогласное свидетельство целого народа никакого не заслуживает вероятия?» Конечно, сие бывает, но когда недостает других потребностей к удостоверению по причине общего свидетельства, т. е. когда или повествуемая вещь прямо сама в себе невозможна, или для познания своего требовала более, нежели употребления одних только чувств, или когда известно, что целый народ о чем-либо свидетельствует по предугверению, или пристрастию к повествуемому делу, или, наконец, когда есть какие-либо другие

немаловажные резоны сомневаться об достоверности общего народного свидетельства.

§ 131. Удостоверение, снискиваемое посредством чувств, как внутреннего, так и внешних, называется *опытным* (certitudo sensus s. experientiae); удостоверение посредством соображения и раздробления идей — *идеальным* или *метафизическим*; посредством выводимой нелепости из какого-либо предложения, доказывающей справедливость противоположенного оному, — *удостоверением от нелепости противного положения* (a consequentiis subpositi contrarii) и, наконец, удостоверение по причине свидетельства других — *удостоверением историческим* или *нравственным*.

ГЛАВА ВТОРАЯ

О ЗАБЛУЖДЕНИЯХ, ПРЕДРАССУДКАХ И ОБМАНЧИВОСТЯХ

Член первый. О причинах предрассудков

§ 132. Справедливому вещей познанию противоплагается ошибочное и ложное, которое вообще называется *заблуждением* или *предрассудком* (error s. praesudicium). Слово *предрассудок*, судя по этимологии, значит то же, что незрелое, необдуманное и неосновательное о чем-либо суждение. Таковых заблуждений находятся очень многие причины. Но они могут различаться между собою тем, что иные из них находятся в самом человеке погрешающем, а другие — вне его. Почему, во-первых, о причинах заблуждений, находящихся в человеке, предложим.

§ 133. Когда заблуждение начало свое имеет в самом заблуждающем человеке, то бывает или потому, что он сам расположен заблуждать и ошибаться, или для того, что он почему-либо не способен к познанию истины. Итак, надлежит увидеть причины того и другого, основываясь на опыте и наблюдении человеческих поступков.

А. Причины предрассудков в человеке

§ 134. Люди добровольно подвергают себя заблуждениям: 1) презирая точнейшее познание какого-либо

предмета (*ex despectu et arrogancia*), т. е. почитая его не стоящим того, чтобы много им заниматься, или почитая для себя постыдным стараться о обстоятельном оного познании, между тем же не хотя признаться и в незнании; 2) полагаясь на себя слишком (*ex nimia sibi confidentia*) и думая, что довольно уже то знают, что знают; 3) тайно опасаясь, чтоб ближайшее познание чего-либо не принесло им, сверх чаяния, какого неудовольствия (*ex tacito metu, a re plenius cognoscenda*); 4) предварительно желая, чтоб вещь наплась таковою, каковою им хочется (*ex singulari intentione ad rem tali modo percipiendam*), в каком случае воображение пособляет им обманываться, представляя вещи в ложных видах или со стороны только желаемой; 5) ленясь иметь довольное напряжение духа, для познания нужное (*ex negligencia*); 6) по сей причине не вникая сами в существо предмета и без разбора полагаясь на мнения других (*ex negligenci credulitate*). Примеров на все сии случаи в общежитии можно сыскать довольно.

§ 135. Из сего явствует, что первоначальный источник всех таковых заблуждений находится в самолюбии человеческого и лености. Почему и нет другого средства предохранить себя от оных, как, приступая к рассматриванию чего-либо, иметь чистосердечное и искреннее расположение непременно познать истину, какова б она ни была и чего б то для нас ни стоило, или признаваться в своем неведении. Но многие ли согласятся учинить такие жертвования и своему самолюбию, и склонности своей к покою?

§ 136. Неспособность человека к познанию какой-либо истины происходит: 1) от недостатка предварительных сведений, нужных к познанию той истины (*ex defectum praevisum cognitionum*). Таким образом, для простолюдинов всегда будет непонятно кругообращение Земли, возможность находить ее расстояние от Солнца и проч.; 2) от недостатка нужных к познанию пособий (*ex defectu adminiculorum*); 3) от тупости ума (*a stoliditate*); 4) от ветренности и рассеянности или возрасту, или сложению свойственной или приобретенной привычкою; 5) от укоренившихся каким-

либо образом или любимых предрассудков, препятствующих познанию той истины. Такие предрассудки суть: а) полученные в детстве; б) утверждаемые одобрением других; с) предрассудки возраста, секты, принятого мнения, наследственные, народные, предрассудки, к коим располагает самое состояние, в каком каждый человек находится, и происходящее от того пристрастие к каким-либо вещам; 6) от расположения духа, неспособного к вниканию в существо предмета, как-то: когда человек одержим бывает какою-либо страстью или когда внимание свое устремляет вдруг на многие предметы; 7) от нетерпеливости скорее узнать желаемое, в каковом случае поверхностные познания о вещи заступают у нас место основательных и 8) от недоверчивости к самому себе и излишнего уважения к другим, по которому мы рабским образом принуждаем себя согласоваться со мнением тех, кои нас или знатнее по чему-либо, или приобрели славу мужей опытных, умных и проницательных. Какие меры предпринимать для отвращения таковых заблуждений, из самого изложения причин оных видеть можно. Но вообще довольно затвердить для себя то общее правило, что не все справедливо, что справедливым почитается, так, напротив, и не все ложно, что надежнейшая дорога к сознанию истины есть благоразумное сомнение, продолжающееся дотоле, пока не будем иметь сильных и убедительных резонов отрицать что-либо или утверждать, и что, наконец, для точного познания чего-либо надобно себя приготовить и сделаться в состоянии достигать до познания истины.

В. Внешние причины предрассудков

§ 137. Внешние причины предрассудков находятся в каких-либо посторонних вещах, познание предметов некоторым образом определяющих, или в самых предметах, коих известное свойство заключает в себе трудность к точному их познанию и вместе удобность к заблуждению.

§ 138. Причины предрассудков, от посторонних вещей происходящие, суть: 1) препятствующие обстоя-

тельства времени; 2) места; 3) какие-либо вещи или люди, внимание наше, столь нужное к справедливому вещей познанию, совершенно воспящающие или 4) оное развлекающие или разделяющие на многие вдруг предметы; 5) всякого рода препятствия к справедливому вещи познанию; 6) мнимая непозволительность сомневаться об истине чего-либо и хладнокровно разыскивать справедливость дела. Кажется, не пужно здесь дальнего объяснения, какие меры принимать надлежит для избежания таковых опибок, ибо самые опых причины довольно то каждому показать могут, кто искренне желает познавать истину.

§ 139. Причины предрассудков, кроющихся в свойстве самого познаваемого предмета, суть: 1) трудность и сокровенность оного от наших изысканий; 2) великое оного с другими сходство, по которому их с ними смешиваем и поставляем за одно; 3) тесное его с другими соединение, по причине которого чуждые ему свойства поставляем за его собственные; 4) обманчивая и предубеждающая наружность познаваемого предмета, которою будучи обольщены, думаем, что действительно то находится в вещи, что с первого раза в оной нам показывается. Все таковые предрассудки не иначе можно отвратить, как терпеливым вниманием, недоверчивостию к самому себе и осторожным советованием с другими; 5) многих тако ж предрассудков причиною бывает неясность, неопределенность и обоюдность терминов, которыми мы выражаем свои мысли. Но о сем в своем месте (§ 44).

Член второй. Об обманчивых доводах, или паралогизмах

§ 140. Показав причины, от коих мы можем приводимы быть в заблуждение, следует теперь показать и те случаи и способы, посредством которых нас другие в заблуждение привести могут, а иногда и сами, неосторожно умствуя, ошибаемся. Здесь пет пужды приводить опибок, случающихся в понятиях наших и суждениях, ибо об них довольно заметить можно из сказанного выше. Надобно только предложить об обманчивостях умозаключений, которым мы или сами

подвергаемся, или в кои другие нас вводить могут. Все оные состоят в обманчивом умствовании; умствование же, или силлогизм, основывается на среднем термине (§ 70), который когда в посылках силлогизма бывает по своему значению различен, то и заключение не иначе может быть, как ложное (§ 72). Равным образом и тогда заключение долженствует быть ложное, когда вместо истинного среднего термина поставляется другой, который не может быть прямо средним термином, и который большего и меньшего не может надлежащим образом соединять между собою. Для того обманы в умствовании могут быть двоякие: 1-е, или состоящие в словах и, 2-е, в самой материи, т. е. или словесные, или вещественные.

§ 141. Обманы, заключающиеся в словах, суть: 1) обман *подобнонаименования* (aequivocationis) (§ 42), оный состоит в том, когда какой-либо термин силлогизма, а наипаче средний, в одной его части принимается в различном значении, нежели в другой (§ 72), напр.: *суеты бегать должно, но все на свете суета, следовательно, всего на свете бегать должно*. Разумеется, что в первой посылке *суета* значит излишние заботы и бесполезные, а во второй означаются вещи скоропреходящие и конечные; 2) обман *ложного соединения и разделения* (compositionis et divisionis), когда соединенно берется то, что справедливо только в смысле раздельном, и напротив, наприм.: *слепые видят, но слепые не имеют способности видеть, следов., неимеющие способности видеть видят*. Здесь первая посылка справедлива только в смысле раздельном, а, однако ж, берется в смысле соединительном...

§ 142. Обманы, состоящие в самой материи, суть: 1) обман *случайности* (fallacia accedentis), когда случайное что-либо в вещи берется за существенное, напр.: *все тела переменяют свое состояние, след., они имеют естественную к тому склонность*; 2) обман *мнимого довода* (petitio principii), когда что-либо доказывается тем, что само требует доказательств, напр.: *орудным телам не противна способность мыслить, потому что она происходит от орудного известного устроения*; 3) обман *подположения ложной причины*

(*subpositio falsae causae, seu non causae ut causae*), когда мы причиною чего-либо поставляем то, что отнюдь оно не есть причиною, напр.: *многие смятения в государствах происходили по причине веры*, след., *вера есть источник несчастий общественных*; 4) *обман ложного последствия* (*fallacia consequentis*), когда мы из чего-либо выводим то, что из него отнюдь не следует, напр. *небо красно*, след., *теперь сражение*, как замечают простолюдины; 5) *обман, состоящий в изменении и переименовании вопроса* (*ignoratio elenchi, seu mutatio theseos*), когда доказывается или опровергается другое, а не то, что, судя по связи материи, доказывать или опровергать должно. Но что примеров очень довольно можно видеть в общежитии; 6) *обман многих и различных вопросов, вместе смешанных* (*plurium quaestionum*), напр.: *души умерших чем питаются?* Здесь включаются еще сии вопросы: *питаются ли еще они, нужно ли им питаться и можно ли?*

§ 143. Для избежания всех таковых обманчивостей нет другого средства, как: 1) искреннее желание познать истину; 2) благоразумное сомнение в том, что на первый раз почитается справедливым; 3) употребление всех возможных мер для различения истины от несправедливости; 4) недоверчивость к самому себе и советование с другими, однако осторожное и соединенное с разыскательностью и, наконец, 5) терпеливое и беспристрастное внимание к предмету, который мы желаем познать, или об свойствах которого хотят нас уверить другие.

ГЛАВА ТРЕТЯЯ О ЯСНОСТИ ПОЗНАНИЙ

§ 144. Хотя из описанных в предыдущей, 1-й, главе сей части пяти способов нашего удостоверения каждый, когда только соблюдена будет нужная осторожность, сам по себе достаточен быть может к доставлению нам ясного познания о каком-либо предмете, однако ж редко случается, чтоб мы имели полную ясность, основываясь на одном каком-либо способе удостоверения. Сему причиною: 1) недостаточность и недовольная определенность наших общих или классиче-

ских понятий и происходящая оттуда трудность в разрешении их или соображении между собою; 2) ограниченность наших чувств, показывающих нам одни только наружные вещей качества и принадлежности, да и те смотря по отношению оных к нам, а потому следующая оттуда трудность из опытов выводить заключения и постановлять общие правила. По сей причине для полного о чем-либо удостоверения мы всегда почти принуждены бываем употреблять вдруг разные способы из вышеписанных, смотря по свойству познаваемого предмета. И поелику всякое наше познание основывается или на очевидности опыта нашего или других, или на необходимости умозаключений, то посему и ясность нашего познания бывает двоякая: 1) ясность опытного познания (*evidenti practica*) и 2) ясность умственного познания (*theoretica s. idearum*). Об обоих сих видах ясности и их потребностях здесь предложено быть имеет.

Член первый. О ясности опытного познания

§ 145. Познание наше, основывающееся на чувствованиях или наблюдениях, приобретает надлежащую степень ясности: 1) когда при всех потребностях хорошего чувствования (§ 113) наблюдения наши между собою согласны; 2) когда согласны с оными и наблюдения других людей, достойных вероятия, прежде живших или современников; 3) когда причину разногласия, естли оное важно, можем мы показать и объяснить и открыть ошибку, оное производшую; 4) естли следствия, непринужденно выводимые из таковых наблюдений или опытов, не заключают в себе никакой нелепости или несообразности между собою и с другими нашими о вещах познаниями, вообще несомнительными и ясными.

§ 146. При всем нашем старании чувства показывают нам в вещах не более, как только одни различные их внешние виды, в коих они нам являются, а посему и чувственное вещей познание надлежало бы только относить до одной чувственной оных наружности. Однако мы никогда почти на сем пункте не оста-

навливаемся и посредством примеченной нами наружности вещи тотчас хотим знать, почему она в таком виде является нам, и видеть отношения ее внешности ко внутренним ее качествам. Любитель истории не довольствуется видеть порядок и обстоятельства происшествий, но желает еще знать причины оных; и любомудр посредством внешних опытов и наблюдений тщится проникнуть в сокровенности природы и переступить тот предел, на коем обыкновенно чувства останавливаются. Сколь таковая предприимчивость ни похвальна, но обыкновенно почти в сем случае подвергается двум крайностям, т. е. заключаем или слишком много, или слишком мало. И то и другое, естественно, долженствует производить ошибки и заблуждения.

§ 147. Умозаключения наши, выводимые из опытов и наблюдений, будут иметь потребную ясность: 1) когда оные будут между собою согласны, несмотря на разнообразие опытов и обстоятельств, при которых чинимы были наблюдения; 2) когда умозаключения, выводимые из опытов другими, будут тождественны с нашими или по крайней мере не будут им противоречить; 3) когда разность в оных заключает в себе ошибку ложного последствия, которую без дальнего труда открыть можно; 4) когда положение, противное нашим умозаключениям, содержит в себе нелепость, несообразность с другими общезвестными и несомнительными познаниями и когда из отличного с нашим мнением предположения никак тех явлений изъяснить не можно.

§ 148. Дабы избежать излишка или недостатка в практических (из опытов выводимых) последствиях, надлежит тщательно замечать: 1) сколь далеко руководят нас опыты к ближайшему познанию вещи, что прямо в оной нам оказывают и какое делают основание к нашей теории; 2) выводимые оттуда одно за другим последствия суть ли непринужденны, между собою тождественны, по необходимости ли вытекают одно из другого и не вкрадывается ли между ними какого-либо скачка (*saltus in ratiocinando in consequentia*) в умозаключении или не останавливается ли насильным образом естественная цепь последствий;

3) сколько случай допустит, осторожно советоваться обо всем с другими, потому что иногда равных знаний человек останавливается и видит темноту там, где все казалось для нас ясно, и замечает то, что мы пропустили.

Член второй. О ясности умственного познания

§ 149. Умственные наши познания никогда бы не подлежали ошибкам или темноте, если бы общие наши понятия всегда и у всех одинаковую и постоянную имели определенность и пространство. Но различие умов и способностей делает то, что оные почти у каждого имеют более и менее отличное знаменование. К сему присовокупить надлежит и скороносность нашу в составлении общих понятий, по которой мы даем им часто большее или меньшее против надлежащего пространство. Но между тем заметить надобно, что все наши умствования, сколь бы далеко оные ни простирались, обыкновенно начинаются с самых простейших начал обще сведомых и в согласии на которые никто не затрудняется. Почему и нет невозможности, чтоб умствования наши были совершенно ясны, как скоро они будут очевидно тождественны с самыми началами.

§ 150. Итак, теория будет ясна: 1) когда она начинается с простейших начал или с последней, по необходимости выведенных из опытов и наблюдений (§ 147); 2) когда все в составление ее входящие общие понятия будут точно и верно определены и чтоб таковая их определенность подтверждалась опытом либо нелепостью противного положения (§ 120); 3) когда в разрешении оных, классификации и соединении ничего не будет произвольного, но все будет основываться или на опыте, или на необходимости умствования; 4) когда дальнейшие последствия, выводимые по строгости умозаключения из той теории, не будут содержать в себе никакой нелепости или противоположности с какими-либо несомненными познаниями, а паче будут с ними согласны; 5) когда оные могут подтверждены быть еще новыми опытами и на-

блюдениями, смотря по свойству предмета. К сему присовокупить надлежит также сказанное в § 148.

Член третий. О том, каким образом практические познания и умозрение пособляют себе взаимно к точнейшему познанию вещей, и о пользе предположений

§ 151. Опыты и наблюдения наши касательно особых предметов сначала по большей части столь бывают недостаточны и столь между собою несогласны, что мы из оных никакой ясной и достаточной теории вывести не можем. И если бы мы в таком случае всегда останавливались и оставляли начатое нами дело, то бы чрез то много потерпел и замедлился ход наших знаний. Но к счастью, здесь часто собственная наша неосмотрительность и скоропоспешность, сверх нашего чаяния, нам пособляет. Мы делаем ошибки, чтоб заменять их другими, продолжая сие до тех пор, пока не нападем на что-нибудь ясное и постоянное. Все физические науки обыкновенно достигают таким образом до своей зрелости. Почему весьма нужно знать, что надлежит делать тогда, когда практические наши познания еще недостаточны.

§ 152. В таковых случаях поступаем мы следующим образом: 1) из наблюдений, сколько оных есть, тотчас делаем последствия и составляем предположение (*hypothesis*) или примерную теорию; 2) из сей теории выводим новые последствия и сравниваем оные с новыми наблюдениями; 3) когда видим, что предположение с новыми наблюдениями не согласует, и потому находим в теории ошибку, то оную, применяясь к наблюдениям, поправляем и делаем новую теорию; 4) выводим из нее последствия и с оными поступая также, продолжаем сей труд до тех пор, пока последняя наша теория сделается столько ясна, что без всякого противоречия за справедливую и истинную принята быть долженствует. Чрез сие естьли не доходим до точного познания вещи, по крайней мере столько к оному приближаемся, что благоразумным и возможно ясным образом об ней судить сделаемся в состоянии.

§ 153. Всякое предположение есть не более как только одна догадка, а догадка, поколику есть таковою, еще ничего в себе решительно основательного и верного не заключает. Но, несмотря на сие, отнюдь не надлежит пренебрегать догадками, для того что, как из предыдущего § 152 видели, одни догадки отворяют путь к другим, лучшим, а последние, подкрепляемые опытами, наконец доводят нас до истины. Пример геометров должен быть для нас убедителен. В случаях трудных, когда ошибка бывает почти неизбежна, они всегда стараются поправить ее другою, противоположенною ошибкою, дабы чрез то, уничтожив обе, найти в возможной точности требуемое. Мы должны даже древних благодарить за их неосновательные философские гипотезы, ибо если бы оных не было и они бы об тех предметах молчали, то едва ли бы и мы в премногих случаях не принуждены были подобно им заблуждаться и ошибаться. Впрочем, замечать надлежит, что предположения, сколь бы они вероятны ни были, но буде не во всех своих необходимых частях подтверждаются опытами, или видимостию, то всегда еще остаются предположениями и не могут иметь силы достаточно утвержденных положений. Почему из предположений никак не надлежит делать дальнейших последствий и на них основывать новые предположения и новые системы.

ЛОГИКИ ЧАСТЬ ТРЕТЯЯ

О РАЗНЫХ ВИДАХ ЛОГИЧЕСКОГО ДЕЛОПРОИЗВОДСТВА

ГЛАВА ПЕРВАЯ

О СПОСОБЕ СНИСКИВАТЬ ПОЗНАНИЕ О ВЕЩАХ

§ 154. Предметы наших мыслей вообще отличаются между собою тем, что иные из них суть вещи, чувствам подлежащие, иные одним только разумом созерцаемые и познаваемые. Почему и способы достигать до познания оных должны быть между собою

отличны, судя по таковому отличию самых предметов, ибо иначе простираемся мы в познании чувственных вещей, другим образом управляем нашим размышлением в познании предметов разумных. Посему о таковых различных способах познания здесь и предложим.

Член первый. О чувственном познании предметов

§ 155. Предметы, чувствам подлежащие, суть дела как естественные, так и художественные и разные явления, от них происходящие. Чтоб познание наше об них было достаточное и полное, для сего требуется: 1) иметь отличительное познание о внешности вещи; 2) о ее составе; 3) об ее частях, как отделяемых, так и неотделяемых; 4) об ее внутреннем строении; 5) об ее происхождении; 6) знать время и обстоятельства ее пребывания; 7) знать ее силы, действия и перемены, от соединенных с нею вещей происходящие; 8) ведать ее назначение и употребление.

§ 156. Чтоб приобрести отличительное об внешности вещи понятие, для сего нужно: 1) уметь выбрать пристойное время, когда ту вещь, во всей ее полноте обозреть можно, так, например, *отличительные признаки многих растений видны бывают только во время их расцветания*; 2) когда потребуется, то чувства вооружить; 3) иметь нужные предварительные сведения об общей природе тех вещей, к классу которых рассматриваемая вещь принадлежит, ибо, напр., не имеющий никаких сведений о ботанических началах к рассматриванию растений совсем почти не способен. К сему присовокупить надлежит и сказанное в § 38. А чтоб узнать состав той вещи, надлежит с нею производить химические исследования и опыты. Для познания внутреннего вещи строения и частей, оную составляющих, нужно делать как внимательные опыты, так и иметь предварительные познания в тех науках, которых предмет составляют рассматриваемые вещи, ибо не имеющий сведения об анатомии и физиологии животных не может рассуждать об особенном их строении и различной орудности и не имеющий поня-

тия о механике ничего почти не увидит в какой-либо машине, а наипаче сложной.

§ 158. Естественные произведения для достаточного о себе познания необходимо требуют, чтоб известно было, каким образом оные происходят, как и где лучше водятся, какое имеют влияние на другие вещи и оные на их, каким образом пропадают или портятся, для какого употребления служат и каким образом и в каких обстоятельствах могут быть полезными и вредными? Для всего сего кроме предварительных служащих к тому познаний нужна и собственная опытность, подкрепляемая долговременными и тщательными разысканиями. К произведениям человеческого искусства сии же самые почти правила применить можно.

*Член второй. О познании предметов,
разуму подлежащих*

§ 159. Разумом собственно мы познаем: 1) внутреннюю природу и свойства вещей чувственных; 2) вещи или существа одним только разумом созерцаемые, каковы суть бог, душа и проч.; 3) наши должности и права, основывающиеся на нашем естестве и отношениях наших к другим. Почему сие отделение и будет состоять из трех статей, из коих:

*I. О познании внутренней природы
и свойств вещей чувственных*

§ 160. Мы ничего не можем заключать о внутренней природе вещи, если не будем иметь об оной надлежащего чувственного познания; почему надлежит наперед достигнуть ясности опытной в рассуждении познания наружных качеств вещи (§ 145 и проч.), после сего делать общие предположения (§ 152), коих повсеместность и силу испытывать: 1) новыми наблюдениями и искусственными опытами; 2) выводением дальнейших последствий и 3) соображением с ясными и общими о вещах понятиями. И ежели пред-

положение выдержит всю строгость такового испытания, в таковом случае уже нет никакого резона не принять оного за физическую истину, ибо совсем невероятно, чтоб какое-либо ложное мнение не обнаружилось или посредством противных опытов, или испровергающих оное нелепых последствий, или несообразности его с очевидными и общеизвестными истинами.

§ 161. К познанию внутренней природы вещей по справедливости относится познание причин, оные производящих, и сил, им свойственных. Но поелику часто мы ошибаемся в назначении причин, по привычке полагая истинною причиною то, что совсем вещи не производит, но только обыкновенно ей предшествует, то и нужно замечать касательно сего некоторые правила благоразумия. За истинную причину какой-либо вещи мы можем признать только такую: *a)* которая во всех обстоятельствах последней предшествует; *b)* когда последняя без ее предшествования никак не бывает; *c)* когда примечается между ними производственная связь; *d)* когда и образ сего производства, хотя частично, применить можно; *e)* когда не можно, кроме той, найти другой причины, из которой бы столь же ясно и легко изъяснить было можно происхождение вещи, и, наконец, *f)* когда подположение других причин будет содержать в себе нелепость или невозможность.

§ 162. Дабы познать, какие в рассматриваемых нами вещах находятся силы, для сего сверх внимательных наблюдений надлежит ведать предварительно свойство их состава и строения. Почему приписывать известную силу какой-либо вещи можем мы тогда, когда оная подтверждается всеми наблюдениями и изъяснена быть может из качеств состава и строения. Когда в том удовлетворимся, то надлежит смотреть: 1) каким образом оная обнаруживается при различных обстоятельствах и действует на различные предметы; 2) к первоначальным ли ее качествам вещи относиться надлежит или к производным; 3) в рассуждении действий, когда бывает оная достаточна и когда недостаточна; 4) не состоит ли в противоречии с каким-либо первоначальным качеством вещи, ибо в таковом случае оная сила будет той вещи несвойственна

(§ 115) и в ней будет явлением, происходящим от вещей совсем другой природы и которые или в ней, или поблизости ее действия свои обнаруживают.

II. О познании предметов вышечувственных, или одним умом созерцаемых

§ 163. Все чувствам подлежащие вещи с их чувственными свойствами составляют предмет физики, вещи же, чувства наши превышающие и о действительности которых уверяемся мы единственно по необходимости умозаключения, собственно, относятся к метафизике. Физика суждения свои основывает на опытах и наблюдениях, метафизика — на извлеченных оттуда ясных последствиях. И для того метафизические разыскания чтоб могли иметь свою силу, всегда должны начинаться с опытов ясных и повсемственных; в противном случае будут утверждаться на одних словах, часто никакого постоянного понятия в себе не заключающих. Дабы показать способ суждения о таковых вышечувственных предметах, довольно будет представить, каковой обыкновенно ход разум человеческий здесь наблюдает.

§ 164. Утверждаясь на повседневном опыте, причины вещей и явлений, в природе происходящих, обыкновенно мы ищем в вещах, близ находящихся, и их силах, поставляя необходимым то, что причина всегда должна быть близка или соприкосновенна с своим произведением, по крайней мере во время производства оно. Но если бы случилось, чтоб произведения никак не можно было изъяснить из свойства физических сил окружающих или соприствующих предметов, т. е. когда б уже ясно было, что оно или превышает их силы, или никакого с ними соотношения иметь не может, в таком случае то произведение обыкновенно приписываем мы такой вещи или такому существу, которое для чувств наших несозерцаемо и которое притом долженствует иметь несравненно высшие способности, нежели каковые в видимых вещах приметны. Таковой переход от чувственности к умозрению не иначе произвольным почестся долженствует,

как когда производство новой вещи или явления, хотя частью, по некоторым ясным признакам из окружающих или соприкосновенных оному вещей изъяснить можно. Оный оправдывается совершенно, когда ясно будет доказано, что всех смежных вещей сила и способности или совершенно недостаточны к произведению, или даже оному противны. В таковом случае отговариваться недостаточным познанием об чувственной природе не другое что значит, как хотеть упорно сомневаться, или умышленно отвергать то, что несогласно с предпринятым нами образом мыслей.

§ 165. Есть еще и другой путь к удостоверению себя о бытии вещей вышечувственных и их способностях. Многие чувствам подлежащие в природе вещи обнаруживают такие действия и такие способности, кои не только никоим образом из вещественного их состава и из их устройства объяснены и выведены быть не могут, но даже находятся к оным в совершенной противоположности. В сем случае разум не находит другого средства, как в вещественной наружности полагать присутствие какого-либо невещественного и само по себе не подлежащего чувствам существа, которое оные действия производит и которое одарено способностями, не совместными веществу ни же какому-либо его орудному образованию. Чтоб отвергать таковой способ умозаключения, то надлежит по крайней мере доказать совместность таковых действий и способностей с чувственными, или опытом познанными, свойствами вещества, ежели не объяснить их из оных (§ 119).

§ 166. Таким образом, принуждены будучи допустить бытие каких-либо вышечувственных существ, тотчас по поводу сего на основании (§ 125) составляем об них понятие, или идею, частью отрицательную, частью утвердительную. Потом, сию идею раздробляя на составляющие, или вторичные, понятия, выводим из того последствия, наблюдая в том как строгость умствования, так и сообразуясь с опытом, на основании коего принуждены мы были составить идею о вышечувственном существе. Далее еще сии последствия раздробляем, применяя их к другим нашим ясным

познаниям, и из того выводим новые последствия и так далее, доколе к тому руководить нас будут основания, приобретенные от опыта, и доколе необходимость умозаключения продолжается быть очевидною. После сего все приводим в порядок, строго испытывая и поверяя труды наши. Оные всегда будут успешны и полезны, если мы, удаляясь от ясных опытов, не будем вместо вещей ставить слова и не будем вмешивать понятий, основанных не на свойстве вещей, но на произволе. Вообще заметить надлежит, что мы о существах вышечувственных потопику только естественным разумом судить и познавать оные можем, поколику для нас ощутительны их действия в видимой природе и поколику в оных не можем не примечать нечто прямо превышающее способности вещества.

III. Способ суждения о предметах нравственных

§ 167. Нравственность существ разумных состоит в исполнении обязанностей, налагаемых на них как собственную их природою, так и отношениями, в которые они поставлены. Сообразование поступков с сими обязанностями или законами называется нравственным добром, а нарушение их — злом или пороком. Посему все нравственные материи заключаются в таковом вопросе: *сие действие есть хорошо или порочно, позволено или нет?* — Решить оный не иначе мы можем, как приноровив его к нашему естеству и отношениям, в каковых состоим. Следовательно, без надлежащего предварительного познания о естестве нашем и об наших к разным вещам отношениях почти и не можно ясно и удовлетворительно рассуждать о нравственных предметах.

§ 168. Но, несмотря на сие, главнейшие начала нравственности по долговременному ли опыту или по единообразному ходу человеческого ума столь глубоко впечатлены в человеческую природу и столь суть ясны, что без исключения почти всеми вообще людьми оные без всякого противоречия приемлются, и у всех одинаковы. Таковы, напр., сии нравственные начала, из коих проистекают все правила жизни, все законы

и обязанности: 1) *почитай позволительным для себя то, что прямо по твоим обстоятельствам полезно и необходимо и в чем совесть твоя никак не воспрещает*; 2) *что вообще не может быть позволено, то и для тебя непозволительно*; 3) *исполняй то непременно, что каким-либо твоим званием требуется, и отнюдь не дерзай делать того, что с оным несовместно*; 4) *поступай с другими так, как бы ты желал, чтоб с тобою в подобных обстоятельствах поступлено было*; 5) *исполняй то сам, чего б ты в подобных обстоятельствах от других мог требовать...*

Сии аксиомы нравоучения могут служить пробойю для всяких рассуждений, до нравственности относящихся. В особенном каком-либо случае, где мы затрудняемся определить нравственность какого-либо дела, тотчас оное можем сличить с какою-либо из сих аксиом, после чего без всякого почти труда увидим, сходно ли оно с ними или не сходно.

§ 169. Между тем, рассуждая о поступках других, мы иногда не так можем их приноровить к сим началам. Причиною сего бывает, что мы иногда не знаем, с каким намерением кто какое-либо дело предпринимает, почему такие, а не другие берет к тому меры, отчего часто невинные, даже и похвальные, поступки других кажутся нам подозрительными, а в самом деле подозрительные — похвальными. Для того в суждении чужих поступков надлежит иметь крайнюю осторожность, входить во все их обстоятельства, сличать их и не прежде делать приговор, как когда все обнаружено будет ясными последствиями, ибо часто и хорошие намерения по обстоятельствам худой приемлют оборот и, напротив, худые оканчиваются хорошо.

Член третий. О приближении к истине

§ 170. Умозрительные наши познания, хотя бы касались они предметов чувственных, хотя б вышечувственных, редко бывают столько ясны, чтоб мы в них ни на каких затруднениях не останавливались. Причиною сего как ограниченность нашего разума, так и трудность, ежели можно сказать, с некоторой стороны

неприступность самых познаваемых вещей. И потому, несмотря на ясность наших рассуждений и силу доводов иногда, отнюдь мы не должны себя ослеплять тщетным самолюбием, что мы уже достигли истины, ибо многие встречающиеся с нами затруднения, приводящие нас в замешательство, при всей твердости приобретенного нами познания докажут нам, что мы только что еще приближаемся к истине, попав на путь, ведущий к оной.

§ 171. Признаки того, что мы еще не достигли до совершенного и во всех частях ясного об каком-либо предмете познания, могут быть сии: 1) естли в познании нашем встречаются затруднения, коих мы, несмотря на ясность прочих наших умствований, решить и объяснить не можем, хотя оные, впрочем, и не таковы, чтоб совершенно и во всех частях приобретенное нами познание опровергали, ибо в таковом случае сие будет явным признаком, что наше познание было ложное; 2) приметные и самими нами ощущаемые недостатки в нашем познании, которые мы дополнить и чрез то достигнуть потребной во всех частях ясности находим себя не в состоянии по неимению к тому нужных способов.

§ 172. Признаки же, которые могут нам служить утешением, что мы подлинно находимся на правом пути к истине и к ней уже приближаемся, так что уже можем ее видеть, хотя и вдали, суть следующие: 1) ясность и неопровергаемость наших доводов и оснований, несмотря на то что посредством оных мы еще не достигаем достаточного во всех частях познания; 2) принужденная напряженность в изложении и доказывании мнений, различных от нашего, ибо надмерная утонченность доводов, усилие к выискиванию оных и к доставлению им большей важности, трудные обороты в выведении последствий почти очевидно показывают слабость и неосновательность самого дела, как то видно из опыта; 3) нелепость противного мнения; 4) возражения противу нашего мнения, взимаемые только со стороны, а не от свойства самого предмета и которые наших доводов нимало не касаются и силу оных не опровергают.

§ 173. Приблизиться же можем к истине: 1) посредством критического разыскания различных мнений, касательно одного и того же предмета. Сним обогатим как наш ум приобретением многих к той части относящихся сведений, так и, примечая недостатки и преимущества каждой системы, удобнее сами можем отыскивать лучшего пути к познанию той вещи; 2) посредством собственных предположений и догадок (§ 151), с осторожностью и беспристрастием производимых; 3) посредством тщательного и строгого рассматривания какого-либо постоянного и естество той вещи составляющего качества (§ 159—166). Сним образом мы можем сыскать твердое основание для дальнейших наших умозаключений и для поверения своих успехов.

§ 174. Когда мы посредством показанных признаков можем быть уверены, что уже находимся на подлинном пути к истине, то неблагоприятно бы было оный оставлять и стараться выбрать другой или посредством неостати робкого сомнения на оном останавливаться и возвращаться вспять, устрапаясь некоторых затруднений, с ним сопряженных. В таком случае долг наш есть открытый нами путь уравнивать сколько можно и осторожно продолжать вперед, помня, что истина нами уже найдена, хотя мы ее и не достигли. Притом надлежит заметить и то, что во всем кругу человеческих познаний нет почти ни одного, которое бы было совершенно ясно и свободно от всяких недостатков и застенивающих оное затруднений. А по сему и при недостаточных наших познаниях подлинное сомнение тогда только место иметь может, когда между различными мнениями ни которое на своей стороне не имеет преимущественного и довольно сильного перевеса.

ГЛАВА ВТОРАЯ

О СПОСОБЕ СООБЩАТЬ ПОЗНАНИЕ ИСТИНЫ ДРУГИМ

§ 175. Сообщить познannую нами истину другому можем тогда, когда его уверим, что предлагаемое нами

есть справедливо или основано на неоспоримых доводах. Итак, вся сила убеждения состоит в ясных и твердых доказательствах. Для сего прежде, нежели мы приступим к показанию различных способов сообщения истины другим, должны наперед предложить правила о составлении доказательств.

Член первый. О разных видах доводов

§ 176. Доказывать мы можем справедливость чего-либо или опытами (*a posteriori*), или умствованиями (*a priori*). Что касается до опытов или наблюдений, то доказывать оными нет дальней трудности для того, кто умеет с ними обходиться, то есть их производить или делать наблюдения и из всего выводить правильные последствия. Довольно привести несколько различных случаев, показывающих одно и то же: когда оные ясны, то другой без сомнения уверится о справедливости непосредственно выводимого из них последствия, если сам не будет нарочно упорствовать в признании истины, чувственным образом ему представляющейся. Но в рассуждении умственных доказательств затруднений бывает больше, потому что и не всякий понимать оные бывает в состоянии, и больше в них может встретиться ошибок и неясности, так как они все основываются почти на одних только идеях и терминах (§ 114).

§ 177. Доказательства идеальные, или умственные, вообще бывают *прямые* (*directae*) и *косвенные* (*indirectae*, *apagogicae*). Прямое доказательство есть цепь или последование умствований, в котором из известных начал выводится справедливость какого-либо предложения. Доказательство косвенное, выводя из предложения, противоположного нашему, по образу правильных умствований следствие, показывает оного нелепость, а тем самым оправдывает наше предложение, основываясь на том, что из двух противоположенных между собою предложений, когда будет одно очевидно ложно, то другое по необходимости справедливо (§ 120).

§ 178. Все вообще умственные доказательства, чтоб могли иметь надлежащую силу, должны

быть производимы из известных и ясных начал. Таковые начала суть: 1) предложения, непосредственно и непринужденно выводимые из опытов и наблюдений (§ 145); 2) предложения, коих очевидность явствует из внутренней идей сообразности или противоположности между собою (§ 115); 3) из них выводимые непосредственные следствия (§ 98). Почему все определения, очевидно утверждающиеся на опыте или на соображении идей, к таким началам причислены быть могут и должныствуют. Но поелику не всегда нужно, чтоб доказательство производить от таковых первоначальных истин, то тако ж в оном вместо начал могут занимать и предложения, уже прежде достаточно доказанные, а потому равно первым достоверные.

§ 179. Умственные прямые доказательства бывают нисходящие и восходящие. *Нисходящее* доказательство есть то, в котором наперед поставляется самое его начало (*principium demonstrandi*), из коего посредством выводимых по порядку последствий наконец выводится самое доказываемое предложение. В доказательстве *восходящем* бывает то же самое, но напротив, а именно: наперед самое предложение доказываемое полагается, потом показывается его тождественность с другими истинами, отчасу повышающимися и одна от другой происходящими, наконец, доходим до самого первоначального всех основания...

§ 180. Из приведенных примеров явствует: 1) что ежели которое-либо из средних предложений между началом и заключением будет не так ясно, то надлежит оное доказать особо, как, напр., здесь: *существо вечное есть беспредельное*; 2) что все таковые доказательства суть не другое что, как сориты, след., по свойству оных для проверки могут разрешены быть на явственные силлогизмы; 3) что доказательство нисходящее, начинаясь с общих и ясных начал и простираясь посредством сцепляющихся между собою и одно другое по необходимости производящих последствий, даже до самого заключения, для убеждения гораздо пристойнее доказательства восходящего, которое тогда только приобретает полную свою во всех частях ясность, когда доведено будет до конца и все вдруг вооб-

ражено. Почему и может быть последнее употребляемо только тогда, когда цепь соединяющихся между собою предложений бывает недлинна, так что всю ее вдруг обозреть нетрудно, в противном же случае полезнее и удобнее будет употреблять доказательство нисходящее.

§ 181. Доказательство не прямое (арагогика) делается следующим образом: 1) предложению, коего справедливость хотим показать, берем другое, оному противоположное; 2) из него выводим последствия, естественно вытекающие, или соображаем его с другими истинами дознанными; 3) по причине нелепости его последствий или несообразности с другими истинами отвергаем оное, а тем самым утверждаем свое предложение...

§ 182. Редко случается, чтоб какое-либо предложение могло быть ясно и убедительно доказано из одного начала. Но по счастью, почти каждое предложение можем мы доказывать от разных источников, и тогда многочисленность доказательств заменяет несовершенную удовлетворительность каждого, и тем паче, когда к оным присоединятся доказательства не прямые...

Член второй. О свойствах хорошей методы сообщать познание свое другим

§ 183. Хотя для убеждения другого в справедливости какого-либо предложения и не более требуется, как только доказать оное или вывести его из ясных и несомнительных начал, но, как выше (§ 180) мы уже заметили, входящие в доказательство одного предложения посредствующие мысли часто сами требуют новых доказательств, то и требуется, чтоб все доказательства какого-либо предложения, составляющие мысли, каждая порознь достаточно были доказаны, и, таким образом, по поводу одного главного доказательства надлежит произойти иногда множеству частных и оному подчиненных. Если таковое их распоряжение сделано будет без всякого порядка и каждый частный довод поставлен будет там, где ему прилучится, то хотя главное доказательство само в себе и будет твердо, но не будет иметь недостатки, что не будет ясно и

внятно, останавливаясь от помещаемых в нем частных доводов. Почему и надлежит стараться распоряжать все мысли, к уразумению одной какой-либо материи относящиеся так, чтоб другой без труда мог понимать их взаимный союз и сцепление, а чрез то мог бы удобнее увериться о справедливости предлагаемого ему. И сие-то есть то, что называется *методом*, которая есть способ распоряжать мысли, к одной какой-либо материи относящиеся, сообразно с намерением предлагающего.

§ 184. Поелику для того мы другим хотим сообщать свои познания, чтоб они не только нас поняли, но поняли бы и предлагаемую нами материю и в справедливости оной могли бы быть убеждены, то сему намерению и долженствует соответствовать хорошая метода. Для того необходимые качества оной будут: 1) *естественность*; 2) *легкость*; 3) *ясность*; 4) *основательность*. Об оных и предложим подробнее.

§ 185. *Метод должен быть естествен*. Он будет таков, когда в предлагаемой нами материи будем следовать по тому же самому пути, по которому достигли или по которому удобнее достигнуть можно до познания оной. Следовательно, надлежит полагать наперед ясные начала, на которых основывается предлагаемая нами истина, и, простираясь постепенно далее, всегда поставлять наперед то, что служит к уразумению последующего, так чтобы одна мысль сама по себе и непринужденно рождала другую и, наконец, последняя производила б то, что хотим доказать.

§ 186. *Легкость метода состоит в том*, когда: 1) главные мысли предлагаемой нами материи будут расположены сколько возможно проще и связнее; 2) когда между ними не помещено будет ни одной, которая бы с главною материею не имела необходимой связи или бы была в оной побочною; 3) когда все доводы, как главные, так и частные, будут основываться непринужденно на началах ясных и несомнительных, так чтоб слушающий или читающий оные мог без труда, так сказать, сам собою чувствовать всю силу оных.

§ 187. *Метод будет ясен*: 1) когда мы будем выражать свои мысли чисто, сколько можно применяясь к

общему употреблению языка; 2) когда значение всех терминов неясных или двусмысленных будет ограничено и постановлено; 3) когда все понятия, сколько-нибудь трудности в себе заключающие, будут надлежащим образом определены и объяснены; 4) когда доказательства предлагаемы будут кратко и раздельно, однако ж без принужденности и сухости, которые тако ж темноту причиняют; 5) когда везде, где свойством вещи и надобностию потребуется, не опущены будут приличные разделения, различения и объяснения.

§ 188. *Дабы метод был основателен, то требуется:*

1) чтобы все предлагаемые и несколько неясные мысли были доказаны твердо и притом из стольких источников, сколько для достаточного уверения нужно; 2) чтоб связь между началами и выводимыми прямо из них последствиями была очевидная; 3) чтоб в умствованиях не простирались мы далее, нежели сколько к тому имеем оснований, равно и не удерживались бы делать дальнейшие умозаключения, когда к тому имеем основания (§ 147); 4) чтоб приводимые нами опыты или наблюдения, буде случатся, были верны, известны и достаточную имели силу для утверждения выводимых из них последствий или общих положений. Само по себе разумеется, что для успеха во всем сем нужно не только обстоятельное познание предлагаемой материи и знание логики, но и собственная опытность в предлагании истины другим.

§ 189. Итак, намеревающийся в справедливости чего-либо убедить другого, или, что будет то же, научить, должен: 1) тщательно обдумать свою материя, собрать все относящиеся к ней мысли и испытать порознь силу доводов; 2) сообразить все сие, расположить и привести в пристойный порядок, смотря по надобности обстоятельств и по личным свойствам того, кого убедить намерен, ибо благоразумие требует, чтоб людям различных характеров различным образом и предлагаема была истина; 3) во время самого действия иметь возможную терпеливость, выслушивать вопросы другого, кому предлагает, и давать на них обдуманые и удовлетворительные ответы, смотреть, чтоб он все предлагаемое понимал ясно и чтоб более сам собою по пово-

ду его слов научался, нежели от него был научаем; 4) соблюдать возможную скромность, дабы не воспрепятствовать вниманию слушающего, почему избегать всех колких выражений, которые могут привести в замешательство, стыд и огорчение слушающего, а по сей причине иногда и не прямые доказательства располагать так, чтоб слушающий сам собою при его руководстве делал заключения оных.

§ 190. Напротив того, со стороны слушающего требуется: 1) чтоб он мог понимать силу предлагаемых доводов и, следовательно, чтоб он не только знал нужные логические приемы и обороты, но имел бы предварительные сведения, к предлагаемой материи относящиеся, ибо без сего и понимать оные будет не в состоянии; 2) во время слушания чтоб имел к предлагаемой материи возможное внимание и соблюдал благопристойность, нимало не развлекаясь на посторонние предметы; 3) чтоб не прежде соглашался на какое-либо предложение, как когда уже уверен будет в основательности оного; при недостатке сего имеет право требовать удовлетворительного объяснения; 4) чтоб при ясных доказательствах не оказывал умышленного упорства, стараясь каким-либо образом дело замешать; 5) чтоб не перебивал в неприличных местах речей другого, когда они еще не окончены, ибо сим как связь материи прерывается, так иногда и предлагающий истину приводим бывает в замешательство.

§ 191. Сих общих правил в рассуждении способа сообщать истину другим, кажется, будет довольно. Впрочем, надлежит здесь заметить, что каждая предлагаемая материя относится к какому-либо известному роду наук. Посему в рассуждении метода в особенности могут и должны быть частные правила, взятые из свойств той науки и основанные на природе тех вещей, познание которых другим сообщается. Для того особый надлежит наблюдать метод в рассуждении материй философических, особый богословских, особенный — физических или математических и, наконец, особенно поступать должно в предложении какой-либо исторической истины, ибо везде соблюдены быть должны собственные каждой науке приемы и обо-

роты, пренебрежение коих как намерение предлагающего делает тщетным, так и панесет вред самой истине, затемнив ее или переиначив.

*Член третий. О способе себя защищать
и опровергать мнение других*

§ 192. Часто случается, что мы принуждены бываем мнения свои или других защищать против возражений, в рассуждении их чинимых, или опровергать мнения других. Почему и о сем нужные примечания предложить следует.

Возражения, против какого-либо предложения бывающие, суть двоякого рода: 1) *опровергающие*, которые, показывая неосновательность доводов, на коих то мнение основано, явно обнаружить стремятся его несправедливость; 2) *затрудняющие*, которые, нимало не касаясь доводов, на коих какое-либо мнение основывается, содержат в себе некоторые посторонние материи, к нему относящиеся, и которые, по-видимому, с тем мнением не согласуют.

§ 193. Почему предпринимающий защищать какое-либо предложение, а посему и обязанный отвечать на чинимые противу себя возражения прежде всего должен рассмотреть, какого они рода, затрудняющие ли только или совсем опровергающие, дабы потому расположить и свои меры. Если будут возражения опровергающие или подрывающие самое основание, в таком случае он должен или пояснить свои доводы и сделать их очевидными, или когда возражения бывают столь сильны, что явно мнение то опровергают, то из любви к истине его оставить и от него отказаться. Впрочем, поелику почти всякая важная истина основывается не на одном каком-либо доводе, но на многих от разных источников вземлемых, то ослабление одного или немногих таких доводов отнюдь еще не значит совершенного ее опровержения, но только показывает, что или те доводы были слабы, или нехорошо представлены, или что ответствующий недостаточен в своем знании касательно защищаемой им материи.

§ 194. Возражения затрудняющие бывают или такие, которые может разрешить ответствующий, или такие, коих он разрешить не может, как то и часто бывает. В последнем случае, дабы спасти защищаемое им предложение, он обязан: 1) доказать, что те возражения нимало не опровергают и не касаются главных доводов, на которых предложение основывается; 2) что невозможность решить такое затруднение происходит оттого, что мы еще не могли или не можем иметь обстоятельного во всех частях познания о том предмете, о котором идет дело; 3) что по поводу приводимого обстоятельства, которого объяснить мы не можем, еще не следует сомневаться о справедливости того предложения, потому что оно доказано ясно и неоспоримо, а противное ему предложение есть очевидно ложно и нелепо, и что посему надлежит обождать, когда все придет в потребную ясность (снеси § 172).

§ 195. Ложным какое-либо мнение бывает потому, что или не имеет никаких оснований, или имеет, но слабые, или ошибочным образом из них выводится, или, наконец, состоит в противоречии со многими другими общеизвестными и неоспоримыми истинами, хотя, по-видимому, и доказывается правильно. Почему предпринимая опровергать и должен наперед все сие видеть, дабы при самом действии не быть от противника своего посрамленным и не показаться непринимающим истины для того, что ее не понял. Для сего надлежит ему знать обстоятельно и отдельно, на чем и каким образом основывается то мнение и какие находятся в доводах очевидные недостатки или излишние в последствиях.

§ 196. Поелику люди и слабости свои столько почти любят, как и свои преимущества, то благоразумие со стороны опровергающего требует, чтобы он не прямо нападал на неосновательность какого-либо мнения, дабы тем не огорчить предварительно того, кто его держится, отчего, как примеры доказывают, обыкновенно происходит упорность в заблуждении и отвращение ко всему, что с оным несходно. Посему опровергающий наперед должен снискать себе доверенность и внимание от того, коего хочет убедить в неосновательности

его мнения. Сие может он сделать, заведя материю издалека и нечувствительно приближаясь к своей цели и сим образом неприметно заставляя своего противника самого усматривать ложность своего мнения, или когда скрыть нельзя, то возражения свои предлагать под видом сомнений и затруднений, желая как бы сам от него научиться. Вообще на первый раз довольно, чтоб хотя несколько потрясти уверенность предубеждения. Сие впоследствии произведет то, что держащийся оного сам к своим мыслям будет внимательнее или из любви к истине, или из желания себя оправдать. И тогда-то уже можно начать настоящее во всех частях опровержение.

§ 197. Опровержение, смотря по обстоятельствам дела, производится различным образом:

I. *Ослаблением доводов*, где показывается, что начала, на коих ложное мнение основывается, недостаточны и что из них отнюдь не можно вывести такого заключения.

II. *Превращением доводов*, когда из предложенных оснований, надлежащим образом их раздробив, естественно выводятся совсем другие последствия, нежели каковые в ложном мнении были деланы.

III. *Посредством сильнейших противных доводов*, где показывается, что материя, о коей идет дело, совсем иная, нежели каковою почитается.

IV. *Посредством доводов косвенных*, коими доказывается, что из того мнения выходят последствия весьма нелепые или что оно явно несообразно и даже совсем противоположно другим истинам, общеизвестным и очевидным.

V. *Отвержением самих начал*, показывая, что оные суть совсем произвольны и суть больше выдумка воображения, нежели познание вещи справедливое, и проч.

§ 198. Как в защищении, так и в опровержении чего-либо часто иногда вместо подлинных доводов употребляют убеждения от скромности (*argumenta ad verecundiam* Locke). Оные состоят в том, что приводят в защищение себя мнения каких-либо славных мужей и славных ученых, скрытно как-будто намекая, что не

хотеть с ними соглашаться — значит хотеть быть умнее их или хотеть оспаривать заслуженную их славу. Но сие значит совершенно поработать рассудок или умышленно препятствовать распространению и основательности познания. Из исторических примеров видно, что великие умы часто и заблуждения имели отменно странные или делали ошибки великие. А потому в счет принимать надлежит не важность, а основательность их мнения. По какой причине ссылаться на таковых надлежит не столько для подтверждения своей материи, сколько для объяснения оной; дело другое, когда предмет рассуждения основывается более на истории, нежели на разуме, в каковом случае свидетельство знаменитых и уважения достойных людей всегда может иметь свою силу.

§ 199. Часто случается, что мы можем видеть и доказать неосновательность какого-либо мнения, сами между тем не зная, как его исправить или каким образом заменить лучшим. Сие происходит, без сомнения, от недостаточного нашего о том предмете познания, от каких-либо причин зависящего. Посему тот, коего мнение ложное опровергается, не имеет права защищаться тем, что другого лучше нет, а надлежит обоим, как ему, так и опровергающему, признаться, что мы еще о том предмете должны удерживать свое суждение, по неимению к тому достаточных оснований и потому стараться приблизиться к познанию оного или посредством новых предположений, или когда и к оным нет никаких оснований, то молчать, доколе по времени или по случаю не откроется к тому способ.

Член четвертый. О состязаниях, или словопрениях

§ 200. Поелику два противоречащие между собою предложения никак быть не могут оба вместе справедливы, но только одно (§ 120) и поелику чрез противоположение оных удобнее можно увидеть, которое из них на своей стороне справедливость имеет, то на сей конец иногда учреждается *состязание*, или *словопрение* (*disputatio*), которое есть не что иное, как взаимное

двух противоречащих предложений защищение и опровержение. Из состязующихся особ тот, который каково-либо положение защищает и отражает возражения, против оного чинимые, называется *ответствующий* или *защищающий* (*respondens s. defendens*), а тот, который старается опровергнуть то предложение, — *возражающий* (*opponens, s. objiciens*). Словопрение бывает иное *полное*, в котором оба противоречащие предложения одно после другого доказываются и опровергаются, в каковом случае оба действующие лица отправляют друг против друга и должность защищающего и возражающего; иное *неполное*, в котором один из них только что возражает, а другой на его возражения отвечает и, следовательно, где одно только из противоречащих предложений защищается, не касаясь другого.

§ 201. Словопрения бывают или на письме, или на словах. Словопрения письменные то пред словесными имеют преимущество, что в них обе стороны более имеют времени и удобства обдумывать свою материя и взвешивать доводы своего противника, но, напротив того, в словесных почти по необходимости должны входить многие упущения как по малости времени, нужного для зрелого рассматривания спорной материи, так и по причине развлеченности, при разговорах почти неизбежной. И потому состязания, производимые на письме, служат к познанию и испытанию истины, а производимые на словах годны только к узнанию способностей и оборотливости ума двух спорящихся между собою сторон. Для того последние могут быть употребляемы только в училищах и в каких-либо частных случаях, а для обстоятельного разыскания истины надлежит делать письменные состязания.

§ 202. Главное правило, долженствуемое во всяких состязаниях быть соблюдаемым, есть то, чтобы спорящиеся стороны непременно друг другу противоречили, т. е. чтобы одна отвергала то же самое предложение и в том же смысле, которое и в каком утверждает другая. В противном случае выйдет одно только разноречие и пустой шум. Почему прежде вступления в состязание надлежит действующим лицам обстоятельно

узнать смысл того предложения, которое имеет составлять материя состязания, и постановить между собою спорные статьи, что называется *statum controversiae fore*.

Разумеется, сверх того, что обе спорящиеся стороны должны быть довольно сведущи о той материи, о которой хотят состязаться.

§ 203. Должность возражающего состоит в том:

1. Доказывать предложение, противоречащее тому, которое составляет материя спора. Доводы должны быть для ясности представляемы сколько возможно в виде силлогизмов, ясных и кратких.

2. Посылки силлогизмов доказывать новыми силлогизмами по требованию ответствующего, доколе не доведено будет до подлежащей ясности.

3. Смотреть, не можно ли ответствующего поймать в собственных его ответах.

4. Не переименовывать слов ответствующего и не удаляться в постороннюю материя без нужды и с намерением замешать материя спора.

А, напротив того, должность ответствующего есть:

1. Приняв силлогизм возражающего, смотреть, во-первых, правилен ли он и справедлив ли, судя по материи.

2. Если какая-нибудь посылка покажется сомнительною, то требовать подтверждения или объяснения, когда будет темна.

3. Когда дело доведено будет до того, что не нужно будет требовать на посылки силлогизма дальнейших подтверждений, то отвечать на оный, смотря по свойству материи или отвергая повсеместность какой-либо посылки посредством приведенного противного примера (*per instantiam*), или, ограничивая и разделяя омысл посылок, отвергать или разделять сообразно тому самое заключение.

(Примеч. Обстоятельный обряд словопрений здесь не описывается как потому, что он в разных местах различен, так и для того, что оный лучше и легче можно перенять из практики.)

§ 204. Поелику состязание на письме долженствует быть по свойству своему производимо с возможною

внимательностию и обстоятельностью, то для сего нужно: 1) взвесить доказательства обоих противоречащих предложений после того, как оные противными сторонами будут рассмотрены и доводы, признанные слабыми или опровергнутые, будут из них выпущены; 2) взвесить обосторонние затруднения, какие еще за окончанием состязания нерешимыми остаются, и смотреть, происходят ли оные оттого, что самая материя заключает в себе некоторую трудность, или оттого, что она несправедлива (§ 192); 3) все сие сообразив, почитать то предложение справедливым, на стороне коего находится преимущественная ясность доводов и маловажность затруднений (§ 170 и пр.).

ГЛАВА ТРЕТЯЯ ОБ ИССЛЕДОВАНИИ ИЛИ ИСПЫТАНИИ ИСТИНЫ

Член первый. Об исследовании истины физической

§ 205. Все вообще физические истины основываются на опытах или наблюдениях естественных тел. Почему и в исследовании оных надлежит, во-первых, рассматривать свойство и образ самых опытов и способ, по какому из тех опытов выводимы были общие заключения, или положения. При чем нельзя не принимать в рассуждение и самого писателя, какой держался он системы, кому наипаче последовал, какие были любимые его мысли, ибо все сие очень много может послужить к объяснению предлагаемого им и тем способствовать не только к лучшему исследованию справедливости трактуемого им предмета, но и к познанию самой сокрывающейся еще истины.

§ 206. В рассуждении самых опытов надобно смотреть: 1) какие они, как были устроены и расположены, в какое время, при каких обстоятельствах и достаточны ли были для извлечения из них общего заключения, ибо без такового об них познания почти не мож-

но об них и их важности судить, потому наипаче, что в опытах много зависит от обстоятельств; 2) сии опыты кем были производимы: самим ли тем, кто писал об истине, нами исследываемой, или другими, от коих они ими заимствовался? Если они деланы одним только писателем были, то надлежит повторить для уверения самому, буде можно, или снестись с другими, в том деле преимущественно знающими; если он их заимствовал от других, то смотреть, понял ли их и у себя не переиначил ли как-либо по ошибке или умышленно для подкрепления своего мнения; 3) поверять тако ж возможность и действительность опытов, сделанных другими внимания достойными испытателями естества, ибо часто случается, что писатели одной системы выдумки свои ставят вместо действительных наблюдений и тем приводят в заблуждение других, а нередко и самих себя; 4) тщательно рассматривать различные явления, в опытах примечаемые, происходят ли единственно от свойства и природы самих вещей, над коими наблюдение было делано, или в произведении оных участвовали и смежные причины, и образ самого устройства опытов, ибо из примеров видно, что иногда случайное в опытах принимается за постоянное и зависящее от способа, коим опыты, или наблюдения, были деланы, за происходящее от естества самых вещей.

§ 207. Поверив, таким образом, и разыскав опыты, в основание какого-либо физического мнения приводимые, надлежит смотреть, как то мнение на них основывается. Для сего: 1) надобно рассматривать, как и почему явления, в опытах примечаемые, таким, а не другим образом изъясняются; 2) ежели другие писатели те же самые явления, но другим образом изъясняют, то почему? Потому ли, что следуют особенной секте или что в вещи видят другое, нежели что в ней усматривает испытываемый писатель; 3) объяснения явлений, в опытах бывающих, непринужденны, ясны и удовлетворительны ли, судя по свойству самых опытов; 4) смотреть, каким образом и правильно ли из тех опытов выводится общее заключение или общее правило, ибо в сем случае часто делается ошибка впоследствии; 5) сие общее заключение не противоречит ли с

другими физическими истинами, более известными, и если противоречит, то такое противоречие есть истинное или видимое только или происходит от недостаточных еще наших познаний в физике?

§ 208. По совершении сего уже и можно будет все сообразить и видеть, основательно ли мнение писавшего о какой-либо физической материи или неосновательно и недостаточно. Впрочем, дабы таковое исследование и для нас имело действительную свою пользу, то мы тщательно должны замечать, какие в том мнении есть слабые места и почему, можно ли их дополнить и что к тому требуется, чтоб были совершенно удовлетворительны, равным образом не могут ли быть подвержены какому-либо затруднению места отлично хорошие у автора, не нужно ли еще более их усилить и какие к тому находятся способы и пути? Таковой труд, без сомнения, будет награжден удовольствием, происходящим от ощущения, что познания наши распространяются и что мы сами к распространению их в других несколько содействовать можем.

Член второй. Об испытании мнения философского

§ 209. Справедливость всяких философических рассуждений зависит: 1) от справедливых и несомнительных начал, на которых какое-либо рассуждение основывается; 2) от соблюдения правильности в умствованиях и выводе последствий равным образом; 3) признаком справедливости будет и то, когда какое-либо мнение не будет противоречить с другими общеизвестными истинами и когда противное ему есть очевидно ложно. Для того при исследовании философического рассуждения надлежит рассматривать: 1) *начала*, на коих оно основывается; 2) связь и правильность умозаключений; 3) сообразность его с другими истинами и началами.

§ 210. Прежде нежели мы действительно приступим к исследованию какого-либо мнения, необходимо нужно приобрести об нем ясное и раздельное во всех частях понятие, ибо без сего не можем сделать надле-

жащего суждения как об началах, на коих основывается, так и об выводимых из них последствиях. Для того со вниманием и не однажды надлежит то рассуждение перечитать, дабы все в нем видеть и обозреть каждую его часть, связь оной с другими и отношение к целому. Но поелику в целом сочинения сего не без затруднения достигнуть можно по той причине, что в оном иногда связь мыслей бывает искусственная, и притом многое для полноты и округлости слога вменяется, то для сего полезно будет из такового сочинения сделать экстракт, или извлечение, откидывая и оставляя все мысли, не существенно относящиеся к главному предмету, и все мысли приводя в логическую краткость и простоту. Сим образом все сочинение, будучи сокращено, раздроблено и, так сказать, облачено во всех своих частях, не будет в себе ничего содержать трудного для обстоятельного его уразумения, и мы тогда смелее и успешнее можем приступить к делу.

§ 211. Общими философическими началами суть все предложения, непосредственно являющиеся из опытов или всеобщего чувствования или основывающиеся на внутренней идее сообразности или противоречии (§ 120). Начала же какого-либо философического рассуждения в особенности суть те в оном предложения, с коих начинается последование умозаключений, материю оного составляющих или на которые все сочинение разрешено быть может. В рассуждении сих последних смотреть надобно: 1) каковы они сами в себе, т. е. точно ли следуют из всеобщего опыта, или если дело будет удалено от всеобщего людей разумения, то подтверждаются ли опытами частными, несомнительными, ясно и точно в таком разуме, в каком предлагаются, ибо часто бывает, что сии предлагаемые начала иногда содержат в себе больше, нежели сколько опыт показать может, а иногда утаивают нечто являемое опытом, отчего в обоих случаях могут произведены быть ложные последствия (§ 148); 2) в образе выражения их на словах или в терминах, оные составляющих, не скрывается ли какой обиходности или нет ли чего произвольного, ибо случается, что писатели пользуются та-

ковою обособленностью для своих видов и нарочно скрытым образом вмешивают в свои начала что-либо от себя, дабы после на то сослаться как на истину, уже допущенную, а потому и не требующую уже дальнейшего рассмотрения; 3) примечать, в каком разуме за начала приняты быть могут, т. е. справедливы они в повсемственном смысле или в частном, под некоторыми ограничениями или просто, ибо и здесь бывает злоупотребление, что писатели ограниченный смысл превращают в неограниченный, частный — в общий, дабы придать своим умствованиям вид твердости, которой в них недостает.

§ 212. Исследовав и испытав таким образом начала философского рассуждения, можно будет уже приступить и к продолжению оного и рассматривать умствование, на тех началах основывающиеся. В рассуждении сего надлежит смотреть: 1) достаточны ли нужные по местам основания, определения, разделения и ограничения; 2) не сделано ли где-либо ложного последствия или не вложено ли произвольного положения; 3) в образе заключений нет ли принужденной напряженности, надмерного усилия доказать или объяснить то, что доказать и объяснить трудно (§ 172); 4) не прерывается ли где, хотя скрытно, связь умозаключений, так что последующие умствования только по-видимому основываются на предыдущих; 5) не опровергаются ли какие предложения другими, т. е. нет ли противоречия в самом сочинении; 6) не противны ли в нем некоторые предложения, по-видимому доказанные, другим истинам, несомнительным и прочее, что знающий и опытный сам придумать может.

§ 213. После сего нужно еще снова все пересмотреть и обозреть, дабы видеть все преимущества и недостатки того сочинения и причины оных и дабы потом сделать об нем основательное решительное мнение, т. е. полную ли оно имеет умозрительную ясность (§ 150), или только что автор в нем приближался к истине (§ 172); или сомнительно и есть не другое что, как одно предположение (§ 152), или, наконец, прямо неосновательно и ложно (§ 195).

§ 214. Из опыта уже известно, что многие из повествуемых происшествий иные совсем неосновательны и ложны, а иные хотя во многом и справедливы, но много также в себе заключают выдуманного и прибавочного. Почему и нужно предложить некоторые примечания, которые могут нам служить в испытании справедливости какого-либо исторического мнения. В каком намерении надлежит, во-первых, смотреть на свойство повествуемого дела, а потом на свойство тех, кои об нем повествуют, или на личные качества и важность самих историков.

§ 215. В рассуждении самого дела надобно смотреть: 1) обыкновенное ли оно или необычайное, редко случающееся и странное, ибо повествования о происшествиях такого рода требуют для точного уверения о своей подлинности больших и важных признаков исторической достоверности, нежели те, в которых рассказывается что-либо ежедневно, так сказать, случающееся; 2) естественное ли или вышеестественное и заключающее в себе некоторую чудесность, ибо нередко случается, что некоторые и естественные приключения, но редкие и неожиданные по легковерию почитаются вышеестественными. Почему повествуемые в истории чудесные происшествия требуют обстоятельного рассмотрения и сильнейших признаков их события; 3) простое в своих обстоятельствах и ясное, так что не требуется дальнего внимания снискать об нем чувственное познание, или запутанное, о котором чтоб иметь порядочное понятие, нужно не только внимание и местную удобность к познанию его чувствами, но и несколько приготовленный и образованный к тому разум; 4) обстоятельствами предыдущими и последующими оправдываемое или не оправдываемое? Ибо, чтоб поверить какому-либо важному происшествию, надобно видеть, какую оно имело связь с предыдущими обстоятельствами и какое влияние на последующие, иначе не можно будет знать, почему б оно в истории имело место. Редкие явления в природе, коих причины и последствия часто от нас бывают сокрыты, можно из

сего исключить, довольно, чтобы они имели другие признаки достоверности.

§ 216. В рассуждении повествователей надлежит смотреть: 1) многие об одном деле согласно повествуют, или немногие, или еще один, ибо свидетельство одного не столько имеет важности к уверению, сколько согласное многих; 2) очевидцы они или рассказывают понаслышке? Повествуемое очевидцами больше заслуживает вероятия, нежели теми, кои дело знают понаслышке, но иногда случается, что на показания последних лучше можно положиться, смотря по свойству повествуемого дела или по личным обстоятельствам свидетелей; 3) современники или после жившие? О сих то же самое разуметь надлежит; 4) из после живших ближайšie к тому времени или новейšie? Уверения последних всю силу заимствуют от свидетельства первых; 5) не подлежащие подозрению, что обманулись в познании повествуемого ими дела, или такие, коих в том подозревать должно.

§ 217. Итак, признаки историка, заслуживающего вероятие, смотря по личным его качествам, будут сии: 1) если в отношении к повествуемому им происшествию мог оное знать обстоятельно, т. е. был или современником или жил недолго спустя после того времени, коего происшествие описывает и о котором мог он потому прямо вызнать из достоверных источников; 2) когда известно, что способностей его ума не превышало свойство повествуемого им дела, или когда не можно будет думать, что он по своему слабоумию так представляет оное; 3) когда не можно его подозревать в легковерии или востренности, без разбора все приемлющей и выдающей за верное; 4) когда не видно будет, чтоб он к повествуемому им делу имел какое-либо слепое пристрастие или предубеждение, по которому он даже и ведать оное порядочно не мог (§ 134 и далее); 5) когда не видно будет никакого резона, чтоб повествовал то дело таким, а не другим образом или для своей безопасности, или прибыли, или для угождения кому-либо, или для чего другого; 6) когда в повествовании своем он не будет себе противоречить или оное, как бы забывшись, в важных статьях пере-

иначивать; 7) когда повествуемое им подтверждается свидетельствами других историков, о коих нельзя думать, что имели с ним и между собою связь и друг у друга списывали, что можно применить и из того, когда находится между ими некоторое разногласие (§ 129); 8) когда и самые его враги, и враги повествуемого им дела его не опровергают или когда в их опровержениях находятся следы напряженного ухищрения и лукавства.

§ 218. После сего уже можно видеть, каких качеств историки могут быть подозрительными или не весьма вероятными. Но кроме сего можно присовокупить и следующее: 1) напыщенность слога и излишняя его украшенность заставляют подозревать, что повествователь хотел занять воображение, дабы после овладеть и вероимством читателей; 2) чрезмерная обстоятельность в повествовании, простирающаяся даже до мелочной подробности, заставляя думать, что автор писал всю свою историю на месте и был очевидцем всего, что ни делалось, и притом все то описать успел, или почерпал из тогдашних на месте записок (о коих, однако ж, надлежит знать, были ли они, и буде были, то подробные ли или главные только обстоятельства дела в себе заключающие?), или, наконец, дополнял из своего воображения, дабы доставить чрез то своему повествованию вид возможной полноты; 3) вмешиваемые в повествование авторские рассуждения и замечания, в коих он старается выставить свой ум, сведения и важность, показывают некоторым образом, что он намеревался предубедить к себе читателей, дабы без дальнего разыскания поверили ему, что он повествует.

§ 219. Итак, признаки, что повествуемое каким-либо писателем дело заслуживает вероятие, могут быть сии: 1) когда оно само в себе возможно и в главных обстоятельствах не имеет противоречия; 2) когда повествуется писателем, достойным вероятия, смотря не только по личным его качествам, но и по удобности знать обстоятельно и с прямой стороны оное; 3) когда еще подтверждается и оправдывается обстоятельствами как современными, так предыдущими и последующими;

4) когда подтверждается постоянно разными и приличными, смотря по обстоятельствам, историческими памятниками.

§ 220. Исторические памятники кроме оставшихся в целости повествований и записок суть: 1) всеобщая народная вера, однако ж таковая, о коей не можно подозревать, что основана на предубеждении или обмане; 2) постоянное предание такого ж свойства, в главных частях не изменившееся; 3) публичные установления, праздники, обряды, в память какого-либо важного происшествия сделанные; 4) здания и другие произведения художеств, как, напр., храмы, статуи, надписи, медали да и самые иногда народные сказки; 5) народные обыкновения, предрассудки, пословицы и даже известные и страстные обороты в выражениях.

§ 221. Когда повествуется какое вышеестественное, или чудное, происшествие, то для уверения в его подлинности сверх вышесказанного требуется: 1) чтоб видны были нравственные причины, для коих оно случилось и коим иначе по тогдашним и местным обстоятельствам удовлетворить было не можно; 2) чтоб было в свое время строго разыскано и исследовано и не подлежало бы никакому правильному сомнению или объяснению одного другим, естественным образом; 3) чтоб из его отвержения или естественного объяснения следовала неизъяснимость в истории, противоречие между обстоятельствами предыдущими и последующими и скачок (*saltus*) в последовании происшествий; 4) чтоб никак не можно было подозревать, что повествование его и вероимство оному произошло от вкуса и склонности тех времен.

§ 222. Рассматривая таким образом какое-либо повествование во всех частях, можно будет видеть, все ли оно сомнительно или только в некоторых местах? И сие последнее сомнение происходит или от неосновательности в самом повествовании, или только от недостатка ближайших и лучших сведений, или, наконец, от древности, все истлевающей и превращающей. Почему весьма несправедливо было бы за некоторые только сомнительные или темные места в повествовании все оное отвергать и почитать ложным или выдуманым,

ибо иначе все бы вообще повествование таковым почестъ надлежало.

Член четвертый. Об исследовании мнения, основанного на аналогии, или на подобии, или противоположности вещей

§ 223. Основанные на аналогии рассуждения убедительность свою получают от явственного сходства или противоположности, между двумя предметами находящихся, так что или не было бы никакой причины, или бы явная следовала нелепость отвергать что-либо в рассматриваемом нами предмете, несмотря на сходство его с другим, нам известным. Почему при исследовании аналогического мнения надлежит брать в рассуждение три вещи: 1) сходство их или противоположность; 2) ясность последствия от одной к другой; 3) внутреннее свойство положения, противоположенно-го аналогическому заключению.

§ 224. Вещи сходны между собою бывают или в рассуждении естественных своих принадлежностей или случайных. То же разуместь надлежит и об их противоположности. О принадлежностях случайных, равно и об естественных, но особенных, надлежит замечать, что они только могут быть познаваемы посредством опыта или чувствования. Почему от случайных или особенных принадлежностей, в одной вещи находящихся, никак не можно заключать о таковых же в другой по одному только сходству с первою. Итак, остается, что в аналогическом умствования принимаемы быть могут в рассуждение одни физические, и притом общие, принадлежности, а о случайных мы не более знать можем, как только совместны ли оные с другою вещию или нет (§ 119).

§ 225. Но равным образом от примеченного нами некоторого сходства между вещами какое имеем право заключать о полном их сходстве? Ежели вещь *A* имеет у себя принадлежности *d*, *c*, *f*, а другая, *B*, имеет те же самые принадлежности *d*, *c*, то могут ли думать, что уже последняя по предыдущему с первою сходству имеет также и оставшуюся принадлежность *f*?

Не может ли стать, что затем ее не имеет, что отлична от A или B не есть A . Почему, доколе не будет показано, что или принадлежность f отнюдь не есть качество вещи A , от ее особенности происходящее, или что оно, хотя не есть последствие принадлежностей c , d , однако ж столько тесно с ними соединено, что первые без последнего ни к чему бы не служили,— до тех пор вышесказанное умствование никакой почти силы к строгому уверению не имеет и есть не более как только предположение и догадка. Почему, прежде нежели сделано будет какое-либо аналогическое умствование, можно потребовать удовлетворительного объяснения: 1) что принадлежность, которая выводится в заключении, отнюдь не может почтаться особенною, а общею или родою; 2) что она с известными нами качествами первой подобной вещи, от коей наводится заключение, в тесной находится связи.

§ 226. Подобным образом аналогия часто выступает из пределов, основывая свои умствования на существенной противоположности, примечаемой между вещами, ибо когда некоторые двух вещей существенные качества между собою противоположны, то следует ли из того заключать, что и все то не прилично одной вещи, что не прилично другой? Ибо, как нет совершенного между вещами подобия, так и совершенной противоположности; и потому очень стать может, да и должно, что в двух противоположенных между собою вещах бывают такие принадлежности, кои обеим общи и в обеих находятся. Почему такое аналогическое умствование подлинную силу может иметь только в таких случаях, где будет явно объяснено, что существенное качество вещи A противоположено существенным качествам c , d , e вещи B и состоит с ними в противоречии; и тогда можно будет заключать, что тех качеств c , d , e в вещи A нет и быть не может.

§ 227. Когда делается от подобных причин заключение к подобным действиям и от подобных прежних обстоятельств к подобным последующим, то надобно смотреть: 1) предлагаемые прежде бывшие причины подлинно ли были причинами приписываемых им действий и прежде бывшие обстоятельства подлинно ли

сами по себе, а не другое что от нас ныне почитаемое за маловажность ограничивали последующие; 2) точно ли сравниваемые причины и обстоятельства между собою подобны, ибо часто малое различие в оных производит большое различие впоследствии; 3) нет ли ныне каких-либо препятствий, кои причинам мешают производить такие же действия и нынешним предыдущим обстоятельствам подобных последующих, каковых препятствий прежде не было; 4) нынешние причины и обстоятельства равносильны ли сами в себе с прежними, т. е. имеют ли одинаковую с ними соразмерность в рассуждении своих последствий или только что по наружности подобны; 5) предметы и вещи, над коими должно совершиться действие или [должны] случиться предполагаемые обстоятельства, точно ли подобны прежде бывшим или не имеют ли такой разности, которая может дать всему другой оборот. Из чего видно, что основательность таких умствований зависит единственно от подробного, и притом достаточного, сведения о том, что прежде было, и о том, что ныне есть.

§ 228. Можно также испытывать силу аналогичских умозаключений и тем, что поелику и самые между собою сходные вещи в чем-нибудь различны и самые различные в чем-нибудь сходны, то смотреть, не можно ли в первом случае от различия, а во втором от сходства вывести умствования противного предлагаемому автором и тем его или опровергнуть, или его доводы ослабить. Когда сие удастся, то явствует, что оные были ничтожны, в противном случае имеют вероятность или по крайней мере некоторое правдоподобие.

§ 229. Поелику слабость доводов, на которых какое-либо мнение утверждается, еще не доказывает неосновательности и несправедливости оного, а доводы аналогичские почти все суть таковы, что порознь и особенно взятые силою своею не могут равняться с доводами опыта или категорического умствования, то для ближайшего усмотрения, справедливо или нет аналогически доказываемое мнение, надлежит наконец рассматривать свойство положения, противного оному. И ежели найдется, что последнее заключает в себе яв-

ную нелепость и несообразимость, в таком случае надлежит то мнение почитать достойным вероятия; если же, напротив того, и противное положение имеет на своей стороне некоторые признаки и никакой несообразности в себе не заключает, тогда аналогически доказываемое мнение не более может почтеться, как предположением (§ 152, сверх сего можно снести § 208 и 213).

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ О ЧТЕНИИ ПИСАТЕЛЕЙ

Член первый. О чтении писателей вообще, препонах к оному и качествах, потребных со стороны читателей

§ 230. В училищах получаем только первые, так сказать, начертания нужных для общежития знаний. Чтоб в них по выбору своему достигнуть потребного степени совершенства и зрелости, к тому сверх собственного размышления и опыта полезнейшее и необходимое есть средство чтение писателей, отличившихся во всяком роде наук и знаний и кои посредством своих сочинений хотели сообщить другим приобретенные ими сведения. И потому нет никакой науки, никакого знания, в котором бы можно было обойтись без сего пособия и для которого бы не нужно было оное сколько возможно одобрять. Читая книги, мы советуемся с учеными всех веков и всех народов и из их наставлений выбираем для себя лучшее и полезнейшее.

§ 231. Впрочем, нельзя не заметить, что чтение книг, сделанное без выбора или учрежденное несообразно с способностями и намерением читающего, более может принести вреда, нежели пользы, и скорее замешать наши об какой-либо вещи понятия, нежели оные раскрыть и привести в порядок. Почему и здесь, как и везде, должно сообразоваться с правилами хорошей методы и, сделав приличный выбор между авторами, начинать с легчайших, дабы потом с бóльшим успехом поступать к труднейшим.

§ 232. Что касается до выбора книг, то: 1) оный должен быть сделан сообразно с видами и намерением читающего, ибо когда хотим получить только общее об какой-либо материи понятие, то бы очень было некстати читать такие книги, в которых об ней предлагается пространно и глубокомысленно; равным образом для желающего усовершенить себя в какой-либо науке весьма бы было несоответственно читать поверхностные только сокращения об оной или сочинения, не собственно к ней относящиеся; 2) из книг одинакого содержания выбирать лучшие и наиболее одобряемые беспристрастными и опытными в той части учеными, не забывая притом и того, что часто таковое одобрение зависит от вкуса и господствующего образа мыслей, равно как и от новости, привлекательной своею неожиданностью; 3) чтение книг, признанных или недостаточными или малоодобряемых почему-либо, лучше оставлять до тех пор, когда довольно усовершився в познании того предмета, о котором те книги писаны, притом не надлежит и совсем их презирать, ибо легко может, что найдем там нечто такое, чего не находится и в хороших.

§ 233. Чтобы с пользою и успехом можно было предпринять чтение известного рода книг, то со стороны читателя требуется: 1) знать достаточно тот язык, на котором какая-либо книга писана, ибо вернее можно узнать мысли автора в подлиннике, нежели в переводе; впрочем, не надобно пренебрегать и переводами, когда они сделаны были известными в том роде знаний учеными и приобрели себе уважение от всех, тем паче когда переводивший присовокупляет еще и свои замечания на мысли автора; 2) иметь предварительное сведение о том предмете, о котором читать намерены, или по крайней мере о предметах предуготовительных, ибо иначе труд будет напрасен или, смотря по качествам читающего, может ему обратиться во вред, подав ему повод к предрассудкам и заблуждениям.

§ 234. При самом же чтении надлежит наблюдать следующее: 1) наперед узнать, с каким намерением сочинитель писал свою книгу и какая у него притом

была главная цель, что иногда можно видеть и из предисловия. Причем нельзя не заметить, что часто авторы в предисловии истинное намерение своего сочинения скрывают, показывая совсем другое, так, напр., Еразмовы «Разговоры»⁸, по словам его сделанные будто для научения детей говорить по-латине, в самом деле суть не другое что, как сатира на образ мыслей его современников; 2) читать со вниманием и неспешно, дабы можно было понять и еще самому подумать об том, что предлагает автор; 3) при местах трудных и на первый случай непонятных не останавливаться, но, заметив их, продолжать чтение, ибо часто бывает, что впоследствии оные или сами собою поясняются, или другими подобными мыслями пояснены будут; 4) почему в первый раз надлежит книгу читать несколько поспешнее и безостановочно, дабы заметить главное ее содержание и увидеть подлинную ее цель, после чего уже можно будет приступить к чтению оной с полным вниманием и испытывающею рассудительностью (§ 205—229); 5) ежели содержание книги отлично важно, то можно оное сокращенно для себя выписывать, равным образом и частные в оной места, заслуживающие преимущественное внимание, отмечать или также выписывать.

§ 235. При чтении писателей встречаются два затруднения, именно ж: 1) иногда в них, а наипаче в древних, многие находятся такие места, коих смысл или совсем темен, или сомнителен, так что немалою стоит труда оный угадать; 2) есть книги, которые подложно носят на себе имя сочинителей, коим они приписываются, да и в самых подлинных сочинениях иногда попадаются места, вставленные другими или испорченные. В первом случае мы, не поняв автора, приписываем ему ложные мысли, а в другом присваиваем ему чужие, и потому в обоих случаях ошибаемся. Почему и нужно знать особенные правила: 1) как открывать подлинные мысли автора, когда они темны; 2) как в сочинениях отличать подложное или испорченное от подлинного и самим автором написанного. Наука, занимающаяся первым предметом, называется *герменевтикою*; а вторым — *критикою*. Общие и глав-

нейшие правила обеих предложены будут в следующих за сим отделениях.

Член второй.

Главнейшие правила герменевтики

§ 236. Трудность в угадывании подлинных мыслей автора случается или оттого, что он сам выразил их темно, или что хотя в самом деле он говорит и ясно, но по каким-либо причинам мы его понимать не так удобно можем. Первый случай, т. е. что сам автор выражается темно, бывает: 1) *ненаочно и без намерения* со стороны автора, ибо мы сами на себе примечать можем, что часто написанное нами другие не понимают как должно, несмотря на то что для нас все кажется вразумительно и ясно, да иногда по прошествии некоторого времени мы и сами в угадывании подлинных своих прежних мыслей затрудняемся; 2) *по необходимости*, когда за неимением в языке слов для выражения своей мысли автор выражает оную особенным и отменным от общего употребления языка образом или когда еще и сам затрудняется дать постоянное и ясное знаменование своим мыслям; 3) *наочно*, когда он в виду у себя имел, чтоб только те его понимали, для коих он писал, или когда почему-либо он не хотел в том месте прямо объяснять свои мысли, а обнаруживает их под прикрытием или издалека.

§ 237. Мы затрудняемся в отгадывании подлинных мыслей автора: 1) по причине древности или малой известности языка, на коем писал читаемый нами автор, отчего все тому языку собственные обороты, отличные от нынешних, нас приводят в замешательство; 2) по причине незнания обстоятельств тогдашних и местных, на которые автор намекал и которые в его время и в его земле, может быть, всем были известны; 3) по причине незнания личных обстоятельств автора, приспособляясь к коим он выражал себя таким, а не другим образом; 4) по причине особого образа мыслей, которого держался автор и приноровляясь к которому он изъяснялся, и 5) по причине неизвестности для нас

или в наши времена самых предметов, о коих автор упоминает.

§ 238. Итак, чтобы не затрудняться в точном разумении писателей, то со стороны читающего требуется: 1) знать основательно язык, на коем писал автор, как вообще, так и отличительное одного свойство, бывшее во время сочинителя, ведать особенные того языка обороты и образ выражений, или, иначе говоря, его идиотизмы⁹; 2) знать обстоятельства местные тех времен, как политические, так до общежития и учености касающиеся, равным образом иметь сведение и об обстоятельствах самого автора, об его образе мыслей, секте, дружественных связях и о прочем, что до него принадлежит и какое-либо отношение к его сочинению иметь может; 3) применить к слогу, каковым наконец объяснялся автор, к любимым его приемам, сравнениям и к его особенному образу выражений; 4) ведать намерение, для коего писал он свое сочинение, и тогдашние обстоятельства, его собственные и внешние.

§ 239. Сверх сего, пособиями для истолкования сомнительных писательских мыслей могут быть: 1) соображение темного места с мыслями предыдущими и последующими; 2) свод параллельных мест, где автор говорит о том же или о подобном предмете; 3) припоровление одного к другим местам, с которыми имеет оно какую-либо связь или отношение; 4) справки с другими писателями, на которых он или ссылался или кои на него ссылались, будучи с ним одинакого мнения, и о том же предмете писали; 5) мнение ученых о подлинном значении того места, переводы, заслуживающие внимания, комментарии и прочие ученые пособия — технологические, философические и исторические; 6) справки с манускриптами и изданиями, преимущественно пред другими одобряемыми.

§ 240. В рассуждении же самого толкования надлежит держаться таковых правил: 1) от смысла буквенного без нужды не удаляться и разве тогда допустить переносный, когда буквенный совсем неместен и когда метафорическое значение оправдываться будет свойством и обстоятельствами самого дела; 2) не торопиться

решительным истолкованием темного места, а обжидать, пока соберутся все нужные для того пособия; 3) места, и после всего остающиеся темными или двусмысленными, принимать в том значении, которое наиболее сообразно с прочими мыслями автора; 4) когда с основанием можно будет подозревать, что писатель нарочно выражает свои мысли под прикрытием или только что поверхностно, то смотреть, к каким наипаче обстоятельствам его времени опыте применены быть могут, и после таковое свое изъяснение стараться оправдать показанием причин, для которых автор хотел или должен был непрямо обнаруживать свои мысли.

§ 241. При всем том находятся в писателях, а паче древних, такие места, которые, несмотря на все усилия ученых, по сие время остаются темными и неизвестными. Чему причиною полагать можно или грубые ошибки, вкравшиеся в первые манускрипты от неосторожных переписчиков*, или древность и другие причины, по которым мы ныне не в состоянии угадать точных мыслей автора, или, наконец, собственные того писателя ошибки и забывчивость. Почему стараться совершенно изъяснить таковые места был бы труд тщетный и бесполезный, а тем еще паче, когда опыте ничего в себе для познания нашего нужного и занимательного не заключают.

Член третий.

Главнейшие правила критики

§ 242. Критикою вообще называется знание определять истинную цену вещей, отличая в них дельное и подлинное от недостаточного и подложного. Почему все произведения человеческого ума и искусства, смотря по особливим своим качествам, подлежат и особой

* Примеч. Часто искажает подлинный смысл автора небрежность переписчиков в соблюдении правил орфографии, чему примеров видеть можно довольно.

критике, взявлющей свои правила от свойства и намерения тех вещей. Таким образом, по особенным правилам критиковать надлежит архитектуру гражданскую, нежели военную, иначе критикуется история и другим образом какая-либо философская система. Критика, о которой мы теперь предлагать намерены, поелику имеет в предмете только то, чтоб узнавать, подлинное ли какое сочинение или подложно приписуемое известному автору, может назваться *критикою автентическою* (подлинности — *authenticitatis*).

§ 243. Подлинные сочинения суть те, о коих известно, что они точно сделаны тем писателем, коему обыкновенно приписуются, а подложные — о коих есть достаточные причины думать, что они написаны кем-либо другим, а не тем, чье имя на себе носят; равным образом подложными называются и места в сочинениях, вставленные другими, или самые авторские, но другими перепорченные. Подложные сочинения или места таковыми вообще признаются: 1) по историческим о том признакам; 2) по несообразности с обстоятельствами, при которых надлежит быть написанным сочинению; 3) по несообразности с личными качествами писателя. Почему для предприемлющего делать критику в рассуждении подлинности и неиспорченности какого-либо сочинения требуется всех тех сведений, о коих в § 238 упомянуто.

§ 244. Признаки подложного или сомнительного сочинения или места в оном, от истории вземлемые, суть: 1) когда об оном нисколько не упоминается от современников и ближайших, несмотря на то что по приличию материи упомянуть бы надлежало; 2) когда в лучших и древнейших или по крайней мере во многих внимании заслуживающих манускриптах и первоначальных переводах оное совсем опущено и притом никакой причины такового упущения не видно; 3) когда в писателях, ближайших к тому времени, об оном именно яко о подложном или испорченном упоминается и, сверх сего, показываются правильные того причины; 4) когда по истории даже известно, от кого такой подлог или порча произошла и по каким побуждениям.

§ 245. По обстоятельствам сочинение или место оно бывает подозрительно: 1) когда в нем приметна несообразность со временем, в которое надлежит быть ему написанным, или несообразность хронологическая; 2) когда приметна несообразность с обстоятельствами, кои в нем представляются не как были тогда, а как были прежде или после; 3) когда оно явно несходно почему-либо с духом и образом мыслей того времени; 4) когда лица и вещи представляются в нем в превратном виде против известных тогдашних обстоятельств и показаний современных писателей; 5) когда самое свойство языка, на коем писано, показывает позднейшее его происхождение.

§ 246. В отношении к самому писателю, коему приписывается, бывает сочинение подозрительно: 1) когда оказывается в нем несходство с его характером и нравственными качествами, известными по истории; 2) когда видно в нем нечто такое, чего никак нельзя согласить с званием писателя; 3) когда в нем видна несообразность с знаниями писателя, т. е. или превышая оные или показуя их в гораздо низшей степени против того, какие он имел; 4) когда заметно в нем нечто несвойственное роду жизни и обстоятельствам писателя; 5) когда явно противоречит и испровергает любимые мнения писателя, которых он постоянно всегда держался; 6) когда прямо не соответствует его слогу и образу собственных ему выражений; 7) когда не сходствует с прочими его писаниями и мыслями, до той же материи относящимися; 8) когда рассматриваемое место не имеет связи с мыслями предыдущими и последующими или имеет, но худую, так что прямо можно подозревать, что оно или испорчено, или вставлено.

§ 247. Следует теперь показать причины, по которым бывает подлог сочинений или порча мест, что может послужить не только к объяснению, почему какое место испорчено, но даже иногда и показать дорогу, каким образом его исправить.

Подложные сочинения начало свое имеют: 1) от легкомыслия читателей, которые, читая какое-либо сочинение, о коем прямо неизвестно, кем оно написано,

тотчас приписывают его первому, больше им известному человеку и коему, по их мнению, наипаче оно приличествовать должно; 2) от бессовестного бездельничества некоторых, которые, или не смея, или опасаясь почему-либо обнаружить публике свои мысли, выдают их под именем человека, ей известного и который уже приобрел ее уважение. Испорченность же или подложность некоторых мест в писателях происходит: 1) от случайных ошибок переписчиков, которые, по времени умножаясь, совсем то место переиначивают; 2) от невежества переправщиков, которые, не понимая какой-либо статьи, оную по-своему неосмотрительно правят или даже подставляют свои мысли; 3) от пристрастия или к автору, или к его мыслям, по которому или хотят его лишить доверия читателей, или думают мнимые его погрешности исправить, или недостатки дополнить; 4) от коварной уловки оправдывать свое мнение ссылкой на уважаемого писателя.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

§ 248. Сим мы намерены окончить наставления логики, коей вся цель есть то, чтобы предварить себя от заблуждений и познать истину, сколько сие последнее для человека возможно. Впрочем, думать даже не должно, чтобы одно знание логических правил могло предохранить нас от заблуждений и ошибок. Примеры славнейших ученых сие доказывают. Сверх знания логики нужны к сему и многие другие принадлежности со стороны любителя истины, именно ж: 1) благоразумное сомнение, по которому мы не прежде на что-либо соглашаемся, как тогда, когда узнаем убедительные того доводы; 2) деятельное старание, употребляющее все способы познать истину или ее открыть; 3) беспристрастие к истине, какова бы она ни была, т. е. хотя б была сообразна с прежним нашим образом мыслей или нет; 4) искреннее желание познать истину, а не подтвердить только свое мнение мнимыми или какими-либо доводами; 5) опытность с нашей сто-

роны как в рассуждении рассматриваемого предмета, так и вообще в рассуждении навыка судить о вещах основательно; 6) собственное и тщательное благоразумно-медленное внимание в свойства и обстоятельства рассматриваемого предмета и, наконец, 7) благоразумное остановление своих рассуждений там, где к оным не руководит нас ни опыт, ни явственное умозаключение, то есть приличное философу и человеку признание своего неведения в случаях, превышающих его способности и обыкновенные средства к познанию.

Тимофей Федорович
ОСИПОВСКИЙ

О ПРОСТРАНСТВЕ И ВРЕМЕНИ

1807

Речь, произнесенная в торжественном собрании Харьковского университета

...Намерен я с позволения почтеннейшего собрания предложить мысли мои о пространстве и времени.

Во-первых, представляю я в коротких словах умствования о сем новейших философов Германии, и в особенности Канта, основателя наиболее приемлемой там философской системы. Он в своей «Критике чистого рассудка» рассуждает о сем так: 1-е. Понятие о всем, вне нас находящемся, приобретаем мы чрез опытность, но в произведении понятия как о пространстве, так и о времени опытность не участвует. 2-е. Сие понятие получается не от вещей, вне нас находящихся, но оно каждому понятию о вещах предшествует. 3-е. Как пространство, так и время можно вообразить отдельно от вещей, но никакой вещи без понятия вместе о пространстве и времени представить себе не можно. Посему 4-е. Пространство и время не суть принадлежности и условия существования вещей, но имеют бытие свое в нас одних, и мы оное по образу только нашего чувствования к вещам прилагаем, подобно тому как нам, вращающимся с Землею нашею около ее оси, кажется, что вместо того вертится около нас целое небо со всеми находящимися в нем телами.

Сколько ни рассуждал я об оных основаниях, из коих выведено им сие заключение, но, допустив даже, что они совершенно верны, никоим образом в них увидеть того не мог, чтоб оное заключение было необхо-

димое их следствие. Даже не мог усмотреть в них и того, чтобы они приличествовали более к существованию пространства и времени только в нас по образу нашего чувствования, нежели к действительному их существованию в природе как необходимостей для возможности существования вещей. И действительно, положим пространство существующим независимо от нас, но так, что мы необходимо в нем существуем и притом имеем чувства, устроенные к принятию от него впечатлений, то вместе с сим положением необходимо сопряжено будет, что оно, будучи от нас неотъемлемо, не преминет произвести на оные наши чувства такие впечатления, которые будут соответствовать и его сущности, и образованию тех чувств наших, кои устроены на принятие от него впечатлений. Следовательно, сии впечатления независимы будут от нашей опытности, ибо те понятия, кои мы, собственно, называем приобретенными чрез опытность, происходят в нас не от таких предметов, кои безотлучно при нас находятся и на наши чувства невольным образом действуют и не действовать не могут, но от таких, коих действие на оные бывает случайно или по нашей предварительной на то воле. Таким же образом, если в природе бытие всего в ней существующего есть последовательное и если имеем внутренние чувства, к понятию сего бытия устроенные, то они невольным образом, а посему независимо от нашей опытности откроют его в нас самих, ибо если бытие есть и есть общее всему в природе существующему, то оно от нас неотделимо и на внутренние наши чувства, для понятия его устроенные, не подействовать не может. Итак, из того, что понятия о пространстве и времени независимы от нашей опытности, не проистекает необходимого заключения к несуществованию их в природе, кроме нас самих, но сия независимость от опытности равно приличествует как к существованию их в нас только, так и к существованию в природе. Что же принадлежит до других двух оснований, то приличие их и к существованию как пространства, так и времени в природе очевидно, только бы говорилось в них о самых вещах, а не о качестве их.

Как из вышепредставленного суждения открывается, что оные основания, из коих выведено заключение о существовании пространства и времени только в нас одних, равномерно приличествуют и к существованию их в целой природе, то для определения, которое из сих двух противоположностей действительно имеет место, необходимо прибегнуть должно к следствиям того и другого положения и из событности или несобытности их заключить о возможности или невозможности которого-либо из оных положений.

Возьмем сперва в рассмотрение пространство и положим, что оно существует только в нас одних по образу нашего чувствования. Когда оно существует только в нас, но в природе его нет, то оно существует без всякого на нас впечатления извне, понятие об нем причиняющего, ибо тогда уже и самое понятие о внешности исчезает по причине той, что с сим понятием необходимо сопряжено существование пространства. Вместе с сим исчезает тогда и понятие о внешности, равно как и о внутренности наших чувств, и останется только, что мы имеем некоторые чувства, кои мы по образу нашего чувствования называем одни внешними, другие внутренними. Где ж теперь будут вещи, кои чувства наши представляют нам в пространстве вне нас? Самое слово *где* не будет тогда иметь никакого вещественного значения, ибо сие слово относится к месту как к части видимого нами пространства, но с несуществованием пространства исчезает вместе и вещественность понятия о местоположении вещей. Далее, что такое будут видимые нами положения вещей одной в рассуждении другой? Что значит, что одна вещь кажется нам далее или ближе, нежели другая, так что расстояние одной несколькократно содержится в расстоянии другой от нас? Что значит, когда мы усматриваем, что некоторые вещи положение свое одна в рассуждении другой изменяют? По системе несуществования пространства в природе всем сим явлениям, внутри нас только происходящим, ничего вещественного в ней не соответствует. Теперь спрашивается: как же сии явления в нас происходят, зависимо ли от вещей, на нас действующих, или независимо? Легко

рассудить можно, что вещи ни о чем таком понятия в нас родить не могут, чего в них нет и к ним не принадлежит, ибо если бы они могли родить в нас какое-либо понятие, то необходимо быть должно, чтоб сему понятию, в нас от них происходящему, соответствовало что-либо к ним принадлежащее, иначе могло бы случиться, чтобы ничто производило что-либо. Посему при несуществовании пространства как принадлежности всех вещей оные явления как относящиеся к пространству происходят в нас без всякого в том участия со стороны вещей.

Но все сии явления усматриваем мы невольным образом, ибо не в нашей воле состоит родить или не родить в нас понятие о месте какой-либо действующей на наши чувства вещи или распорядить, чтоб усматриваемые нами вещи представлялись нам в таком одна в рассуждении другой положении, как нам заблагорассудится. Притом сии явления усматриваем так, что ежели которое-либо из них усматривает один из нас, то усматривает его и другой совершенно соответственным образом и порядком. Каким же образом сие произойти может, когда в природе нет ничего сим явлениям соответствующего? Один остается способ, а именно надлежит быть предрасположению, чтоб в душе нашей вместе с действием на нее со стороны каких-либо вещей рождались независимо от нее понятия относительно к пространству, усматриваемые нами как сопровождающие сии действия и причиняющие в нас понятия об оных явлениях, т. е. при несуществовании пространства вне нас должно существовать относительно к душе каждого и ко всем вообще Лейбницево предустроенное согласие. Положим, что сие предустроенное согласие существует, и вообразим потом, что мы не всегда по неумолимому какому-либо закону приводимся к усматриванию того или другого явления, но весьма часто приводимся к тому по собственной нашей воле или по воле других, нередко управляемой своею нравом, то воображение устрашится необъятностью соображений и соглашений всех воль и случаев, дабы предустроенное согласие могло иметь место.

Но скажут, может быть, почему оное предустроен-

ное согласие для истолкования возможности оных явлений без существования пространства необходимо? Скажут, что вещи имеют взаимные отношения, не по образу только нашего чувствования к ним прилагаемые, но действительно к ним принадлежащие; и сии-то отношения, отпечатлеваясь в наших чувствах, рождают в нас оные явления относительно к пространству. Положим, что сии явления суть отношения вещей, но дабы иметь о сем чистое понятие, для сего одного слова, выражающего их, недовольно, надлежит сказать еще, что такое те отношения вещей: в сущности ли вещей они положены или от их сущности независимы? Видя беспрестанно, что оные отношения вещей изменяются, между тем как самые вещи остаются одни и те же, нельзя сказать, чтоб оные отношения положены были в сущности вещей или из нее происходили. Каким же образом сии отношения к вещам принадлежат? Они принадлежат к вещам так, что если бы при каком-либо отношении вещей сии вещи и уничтожились, то бы оные отношения остались. Следовательно, есть нечто особенное от вещей, что производит в нас понятие об оных отношениях, и сие особенное, что бы оно ни было, будет пространство.

Что принадлежит до времени, то вместе с положением существования его только в нас одних отнимется у вещей последовательное бытие их, ибо чрез одно только внутреннее чувствуемое нами последовательное бытие нас самих и соприбывание вместе с нами других вещей мы получаем понятие о времени как о принадлежности всех вещей. Но можно ли представить себе бытие вещей непоследовательным? В доказательство возможности сего понятия приводят то, что когда мы рассматриваем какую-либо вещь, состоящую из многих частей, коих вдруг обозреть не можно, то получаем понятия о частях ее одно после другого, между тем как части сии существуют вдруг, а не одна после другой. Но по моему мнению, сие доказательство не есть доказательство: мы с совершенным внутренним сознанием различаем тот случай, когда многообразное в каком-либо предмете существует вместе, от того случая, когда оное многообразное существует последова-

тельным образом, ибо в первом случае можем порядок явления для нас оных многоразличных частей одной после другой изменять по произволению, и притом в то же время разные люди могут сии явления рассматривать разным порядком, во втором же случае мы порядка последствия явлений изменить не можем и оный представляется нам невольным образом, притом совершенно одинаково как одному из нас, так и другому. Отчего же происходит сей невольный и для всех единообразный порядок последствия явлений, естли нет порядка в явлениях, а посему и времени — в природе? Сего опять иначе изъяснить не можно, как через предопределенное согласие.

Итак, когда нет ни пространства, ни времени в природе, то должно быть как относительно к тому, так и относительно к другому предопределенное согласие, и притом таким образом, чтобы предопределенное согласие в рассуждении времени согласовано было с предопределенным согласием в рассуждении пространства. Такая система невольным образом извлечет слова, сказанные Альфонсом X, королем Кастильским, по случаю рассуждения его о системе мира, изложенной Птоломеем, которая тогда вообще была принимаема¹.

Довольно, кажется, и сих необходимо проистекающих последствий из положения существования пространства и времени только в нас, дабы взять сомнение о сей системе. Но рассмотрим еще противности, кои основатель критической философии выставляет как сопряженные с положением существования пространства и времени кроме нас. Он говорит, что естли бы пространство и время не в нас только существовали, то бы понятие о них приобреталось нами чрез опытность, и тогда бы они не могли доставить никаких относительно к ним общих и несомненных синтетических заключений; но известно, что сии заключения возможны и истины, ими доставляемые, составили целую науку — математику. Я согласен с основателем критической философии, что нельзя вывести неоспоримых синтетических заключений из понятий, приобретаемых опытностью, когда сие приобретение понимаемо будет в том точно смысле, в каком он его предполагает, то есть

когда приобретаются понятия о некоторых частных случаях, к одному целому принадлежащих, но не несущих на себе печати всеобщности. Но понятие о пространстве совсем иначе приобретается: оно начинается от целого и части в сем уже целом содержатся, ибо всякий знает, да и сам г. Кант говорит, что понятие о пространстве предшествует понятию о всех вещах, кои занимают части сего целого. Возможность получить понятие о целом пространстве вместе с его частями положена, во-первых, в самом способе приобретения нами сего понятия, то есть в нашем чувстве зрения, так устроенном, чтоб в нем целое напечатлевалось вдруг со всеми его частями; во-вторых, в том, что сие целое единообразно во всей своей объятности и непрерывно. Когда ж понятие о пространстве начинается от целого, а притом оно единообразно во всех своих частях, то сие и доставляет возможность и удобство приложения к частям его как аналитических, так и синтетических исследований. Что ж принадлежит до времени, то хотя понятие о нем начинается и не от целого, но единообразие его и непрерывность налагают на него печать всеобщности, а потому и способности как к аналитическим, так и к синтетическим о нем суждениям.

Далее, говорит г-н Кант, если бы пространство было условие существования самых вещей и потому находилось бы оно в них, а не в нас только по образу нашего чувствования, то каким образом могли мы быть уверены, что то относящееся к пространству, что в нашем чувствовании принадлежит к какому-либо предмету, действительно принадлежит к нему? Но никто и не возьмет на себя доказывать, чтобы пространство, усматриваемое нами в вещах, было в них совершенно таково, каково нами усматривается; довольно, чтоб в них было усматриваемо нами нечто соответствующее, и соответствующее по постоянному закону зависимости между тем, что в них находится, и тем, как оно в чувствовании нашем напечатлевается. Напротив, если в вещи нет ничего соответствующего тому понятию, относящемуся к пространству, какое в нас при чувствовании ее рождается, и, следовательно, между сего вещью

и оным нашим понятием нет никакой взаимной зависимости, то почему тогда сие понятие относиться будет к оной вещи? Так, когда круглости, усматриваемой нами при рассмотрении на шар, не будет ничего соответствовать в шаре, почему тогда можем мы соединять понятие круглости с понятием шара, ибо тогда сии идеи не будут иметь никакой одна к другой принадлежности. В сем случае все синтетические сопряжения идей относительно к пространству, в математике предлагаемые и доказываемые, были бы чистые химеры, внутри только нашей головы невольным, но бессвязным образом происходящие и никакого отношения к вещам не имеющие, а посему и ни к какому приложению к оным неспособные; но всем известно, что никто, никогда и ничего не говорил вернее говоренного Эвклидом в «Элементах» его и нет ни в чем точнее того соответствия, как истины, в оных «Элементах» предлагаемые, согласны с тем, что действительно в вещах усматривается².

Все вышесказанное убеждает думать, что пространство и время суть условия бытия вещей, в самой природе и в них самих, а не в нашем только образе чувствования существующие. Что принадлежит до пространства, то мое суждение о нем таково: понятие об нем производится по впечатлениям, происходящим от него посредством наружных наших чувств на наши внутренние чувства. Впечатление же и тот предмет, который оное производит, не суть одно и то же, но чрезвычайно разнятся между собой подобно как цветы, солнцем производимые, разнятся от самого солнца. Может даже статья, и вероятно, что сие впечатление в разных людях по различному образованию чувств, для принятия его устроенных, бывает различно или по крайней мере имеет чувствительные оттенки. Посему, что такое есть пространство в своей сущности, нам неизвестно и мы не имеем способа узнать его сущность, но оно находится в самой природе и сущность его имеет постоянное отношение к тому впечатлению, которое оно в наших чувствах производит; а потому сравнение впечатлений, частями пространства производимых, выходит таково же, как и сравнение самых сих частей пространства. В подтверждение внешнего происхожде-

ния в нас понятия о пространстве привести можно описание того, что бывает с слепорожденными, когда они по доставлении им зрения в первый раз усматривают пространство и находящиеся в нем предметы. Как они всему удивляются! Как не различают дальнего от ближнего, великого от малого и руководствуются осязанием к приобретению сего различия! Ибо сие не доказывает ли, что естли они до открытия их зрения имели какое-либо понятие о пространстве, то его имели не по внутреннему его созерцанию, но по одним идеям, доставляемым чувством осязания.

Что же касается до времени, то я понимаю его не так, как нечто существующее в природе само по себе, но как необходимое произведение последовательного бытия вещей, бытия, которое представить не в последовательном виде не положено в нашей способности. Скажут, может быть, как и г-н Кант говорит, что время от вещей отвлечь можно и что, между тем как все вещи исчезают в воображении, оно остается. Но когда я ни принимался делать сие отвлечение, то, отвлеки его от всех прочих вещей, не мог никоим образом отвлечь его от себя самого. Из сего заключаю я, что понятие о времени приобретаем мы посредством чувствования бытия нас самих и относим оное к прочим вещам по понятию их сопребывания с нами.

РАССУЖДЕНИЕ О ДИНАМИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ КАНТА 1813

Естли прочтем изложение мнений и учений древних греческих философов, то увидим, что нравственные и математические их суждения были вообще хороши, но суждения их о разных явлениях природы большею частию странны и даже смешны. Отчего ж сие происходило? Оттого, что они искали всех познаний единственно почти в самих себе. И действительно, довольно только познать нам самих себя, дабы потом чрез приложение своих чувствований к другим почер-

пнуть все почти правила нравственности из самих себя. Равным образом довольно только того, чтоб получить идею о пространстве и сравнении между собою частей его, дабы все относящееся к отвлеченной математике чрез одни действия души нашей произвести было можно. Но дабы познать законы какого-либо явления природы, для сего надлежит сперва рассматривать его в разные времена, в разных видах, в разных отношениях к другим явлениям, имеющим действительное или видимое только влияние на оное, и изыскивать те состояния сего явления, в кои оно оказывается наиболее от прочих совместных явлений, а потом уже и делать свои о нем заключения. Буде же наблюдения над сим явлением еще не столь достаточны, чтобы можно было, так сказать, отделить его от всех втечений в него других явлений и определить меру сих втечений при разных обстоятельствах, то лучше не делать никаких об нем положительных заключений, нежели вдаваться в ложные заключения, могущие быть соблазном и руководством для других.

В оных древних философах находится множество таковых неосновательных заключений, из коих некоторые перешли и в европейские училища и преподаваемы были в оных как законы. Благодаря вразумлениям Баконюв, Декартов и других системы сии мало-помалу теряли свою доверенность и умные Европы радовались, видя освобождение от рабослужения к ним внимания. Но с недавнего времени дух древних греческих философов опять начал возникать в Германии, опять начали умствовать о природе а ргіогі и опять начали появляться системы одна страннее другой.

Я имел уже случай говорить в сем же самом месте о мнении философа (Канта), служившего источником сих систем, относительно к пространству и времени¹. Теперь да позволит мне почтеннейшее собрание предложить мысли мои о его же динамической системе.

Динамическую свою систему изложил сей философ в сочинении своем, изданном под названием «*Metaphysische Anfangsgründe der Naturwissenschaft*» («*Meta-*

физические основания естественной науки»). Сущность сей системы состоит в том, что он в свойстве каждой частицы материи предположил две коренные силы — притягательную и расширительную — и изъясняет пространство, каждым телом занимаемое, чрез равновесие сих сил, к каковому предположению приведен он был размышлением а priori о возможности занимать телами место в пространстве.

При рассуждении об образе действия сих сил он поставлен был в необходимости подвергнуть их следующим законам. 1-е. *Частицы материи расторгательною своею силою действуют на другие частицы единственно в их соприкосновении, притягательною же силою действуют только на частицы, находящиеся в удалении от них.* 2-е. *Если бы оставить при материи какого-либо тела одну только расширительную силу, то бы оно, занимая по сей силе отчасу большее пространство, наполнило оное собою до беспредельности; если же бы оставить одну притягательную силу, то бы оно, сжимаясь отчасу в меньшее пространство, сведено было наконец в геометрическую точку.* К первому закону приведен он был, без сомнения, тем суждением, что нельзя себе представить, чтоб какая-либо частица другую находящуюся от нее в каком-либо удалении могла вдруг и притягивать и отталкивать. Второй же закон есть необходимое следствие того суждения, что нельзя себе представить с достаточною причиною, чтоб тело, расширившись до известных пределов, вдруг как бы по собственному произволению более расширяться перестало, равно, по его понятию о пространстве, не входящем в определение сущности материи, но существующем только в образе нашего чувствования, нельзя представить, чтоб тело, приняв какую-либо обьятность, при существовании одной притягательной силы не могло занять еще меньшего пространства.

Что было поводом автору к предложению сей системы, о том в оном сочинении нигде ясно не сказано, догадываться только можно, что к сему побудило его несогласие числа общих свойств тел, в физиках доказываемых, с тройственными его категориями. И действительно, из оного его сочинения ясно усмотреть мож-

но, что он полагает в телах только три главных свойства, то есть оные две силы — притягательную и расширятельную — и подвижность материи. Непроницаемость и делимость тел производит он от расширятельности материи, упорства же (*inertia*) в числе свойств тел не оставляет, а считает его одною только принадлежностью мертвости материи, от коей ничто в телах не зависит; что ж касается до скважности, то сие свойство, по его понятию о распространении материи в пространстве, в природе и существовать не может.

Система сия столь же многими принята в Германии, сколько некогда имела приверженных к себе во Франции Декартова система вихрей². И действительно, она с первого взгляда столько же обворожает воображение, сколько и Декартова; но и в том сии две системы сходны, что как первая не могла выдержать математической проверки, так и последняя должна уступить строгим математическим суждениям.

Рассмотрим сперва расширятельную силу. Автор системы полагает, что сею силою действуют частицы материи в соприкосновении между собою. Но если положим, что при какой-либо объятности тела частицы материи, его составляющей, находятся в прикосновении между собой, то через сие предположим в материи определенное число частей, заключающихся каждая в известном пространстве и имеющих каждая свои пределы. Посему когда объятность тела чрез расширение изменится, то сии частицы не могут иначе остаться в прикосновении между собою, как когда каждая частица сама расширится; чего иначе понять не можно, как предположить внутри каждой частицы силу, ее расширяющую. Из сего следует, что взаимное расталкивание частиц при их взаимном соприкосновении ничто другое быть не может, как следствие расширятельной силы, положенной внутри пространства, каждою частицею занимаемого, и взаимной непроницаемости частиц. Сего же опять иначе вообразить не можно, как предположив каждую из оных частиц содержащею в себе множество других, меньших частиц, происходящих, так сказать, из одной частицы, непроницаемых между собою, из коих в центре каждой положена расшири-

тельная сила, действующая изнутри ее к поверхности, и при каждом расширении тела вновь то же самое преобразование в частях происходить должно.

Каждый, без сомнения, признается, что трудно понять, каким образом каждая физическая точка материи, имеющая внутри себя центр расширительной силы, при постепенном расширении тела разрождается, так сказать, на многие физические точки того же свойства. Но последователи сего автора, может быть, скажут, что трудность понятия не есть еще знак невозможности вещи; особенно в них понятие о сем вступо-моществоваться может их идеею о пространстве.

Итак, оставив дело на сей трудности, приступим к расширительной силе и вообразим с автором системы, что каждая частица материи тела действует на другие частицы, от нее удаленные. Всяк бесприкословно согласиться должен, что каждая частица должна действовать на другие частицы, в равном удалении от нее находящиеся, одинаково, следовательно, если вообразим около какой-либо частицы слой частиц, в равном удалении от нее находящихся, то она центральная частица на каждую частицу сего слоя будет действовать одинаково. Вообразим теперь два таковых слоя, в разном удалении от оной центральной частицы находящиеся, то, поелику одна и та же частица действует как на тот слой, так и на другой, естественно предположить должно, что действие на каждый из обоих слоев, ею производимое, есть одинаково, а посему действие на каждую частицу порознь, в сих слоях производимое, должно состоять в обратном содержании числа частиц, в сих слоях заключающихся. Итак, если предположим, что частицы в обоих оных слоях расположены одинаково (что всего сообразнее с понятием автора об образе занимаения телами пространств), то действие оной центральной частицы на каждую частицу в сих двух слоях должно состоять в обратном содержании геометрической величины сих слоев, а посему в обратном содержании квадратов расстояний сих слоев от оной частицы или, что выйдет на то же, действие каждой частицы материи на другие частицы, от нее удаленные, должно последовать обратному содер-

жанию квадратов расстояний сих удаленных частиц от частицы действующей.

Естьли сей закон действия притягательной силы в самом деле таков, то из сего следовать будет, что каждая частица материи должна действовать не только на одни частицы, от нее удаленные, но и на смежные с нею частицы, и притом на сии последние частицы должна действовать неизмеримо более, нежели на частицы, чувствительно удаленные, ибо с ходом природы не согласнo, чтоб сила, по известному закону отчасу увеличиваясь и увеличившись потом до безмерности, вдруг обратилась в нуль и в следующее мгновение опять сделалась неизмеримо великою. Да хотя бы действие притягательной силы следовало и другому какому-либо закону, выключая обратного содержания квадратов расстояния, однако ж, шоелику оно с расстоянием должно уменьшаться, не может быть в природе такая зависимость от расстояния, чтоб оно в продолжение какого-либо расстояния было равно нулю и, начавшись при конце сего расстояния в какой-либо определенной степени, потом постепенно уменьшалось; а посему она сила необходимо должна производить свое действие начиная от самого расстояния, равного нулю, и при сем расстоянии должно быть ее действие наибольшее.

Снесем теперь полученную нами идею о расширительной силе при предположении действия ее в соприкосновении частиц материи с идеею о притягательной их силе, то окажется, что по оной системе в центре каждой одной и той же частицы положена сила и отталкивающая смежные с нею частицы, и их к себе притягивающая. И чей рассудок так странен будет, чтоб мог сии два действия соединить в одном и том же начале! По крайней мере для меня сие совсем кажется несбыточно, и столько же несбыточно, как когда бы кто сказал, что одна и та же вещь вдруг может быть и горяча и холодна. Посему сколько она система с первого взгляду ни обворожительна, но она в природе, по крайней мере по моему суждению, существовать не может, то есть нельзя тому стать, чтоб каждая частица материи в сущности своей имела и притягательную и отторгательную силу к какой-либо другой

частице, но ежели иметь отторгательную силу, то не иметь уже притягательной, и напротив.

Позвольте мне, почтеннейшие слушатели, сделать при сем краткое обращение к юным питомцам сего святилища наук, для коих единственно избрал я сию сухую и никакого витийства недопускающую, а посему и незанимательную для публики материю. Ежели вы слышите или читаете, что философ природы постановляет а priori какой-либо закон ее, то, буде он не доказывает его с математическою строгостию, не полагайтесь на слова сего философа с искреннею к нему доверенностию, как бы сей закон ни обворожал воображение, но испытайте прежде его на оселке строгости математической, и тогда только считайте его вероятным, когда он выдержит сию пробу.

Теперь обратимся к преследованию оной системы и ее отраслей. Автор оной системы говорит, что непроницаемость тел не есть особенное свойство материи, их составляющей, но следствие расширительной силы материи. Мы выше видели, в каком единственно виде расширение тел от действия расширительной силы представить себе можно, буде предположим с автором системы, что расторгание частей тела производится только в их соприкосновении, то есть что сия сила должна действовать из внутренности каждой частицы и в то же время каждая частица, расширяясь, должна не допускать другие частицы поступать в место, ею занимаемое. Видели и то, что при предположении даже непроницаемости частей материи чрезвычайно трудно понять расширение тел по сей силе, поелику для сего каждая частица материи как бы разрождаться должна на другие частицы. Но с предположением автора, что причина непроницаемости тел состоит в той же самой расширительной силе, трудность понятия еще больше увеличивается, ибо для сего надлежит предположить не только 1-е, что расширительная сила каждой частицы не подлежит никаким механическим соединениям с силами других частиц, что не согласно с свойством всех других доселе известных сил, но еще 2-е: она должна как бы истекать из центра каждой частицы и при расширении тела, разрождаясь на новые силы, наполнять

собою все пространство, телом занимаемое, и чрез то воспящать расширительной силе других частиц вход в пространство, силою сей частицы занимаемое. При таком свойстве расширительной силы материя, относительно к сей силе рассматриваемая, остается только как бы посредницею между сею силою и пространством для доставления возможности распространяться ей в пространстве. Странна для понятия такая сила, которая распространяется в пространстве посредством материи, но действует независимо от материи, между тем как действие ее зависит от распространения в ее пространстве.

Еще страннее автор сей системы изъясняет законы упорства тел. Он, прицепившись, кажется, единственно к латинскому наименованию сего свойства, которому близко соответствует в нашем языке *грубость*, оное из числа свойств тел исключает, приписывая его мертвости материи, по которой она ни к каким изменениям в ней от самой себя неспособна, и по той же причине устраняет сие свойство от участия в явлениях, при противодействии тел бывающих, кои согласно показывают, что при взаимодействии всегда бывает противодействие равно действию. Ему понятно участие материальности в определении силы, движущей тело, в движении находящееся, и он ясно понимает, что если бы сие тело имело материи вдвое более, то бы скорость его была вдвое менее, а посему он понимает, что материя относительно к действию силы, так сказать, не равнодушна, но служит мерою ее действия, однако ж это только в движимом теле, а в покоящемся теле материя ему кажется совсем другою и совсем немоущею участвовать в действии, когда какое-либо тело в оное ударять будет. На основании сего понятия о материи покоящегося тела, говорит он, что нельзя понять, каким бы образом телу, находящемуся в совершенном покое, могло другое тело, находящееся в движении, сообщить движение, поелику для сего действие должно быть взаимное, но покоящееся тело действовать не может; а посему кажущийся покой ударяемого тела всегда воображать должно движением вместе с относительным пространством, между тем как ударяю-

щее тело должно понимать движущимся в сем самом пространстве. Нельзя оспаривать, чтоб тела, кажущиеся нам в покое, не имели движения; но сего не довольно: при его изъяснении каждое ударяемое тело, находящееся в покое, [во]-1-х, должно иметь движение вместе с пространством, прямо противоположенное движению ударяющего тела; [во]-2-х, сие движение ударяемого тела должно быть соответственно массе и усобной скорости ударяющего тела, так что видимое относительное движение одного из сих тел к другому должно таким образом разделяться между ними, что произведение из массы и скорости ударяемого тела должно быть всегда равно произведению из массы и скорости ударяющего тела. И кто не видит, что таковой всегдаппней соответственности движений ударяемого и ударяющего тела никак иначе изъяснить не можно, как чрез предопределенное согласие (*harmonia praestabilita*). Но буде бы и существовало таковое предопределенное согласие в неодушевленном мире, каким образом согласить можно с ним действия, производимые по воле существ, одаренных свободою действовать и по произвольному направлению и в произвольное время?

Не упоминая о других несбыточностях, кои сия система влечет за собой, как-то: о бесконечной делимости материи, по которой малейшая частица тела может наполнить собою бесконечное пространство, и о бесскважности тел, затрудняющей понятие действий света, электрической и магнитной материй, довольно, кажется, одних предыдущих непонятностей, дабы потерять к сей системе всю доверенность.

Как предположение в свойстве каждой частицы материи и притягательной и отторгательной силы приводит к непреодолимым трудностям понятия, а между тем опыты удостоверяют, что притягания и отторгания между частицами тел существуют, и притом в разных материях разной степени, то заключать должно, что сии явления зависят от других законов, нежели каковыя оная система предполагает.

Хотя химия успела уже довольно далеко в разложении тел и в исследовании взаимных действий частей, их составляющих, однако ж она не может еще

утвердительно сказать, что те вещества, на коих ее разложение остановилось, были вещества более неразложимые или стихийные, а посему и нельзя еще сделать твердого заключения о законах взаимодействия стихийных веществ.

При всем том предвидеть можно, что некогда с утвердительностью предлагать будут следующие положения:

1. В природе находится множество стихийных веществ, в сущности своей различных.

2. Они имеют некоторые общие свойства, принадлежащие к материальности их, как-то: непроницаемость их частиц, подвижность и упорство.

3. Они имеют и некоторые особенные свойства, отличающие их одно от другого.

В числе сих отличительных свойств поставить должно, что частицы некоторых из сих стихийных веществ имеют свойство взаимного между собою притяжения, частицы же других имеют свойство взаимного между собою расталкивания*. К чему присоединить должно, что действие взаимного притяжения, равно как и действие взаимного расторгения, оказываются, начиная от соприкосновения их до беспредельных расстояний, и изменяются вместе с взаимным расстоянием частиц по какому-либо определенному закону, каков, напр[имер], закон обратного содержания квадратов расстояния.

4. Таковое же соотношение находится и между частицами разнородных стихийных веществ, то есть некоторые имеют свойство взаимного притяжения, другие имеют свойство взаимного расторгания.

5. Каждого тела, состоящего из соединения нескольких стихийных веществ, объемность и внутреннее устройство зависят, [во]-1-х, от взаимодействия стихийных веществ, в состав его входящих, по их свойствам притяжения и отторгания; [во]-2-х, от посторонних сил, действующих на частицы сего тела; [в]-3-х, от относительного движения, произведенного какими-либо силами в частях сего тела.

* К сему, без сомнения, роду стихийных веществ принадлежат теплотворная и обе электрические материи³.

**ИЗ ОТЗЫВА НА УЧЕБНИК ФИЗИКИ
ПРОФЕССОРА А. И. СТОЙКОВИЧА
1814**

...Автор имел в виду расположить свойство тел в порядке, соответствующем категориям Канта, но так как это нельзя сделать без натяжки, то и вышло: 1) что в категории количества *единству* соответствует протяжение тел; *множественности* — фигура их, а *общности* — делимость; 2) в категории качества *положительному* соответствует *экспансивная* сила материи, *отрицательному* — *притягательная* сила, а *ограничению* (*limitatio*) — различные виды материи.

Основные идеи, которыми руководствуется эта система, взяты из сочинения Канта, наполненного странными идеями и изданного под названием «*Metaphysische Anfangsgründe der Naturwissenschaft*».

Так как эти мысли перемешаны с обыкновенными положениями физиков, с которыми они, однако, не вяжутся, то читающему представляется все в виде какой-то галиматии...

**ОТЗЫВ ОБ УЧЕБНИКЕ «ЛОГИКИ»
ПРОФЕССОРА И. Е. ШАДА
[1816]**

«Логика» Шада, разделенная на чистую и прикладную, состоит более в трансцендентальном умствовании о мире, боге и душе нашей, нежели в изложении законов ума. Черты, отличающие ее от прочих, состоят в следующем. Ум человеческий имеет две степени: разум (*intellectus*) и рассудок (*ratio*). Разум занимается только тем, что нам представляют чувства, и судит о нем так, как представляют чувства, то есть видит одни различия предметов и, находя в них некоторые сходства, приводит их в виды и роды и, наконец, доходит до категорий как последнего своего произведения, до коего достигнуть может. Рассудок занимается только сам с собою и судит о вещественности предметов по воз-

возможности их бытия, так что, где находит совершенную возможность, там уверяется и в действительном существовании предмета. А для большей уверительности в заключениях Шад предполагает существующее между мыслию и вещественностью предопределенное согласие (*harmonia praestabilita*) так, что если что есть в мысли, то ему уже соответствует и вещественность, и обратно. Разум видит и сносит разногласия, но рассудок разногласия не терпит и ищет во всем согласия. Ум человеческий, обращенный на мир, видит в нем (по разуму) две главные противности — телесность и духовность, а рассудок, не терпя противностей, внушает уму, что сии противности должны быть только видимые, а в самом деле составляют тождество и что должно быть *absolutum*, в котором находится основание тождества и причина противностей. Из *absolutum* истекают две коренные силы, разделенные в разных составных частях мира в разной пропорции и чрез то производящие разные постепенности сих частей, выпадающие их от самой грубой материальности до высшей духовности. Силы сии производят в природе эволюцию, переводя ее всегда из низшего состояния в высшее: некогда камень будет животным, а потом человеком и т. д. Каждый из философов немецких, как будто для хвастовства, отличался от прочих большим или меньшим количеством странностей в мыслях, но каждый отличался своими странностями, а наш философ, приняв под свой покров странности всех, прибавил к ним еще столько же своих».

Александр Петрович
КУНИЦИН

ПОСЛАНИЕ К РУССКИМ

Non illi vestram ignaviam contempsere, nec suae virtuti confisi sunt: quippe toties fusi fugatique, castris exuti, sub jugum missi, et se et vos novere

*Tit. Liv.*¹

Доселе мы были удалены от кровавого зрелища войны, глас брани не поражал нашего слуха и звук оружия не достигал мирных жилищ обитателей России, один только гром побед раздавался в пределах наших. Прежде мы были окружены дружественными народами, которые под эгидою русского царства наслаждались тишиною и отделяли нас от западных варваров. Долго прикрывала Россия малодушных народов щитом своим, но для них было ужасно даже самое зрелище ее противоборства; неминуемое рабство предпочли они сомнительной победе; в знак позорной неволи повергли к стопам завоевателя свои мечи, которые он превратил в оковы и обременил руки, некогда его ужасавшие. Невольным подданством хотели они склонить его к милосердию, но тем усугубили его алчность и отяготили судьбу свою. Ныне не смеют они даже потрясать цепями, их удручающими, более оскорбить слух угнетающего их тирана. Тихие, умирающие стоны сих произвольных страдальцев достигают до наших пределов и призывают ко мщению.

Упоенный успехами враг покоился окруженный добычею; насытая гортань его поглощала плоды трудов чуждых, исторгнутые острием меча из уст народов поработенных. Но вскоре новая алчба терзает его утробу, новая злоба возгорается в его сердце. Так покоится тигр среди смрадных остатков растерзанных им живот-

ных и, когда оскудевает кровавая его жертва, с новою яростию устремляется на ловитву.

(Не следовало бы им вас презирать и на свою силу полагаться, ибо и они и вы знаете, что множество раз они бывали разбиты и обращены в бегство и что их побежденные войска подвергались уничтожению.)

Западный тиран, сей кровожадный зверь, посланный на землю в образе человека, снова замышляет убийство и втайне изошряет смертоносные стрелы. Для кого еще готовит он сии роковые орудия? На кого еще вознесет святотатственную руку? На вас, сыны Севера, на вас, великодушные россы! Быстро устремился он противу отечества нашего и уже простирает хищные руки свои на злачные долины и на плодоносные поля наши. Полчища его протекают наши области подобно стаду гладных насекомых и своими злодействами оскверняют русскую землю, освященную памятниками неослабного мужества, любви к отечеству и преданности царям и повелителям. Москва, древняя столица Севера, испытала их неистовства. Ее великолепие возбудило жадность тигра, но не удовлетворило его алчности; нечестивые уста его изрекли: «Разрушение!» — и она воспылала; несчастные, безутешные ее жители, отыскивая следы прежних жилищ своих подобно бледным теням скитаются ныне на пожарищах, орошают пепел горькими слезами и призывают небо во свидетели неслыханного варварства.

Но сии несчастья не должны ослабить нашего великодушия. Пусть нивы наши порастут тернием, пусть села наши опустеют, пусть грады наши падут в развалинах; сохраним единую только свободу, и все бедствия прекратятся. Соберемся под знамена законных вождей наших, и кровию врагов удобрим опустошенную ими землю. На развалинах градов великолепных построим бедные хижинны: наша доблесть просияет и под соломенным кровом. Путник иноплеменный посетит страну ироев и подивится не красоте зданий, не богатству искусств не пышности и великолепию, но нашему единодушию и мужеству при всеобщих бедствиях. Огромные развалины великолепных чертогов — следы злодейства, вооруженного пламенем, — возбуждают в нем

горькое чувство негодования, а на скромные жилища наши воззрит он с благоговением. Гробы воинов, почивших на поле бранном, поселят томную задумчивость в его воображении, и сладкое умиление разольется в душе его. Дрожащею рукою пожнет он сельный цвет, украшающий могилу ратника, сохранит сей символ обновления для воспоминания своих чувствований и для удостоверения своих соотчичей, что он был в царстве народа великодушного, видел гробы доблестных сынов отечества.

Так, россияне! Мы должны испить чашу бедствий, ибо нет другого средства облегчить нашу участь. Тщетно будем смягчать гордость врага умеренностию; он ищет владычества и такого мира, который бы вел к скорому порабощению; его дружество опаснее войны самой бедственной, ибо оное влечет за собою неминуемое лишение свободы. Мы видим плачевное состояние покоренных им народов; заградив источники промышленности, он отнимает у них последнее достояние, расточает их сокровища в странах чуждых, отводит их юношей в отдаленные края Европы для заклания под именем союзников. Насильства, грабежи и убийства называет он средствами правления. Страшно подвергнуться его власти. Новый раб бывает посмешищем даже равных ему невольников. Если мы покоримся злобной его воле, то подвергнемся поруганию даже тех народов, которые предупредили нас принятием поносного ига.

Тогда-то опи нам посмеются и с укоризною скажут: «безрассудные! Вы хотели спасти других, не имея силы и мужества защищать собственную безопасность. Мысль ужасная! Какой россиянин захочет пережить сие время поругания?»

Вы, которым благоденствие и слава отечества драгоценны, мужайтесь! Испанцы без правительства, при одной только помощи великодушных союзников, освободили страну свою от ига иностранного. Рассеянные дружины патриотов истребили стройные галльские легионы; испанцы, народ не столько многочисленный, рассыпали грозное ополчение тирана. Но мы, при благоустройстве правительства наслаждающиеся еще ис-

тинною свободою и будучи изобильны ироями, ужели уступим врагу нашему землю, которая нас родила и воспитала? Ужели россиянин некогда признает владыкою гнусного корсиканца или какое-нибудь исчадие сего низкого племени? Естьли небо пребудет непреклонно в судьбах своих, то пусть земля, которую наши руки защитить не в состоянии, будет нам общею могилою; но мы умрем свободными в свободном отечестве!

Сограждане! Конечно, мы сражаемся с многоглавою гидрою; падет одна глава — и тысячи других разверзают ужасные пасти; но быстрое возрождение сего змия не должно устрашать нас; кровь его льется, и с последнею каплею мгновенно закроются все его смертоносные гортани.

Да не подумает кто, что французы столько же храбры, как и развратны: они более дерзки, нежели отважны, более стремительны, нежели мужественны; успех делает их буйными и бесчеловечными, и сие-то служит верным признаком подлого их малодушия. Ошибки других народов и несогласие восставших противу их союзников утвердили их славу. Коварный вождь их уверен в сей истине более, нежели они сами. Зная лежковерный и мечтательный характер своих воинов, он назвал их непобедимыми, и они чистосердечно поверили льстивому изречению боготворимого ими кумира, изречению толико приятному для их самолюбия; но обманы сего кровожадного лжепророка откроются, коль скоро единодушие, мужество и благоразумие противупоставлены будут непостоянным его поклонникам.

Все благоприятствует нашему оружию, все предвещает гибель врагам нашим. Французы сражаются в отдалении от своего отечества, где их родственники и единоплеменники проклинают варварство тирана и безумие соотечественников, ибо нет большего безумия, как стремиться на погибель в чужие страны, не имея в виду благородной цели. Мы сражаемся в родной стороне, наши войска прикрывают мирные хижины, в коих жены, дети и старцы преклоняют колена пред создателем и просят победы и избавления. Французы проливают кровь свою за дело их тирана, мы сражаемся за наше собственное.

С трепетом обзрывают они неизвестное им небо, и ужасное предчувствие поражает сердца их. Мрачные леса и быстрые реки, останавливая опустошительное их стремление, содействуют их гибели. Провидение предало их нам для совершения давно уже заслуженной ими казни. Мстители Европы и отечества! Исполните правосудный приговор неба. Уже враги поколебались; они ищут удобного пути для постыдного бегства. Да возвратятся они, обремененные не корыстями, но ранами; пусть одно бесчестие достанется им в добычу. Предпешествуемые позором, сопровождаемые проклятием да узрят они в своих единоплеменниках и союзниках непримиримых врагов своих!

Царское село.
Окт[ября] 28, 1812.

ЗАМЕЧАНИЯ НА НЫНЕШНЮЮ ВОЙНУ

Когда французы заняли Москву, распространилась глубокая печаль. Князь Кутузов сожалел о взятии столицы неприятелем, но не хотел подвергнуть русской армии невыгодному сражению. Основывая свою славу не на пустом самохвальстве, а на истинном превосходстве гения, он дал Бонапарту случай написать громкую афишку или высокопарную сказку о занятии Москвы. Вероятно, что в Париже и до сего времени полицейские служители — ревностные правозвестники Бонапартовой славы — по всем местам и перекресткам оглушают проходящих сим известием.

Князь Кутузов написал о сем печальном происшествии краткое уведомление, в котором без всяких прикрас уверял, что не предстоит никакой опасности, хотя злодейства неприятеля и причинят много вреда столице *. Расставив наблюдательные отряды войск по доро-

* Кутузов был ангелом-утешителем для русских в сие печальное время. Сходственно с сим можно поставить на его изображений следующую надпись: «Аз есмь с вами, и никто же на вы!»

гам, ведущим от Москвы в разные стороны, сам он зашел неприятелю во фланг, и одним движением сделал три дела: *во-первых*, остановил неприятеля, затруднив его сообщение с заграницею; *во-вторых*, прикрыл от него плодородные губернии; *в-третьих*, обеспечил продовольствие своей армии и открыл ей способы усилиться. Победительное бездействие Кутузова при Тарутине и Леташевке было пагубно для Наполеона; он не мог получать провианта со стороны Смоленска по причине беспрестанных поисков русских отрядов на сей дороге; шайки французов, посылаемые на грабеж, приносили ему мало прибыли и почти всегда попадались во власть русских. Таким образом, Наполеон в Москве соделался неопасным для русских *. Видя себя в крайнем положении, решился он сделать сильный напор на Калугу, дабы испытать счастье, пельзя ли прорвать русскую линию; но при Малом Ярославце узнал невозможность его предприятия. Итак, с болезненным сердцем и гладною утробою обратился на прежний свой тракт.

План военных действий Кутузова ныне обнаружился: поелику пельзя было сражаться с французами спереди без значительной потери, то он трудолюбивым своим бездействием при Тарутине и Леташевке поворотил их к себе тылом, дабы удобнее наносить им удары.

В продолжение нынешней войны русская армия приняла вид пасти огромного льва. Нижняя челюсть оной начинается от Москвы и продолжается до Брест-Литовского, или до Варшавского герцогства. Верхняя челюсть начинается также от Москвы и оканчивается у Риги. В начале войны пасть сия была сжата, но по мере приближения французов она раскрывалась. Наполеон безрассудно бросился с своею армиею в средину оной. Может быть, он надеялся разорвать мускулы, которыми сжимаются челюсти, но в этом обманулся. Приблизившись к Москве, он заметил, что пасть на-

* Спокойствие Кутузова при Тарутине и Леташевке можно выразить следующею надписью: «*Nihil me flante timendum*» [«Ничто не препятствует мне истребить врагов»].

чала сжиматься, и вскоре почувствовал, что армия его не может сопротивляться давлению челюстей, происходящему от их сближения. Тщетно спешил он выйти из сего пространного зева: почти все его войска уже, так сказать, стиснуты; может быть, и сам он не избежит роковых зубов раздраженного им льва.

Наполеон хотел быть новым Самсоном; по тактика израильского богатыря благоразумнее тактики корсиканского рыцаря. Первый схватил льва за морду и конец нижней челюсти, дабы избегнуть его зубов, если не в силах будет разорвать голову сего животного на две части. Наполеон бросился в средину пасти, дабы массою своего тела разорвать мускулы; но он не подумал о том, как избавиться от угрызения, если будет невозможно обессилить мускулы или разорвать челюсти.

Царское Село.
Ноябрь 15, 1812.

ИЗОБРАЖЕНИЕ ВЗАИМНОЙ СВЯЗИ ГОСУДАРСТВЕННЫХ СВЕДЕНИЙ 1817

ИЗОБРАЖЕНИЕ ВЗАИМНОЙ СВЯЗИ ГОСУДАРСТВЕННЫХ СВЕДЕНИЙ

В грубом состоянии общества связи людей были малочисленны, единообразны и просты. Средства для достижения цели гражданского соединения основывались на тех правилах, которые руководствовали человека в случае законной обороны, когда он был в состоянии внеобщественном. Споры между частными гражданами о принадлежности прав разбираемы были по укоренившимся в течение времени обычаям, а еще чаще по здравому смыслу и по благоусмотрению главы общества, которому право судить и рядить по общему согласию принадлежало. Поколикую должности общественные столь были просты, то и отправление оных так было легко и удобно, что человек, обыкновенными только способностями ума одаренный, успешно мог отправлять оные без всякого предварительного к тому приготовления. Потому владельцы государств необразованных сами занимались отправлением всех должностей общественных. Они были военачальниками во время войны, законодателями и судиями во время мира, нередко даже исполнителями собственных приговоров.

С возрастанием государств и успехами народа в образовании связи граждан учинились многообразнее, открылись новые потребности общества, к удовлетворению коих прежние средства оказались недостаточными. Напоследок количество дел общественных и трудность в отправлении оных до того возросли, что

бремя правления для одного лица учинилось тягостным. Тогда правители государств принуждены были поручить некоторые права своего самовластия лицам, доверие их заслужившим, или вовсе уступить оные народу, дабы вместе с оными уменьшить и число своих обязанностей. Отсюда произошло разделение общественных дел на разные ветви, которое распространялось более и более по мере настоявипей в том потребности. Должности, кои прежде одному лицу вверяемы были, впоследствии времени разделились между многими. Состав гражданского общества оттого учинился многосложнее, но отправление отдельных должностей сделалось легче, ибо ум, обращенный на одно занятие, лучше объемлет все части и подробности оногo. Однако ж по причине тесной связи и взаимного общественных дел одного на другое влияния государственнй человек должен иметь ясное и основательное понятие о всех ветвях правления гражданского общества, дабы согласно с оными отправлять должность, собственно ему порученную. Но частная опытность, даже самая продолжительная, не может доставить ему таковых сведений. Здесь открывается для него необходимость пользоваться опытностию других. События в нравственном мире суть не что иное, как опыты, в чине государственного управления и благоустройства произведенные. Многократные наблюдения оных доставили возможность составить общие правила, по коим разрешаются все случаи, в делах общественных открывающиеся.

Таким образом, по различию ветвей государственного управления составились различные науки, приготавливающие человека к общественному служению. Предмет сего краткого сочинения состоит в том, чтобы показать их взаимную связь и влияние одной на другую.

ОСНОВАНИЕ РАЗДЕЛЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ СВЕДЕНИЙ НА РАЗНЫЕ ЧАСТИ

Государственные сведения должны состоять между собою во взаимной связи, ибо они относятся к одному предмету, т. е. благоустройству общества человеческого.

Чтобы открыть такую связь, надлежит обратить внимание на цель государства, ибо науки, составляющие круг государственных сведений, суть не что иное, как исследование средств, которыми цель государства достигается или может быть достигнута.

Но при сем изыскании должно сообразоваться с общими началами права, не принимая в рассуждение положительных постановлений, ибо первые проистекают из общего источника — разума человеческого, следовательно, сами себе противоречить не могут, между тем как последние зависят от случая, обстоятельств и нередко от частного произвола, а потому и находятся часто в прямой между собою противоположности. Следовательно, по свойству оных не можно означить существенной цели гражданского общества.

Рассмотрение природы человека открывает нам те предметы, которых ему желать свойственно, и вместе показывает цель самого общественного соединения. Каждый человек по силе побуждения природы стремится к благополучию, избирает к тому средства и желает, чтобы в употреблении оных другие люди ему не препятствовали. Хотя разум признает таковое его требование справедливым, но опыт доказывает, что люди отвергают внушения разума и вредят друг другу, коль скоро нет силы, которая бы удерживала их от взаимных нападений и заставляла поступать честно и справедливо. Конечно, в естественном состоянии разум представляет каждому право принуждения для отвращения нападений других людей, но оное крайне недостаточно, ибо сила не всегда соответствует праву и по большей части бывает превосходнее со стороны оскорбителя. Потому бытие человека в состоянии внеобщественном не иначе можно представить, как крайне бедственным. По самому природному побуждению он должен был стараться улучшить оное. В течение времени опыт доказал ему, что соединение с другими есть деятельнейшее средство противу опасностей всякого рода.

Первое соединение людей для взаимной безопасности называется *оборонительным союзом*. Договор, на котором оное учреждается, заключает в себе два су-

пественных условия: I. Никто из сочленов оного не должен вредить другому. II. Каждое нападение на все общество или на кого-либо из сочленов отвращать совокупными силами.

Хотя по сему договору каждый обязался содействовать цели общества, но в оном нет условий, на которых должны быть избираемы средства; никто из граждан не обязался следовать воле других в избрании оных. Большинство голосов только по причине предшествовавшего условия имеет свою силу, потому если бы некоторые члены захотели принудить других согласиться на избранные ими средства, то они поступили бы противу права. Сие затруднение принудило членов оборонительного союза учредить верховную власть, которая бы избирала средства для достижения цели общества и приводила оные в исполнение.

Поколик люди желали быть безопасными для того, чтобы удобнее достигать благополучия, то верховная власть не может опустить без внимания и сей цели; она должна содействовать гражданам в достижении оной там, где частные их усилия к тому недостаточны.

По сему изображению весь круг государственных сведений разделяется на три главные части. В первой рассматривается *состав гражданского общества*, т. е. учреждение верховной власти и ее отношения к подданным. Во второй объясняются средства, которые верховная власть имеет право и обязанность употреблять для охранения частной и общей безопасности. В третьей части определяется мера содействия верховной власти к частному и общему благосостоянию и самые средства, к оному служащие.

ЧАСТЬ I

О составе гражданского общества

Состав гражданского общества рассматривается или I. по одним только началам естественной справедливости, не принимая в уважение обстоятельств места, времени, лиц и разных событий в вещественном и нравственном мире, или II. при суждении об

оном принимаются в уважение как опытность протекших времен, так и различные положения, в которых частные лица и целое общество могут находиться.

I. Поколику люди суть существа нравственные, то соединение их в общество не иначе можно представить, как произвольным, следовательно, и самое подчинение верховной власти имеет свое основание в их добровольном на то согласии. Если всякий договор, заключенный по принуждению, не действителен, хотя бы он предписывал единовременные только услуги или преходящие обязанности, то тем более требуется согласие граждан на вечное подданство. Насилие может соединить людей в общество, но не в состоянии навсегда обеспечить существование одного. Кто несправедливо терпит угнетение, тот чувствует побуждение сопротивляться оному и неоспоримое имеет на то право. Поэтому общество, принужденно составленное, в самом существе своем содержит семя своего разрушения.

Но, предполагая вступление людей в государство произвольным, должно заключить, что они подчинили себя верховной власти на известных условиях, ибо человеку не свойственно поверять себя слепо воле других и, пренебрегши собственное благополучие, унижаться до простого орудия чужих прихотей. Условия, заключающиеся в договоре подданства, определяют права и обязанности верховной власти и ее подданных. Систематическое исследование оных по общим началам составляет науку *права государственного*.

II. В сущности своей все государства одинаковы: везде находится власть повелевающая и сила повиная. Но по некоторым случайным определениям они различаются между собою, а именно:

I. По числу лиц, отправляющих верховную власть.

II. По способу, которым верховная часть приобретается.

III. По пространству времени, в которое она принадлежит одному лицу — физическому или нравственному.

IV. По кругу деятельности верховной власти.

V. По обширности прав, предоставляемых поддан-

ным. Отсюда проистекает бесчисленное множество отчасти действительных, отчасти возможных образов правления. По общим началам тот из оных есть лучший, который надежнее ведет к цели общества, но в частных случаях умозрение не может решить сей задачи толико важной для рода человеческого. Исследование различных образов правления по вышепоказанному разделению составляет теорию государственного права.

Лицо, которому вверяется верховная власть, не может отправлять всех общественных должностей, а потому отдельные ветви гражданского управления вверяются частным членам общества, которые занимаются исполнением оных по силе данного им поручения и состоят в ответственности верховной власти, именем которой действуют. Все участвующие в управлении общества называются *государственными чиновниками*. Они образуют цепь пружин, которыми верховная власть действует, и составляют правительство. Исследование порядка в постепенном разделении общественных должностей составляет *теорию гражданского правительства*.

ЧАСТЬ II

О средствах для частной и общей безопасности

Гражданам государства предстоит опасность: I. от врагов внутренних, или злонамеренных сограждан, также от действий самой природы; II. от врагов внешних, или несправедливых и хищных соседственных народов. Посему науки, излагающие средства для общей и частной безопасности, составляют, собственно, два отделения. В первом излагаются средства для внутренней, а во втором — для внешней безопасности. Но поелику употребление оных средств сопряжено с издержками, которым правительство не иначе удовлетворить может, как на счет доходов частных граждан, то к означенным двум отделениям присовокупляется третье, в котором рассуждается о пожертвованиях частных граждан для достижения общей безопасности.

Отделение I

О средствах для внутренней безопасности

Дабы права граждан могли быть охраняемы, к тому требуется, чтобы они были определены и приведены в известность. Права людей рассматриваются или по одним только законам естественной справедливости, или с теми ограничениями, которые верховная власть производит в них для общей пользы.

I. В уединенном состоянии человек может следовать одной только естественной свободе, т. е. исполнять все то, что приносит ему удовольствие. Но в состоянии общежития, или прикосновения с другими, он может исполнять то только, что не вредит другим, ибо если бы он стал нарушать права других людей, то тем самым подал бы им повод поступать и с ним таким же образом. От сего взаимного противодействия естественной свободы люди не могли бы жить вместе. Разум предлагает общие начала, которым человек должен подчинить свой произвол, дабы другие люди свободно подле него существовать могли. Систематическое исследование условий, при которых общежитие людей как существ нравственных возможно, составляет науку *права естественного*.

II. Потребности общества могут побудить верховную власть в условных правах и обязанностях людей произвести разные перемены. Должности и права, не совершенные по воле законодательной власти, могут быть переменены в совершенные, если цель общества по его обстоятельствам того непременно требует. Исследование постановлений законодательной власти, определяющих права и взаимные обязанности граждан, составляет *теорию гражданского законодательства*.

Права частных лиц и всего общества, несмотря на определение оных силою закона, могут быть нарушены. Для удержания граждан от взаимных обид, законодательная власть издает особенные постановления, которыми объявляет всякое действие, вредное другому, преступлением и соединяет с оным злые последствия для виновника, дабы посредством сего угрожения обуздать произвол граждан и удержать их в

пределах законной свободы. Таковые постановления называются *уголовными законами*. Исследование существа оных составляет *теорию уголовных законов*.

Но дабы законы, как гражданские, так и уголовные, имели свою силу, для того требуется образование особенной власти, которая бы разбирала распри о праве, наказывала виновных за преступления и каждому воздавала должное. Власть сия называется *судебной*, исследование же законов, на которых она основывается, составляет *теорию образования судебной власти*.

Свобода граждан требует, чтобы не только их права и деяния преступные, но и самый способ применять частные случаи к существующим узаконениям основывался на точных правилах, дабы судебная власть была только орудием закона и чтобы гражданин отвечал за свои поступки не частному произволу судьи, но самому закону. Для сего верховная власть определяет судебные обряды положительными предписаниями. Совокупность постановлений, до суда и расправы относящихся, называется *судопроизводством*, а исследование существа оных составляет *теорию судопроизводства*.

Закон, карая виновных за содеянные преступления, не может удержать каждого гражданина от покушений на подобные поступки. Самое угрожение физическим злом за будущие преступления не всегда бывает в состоянии уничтожить в развращенном духе человека злые помыслы и противузаконные намерения. Зло за зло, причиняемое карательными законами, часто не вознаграждает обиженного. Потому во всяком благоустроенном обществе принимается за правило: «Лучше удержать злонамеренного гражданина от преступления, нежели наказать его за учинение оного». Следовательно, в государстве кроме судебной должна еще существовать такая власть, которая бы сохраняла законы от нарушения. Круг ее деятельности состоит в том, чтобы пресекать гражданам пути к преднамеренным преступлениям, останавливать физическую силу, управляемую злою волею, наблюдать поступки граждан, одних удерживать, других охранять от обиды. Когда же при всей ее бдительности злодеяние испол-

нено, то отыскивать укрывающегося виновника, собирать доказательства, его обличающие, и с оными представлять судебной власти, а потом исполнять приговоры, ею произнесенные. Все сии занятия составляют предмет полицейской власти или управы благочиния.

Опасность частным гражданам и целому обществу нередко причиняется самою природою. Наводнения, пожары, голод, моровые язвы и проч. суть опасные враги человека. Охранение граждан от вредных действий природы и употребление пужных к тому средств вверяется также полицейской власти. Хотя сии запятия от вышепоказанных различны, но по принятому в новейшие времена практическому разделению образуют с оными одну ветвь государственного управления. Исследование правил, по коим учреждается и действует полицейская власть, составляет *теорию гражданского благочиния*.

Отделение II

О средствах для внешней безопасности

Государство как нравственное лицо имеет свои права и обязанности в рассуждении других народов. Дабы обеспечить свои права, оно должно свято наблюдать свои обязанности, ибо, по правилам естественной справедливости, кто нарушает чужие права, тот подает справедливую причину другим не щадить права, ему принадлежащие. Потому государство, падая на другие народы, удаляется от главной своей цели в двояком отношении. Во-первых, поступая противу законов разума, оно делается существом не нравственным, а чрез то лишается всех прав своих, следовательно, и права на безопасное существование. Во-вторых, несправедливые поступки его с другими народами понуждают их к законной обороне, т. е. к отражению силы силою, следовательно, нанося другим опасность, само подвергается оной. Систематическое исследование условий, при которых общежитие государств независимых возможно, называется *правом народным естественным*.

Но правила естественной справедливости не всегда достаточны для решения споров между народами. Они могут быть отвергаемы отчасти по недоразумению, отчасти по умыслу и своекорыстию. Почему от долговременных сношений народов происходят между ими условия, соглашения и договоры, посредством которых права их становятся известнее, а исполнение обязанностей — надежнее. Собрание сих положительных постановлений, определяющих взаимные связи народов, образует науку *права народного положительного*.

Благоразумное поведение в рассуждении других народов и даже строгое наблюдение как правил естественной справедливости, так и положительных постановлений не всегда могут предохранить государство от несправедливых нападений его соседей. Страсти, возмущающие общежитие частных граждан, такое же имеют влияние на людей государственных. Преимущество выгод возбуждает зависть, превосходство силы подстрекает к насилию. Поколику же народы не имеют над собою верховной власти, которая бы решила между ими распри, то в случае несправедливого нападения они должны прибегать к средствам естественной обороны. Почему учреждение войска есть необходимая потребность общества. Сведения, до сего предмета относящиеся, составляют *теорию образования военных сил*.

Хотя охранение внешней безопасности требует, чтобы государство находилось в беспрестанной готовности к войне, но гораздо выгоднее для него верный мир, нежели ожидаемая победа. Война, приводя силы народа в напряженное состояние, неминуемо влечет за собою ослабление оных. Нередко самое счастливое окончание военных действий причиняет государству величайшие бедствия. Потому всякое благоустроенное правительство признает право войны за одно только право необходимости и предпочитает оному всякое другое законное средство к поддержанию свободы и независимости государства. Внимание его преимущественно на то обращается, чтобы отвратить случаи к распрям с другими народами, возникшие же споры прекратить дружественными совещаниями. Правильностию в

поступках, законностию своих требований и строгим наблюдением прав соседственных народов оно возбуждает к себе их общее доверие и в то же время увеличивает в их мнении понятие о своей силе и могуществе. Но дабы не подвергнуть государство внезапной и неожиданной опасности, тем не менее старается проникать намерения других народов и, предвидя издалека опасность, приуготовляет для отвращения оной надежные средства. Единство выгод привлекает на его сторону другие народы, с коими дружественные союзы доставляют ему существенные средства обороны и силу мнения обращают в его пользу. Для отправления всех означенных занятий в государстве находится особенная власть, которая под именем *Отделения иностранных дел* занимается исключительно сношениями с иностранными народами. Сведения, до сего предмета относящиеся, называются *иностранною политикою* или познанием управления сношений с иностранными державами.

Отделение III

О пожертвованиях граждан для цели общества

Достижение внутренней и внешней безопасности сопряжено с великими издержками. Для удовлетворения оным верховная власть имеет право требовать от подданных пожертвований из их частного достатка; на сем основывается учреждение податей в государстве. Как безопасность есть общая цель граждан, то и в податях все они должны участвовать. Количество издержек, потребных для внешней и внутренней безопасности, определяется количеством пожертвований частных граждан. Все, что сверх сей меры требуется от народа и не для общественной нужды употребляется, есть произвольный сбор, условие общественного союза нарушающий. Правила, по коим определяются подати, и способ собирания и надлежащего употребления оных для нужд общественных составляют *науку о государственных доходах*.

О содействии верховной власти к народному благосостоянию

Народное богатство, многочисленность граждан, по крайней мере до известной степени, их образованность и просвещение суть признаки и вместе составные части благосостояния государства.

I. Народное богатство истекает из трех главных источников, кои суть:

а) сельская промышленность, занимающаяся произращением и добыванием грубых произведений;

б) городская промышленность, занимающаяся отделкою и улучшением плодов сельского трудолюбия;

с) торговля, или мена произведений того и другого рода.

Когда гражданское общество достигнет внутренней и внешней безопасности, то от сего уже должно последовать обогащение народа, ибо тогда граждане беспрепятственно будут пользоваться означенными источниками избытка и наслаждения. Посему промышленность есть дело частного занятия граждан. Правительство только наблюдает ход ее и отвращает препятствия, останавливающие успехи частных предприятий, или заводит такие учреждения, которые частными лицами устроены быть не могут. Потому оно содействует к народному обогащению более отрицательным, нежели положительным, образом. Правила, определяющие существо и происхождение народного богатства, равно как влияние правительства на успехи оного, составляют *науку государственного хозяйства*.

II. Хотя по мере избытка в продовольствии число народа должно увеличиваться, но нередко встречаются тому препятствия частью в самых общественных постановлениях, частью в различных предрассудках и злоупотреблениях, существующих в государстве. Отвращать оные и благоприятствовать народонаселению есть обязанность верховной власти. Сведения, до сего предмета относящиеся, составляют *теорию народонаселения*.

III. За умножением народного богатства последует также образованность и просвещение, ибо граждане, обезопасив себя со стороны продовольствия, неминуемо обратят внимание на те сведения, которые предлагают средства или к облегчению их механических занятий, или к умножению выгодностей жизни, или, наконец, к усовершенствованию и украшению ума человеческого.

Образование граждан зависит также от их частных усилий, но правительство как по обязанности своей содействовать благу подданных, так и потому, что просвещение усугубляет вещественные силы государства, должно облегчить способы, ведущие к сей цели, учебными заведениями, или избранием лиц, которые бы, распространяя свет учения, могли действовать на нравы народа и общественное мнение благотворительным образом. Познание способов к просвещению народа составляет *теорию народного образования*.

Прикладная часть государственных сведений

Умозрительные государственные сведения предлагают общие правила для суждения о делах общественных, а потому и служат введением к самому делопроизводству. Действительное же отправление общественных должностей требует познания положительных государственных узаконений, на коих основывается безопасность, благоустройство и порядок общества. По различию предметов положительного законодательства разделяется оно на разные ветви, коих взаимное соотношение явствует из тех же оснований, по которым определяется связь между умозрительными государственными сведениями.

РАССМОТРЕНИЕ КНИГИ
«ОПЫТ ТЕОРИИ НАЛОГОВ»,
СОЧИНЕННОЙ НИКОЛАЕМ ТУРГЕНЕВЫМ
1818

Ход народного образования подлежит известным законам, силу которых можно остановить, но не можно уничтожить. Образование России началось отрывками, продолжалось без общего плана; направление оного по большей части было принужденное. Но при всех устраниниях умов от подлежащего пути, при всех препонах, встречаемых частными рачителями отечественного образования, мы не могли уклониться от правил природы. Просвещение России, несмотря на местные обстоятельства, распространяется по тем же правилам, по которым оно происходило и распространялось в других государствах. Петр Первый, воин и злиждитель, хотел укоренить в России прежде науки математические и физические, но вместо оных большого совершенства донныне у нас достигли науки словесные. Нам, так же как и другим народам, надлежало написать множество стихов, сочинить и перевести с иностранных языков множество романов (в чем и ныне рачительно упражняемся), надлежало прежде долго обучаться всему у других народов, и потом уже могли мы получить смелость писать о предметах важных и общепользных. Таким образом, с начала текущего столетия мы занялись с большим прилежанием и успехом науками точными. Желания наши, благодетельные виды правительства исполняются. Мы имеем наконец отечественных сочинителей по части сельского хозяй-

ства, математики и физики *, по части законоведения теоретического и практического, по части управления государства вообще. История и статистика Российского государства ныне обрабатываются не одними иностранцами, но и природными россиянами. Сочинения сего рода наиболее принадлежат XIX веку. Сюда относится рассматриваемый нами «Опыт теории налогов».

Наука финансов есть новая ветвь образования в нашем отечестве. До перевода сочинения графа Верри¹ мы ничего на русском языке не читали о государственном хозяйстве. До перевода творения Адама Смита² мы ничего не могли знать о налогах из русских сочинений и искусство определять и собирать подати почитали непринадлежащим к кругу сведений частного человека **. То, что непосредственно нас касается, почитали мы делом чуждым и отдаленным от наших выгод; то, что составляет общий предмет нашего внимания, мы признавали собственностью некоторого только класса людей. Ныне другое получаем понятие о финансах; дело общее становится предметом общего рассуждения. Дабы убедиться в пользе познания государственного хозяйства вообще и науки финансов в особенности, любопытным советуем читать предисловие рассматриваемой нами книги.

Автор разделяет свое сочинение на VII глав. В первой означает происхождение налогов, во второй — главные правила взимания оных, в третьей — источники и разные роды налогов, в четвертой — соби́рание оных, в пятой — уравни́ение налогов, в шестой — общее действие оных, в седьмой — рассуждает о бумажных деньгах как о налоге.

* Творения знаменитых иностранцев, в разные времена живших в России, не можем мы присвоить.

** В опровержение предрассудка тех, которые думают, что частному человеку не можно основательно судить о существе налогов и действии оных на народную промышленность, мы скажем только то, что Питт, величайший министр нашего времени, в английском парламенте превозносил похвалами Адама Смита как точного истолкователя правил государственного хозяйства вообще и науки финансов в частности. Величайшая честь философу и министру!

В первой главе автор изъясняет, каким образом произошли существующие ныне в различных европейских государствах системы налогов, относя начало их в средние века. С уничтожением феодального безначалия государственное правление приходило в больший порядок. «Успехи образованности по мере их благотельного влияния на нравы и обычаи народов действовали и на усовершенствование налогов».

«Но взаимным образом,— продолжает автор (стр. 7),— можно судить о состоянии образованности каждого в особенности государства по состоянию налогов: по способу пазначения, распределения и собирания налогов можно судить о сведениях, распространенных в народе; по количеству собираемых налогов — о богатстве его».

Вопреки мечтаниям некоторых древних и новейших политиков автор доказывает необходимость налогов. «Требовать ныне уничтожения налогов (стр. 10) значило бы требовать уничтожения самого общества. Государство или, точнее сказать, правительство ничего не может делать для граждан, если граждане ничего не делают для государства. Умирать и платить подати надобно везде, сказал Франклип.

Только способ распределения налогов может быть различен и представляет для народа бремя оных легче и тягостнее. Существенные принадлежности справедливого распределения налогов означил автор весьма удовлетворительно (стр. 11), равным образом постановил и точную меру оных: «Удовлетворение истинных потребностей государства определяет меру пожертвования частных граждан» (стр. 13—15).

Многие авторы брали на себя бесполезный труд доказывать несправедливость некоторых налогов, думая, что предмет, на который некоторые налоги падают, делает их несправедливыми. Автор здесь приводит в пример тех писателей, которые утверждали, что подать с окон несправедлива потому, что правительство не имеет права лишать подданных дневного света. Одна только неуравнительность и несоразмерность с достатком платящих делает подать несправедливою. Автор основательно замечает, что «такими

опровержениями можно доказать несправедливость многих, если не всех налогов. Каждый налог имеет свои неудобства. Надлежит только при введении налогов избирать те из них, кои сопряжены с меньшими неудобствами». К сему применяет автор слова Бентама, сказанные о законах: «Правительству, как врачу, предстоит одно дело: избирать меньшее зло. Всякий закон есть зло, ибо всякий закон есть нарушение свободы» *. «Так точно и каждый налог есть зло, ибо лишает платящего части его собственности; надлежит только с искусством избирать сие зло, т. е. надлежит избирать легчайшее» (стр. 16).

Другого рода замечание также весьма основательно делает автор насчет несбыточных планов по части финансов (стр. 17—18). Здесь полагает он различие между проектами мечтательными, основанными на пустых выкладках, которые можно назвать политическою поэзиею, и между проектами, основанными на существе вещей, представляющими очевидную пользу или, несомненно, к истреблению зла служащими. Насчет первых приводит он остроумное замечание Юма: «Из всех людей самые вреднейшие суть сочинители политических проектов, если они имеют власть в руках своих; они же и самые жалкие и смелые, если не имеют сей власти».

Сию главу заключает автор определением различия между практикою и теориею по части финансов (стр. 21—23). «Теория финансов, как и всякой другой

* Иному покажется означенное выражение Бентама несправедливым, между тем как оно весьма основательно. Каждый закон предписывает подданным государства известную должность, каждая должность есть бремя, следовательно, не есть благо для носящего оную. Правительство не захотело бы возложить бремя на подданных, если бы не было к тому побуждаемо нуждою. Следовательно, оно при издании каждого закона избирает одно из двух зол. Так, наприм., когда оно запрещает подданным отлучаться от их домов без дозволения местного начальства, то сие запрещение, по выражению Бентама, есть зло, ибо оным ограничивается свобода жителей государства. Но правительство находит сие зло меньшим в сравнении с бродяжничеством, которое при неограниченной свободе жителей отлучаться от их домов может распространиться в государстве.

науки, основана на наблюдениях и замечаниях, сделанных на опыте в течение нескольких веков; она состоит только из сих наблюдений, соображенных между собою в причинах и действиях, изложенных в логическом порядке».

Во второй главе автор изъясняет главные правила взимания налогов, служащие основанием всякой доброй системе налогов. Первое правило есть равное распределение налогов. По силе оного налоги должны быть распределены между всеми гражданами в одинаковой соразмерности; пожертвования каждого на пользу общую должны соответствовать силам его, т. е. его доходу. Все должны споспешествовать благу всех. Искключения всегда вредны для общества (стр. 25—32). Кроме особенного отягощения платящих они уже по тому одному вредны, что несправедливы. Великий налог, по уравнительству с доходом каждого расположенный, легче бывает для платящих, нежели малый, но исключительный, ибо в таком случае один гражданин пользуется выгодами общества на счет другого. Ясные примеры сей несправедливости автор показывает из истории финансов Франции, Испании, Италии и других государств.

Обычай новейших народов во всем различен от обычаев народов древних. «Римляне поставляли себе за честь платить тем более, чем знатнее они были. Знатные люди новейших времен находят честь свою совсем в противном».

Если исключение из сего вышепоказанного правила допущено быть может, то для тех только людей, которые не в состоянии платить оных. Но сия несостоятельность тогда бывает, когда платящий, удовлетворив требуемому с него налогу, лишается чрез то или дохода, или вместе с тем и насущного пропитания, следовательно, и возможности снискивать оное на будущее время.

Второе правило есть определенность налогов. Количество налога, время и образ платежа должны быть определены, известны платящему и независимы от власти собирателей (стр. 32—34). Примером, противным сему правилу, автор выставляет известную во

Франции подать — la taille personnelle [подушная подать], ибо она накладывалась сборщиком по наружному благосостоянию земледельца; для того должно было или наказывать притворную бедность, или подкупать сборщика. Если бы автор захотел привести более примеров сей несправедливости, то бы он мог отыскать множество оных в других государствах, кроме Франции.

Третье правило состоит в собирании налогов в удобнейшее время для платящего. «Пренебрежение оногo, — говорит автор, — не принесет никакой пользы правительству, для народа же может быть весьма пагубно» (стр. 34).

Четвертое правило есть дешевое собирание налогов. «Противное сему правилу бывает: 1-е, когда для собирания налогов потребно великое число чиновников, жалованье коих поглощает важную часть налога; 2-е, когда налог вредит промышленности; 3-е, когда чрезмерная величина податей возбуждает желание избежать платежа оных; 4-е, когда с налогом соединены частые посещения, обыски в домах и различные исследования со стороны служителей правительства. Во всех сих случаях народ делает большие пожертвования, нежели каковые выгоды получает от того правительство».

В первом случае подать удаляется от своего назначения, ибо вместо общественных нужд она обращается на удовлетворение потребностей чиновников, определенных для сбора оной. В трех последних случаях она составляет тягость для народа, нимало не соответствующую пользе, получаемой от того правительством. Примеры нарушения сего правила, представленные автором, весьма поучительны (стр. 37).

Наконец, пятое правило взимания налогов автор полагает в том, что налог всегда должен быть взимаем с дохода, и притом с чистого дохода, а не с самого капитала (стр. 41).

В третьей главе автор рассуждает об источниках и разных родах налогов. «Все налоги вообще, какого бы рода они ни были, проистекают из трех источников дохода общественного, а именно: из дохода от земли,

из дохода от капиталов, из дохода от работы». Сходственно с сим автор разделяет и самые налоги, присовокупляя к означенному разделению: 1) налоги, падающие на самый капитал; 2) налоги, падающие на все источники дохода без различия (стр. 42—43).

«Подать с дохода от земли может быть определена однажды навсегда или увеличиваться и уменьшаться вследствие увеличения и уменьшения дохода. Первая есть неперемнная, а вторая — переменяющаяся. Великое преимущество неперменной подати состоит в том, что она не полагает препон усовершенствованию земледелия. Хотя впоследствии времени делается она неравною для платящих, но сие неравенство прекращается продажею земель, ибо при покупке оных всегда принимается в уважение чистый доход, получаемый владельцем за уплатою подати» (стр. 46—50).

«Преимущество переменяющейся подати с дохода от земли состоит в том только, что она более сообразуется с изменением дохода, увеличиваясь и уменьшаясь вместе с оным; но она прекращает охоту к дальнейшему усовершенствованию земледелия, ибо владелец от всякого усовершенствования получаемую выгоду в то же время должен разделять с правительством». Для того многие предлагают согласовать выгоды неперменной и переменяющейся поземельной подати определением оной на известное число лет. Хотя автор находит такое определение лучше ежегодного, но отдаст преимущество неперменной подати или такой, которая на долгое время определяется, как, напр., на сто лет, ибо такой срок не может препятствовать самым важным улучшениям земледелия (стр. 50—54).

Как подать с поземельного дохода определяется на основании описи всех земель, называемой кадастром, то автор изложил при сем случае качества доброго кадастра и различные правила, по которым в разных государствах учинена была раскладка поземельной подати (стр. 56—60).

Подать с прихода от земли или со всего произведения, какое получается земледельцем, автор находит неудобною по причине неравенства, ибо издержки на обработку и удобрение полей неравны, потому и

остающийся, за исключением оных, чистый доход неравен. Подать сия известна в Западной Европе под именем десятины, т. е. десятой доли всего произведения, от земли получаемого (стр. 63—66). При сем автор поместил весьма любопытное замечание славного агронома Артура Юнга, доказывающее, что десятина, особливо платимая натурою, останавливает успехи земледелия (стр. 67).

В конце рассуждения о поземельной подати изъяснены причины, доказывающие невозможность единственного налога, каковой предлагали физиократы для замены всех прочих податей и сборов (стр. 71—78).

По случаю рассуждения о налоге с домов автор разделяет доход от дома на две части: одна из оных есть прибыль от капитала, употребленного на строение дома, а другая есть доход от земли, на которой дом построен. Разделение сие бывает очевидно, когда хозяин дома и владелец земли суть два различных лица. Подать на дома раскладывается различным образом, как, напр[имер], по числу дымов, по числу окон, по пространству земли, занимаемой домом, по сумме, на строение дома употребленной, и проч. Выгоды и невыгоды сих различных родов оклада показаны довольно ясно (стр. 78—92).

Налоги с капиталов автор рассматривает в двояком виде: во-первых, как налоги на прибыль от капитала, во-вторых, как налоги на самый капитал. К первому роду относит он подать с жалованья, получаемого гражданами и военными чиновниками, ибо способности и сведения, приобретенные человеком, суть его капитал. Автор оправдывает сего рода подати, в чем можно с ним согласиться, когда чиновники достаточное имеют жалованье и когда вычет из оного бывает незначителен (стр. 92—112).

Налоги с самых капиталов прекращают возможность к получению дохода, в чем состоит их главная невыгода. Собираение их производится при всяком переходе собственности от одного лица к другому, как-то: при покупке собственности, дарении, наследстве и проч. Они иногда налагаются узаконением писать все оные акты на гербовой бумаге определенной цены или

вносить их в судные книги. Подать с наследства в отдаленных степенях родства автор допускает, ибо наследство в таком случае подобно находке; в ближних же степенях, и особливо в прямой линии, отвергает, ибо дети после отца иногда не только не делаются богаче, но еще беднее, как, например, в том случае, когда отец отправлял какое-либо ремесло или получал пенсию и проч. (стр. 114). Таким образом, в Голландии наследники в прямой линии не платили никакой подати, между тем как прочие платили от 5 до 30 процентов на сто.

Подати, палагаемые на работников, падают то на них самих, то на тех людей, которые имеют пужду в их работе и их нанимают. Когда потребность в работниках велика, то по причине подати они возвысят цену своей работы, а когда мало требуется работников, то они сами принуждены бывают нести подать. При упадающем благосостоянии государства работники получают самую низкую плату. Бывали примеры в Германии, говорит автор, что работники желали работать из одного хлеба. Точно такой случай был в России в царствование Годунова (стр. 123—128).

Повинности, или известные работы, без платы исправляемые, автор признает невыгодными, ибо они причиняют более убытка тому, на кого падают, нежели сколько приносят пользы казне. По той причине они были уничтожаемы мало-помалу (стр. 128—134).

К палогам со всех вышеозначенных трех источников принадлежат: 1) поголовные палог; 2) палог с имения или дохода вообще; 3) палог с потребления и 4) чрезвычайные палог (стр. 135—137).

Неравенство есть свойство первого рода податей. Второго рода подать автор находит более или менее тягостною. Кажется, различие сие зависит от образа раскладки, а не от существа подати. В некоторых государствах правительство позволяло каждому окладывать податью самого себя, что было в Гамбурге. Автор полагает, что вообще надлежит избегать определения налогов по собственному объявлению платящего, в особенности же сопровождать оное присягою, ибо при таком платеже человек имеет побуждение и выгоду

объявлять несправедливо. К сему можно было бы припомнить и то обстоятельство, что совесть людей неравна, а потому и подать, платимая по такой раскладке, оказывается весьма неравною: один платит более потому, что совестен, а другой менее потому, что бессовестен. Всякая добродетель бескорыстно должна быть исполняема, но и от всякого акциза должна быть свободна; равным образом бессовестность не должна получать выгод на счет добродетели (стр. 147).

Налоги с потребления двояким образом автор рассматривает: 1) налоги с потребления вещей необходимых или сделавшихся необходимыми и 2) налоги с предметов роскоши. К первым относит он все предметы, употребляемые для простой пищи и питья, для простой одежды и обуви. Предметы роскоши иногда приносят пользу употребляющему оные, иногда служат для одного тщеславия. Продовольствие простого народа должно быть удобно и дешево, потому и следовало бы освободить от налога предметы необходимые, но сего никогда не бывает, ибо налог сей несравненно больше приносит дохода, нежели налог с потребления предметов роскоши.

После сего автор разделяет еще налоги на два рода: налоги на внутреннее потребление, т. е. налоги внутри государства, с потребления взимаемые, и налоги на внешнее потребление. При чем излагает способы собирания пошлыны: 1) внутри государства и 2) на границах оного. В сей последней статье содержится, собственно, отражение заблуждений меркантилистов касательно торгового баланса. В примечании на стр. 180 находится краткое описание чудовищных затей Помбаля, португальского министра, который для усовершенствования промыслов старался истребить оные.

Правила собирания таможенных пошлыны автор изложил подробно и с надлежащею основательностью (стр. 188—224). Мы не можем сопровождать его во всех суждениях, но заметим то только, что он изъяснил в сей статье предмет весьма важный и не многими понимаемый в настоящем его виде.

К чрезвычайным налогам автор относит:

I. Принужденные займы, когда все подданные, каж-

дый по соразмерности своего достатка, или только богатейшие люди принуждаются давать известные суммы правительству взаймы.

II. Разные чрезвычайные поборы; так, например, в Англии во время последней междоусобной войны³, говорит автор, правительство для содержания армии приказало, чтобы каждый из подданных раз в неделю не обедал и чтобы доплатил деньги, оттого сбереженные, казне. Сия подать принесла 608 400 стерлингов дохода в продолжение шести лет.

III. Добровольные пожертвования, которых величина, говорит автор, зависит от важности цели, для которой определяются, а всего более от любви народа к отечеству. Нигде, продолжает он, такие пожертвования не бывали столь важны, как в России (стр. 205—220).

В четвертой главе автор рассматривает разные роды собирания налогов. «Правительство может собирать доход от налогов посредством определенных на то чиновников или отдавая собирание налогов на откуп. При сем последнем способе правительство имеет ту выгоду, что получает известные суммы в определенное время и избавляется от труда, сопряженного с собственным собиранием. Но сей способ гораздо тягостнее для народа, нежели первый. Откупщик ни на что более не смотрит, как только бы выручить должную сумму денег. Разорение тысячи семейств не причиняет ему убытка. Несмотря на сие, во многих государствах собирание налогов донныне производится посредством откупщиков» (стр. 220—229).

Когда правительство собирает налоги, то выбор чиновников, для сего предмета определяемых, должен быть самый строгий. В таком случае, говорит автор, исчезло бы отчасти то недоброхотство, которое граждане обыкновенно питают к собирающим с них налоги (стр. 230).

Телесные наказания за неисправность платежа автор находит не только бесполезными, но и противными цели, для которой они назначаются. Если плательщик не имеет средств удовлетворить требование казны, то чрез понесенное наказание не делается к тому способ-

нее; если же он имеет собственность, то в крайнем случае она только может подлежать продаже и вычету налога. Столько же противно вышеозначенной цели и всякое стеснение личной свободы, как, напр[имер], арест, тюремное заключение (стр. 232—234).

Пятую главу автор посвящает на рассмотрение уравниения налогов. Введенный налог не всегда бывает несом тем, на кого оный налагается. Взимаемый с производителя налог иногда падает действительно на него самого, иногда же окончательно уплачивается потребителем его товаров. Оттого происходит, что правительство, желая обложить податью один класс народа, иногда стесняет оным состояние другого, на который налог, так сказать, сам собою переливается или распространяется. Дабы предварительно знать, на кого какой-либо налог падает окончательно, надлежит знать состояние народного богатства вообще и состояние облагаемой податью отрасли промышленности в частности (стр. 237—239).

Любопытное мнение Канара об уравниении налогов автор рассматривает с надлежащею подробностью. Неосновательность оного приписывает тому, что Канар не обратил при сем надлежащего внимания на различие состояний, в которых государство находится (стр. 240—250).

Состояние государства в хозяйственном отношении есть тройкое: 1) успевающее; 2) неперемещающееся и 3) упадающее. Каждое из оных автор рассматривает отдельно, показывая их признаки и вместе уравниение налогов, определяемых в разных состояниях государства (стр. 250—292).

В шестой главе «Опыта» излагается влияние налогов на состояние народного богатства, на промыслы, народонаселение, успехи образования и нравственность. Истина не скоро открывается, а заблуждения удобно происходят и распространяются с необыкновенною скоростью. К сим последним отнести можно ошибочное мнение тех, кои думают, что налоги могут побуждать к трезвости, бережливости и прилежанию. Нужда есть первое и самое важнейшее побуждение человека к труду, говорят защитники сего нелепого

положения. Но они забыли, что здесь разумеется нужда собственная, а не чужая. Если человек любит труд, то, верно, потому, что оный в собственную его пользу обращается; в противном случае, находя в труде только утомление сил своих и лишение покоя, он предается лени и даже мотовству. «Если бы и можно было согласиться в том, что налоги побуждают к трудолюбию, то должно вспомнить, что для нового произведения недовольно одного трудолюбия: для сего нужны также и капиталы, составленные из произведенных предметов, а сии-то предметы и отъемлются налогом» (стр. 295—297).

«Некоторые также утверждают, что налоги ободряют промышленность, ибо правительство получаемые доходы пускает в обращение. Но правительство, говорит автор, получает доходы от народа даром, а уступает ему оные за его работу и изделия. Следовательно, правительство для своих нужд употребляет часть народного достатка. Ужели убавление достатка должно почитать приращением оного?» (стр. 297—298).

«Влияние финансов на судьбу государства делает весьма важными системы финансовые, принимаемые для управления; вместе с сим представляется также и важность министров, управляющих финансами. Трудность исполнения сей должности увеличивается вместе с успехом. Чем невыгоднее обстоятельства, в коих государство находится, и, следовательно, чем менее средств оно предоставляет к удовлетворению общественных потребностей, тем более требуется от министра». В сей статье автор вычисляет все затруднения, предстоящие министру финансов в исполнении его важного и многотрудного дела. Вопреки мнению многих он поставляет гласность существенным качеством системы финансов, ибо чрез оную увеличивается доверенность народа к правительству (стр. 309—311).

В седьмой главе автор рассуждает о бумажных деньгах яко о палог. Сей предмет ныне привлекает всеобщее внимание; для того автор почел нужным изложить оный несколько подробнее, и потому он проходит прежде историю банков, потом изложил способы пускать ассигнации в обращение и правила, опреде-

ляющие меру выпуска оных. Следствие неумеренности в употреблении сего средства есть расстройство достатка частных людей, промышленности и системы финансов. Уменьшение суммы бумажных денег посредством возвышения нарицательной ценности чистых денег автор находит бесполезным и не нравственным. «Единственное средство к возвышению курса ассигнаций состоит в уменьшении количества оных, что может быть произведено: 1) посредством продажи казенных имуществ; 2) посредством выкупа ассигнаций по курсу». Можно бы еще к сему прибавить, что уменьшение ассигнаций может последовать только при бережливости и расчетливости в употреблении доходов.

Упадок и возвышение курса ассигнаций частным людям и самому правительству причиняют непредвиденные потери и печальные выигрыши. Для прекращения сей несправедливости автор почитает благонадежным средством определение отношения бумажных денег к металлическим силою закона таким образом, чтобы все уплаты, основанные на договорах, заключенных или прежде, или после упадка ассигнаций, чинимы были по тому курсу, каковой был во время заключения контрактов. Если, напр[имер], *a* ссудил *b* 1000 рублей ассигнациями тогда, когда серебряный рубль стоил два рубля ассигнациями, и если *b* отдает спл 1000 рублей тогда, когда рубль серебром стоит четыре рубля ассигнациями, то очевидно, что *a* отдал займы 500 рублей серебром, а получает назад только 250 рублей. Если бы было определено содержание, о котором говорится, то *b* заплатил бы 2000 рублей ассигнациями, то есть 500 рублей серебром, ибо во время займа занятые им 1000 рублей ассигнациями стоили 500 рублей серебром; таким образом, *b* не имел бы незаслуженной прибыли, *a* не имел бы незаслуженного убытка (стр. 361—363).

Здесь мы оканчиваем рассмотрение «Опыта теории налогов» и почитаем нужным присовокупить только то, что автор изложил мысли свои так ясно и подробно, что книга его может быть полезно и для тех, кои без предварительного наставления сами собою хотят приобрести сведение о сей важной части государствен-

ного управления. Наше рассмотрение к тому только клонится, чтобы читателям сокращенно представить сущность «Опыта» и качество правил, предлагаемых автором. Но да не подумает кто-либо, что чтение сего нашего извлечения может заменить чтение самого сочинения. На обширном и плодоносном поле мы собрали несколько цветов, может быть и не самых лучших, которые показываем любопытным, дабы удостоверить их в том, что оное поле действительно представляет богатую жатву. Не можем умолчать также и о том, что на каждой почти странице «Опыта» находили мы доказательства человеколюбия* и доброй нравственности автора**. «Странное замечание! — скажут многие. — Следует ли говорить о том, что само собою разумеется?» Не удивляйтесь, милостивые государи! Мы сами знаем, что автор без доброй нравственности к почтенному сословию писателей принадлежать не может, по отношению к толпе площадных крикунов, срамными шутками чернь увеселяющих. Автор «Опыта», подчиняя правила теории налогов правилам справедливости и человеколюбия, исполнил долг свой по совести, и не для похвалы его мы присовокупили означенное замечание, но дабы показать различие между им и теми сочинителями политических трактатов, которые при торжественных уверениях в их любви к отечеству проповедают правила, угнетательные для их сограждан.

* Автор напечатал свое сочинение в пользу крестьян, на коих числятся недоимки в сборе налогов.

** Во всяком случае он старается примирить систему финансов с народною нравственностью.

ПРАВО ЕСТЕСТВЕННОЕ 1818—1820

Предуведомление

Наука тогда только имеет совершенный вид, когда все положения оной составляют непрерывную цепь и одно объясняется достаточно другим. Наука права естественного весьма способна к сему роду совершенства; я старался, сколько мог, воспользоваться таким ее качеством. Обняв силу и пространство главного начала прав, слушатель и читатель могут понимать, в чем состоят права первоначальные, а познание сих последних руководствует к уразумению прав производных. В изъяснении некоторых положений я более распространился, нежели сколько пределы ручной книги¹ позволяют; тот извинит сию несоразмерность, кому известно, что некоторые читатели ищут в праве естественном положительного, другие сомневаются в приращении оного к отношениям и связям людей в гражданском обществе, а некоторые могут почитать оное новизною совсем ненужною и проч. Вместо того спорные статьи здесь большею частию опущены, но изустное истолкование может и должно касаться важнейших разногласий между правоведцами. Впрочем, сведущий читатель по началам, мною принятым, может различить положения, мною не допускаемые.

Умозрительная часть правоведения в России еще так нова, что представляет множество затруднений касательно учебных слов и выражений. Отечественное

положительное законодательство облегчает сию трудность, но совершенно не освобождает от оной. Иногда надобно выдумывать новые слова или употреблять иностранные; то и другое средство имеет свои неудобства. Новое слово может быть допущено, когда составлено из старого, а иностранное — когда укоренилось чрез общее употребление. Русские сочинители и переводчики по сей и по другим частям наук малоупотребительные и новые слова обыкновенно ставят с переводом на иностранный язык. И я не нахожу другой дороги к облегчению означенной трудности; но для избежания частых скобок все малоупотребительные учебные слова помещаю с переводом на латинский язык в конце второй книги по азбучному порядку, а в самом сочинении они отличены косыми буквами. В случае недоразумения читатель может судить по переводу, в каком смысле какое слово принято.

Введение

I. О природе человека

§ 1. Человек имеет двоякую природу: чувственную и разумную. Чувственная природа направляется способностью желания, которой первоначальное назначение состоит в сохранении целости существа человеческого. Желать — значит хотеть присутствия или отсутствия какой-либо вещи. Сия способность в человеке называется *волею в пространном смысле*. Стремление воли к осуществлению какого-либо предмета называется *хотением*, а желание отсутствия или небытия вещи — *отвращением*.

§ 2. Человек по силе чувственной природы желает только того, что почитает добрым, и отвращается от того, что находит злым. Сему закону подлежат все желания, равно как и предпочтение большего добра меньшему и меньшего зла большему. Несмотря, однако ж, на сие общее определение, человек может заблуждаться в познании добра и зла и почитать истинное добро ложным и ложное истинным, равно как

истинное зло принимать за ложное и ложное за истинное.

§ 3. Слово *добрый* означает вообще сообразность вещи с каким-либо назначением. О вещах несмысленных говорится, что они *добры*, хороши, когда соответствуют какому-либо намерению и могут служить средствами к достижению предполагаемой цели. Таким же образом относительно к чувственной природе человека все то называется добрым, что соответствует его стремлению к благополучию, что удовлетворяет его желанию, производя в нем приятное ощущение.

§ 4. Итак, предмет способности желания есть приятность, которая приобретается как положительным, так и отрицательным образом, т. е. или достижением благ, приводящих чувственность нашу в состояние удовольствия, или избеганием зол, могущих привести оную в состояние скорби. Употреблять силы для достижения той или другой цели — значит *действовать*. А потому *деяние* есть перемена существа, производимая в нем собственными его силами; перемена же, производимая в существе посторонними силами, называется *страданием*.

§ 5. Если бы человек имел одну только чувственную природу, то приятность была бы для него единственным законом желаний, единственным благом и безусловною побудительною причиною деяний. Употребление его сил было бы только страдательное, зависящее от внешних впечатлений. Но сверх чувственности человек имеет разум, который рассматривает вещи не только по их отношению к желаниям, но и по их сообразности с своею собственною природою. Посредством сей высшей способности человек может действовать независимо от внешних вещей, ибо разум предписывает человеку известный способ деяния, несмотря на то, сообразен ли он с чувственными желаниями или нет. Потому предписания разума касательно поступков человеческих называются *безусловными повелениями*. Способность желать по предписаниям разума называется *волею* в тесном смысле, склонение воли к осуществлению предмета — *решимостью*. Последствие, бывшее побудительною причиною воли,

называется *целию* деяния и намерением лица действующего. Цель, для которой другие цели служат средствами, называется *главною* или непосредственною.

§ 6. Поколик человек может располагать своим поведением независимо от внешних впечатлений, то он называется свободным. По силе сей способности он желает состоять только под законами собственного разума и всякое другое законодательство тогда только допускает, когда оно проистекает из общих начал разума. Конечно, в его власти состоит подвергнуться законам, противным разуму, но тогда он отрицает собственное свое достоинство, унижаясь до степени животного, которое внешними только чувственными побуждениями направляется к действию.

§ 7. Разум, предписывая воле правила, тем самым доказывает ее свободу, ибо чрез то предполагается в воле возможность поступать различным образом, а не по одному какому-либо направлению необходимому. Если бы воля была несвободна, то предписания разума были бы напрасны, ибо в них содержалось бы или то, к чему воля необходимо стремится, или то, чего она по природе своей исполнить не может. Хотя же предписания разума не лишают волю свободы, так как она может поступать сообразно и противно оным, но, отвергая закон разума, воля впадает в зависимость от чувственных побуждений. Человек, увлекаемый страстями вопреки разуму, есть раб оных. Итак, свобода в отрицательном смысле есть независимость воли от чувственных побуждений, в положительном же — есть способность последовать предписаниям разума.

II. Разделение права естественного

§ 8. Нравственная философия есть наука, излагающая законы, предписываемые воле разумом. Цель ее вообще есть ограждение свободы человека, которая бывает нарушаема или в нем самом чувственными его желаниями и страстями, или другими людьми, препятствующими ему законно обнаруживать свою сво-

боду. Посему нравственная философия разделяется на две ветви. В первой излагаются законы внутренней свободы, которая и называется собственно *нравоучением*. Во второй предлагаются законы внешней свободы, или законы права, которая потому и называется *правоучением* или просто правом.

§ 9. Для отличия от положительных законов, основанных на произволе законодателя, *правоучение* называется естественным, поелику оно излагает законы, выводимые из природы разума человеческого.

Примечание. Слово *естественный*, присоединяемое к праву, состоянию, закону и разуму, вводит некоторых в заблуждение по своей двозначительности: иногда значит оно то же, что первоначальный, первобытный, иногда — природный, врожденный. В правоучении употребляется оно в сем последнем значении. Посему следовало бы говорить: природное право, природное состояние, природный закон, природный разум и проч.; но, принимая название *естественный* в первом значении, многие думают, что право естественное есть собрание правил, которым люди следовали в первобытном состоянии дикости, что состояние естественное есть состояние людей без общественного соединения, в котором царствовало самоуправство, что закон естественный есть выражение правил, коими люди руководствовались в первобытном состоянии, и что разум естественный есть необразованный смысл дикого сына природы.

§ 10. В праве естественном рассматриваются: I. Права и должности людей, выводимые непосредственно из их природы. II. Права и должности, выводимые из природы известных отношений и обстоятельств, в которых люди находятся. Первая часть права естественного называется правом чистым, а вторая — прикладным.

Чистое право занимается разрешением следующих двух вопросов: *a)* какие права принадлежат человеку по одной только его природе; *b)* какие права, сверх того, могут люди приобрести и соединить с правами, непосредственно из природы проистекающими. Разрешение первого вопроса составляет безусловное право,

разрешение второго — условное право. В первом излагаются права людей первоначальные, а во втором — производные, или приобретаемые.

Прикладное право занимается приноровлением положений чистого права к известным отношениям людей, но как сии отношения многообразны, то из оных избираются в правоучении те только, которые необходимо служат к сохранению внешней свободы людей. Таковы суть общество семейственное и государство.

§ 11. Приноровление начал чистого права ко взаимным отношениям независимых народов составляет науку права народного. Права и обязанности, принадлежащие частным людям, падают равномерно на целые государства как правственные лица. Но совсем без основания присоединяют некоторые к системе права естественного право всемирного гражданства, ибо гражданин целого света есть не что иное, как частный человек, состоящий под законами разума, коими определяются его отношения к подобным ему существам; следовательно, излагать право всемирного гражданства — значит повторять чистое естественное право под особенным наименованием.

III. Различие права естественного от наук, с оным сходных

§ 12. Науки сходны бывают между собою или потому, что имеют один общий источник и называются сродными, или потому, что относятся к одному предмету и называются прикосновенными. Дабы иметь определенное понятие о праве естественном, надлежит изъяснить сродство и прикосновенность оного с другими науками, а потом показать различие его от оных. С правом естественным сходятся: I. Нравоучение. II. Политика. III. Положительное право и IV. Философия положительного права.

§ 13. I. Право естественное имеет сродство и прикосновенность с нравоучением, ибо обе сии науки черпают свои начала из разума и предлагают общие

необходимые законы, по которым свободные деяния людей располагаемы быть должны; обе принуждают чувственный произвол человека, подчиняя оный своим правилам; обе имеют целью сохранение свободы людей, и деяния, согласные с оною, отчасти позволяют, отчасти представляют в виде должности. Но при сем сходстве находится также и различие между правоучением и правом естественным: *a)* правоучение повелевает разумные существа почитать целями и потому предписывает не только не ограничивать, но еще расширять их свободу; право повелевает только не употреблять других людей как средства; *b)* правоучение объемлет все деяния, как внутренние, так и внешние. По правилам оного всякое деяние тогда только имеет нравственное достоинство, когда проистекает от доброй воли, т. е. когда нравственный закон служил побуждением к оному; законы права только на внешние деяния простираются; каждый поступок, соответствующий с оными, называется справедливым, несмотря на качество побуждения, которым человек при том руководствовался; *c)* правоучение имеет предметом внутреннюю свободу человека, а право — внешнюю; *d)* правоучение предписывает цели, которые человек в виду иметь должен; право определяет только внешние деяния, предоставляя человеку на произвол избрание целей; *e)* правоучение склоняет людей к добродетели, право — к справедливости.

§ 14. II. Сходство права естественного с политикою состоит в том, что обе сии науки предписывают людям правила для последования, обе имеют предметом безбедное существование человека, обе представляют внешние побуждения, которыми располагают людей последовать своим правилам. Сходство сие прежде увеличивалось еще тем, что правоведы представляли началом права естественного благополучие и чрез то совершенно смешивали оное с политикою. Ныне критическая философия² показала точное различие между сими науками, заменив начало благополучия формальным началом разума: *a)* право естественное есть наука прав или совокупность условий, при которых внешняя свобода людей существовать может.

Политика вообще есть учение о благонадежных средствах к достижению человеческих целей; в тесном же смысле она есть учение о благонадежных средствах к достижению целей государства; *b)* право почерпает свое учение из чистых начал разума; политика заимствует свои наставления о благонадежности средств из опытности; *c)* законы права вообще действительны, необходимы и никакого не терпят изъятия; средства, предполагаемые политикою, переменяются по обстоятельствам места, времени и лиц; *d)* справедливость есть неперемнная и необходимая цель права, предписываемая людям в виде должности, политика предполагает многообразные цели как составные части благополучия; *e)* право ограничивает средства, употребляемые политикою, допуская только законные; сохранение прав зависит от благонадежности средств, предлагаемых политикою для защиты и употребления опых.

§ 15. III. Право естественное и положительное прикосновенны между собою, ибо они имеют общим предметом сохранение внешней свободы людей. Предписания их простираются на внешние деяния, которых исполнение и оставление определяются внешними побуждениями. Но сии науки различаются между собою по источнику, из которого проистекают содержащиеся в них правила: *a)* положительные узаконения проистекают от произвола и соглашения граждан между собою или от воли верховного властителя в государстве; законы права естественного проистекают из общих начал разума; *b)* каждый народ имеет свое особенное положительное право, и сходство между законами различных государств происходит от случайного сходства обстоятельств; напротив того, право естественное, будучи основано на необходимых законах разума, есть право, всем народам общее; *c)* предписания права положительного даже в одном государстве могут простираться не на всех граждан. Верховная власть по своему усмотрению может одним гражданам дать преимущественные права, а на других возложить особенные должности. В праве естественном права и обязанности людей как разумных существ равны и одинако-

вы; d) право положительное имеет в виду не только справедливость, но и пользу граждан; естественное право имеет целью одну только справедливость; e) при определении законов положительных главным руководством служит начало права естественного, положения же сего последнего могут быть в точности соблюдаемы только в гражданском обществе, когда по воле верховной власти превращаются в законы положительные.

§ 16. IV. Философия положительного права есть соображение законов положительных с общими началами права и с видами, каковые законодатель имел при издании оных. Следовательно, она прикосновена с правом естественным в том, что употребляет общие положения оного для исследования справедливости положительных законов какого-либо государства. Но при сем исследовании обращает внимание также на отношения народа физические, нравственные и политические и рассматривает оные по началам политики. Посему философия положительного права есть также наука опытная, чем особенно и отличается от права естественного.

IV. О пользе права естественного

§ 17. Право естественное, показывая человеку его отношения к другим частным лицам и обществу, тем самым доставляет ему пользу. Сохранение свободы есть общая цель всех людей, которую могут они достигнуть только соблюдением взаимных прав и точным исполнением обязанностей. Но чтоб не нарушать чужие права и охранять собственные, нужно знать, что есть право и что неправо. Множество распрей и обид происходит по умыслу и своекорыстию, много также происходит оных от недоразумения и неосновательности понятия о началах справедливости. Сей последний источник несогласия между людьми заграждается познанием истин, в праве естественном предлагаемых. В другом отношении познание права естественного для всякого частного человека не менее

нужно. Стремление к усовершенствованию побуждает каждого к распространению своих познаний. Отсюда проистекает склонность человека не оставлять встречающихся предметов без размышления. Как устройство общественных связей и течение дел государственных непосредственное имеют влияние на судьбу людей, то они и обращают на себя всеобщее внимание. Суждения частных граждан о делах государственных более или менее бывают основательны, смотря по их сведению о началах права. Самое исследование исторических происшествий без познания права естественного быть не может, или история будет просто народное предание, никакого поучения не представляющее.

§ 18. Познание права естественного нужно исследователям законов положительных при определении справедливости оных. Наипаче же оно нужно практическим законооведам при самом делопроизводстве, ибо служит им во время применения законов: 1) как вспомогательное средство толкования; 2) как правило для решения случаев, на которые нет особенного положительного закона; 3) как составная часть положительного законодательства, когда решение случая законодатель предоставляет благоусмотрению судьи или прямо повелевает решить оный по началам права естественного.

§ 19. Положительное законодательство, будучи основано на преходящих обстоятельствах, беспрестанного требует поправления. Образ мыслей граждан, их права, соседство и сообщение с другими народами, самые физические свойства почвы и климата каждого государства переменяются, отчего законы, учинившись совершенно несообразными с состоянием общества, могут прийти в ветхость, если не будут исправляемы. При таковых переменах правоучение служит главным руководством в определении законов положительных, ибо оно предлагает общие начала, разрешающие все частные случаи. Посему наука права естественного есть наука государственная. Распространение познания оной содействует ко благу частному и общему.

КНИГА I ЧИСТОЕ ПРАВО

ЧАСТЬ I БЕЗУСЛОВНОЕ ПРАВО

ГЛАВА I

Понятие о законах и должностях нравственных

§ 20. Слово *закон* по своему производству означает преграду, далее которой что-либо простираться не должно или не может. В переносном смысле закон есть положение, выражающее необходимость, по которой что-либо случается или случиться должно. Покольку разум предписывает воле правила, которыми полагает преграду ее желаниям, то предписания его называются также законами.

§ 21. Необходимость, выражаемая законами разума, называется нравственною и различается от физической, содержащейся в вещественных законах мира, тем, что человек сам себя оной подчиняет; напротив того, физическая необходимость есть сила внешняя, управляющая вещами и их действиями.

§ 22. Влияние нравственной необходимости на свободу воли называется *обязательством*, а самое деяние, к которому оно склоняет, — *должностью*, или *обязанностью*. Если одно убеждение в нравственной необходимости решит волю действовать, то деяние называется *нравственным* в тесном смысле, а побуждение к оному — *внутренним*. Когда же не сие убеждение, но другая внешняя причина заставляет человека поступить по закону, то деяние называется просто *законным*, а побуждение к оному — *внешним*.

§ 23. Все нравственные законы содержат в себе внутреннюю побудительную причину, при исполнении некоторых может быть также внешнее побуждение. Первые называются *нравственными* в тесном смысле, а вторые — *законами юридическими*.

§ 24. По различию сих законов должности разделяются также на два рода: одни называются *нрав-*

ственными, поколику побуждение к оным бывает внутреннее, а другие — *юридическими*, поколику исполняются по силе внешнего побуждения. Все юридические должности суть также нравственные, ибо разум требует при исполнении закона также, чтобы внутреннее расположение было сообразно с оным, но не все нравственные должности суть также юридические.

§ 25. Деяние, не противное должности, называется *позволенным*, исполнение оного зависит от произвола человека; деяние, противное должности, называется *непозволенным* и учинено быть не может, хотя человек и имеет к тому физическую возможность.

§ 26. Деяния человека относятся или только к нему самому и касаются собственного его лица, или простираются также на других людей и производят перемену в их состоянии. Причем они или согласуются с волею лиц, коих состояние переменяют, или не согласуются и составляют препятствие для их целей. Отсюда происходит противоборство частных волей, при котором люди останавливают взаимно свою деятельность и чрез то лишаются предполагаемых ими целей. Для решения сего спора разум поставляет за правило, чтобы человек, желающий произвесть что-либо сообразное своей умственной природе, не был в том останавливаем другими. Следовательно, каждый может требовать, чтобы ему не препятствовали действовать сходно с разумом.

§ 27. Каждый человек внутренне свободен и зависит только от законов разума, а посему другие люди не должны употреблять его средством для своих целей. Кто нарушает свободу другого, тот поступает противу его природы; и как природа людей, несмотря на различие их состояния, одинакова, то всякое нападение, чинимое несправедливо на человека, возбуждает в нас негодование. Сие служит доказательством тому, что справедливость людям естественна.

§ 28. Итак, справедливость есть исполнение юридических должностей или готовность допускать других людей исполнять все деяния, которыми наша свобода не нарушается. Справедливость бывает *внутренняя* и *внешняя*. Первая состоит в наружном исполнении юри-

дических должностей, а вторая — в исполнении оных по внутреннему благорасположению или по одному только убеждению в должности.

§ 29. Деяние, согласное с юридическою должностью, называется *справедливым*, а противное оной — *несправедливым*. Итак, внешняя свобода человека ограничивается только свободой других людей, ибо несправедливым в юридическом смысле только то называется, что внешнюю свободу других людей нарушает.

§ 30. На основании сих понятий человек может производить все деяния, которыми свобода других людей не нарушается, каковая возможность называется *правом*. Слово сие первоначально заимствовано от физического значения, в котором оно изображает прямое направление тела. Относительно к действиям оно означает сходство оных с теми правилами, которые разум предписывает человеку для его поведения в общеситии с другими.

§ 31. Посему право, во-первых, как качество лица есть возможность поступать произвольно, не нарушая законной свободы других; во-вторых, как качество действия оно означает совместность нашей свободы со всеобщую законною свободою; в-третьих, как собрание законов оно есть совокупность условий, при которых всеобщая внешняя свобода возможна.

§ 32. Существо, которому принадлежат права, называется *лицом*; напротив того, существо, не имеющее оных, называется *вещию*. Оно может быть употреблено средством для целей человека без нарушения правственного порядка.

§ 33. Понятие о праве простирается: I. На внешние отношения людей, т. е. на внешние действия, которыми они определяют взаимно свое состояние. II. Оно относится не к материи произвола, но к форме, в которой оно обнаруживается во внешних деяниях. Материя произвола есть цель, предполагаемая лицом действующим, форма произвола есть внешнее отношение одного к произволу других людей. III. В понятии права заключаются такие действия, исполнению которых другой человек не может препятствовать. Кто воспротивится оным, тот по всеобщему закону свободы может

быть отражен силою. Склонение других людей силою признавать наши права называется *принуждением*.

§ 34. Каждый человек имеет нравственную возможность защищать свои права, ибо справедливым называется то, что по внешности согласно с юридическою должностию или что сообразно со всеобщею законною свободою. Но как нарушение права есть препятствие к обнаружению свободы, а принуждение к оставлению оного есть уничтожение сего препятствия, то оное и называется справедливым.

§ 35. Поколику право основывается на законе, общем для всех разумных существ, то праву одного лица соответствует обязанность всех прочих. Когда один имеет внешнее совершенное право, то другой имеет внешнюю совершенную должность, и взаимно, когда один имеет внешнюю совершенную должность, то другие имеют внешнее совершенное право.

§ 36. Должность наблюдать чужие права есть совершенная, ибо лицо, оною обязанное, имеет совершенную возможность удовлетворить ее требованию. Посему, кто не соблюдает чужих прав, тот может быть принужден к тому силою, § 34.

§ 37. Поколику должности совершенной всегда соответствует право другого и в исполнении оной не бывает никакого изъятия, то как лицо, право имеющее, так лицо обязанное и даже третье, постороннее лицо могут судить, сообразно ли какое-либо действие с совершенною должностию или нет. Потому деяние, о сообразности коего с должностию только виновник судить может, почитается непротивным внешней совершенной должности.

§ 38. Что касается до намерения лица действующего, то оное признается добрым или злым тогда только, когда обнаружено будет достаточными внешними знаками.

§ 39. Отличительные свойства внешних совершенных прав и должностей состоят в следующем: 1) нарушением их причиняется существенная обида другому; 2) они не допускают никакого исключения и для всех равно действительны; 3) они подлежат суждению каждого, т. е. что по внешним признакам деяния каж-

дый может определить, сообразно ли оно с правом и должностью или нет; 4) они всегда находятся во взаимном соотношении: право рождает должность, а сия непременно соответствует праву.

ГЛАВА II

О главном начале права

§ 40. Как права и обязанности проистекают из общего источника — свободы воли человеческой, то они должны иметь одно общее начало или признак, по которому могут быть распознаваемы во всех случаях. Дабы отыскать таковой всеобщий признак, надлежит различать в праве материю и форму одного. Материя права есть предмет, на который право простирается, т. е. действие или вещь, на которую человек имеет право. Форма права есть способ, коим вещь становится предметом права.

§ 41. Всеобщий признак права не может быть заимствован от материи, ибо оный познается опытом; предметы же опытности до бесконечности различны, почему и признак, найденный во многих предметах, по началам разума не можно почесть всеобщим, поелику в опытности признается только то известным, что посредством оной доказано.

§ 42. Некоторые философы старались вывести главное начало права из особенных, случайных состояний человека и тем уничтожили всякое понятие о праве. Они утверждали, что образ правления, воспитание и обычаи служат основанием понятия о праве и несправедливости. По сему их предположению начало права должно быть следующее: *что сходно с образом правления, с началами воспитания и общепринятым обычаем, то сообразно с правом, а что оным противно, то не есть право*. В подтверждение своего мнения они приводят то обстоятельство, что некоторые действия у одного народа признаются похвальными, а у другого — порочными. Весьма очевидно, что таковое начало совсем не служит к отличению права, ибо сии обстоятельства различны не только у разных народов, но и у частных жи-

телей одного государства. Почему не только каждый народ, но и каждый частный человек будет иметь свое частное начало права; одно и то же действие по тому же началу будет справедливо и несправедливо. Хотя народы, так [же] как и частные люди, бывают несогласны в справедливости некоторых особенных действий по известным их отношениям, но в существе справедливости и нравственного добра и зла совершенно единомысленны. Самый спор о том, что есть право и неправо, предполагает общее начало, признаваемое спорящими, с которым они сравнивают частные случаи, ибо без сего признака на чем бы они могли основывать свои доказательства?

§ 43. Другие старались вывести начало права из природы чувствования, каковое рождается в человеке при совершении или по совершении действия. По таким их понятиям начало права должно быть следующее: *человек имеет право на все то, что ему приятно*. Несообразность сего положения тотчас откроется, когда обратим внимание на то, что приятность бывает: I. Обманчивая, сопровождаемая неприятностью или скорбью. II. Она есть чувство относительное; то, что приятно одному человеку, может быть даже противно и отвратительно другому, следовательно, одна и та же вещь, одно и то же действие по сему началу будет право и неправо, для одного человека позволено, поколику приятно, а для другого запрещено, поколику неприятно.

§ 44. Философы английской школы, чувствуя несообразность сего положения, для определения главного начала прибегли к нравственному чувству. По их мнению, *все справедливо, что не может быть отвергнуто нравственным чувством*. Но и сие вдохновение природы не может служить общим руководством к распознаванию права от неправа. Ибо в состав оного входит чувственное расположение к предмету, которое, будучи различно у разных людей, производит различные суждения о праве и неправе. Если же нравственное чувство зависит от понятий разума и оными управляется, то начала права должно отыскивать в самом разуме. Наконец, если различие между правом и неправом бу-

дет основано на впечатлениях внешних предметов, то всякое понятие о свободе уничтожится, ибо тогда поведение человека будет зависеть не от его свободного произвола, а от впечатлений внешних предметов.

§ 45. Платон и его последователи принимали за начало права совершенство человека: *что содействует к совершенству природы человеческой, на то каждый имеет право*. Но сие начало само по себе неопределенно, ибо к уразумению оного требуется еще знать, в чем состоит совершенство природы человеческой. Если предположить, что оно состоит в нравственности или свободе действовать по нравственному закону, то надлежит еще знать, что есть нравственный закон. Притом же сие начало не может обнять всего круга нравственных деяний и подвержено многим недоразумениям, ибо человек имеет право ко многим деяниям, которые не усвершеняют ни его, ни других людей нравственного состояния. Познание права по сему началу во многих случаях зависит также от последствий, ибо часто не можно предварительно определить, содействует ли какое-либо деяние к нравственному совершенству человека или нет, как, напр., наказание одного человека делает лучшим, а другого — худшим.

§ 46. Честность, принимаемая некоторыми за начало права, и всеобщее благополучие рода человеческого не могут также быть приняты за начало права, ибо в первом случае требуется знать, что есть честное? Если оным почитается то, что по общему мнению признается приличным человеку, то начало права будет состоять не в честности, но в общих понятиях разума о том, что есть право и что неправо, следовательно, для определения общего начала права требуется другое общее. Притом же человек имеет право к тому, что по общему понятию не признается свойством доброго (честного) человека. Во втором случае надлежит определить, что вообще содействует к благополучию рода человеческого. Но как не можно означить, что содействует к частному благополучию человека, то льзя ли утвердительно сказать, что делает счастливым весь род человеческий?

§ 47. Наконец, некоторые поставляли за начало права волю божескую: *что не противно богу, на то человек имеет право*. Сие положение справедливо, но не может быть всеобщим началом права, ибо требует нового признака, по которому бы можно было отличить непротивное воле божеской от противного оной, т. е. право от неправа. Поколику бог есть нравственное существо, то волю его, конечно, выражают нравственные законы, но чтобы определить бога как нравственное существо, к тому требуются уже нравственные понятия. Следовательно, сие начало, с одной стороны, неопределенно, с другой же стороны, для действительности своей само требует нового признака.

§ 48. Хотя величайшая нелепость есть поставлять силу началом права, однако ж и сие мнение имело своих защитников, каков был Спиноза и некоторые из новейших французских философов. По оному началу человек имеет право на все то, что силами своими произвести может. Несообразность сего положения сама собою открывается, ибо оно уничтожает всякое понятие о праве и законах нравственных, сильный имеет право, но коль скоро найдется сильнейший, то лишается оного. Поколику же никто не может положиться на превосходство своих сил, то никто не может быть благонадежен в удержании прав своих.

§ 49. Поколику главное начало определяется для того, дабы посредством оного каждый мог различать право от неправа во всех встречающихся случаях, то оно должно быть относительно к предметам права всеобщее, дабы в оном содержался признак, всякому праву приличествующий, и чтобы все то не могло быть почтено правом, в чем нет оного признака. Относительно к уму оно должно быть необходимое, дабы предмет, сходный с оным, каждый человек признавал правом.

§ 50. По сим основаниям главное начало права может быть выведено только из формы разума. Материя суждения различна, но форма, в которой выражается об оной решительное суждение разума, бывает у всех одинакова. Коль скоро кто признает какое-либо положение истинным, то вместе утверждает, что и всякий другой признает оное таковым, когда постигнет при-

чины его заключения. Таким же образом происходит суждение о праве: кто признает что-либо за право, тот вместе убежден бывает, что и всякий другой признает оное правом, если судить будет беспристрастно.

§ 51. Поколику право имеет непосредственным предметом внешнюю свободу людей, то главное формальное начало оно можно выразить следующим образом: *человек имеет право на все деяния и состояния, при которых свобода других людей по общему закону разума сохранена быть может*. Поколику чрез нарушение свободы мы доказываем неуважение к другим людям, поступая с ними самопроизвольно противу их воли, или употребляем их как простые орудия для наших целей, то главное начало права можно также выразить отрицательным образом: *не употребляй других людей как средство для своих целей*.

§ 52. Итак, при суждении о каком-либо деянии предпринимаемом человек должен спросить себя самого, сообразно ли оно с свободою всех прочих людей или нет; если сообразно, то составляет неоспоримый предмет его права; если же несообразно, то, как деяние неуровное, производимо быть не должно, § 26.

ГЛАВА III

Употребление начал права при суждении о действиях человека

§ 53. Действия человека, простирающиеся на других, происходят или от доброжелательства, или от недоброжелательства или, наконец, не предполагают в нем ни того ни другого расположения. В последнем случае называются они *неопределенными*. Хотя при каждом действии можно различать мысленно произведение от намерения, но к существу действия нравственного и то и другое принадлежит совокупно. Доброжелательство называется таковым частию по намерению произвести благо для другого, частию потому, что другой почитает оное действительным для себя благом. То же должно разуметь и о недоброжелательстве. Если же недостает намерения причинить благо или зло или другой ощущает от учиненного деяния последствие,

противное преднамеренному, то деяние не может быть почтено ни добрым, ни злым.

Примеч[ание]. Можно назвать оное в первом случае добрым или злым по последствию, неопределенным по намерению, а во втором случае добрым или злым по намерению, но неопределенным по последствию. Следовательно, в обоих случаях действию недостает существенного качества.

§ 54. Взаимное доброжелательство людей каждому правится, а недоброжелательство не правится и возбуждает негодование. Вследствие сего каждый человек чувствует в себе побуждение способствовать доброжелательству и останавливать действие недоброжелательства.

Примечание. Представляя себе доброжелательство всеобщую и необходимую должность людей, человек необходимо образует понятие о счастии, каковым люди могли бы наслаждаться, если бы каждый оную должность в рассуждении других наблюдал строго. На сем основываются мечтания о золотом веке, системы человеколюбивые, но несбыточные, понятия о злах заслуженных и, как худая отрасль доброго дерева, кровное мщение и презрение потомков, на одном только их происхождении основанное.

§ 55. Поколикую зло учиненное остается невозвратным, часто даже вознаграждаемым, то, дабы положить преграду недоброжелательству, разум признает законным возмездие злом тому, кто другим зло причиняет, для ободрения же доброжелательства — вознаграждение благом людей добродетельных.

Примечание. Если бы таковое распоряжение существовало в делах человеческих, то бы несчастия, претерпеваемые людьми от их взаимной злобы и несправедливости, значительно уменьшились. Мирное состояние людей, в котором каждый не только не вредит своим согражданам, но и помогает им по возможности, есть верх совершенства, которого достигнуть не можно, но люди, имея оное пред глазами, лучше могут устроить свои взаимные отношения. Законодательство приближает их к сей цели, нравственность еще более к тому способствует. Законные формы остаются без действия, если судья и подсудимый бессовестны.

§ 56. Склонность человека воздавать равное за доброжелательство и недоброжелательство называется *правотою*. Несмотря на различие людей в образовании, она каждому принадлежит без изъятия. Мы упадаем духом от сильного негодования, когда видим, что все совершается по сердцу злодея, и хотя его злые намерения и преступления нас не касаются, но мы призываем небо для отмщения, если сами не в силах положить преграду его успехам. В такое же состояние приходим, видя страдания и неудачи справедливого и добродетельного человека; напротив того, мы восхищаемся, когда зло обращается на главу самого виновника, когда замыслы его самому ему служат в пагубу, когда сокровенные его пороки и преступления становятся явными и он принужден бывает сам признать гнусность своих поступков, § 27.

§ 57. На чувстве правоты основывается суждение о достоинстве свободных деяний человека. В правоучений сие суждение производится по началам права и отличается от суда внутреннего, который производится по началам нравственности. В суждении первого рода принимается в уважение сходство или несходство одного только внешнего деяния с началами права, внутреннее же расположение лица действующего, хотя бы оно и противно было правам других людей, не подлежит оному суждению, доколе не обнаружится на самом деле. В суде внутреннем или совестном, принимается в уважение сходство или несходство с нравственным законом не только деяния, но самого внутреннего расположения.

§ 58. Соображать свободные деяния человека с началами права — значит *судить*. Лицо, которому принадлежит право судить, называется *судьею*. Суждение, произнесенное о сообразности или несообразности деяния с началами права, называется *решением*. Место, где решение дел производится, именуется *судом*.

Примечание. Судом также называется самое разбирательство дела, или приноровление учиненного деяния к началам права.

§ 59. Деяние, сходное с законом, называется *правым*, *справедливым* (поколику оно произведено с правом, т. е. по праву). Несходное же с оным называется

неправым (поколику оное произведено не по праву). Закон запрещает известные деяния, поколику оными нарушаются чужие права. Нарушать права других людей — значит делать им зло. Сведение о законе нравственном и основанное на оном чувство правоты представляет нам виновника злого деяния достойным злого последствия, равномерным образом виновника доброго деяния — достойным доброго последствия. Зло, определяемое виновнику деяния, называется *наказанием*, добро — *наградой*. Достоинство наказания — *виновностью*, а достоинство награждения — *заслугой*. Объявление виновника деяния достойным награды или наказания называется *приговором*.

§ 60. Как заслугой называется достоинство награды за учиненное добро, то наблюдением законов права человек никакой заслуги не оказывает, ибо он воздерживается при том только от причинения зла другим, но никакого положительного добра не производит, следовательно, и никакой награды не заслуживает. Поколику же он поступает как закон права предписывает, то называется *правым*; он оставляет права других неприкосновенными, и его права должны оставаться в таком же состоянии. Напротив того, кто не соблюдает законов права, тот впадает в вину, ибо нарушением прав другого, т. е. ограничением или уничтожением свободы другого, причиняет ему существенное зло, а потому справедливо может быть подвергнут равному злу как наказанию за свой противозаконный проступок. Итак, в правоучении вменение занимается только исследованием сообразности деяний с законами права и определением виновности, но нимало не относится к определению заслуги, § 57.

§ 61. Всякое деяние почитается несообразным с законом, которым нарушаются права других. Право бывает нарушено, когда кто-либо противозаконным образом исполнение одного сделает невозможным или воспрепятствует оному. Произвольное нарушение права другого называется *обидой*.

Примечание. Слово *обида* по своему производству означает зло, причиненное разумному существу от другого, ему подобного.

§ 62. Обида различается:

I. По качеству прав, на которые простирается, и называется *существенною*, когда нарушены права первоначальные, и *случайною*, когда нарушение касается прав производных.

II. По количеству лиц, которых права нарушены, обида разделяется: а) на *общую*, когда нарушены права, принадлежащие всем членам общества; б) на *частную*, когда нарушены права, принадлежащие многим лицам вместе или некоторому сословию; с) на *особенную*, когда нарушенное право принадлежит одному лицу.

III. По качеству деяния, которым право нарушено, обида бывает *положительная*, когда чрез исполнение некоторого деяния право другого человека нарушается, *отрицательная*, когда чрез оставление известного деяния происходит нарушение права.

§ 63. Обида причиняется двояким образом: I. По желанию лица действующего, которое нарушение права предполагало целью деяния. II. Без желания, по одному только сцеплению действия с противузаконным последствием.

I. Когда обида происходит по желанию лица действующего, то надлежит различать, в полном ли употреблении разума оно было во время решимости нарушить чужое право, или влияние разума на волю ослабляемо было какими-либо посторонними причинами, которые вопреки сведению о противузаконности дела склонили человека произвести оное. В первом случае причинение обиды зависит прямо и непосредственно от свободы человека. Во втором случае обида происходит хотя также по желанию лица действующего, но решимость произвести оную рождается только при содействии посторонних причин, ослабляющих влияние разума на волю.

§ 64. Причины, ослабляющие действие разума, суть сильные чувствования и воспламенения, возбуждаемые или впечатлениями внешних вещей, или силою воображения. Наклоняя волю к произведению зла, они или вовсе останавливают действие разума, или уменьшают его влияние на решимость произвести в действо наме-

рение и потому составляют *психологическое принуждение*.

§ 65. Вменение действий, учиненных по желанию виновника, подлежит следующим правилам:

I. Если виновник деяния противузаконного предполагал оное как цель и не был к тому побуждаем посторонними причинами, то решимость его нарушить чужое право называется *злым умыслом* и подлежит полному вменению.

§ 66. Если деяние не могло произойти иначе как по причине психологического принуждения, то по мере содействия оного нарушение права более или менее вменяется.

§ 67. Если психологическое принуждение так сильно действовало на разум, что человек мог прийти в самозабвение и только по причине оного учинил противузаконное дело, то он не подлежит вменению. Должно, однако ж, заметить, что воспламенения и сильные чувствования иногда возбуждаются по воле человека, иногда противу оной. В первом случае противузаконное деяние вменяется, а во втором не вменяется.

§ 68. II. Обида причиняется не по желанию, когда кто-либо производит такое деяние, из которого без его намерения по законам природы или по сцеплению причин происходит нарушение права. Здесь должно также различать: I. Был ли человек в полном употреблении разума или нет во время решимости произвести действие, из которого последовало нарушение права.

I. Если человек, будучи в полном употреблении разума, решился произвести такое действие, из которого произошло нарушение права без его намерения, то сие называется *неосмотрительностью*, а самое нарушение права — *виною*. Как человеку свойственно каждое деяние производить по намерению, то обида по неосмотрительности почитается только изъятием из общего правила и всякое деяние, нарушающее право других, предполагается умышленным, доколе не откроются причины, доказывающие противное.

§ 69. Поколику разум обязывает каждого человека к надлежащей осмотрительности, дабы не учинить такого дела, из которого по законам природы может про-

изойти нарушение права, то и самая неосмотрительность подлежит вменению. Но как виновник не имеет притом целью нарушить право другого, то деяние, по причине оной произведенное, менее виновно, нежели учиненное по злему умыслу.

§ 70. Виды неосмотрительности суть невежество и заблуждение. *Невежество* есть недостаток сведения, а *заблуждение* есть ложное сведение. Как то, так и другое относятся или к самому действию, или к закону, под которым оное состоит. Невежество и заблуждение бывают или преодолимы, или непреодолимы. Если виновник деяния употребил надлежащее старание о приобретении сведения, от недостатка или несовершенства коего произошло нарушение права, то незнание и заблуждению называются *непреодолимыми* и вина, от сего происшедшая, называется виною по непреодолимому незнанию или заблуждению. Если же он не употреблял старания о приобретении надлежащего сведения, то сего незнание и заблуждение называются *преодолимыми*, а вина, от сего происходящая, называется виною по небрежению.

§ 71. Упущение в приобретении надлежащего сведения состоит: 1) в упущении приобретенного познания о законе, которому деяние противно; 2) в упущении размышления о том, содержится ли предпринимаемое деяние под законом; 3) в упущении исследования связи деяния с могущим последовать из оного нарушением права.

§ 72. По сим основаниям вменяемость противузаконных деяний, из невежества и заблуждения истекающих, имеет следующие степени:

а. Непреодолимое невежество и заблуждение уничтожают всякое вменение.

б. Преодолимое невежество и заблуждение не уничтожают вменения, которое, однако ж, бывает большее или меньшее, смотря по степени удобства преодолеть оные и по мере старания, употребленного виновником для приобретения надлежащего сведения о законе и о предпринимаемом деянии.

§ 73. Обида производится также без желания нарушить чужое право, но в полном употреблении разума,

когда человек учинил действие только по причине физического принуждения, которое производится или другим разумным существом, или действием бессмысленной природы, хотя человек имеет притом сведение о качестве своего действия и о законе, запрещающем оное, но не может удовлетворить требованию разума и нарушает чужое право противу воли. Физическое принуждение бывает или преодолимо, или непреодолимо. Когда человек столько имеет силы, что может превозмочь внешнюю причину, его направляющую, то принуждение называется *преодолимым*, если же он учинить сего не может по недостатку внутренней силы, то принуждение бывает *непреодолимое*.

§ 74. Степень вменяемости деяния, произведенного по принуждению, определяется степенью силы принуждающей:

а. Деяние, учиненное по непреодолимому принуждению, не вменяется, ибо человек к невозможному не обязывается; но если невозможность произошла от воли самого человека, то деяние, по причине оной учиненное, ему вменяется, ибо оно происходит тогда или по неосмотрительности или по небрежению.

б. Деяние, по причине преодолимого принуждения произведенное, подлежит вменению в различной степени: чем насильственнее принуждение, чем более потребно силы к преодолению оного, тем менее вменяется деяние, по причине принуждения произведенное. Напротив того, чем слабее принуждение, чем менее силы потребно к преодолению оного, тем деяние принужденное более вменяется.

§ 75. Если человек нарушает чужое право в таком состоянии, когда разум его отсутствовал, то деяние ему не вменяется, ибо он не мог иметь сведения ни о качестве совершаемого дела, ни о законе, запрещающем оное. Вред, причиненный им другому, почитается только случайным, от одних механических законов происшедшим. Отсутствие разума происходит по воле человека и без его желания по течению природы. В первом случае причиненная другому обида вменяется виновнику оной посредственно, а во втором не вменяется.

§ 76. К таковым состояниям человека принадлежат: 1) недостатки разума: *a)* младенчество, *b)* глупость природная и происходящая от старости и глухоты, *c)* слабоумие и *d)* дурачество; 2) болезни духовные, как-то: *a)* сумасбродство, *b)* сумасшествие и *c)* бешенство; 3) временное отсутствие разума, как-то: *a)* сон, *b)* лунатизм и *c)* обморок.

§ 77. Наказание есть зло, причиняемое нарушителю должности. По производству слова наказание значит денежное взыскание или отписание имущества в государственную казну.

§ 78. Ближайшая причина наказания есть учиненное противузаконное дело, посему должно различать оное: I. От *охранения* или защищения самого себя, которое состоит в ограничении произвола другого, дабы предохранить нашу свободу от нарушения. Сие последнее разделяется: *a)* на *защитение* в собственном смысле, которым останавливается начатая обида и совершение оной; *b)* на *предупреждение*, которым отвращается замышленная обида. Зло, в таком случае причиняемое, не почитается наказанием. II. Наказание должно отличать также от поучения, которым означается зло, причиняемое человеку не только для того, чтобы удерживать его от противузаконных действий, но и принудить к законным. Хотя поучение бывает также по случаю противузаконного дела, но существенное основание оного состоит в том, чтобы принудить человека поступать законно.

§ 79. Всякое наказание проистекает от воли нравственного существа по закону разума. Посему зло, последующее за некоторыми действиями по законам природы, не может быть названо наказанием; природа не есть нравственное существо, законы ее совершенно отличны от законов разума. Потому и зло, ею причиняемое, часто последует за действиями законными и, напротив того, не последует за противузаконными.

§ 80. Наказание не должно почитать нравственным возмездием, которое производимо быть может только по законам нравственным, а не по законам права. Чтобы определить нравственное возмездие и меру оного, надлежит знать, сообразно ли человек поступал с закона-

ми своей совести или как далеко от них удалился, чего суд человеческий определить не может. Никто даже о себе с точностью сказать не может, как нравственно поступил в каком-либо случае. Только существо всеведущее может точно определить меру доброты и злости человеческой воли по законам совести.

ГЛАВА IV

О врожденных правах человека

§ 81. Первоначальные права проистекают из самой природы и называются *врожденными*, поколику основываются на качествах, врожденных человеку, кои суть: 1) внутренние, т. е. разум и воля; 2) внешние, т. е. тело органическое, способное к исполнению того, что разум поставляет своюю целию.

§ 82. Первоначально человек имеет право только на себя самого, т. е. на собственное лицо, отчего право сие и называется правом *личности*. По силе оного каждый человек может располагать своими духовными и телесными силами по своему усмотрению и требовать от других, чтоб ему в том не препятствовали.

§ 83. Каждый человек необходимо представляет себя существом самостоятельным. Сведение сие превращается в закон непреложный, по силе которого мы необходимо представляем других людей подобно нам самостоятельными существами, откуда усматриваем должность поступать с ними как с лицами. Посему, кто поступает с другими людьми как с вещами, тот противоречит понятиям собственного разума. Унижая других людей до простых орудий, человек наружно только не признает их права личности, внутренно же допускает оное во всей силе, ибо не может переменить в себе убеждения в том, что сам он есть свободное лицо и что другие люди, будучи одинаковой с ним природы, равное имеют право на свою свободу.

Примечание. Только побуждения чувственные увлекают человека к нарушению чужих прав; причем он непременно признает себя виновным. Убеждение в необходимости последовать закону разума иногда действует на человека так сильно, что, учинивши преступ-

ление тайно, он сам предает себя в руки правосудия или причиняет себе зло, дабы восстановить силу закона, им нарушенного, который оставался недействительным по причине сокровенности учиненного дела.

§ 84. Свобода человека ограничивается: 1) свободой других людей; 2) количеством прав, ему принадлежащих; 3) его физическими и нравственными силами, потребными для употребления права.

I. Поколику право свободы есть общее всем людям, то каждый может производить то только, что согласно со свободой всех прочих. Заключающаяся в сих пределах свобода называется законною, а далее оных простирающаяся незаконна и называется необузданностью, самовольством и дерзостью. Право остается недействительным, если не может иначе произведено быть в действо, как с нарушением прав других людей.

§ 85. Право в общем значении есть свобода что-либо делать или не делать. К чему человек имеет право, то свободно произвести может. Следовательно, свобода человека ограничивается его правами. Чем больше человек имеет прав, тем большую имеет свободу, и, напротив, чем меньше имеет прав, тем меньше для него свободы. Таким же образом, чем важнее право, тем важнее свобода, чем маловажнее право, тем маловажнее свобода. Но сие разуместь должно только о правах материальных, формальные же равны для всех людей, напр. каждый имеет формальное право строить дом, но материальное право имеет тот только, кто обладает потребным к тому достатком.

§ 86. Свобода человека ограничивается также его телесными и умственными силами, ибо исполнение права зависит от естественных сил, которыми природа человека одарила. Неоспоримое право его может оставаться без исполнения, когда недостает ему или внутренних сил или предстоят непреодолимые препятствия в употреблении права: каждый имеет право быть изобретателем, стихотворцем и проч., но пользуется сим правом тот только, кто имеет потребные к тому способности. То же должно разуместь и о физических силах, от величины коих зависит пространство свободы человека.

§ 87. Все права человека, как бы они ни были многообразны, относятся к праву личности, главные из оных суть: I. Право существования. II. Право употребления сил своих. III. Право достигать благополучия. Все прочие права подчинены сим главнейшим или из оных проистекают.

Отделение I

О праве существования

§ 88. Каждый человек имеет право на существование, ибо по общему началу каждый может сохранять то, что не нарушает свободу других людей. Посему в природном состоянии человека никто другой не может располагать его жизнью *, ни предписать ему в том правила или делать притязания на его существование. Только внутренняя должность ограничивает его произвол в сем отношении, § 83.

Жизнь человека сама по себе не составляет последней и безусловной цели, но заимствует свое достоинство оттого, что она есть источник всякого нравственного совершенства. Сообразно ли с сим назначением или противно оному человек употребляет жизнь свою, сего решить по началам права не можно. Отсюда явствует: 1) что человек может жертвовать жизнью для предполагаемых им целей; 2) поколику жизнь есть средство для достижения нравственного совершенства, то никто не может его лишить оной, ибо лишить средства — значит препятствовать другому достигать цели, что противно главному началу права.

§ 89. Право на жизнь предполагает право защищать оную против нападений других людей. Если человек не может иначе сохранить жизнь свою, как умерщвлением несправедливого нападателя, то разум пред-

* Солдат посылают на войну, но посылают их по силе общественного договора ³, из которого проистекает обязанность для каждого к защищению государства. Кто обязался жить в государстве, тот обязался исполнять должности, подлежащие членам оного. Следовательно, солдат отправляет опасную воинскую службу также по договору.

ставляет ему и сие право, ибо в сем случае жизнь невинного находится в противоречии с жизнью виновного (нападателя); тот или другой непременно должен лишиться оной; но закон разума признает справедливым, чтобы жизнь невинного сохранена была чрез пожертвование жизни виновного.

§ 90. Право на жизнь включает также в себе право на необходимые условия оной, т. е. на силы, дарованные природою. Жизнь человека двоякая: 1) физическая, на целости телесных сил и способностей основанная; 2) нравственная, на целости познавательных сил и способностей основанная. Телесные силы сопряжены непосредственно с существом человека и подчинены его воле, посему он только может располагать ими и употреблять их по своему усмотрению. Всякое покушение на целость его телесных сил есть нарушение свободы, почему и может быть отвращено силою или причинением зла нападателю.

§ 91. Равным образом человек имеет право сохранять свои познавательные силы и способности. Свобода основывается на возможности предполагать цели, избирать для достижения их средства и употреблять оные; но сии действия могут быть совершаемы посредством познавательных способностей. Следовательно, кто портит или уничтожает оные, тот препятствует человеку существовать как свободному лицу. Хотя познавательные силы суть внутренние, непосредственному влиянию других не подлежащие, но средства, действующие на телесные органы, могут остановить их употребление или вовсе уничтожить, посему всякое таковое действие, как с правом несообразное, может быть отражено силою. Кто препятствует человеку существовать по-человечески, тот механическому подлежит принуждению как существо, под законом разума не состоящее.

Отделение II

О праве действовать

§ 92. Действия человека суть внутренние и внешние. Первые по существу своему не могут нарушить

права других людей, почему каждый имеет неоспоримое право совершать оные. Сюда относится способность мыслить и желать. Дабы человек мог предполагать цели и определять средства, к тому потребна и способность размышления, ибо предположение цели и избрание средств зависит от познания оных, а достижение цели — от истины сего познания. Дабы человек мог увериться в истине, к тому требуется, чтобы он собственным размышлением постиг доказательства, на коих она утверждается. Уверенность сия зависит не от воли человека, но от силы доводов, убеждающих разум. Следовательно человек не может быть принужден что-либо признавать истинным противу собственного убеждения. Заблуждения противу общего мнения не суть преступления. Потому всякое наказание, чинимое за оные, несправедливо и нимало не соответствует цели.

§ 93. На свободе мыслить основывается свобода воли, принимая оную в пространном значении. Каждый человек имеет право управлять своими желаниями, ибо каждый имеет право действовать по своему усмотрению, т. е. по тем понятиям о вещах, каковые образовал его разум, если только он своими поступками не делает никому вреда.

§ 94. Внутренние действия по своей природе не могут нарушать свободу других людей, почему всякий имеет на оные неоспоримое право. Но действия внешние бывают противны правам других людей или по своей природе, или по стечению обстоятельств. Первые ни в каком случае допущены быть не могут, ибо закон разума всегда действителен. Вторые воспрещаются тогда только, когда по обстоятельствам могут быть вредны правам других людей.

§ 95. Кто совершает внешнее законное действие, из которого другие делают злоупотребление, тот не подлежит вменению и право его к повторению того же действия не уничтожается. В противном случае надлежало бы воспретить людям большую часть действий, на которые разум предоставляет каждому право.

§ 96. Намерение учинить законное действие для того, чтобы другие могли чрез оное достигнуть неза-

конных целей, уничтожает право действовать. Но злоупотребление, другими учиненное из нашего деяния, не есть еще признак злого намерения с нашей стороны; другие доводы к тому потребны, чтобы доказать бытие умысла.

§ 97. Право одного человека исполнять известные деяния возлагает обязанность на прочих допускать оные. Вред, проистекающий для меня от законных деяний другого человека, не дает мне права ему противиться в совершении оных.

§ 98. Право свободно действовать заключает в себе право свободно объяснять свои мысли другим людям. Каждый имеет право стараться об усовершенствовании самого себя, к чему служит преимущественным средством сообщение с другими. Воспретить употребление одного — значит не допустить человека до той степени совершенства, которой он может достигнуть, ибо по мере взаимного сообщения люди более или менее распространяют и усовершенствуют свои познания. Истина познается только чрез свободное сообщение мыслей, при котором каждый имеет случай поверить собственные суждения и убедиться в том, что признает сомнительным.

§ 99. Отсюда проистекает право наставлять других и получить наставления. Суждения, признаваемые от некоторых людей заблуждениями, не подвергаются высканию тех, кои почитают оные истинными, хотя бы число сих последних было меньшее, ибо, во-первых, истина определяется не большинством голосов, но силою доводов, во-вторых, она основывается на внутреннем убеждении человека в безошибочности своего суждения, а не на примере других. Предположение, что один может ввести в заблуждение других, не может служить препятствием к свободному сообщению мыслей, § 96, ибо сие последствие есть только возможное, а право человека изъяснять свои мысли есть неоспоримое*.

* Самые истины священного писания могут быть употреблены злонамеренным человеком средством к обману и заблуждению других. Должно ли потому воспретить проповедание оных?

§ 100. Как всякое действие, так и сообщение мыслей не может быть почтено нарушением права, если кто во зло употребляет сведения, от других приобретенные, ибо, во-первых, сообщенные мысли не увлекают necessarily к действию; во-вторых, каждый имеет право сообщать другим такие понятия о предметах, какие приобрел сам; в противном случае надлежало бы принуждать человека ко лжи, что совершенно противно праву, которое каждый имеет к усовершенствованию самого себя и к удалению всякого несовершенства.

§ 101. На праве свободно мыслить и действовать основывается право свободного исповедания религии. Достоинство и святость религии состоят в том, что она способствует людям к преуспению в нравственности и поддерживает оную. Мери сего содействия только сам человек определить может, ибо убеждение в истине не зависит от его произвола; только исследование доводов, утверждающих или опровергающих наше мнение, состоит в нашей воле. Посему всякое гонение за религию есть противозаконное насилие. Если в вещах, подлежащих опыту, люди часто заблуждаются и противоречат друг другу, то каким образом могут они быть согласны в том, что основывается на отвлеченных понятиях разума? Кто может присвоить себе исключительное право необманчивости и поставить свои мнения непреложным законом для прочих?

Примечание. Заблуждения в догматах веры может истребить одно только просвещение. Гонение может укоренить и распространить самые суеверные секты. Терпимость есть самое надежное оружие для поражения расколов, ибо она дает людям время размыслить о догматах своей веры.

§ 102. Так как человек имеет право ко всему тому, что не нарушает внешних совершенных прав других людей, то каждый может свободно исповедовать свою религию. Совокупность действий для засвидетельствования нашей веры в божество и приношение ему нашей признательности называется *богослужением*, которое бывает *внутреннее* и *внешнее*. Первое состоит во внутреннем исповедании божества и в засвидетель-

ствовании ему нашей преданности, любви и благодарения. Второе есть засвидетельствование нашей веры в божество и наших к нему обязанностей наружными действиями.

§ 103. Человек имеет право на внутреннее богослужение, ибо оно по природе своей не может нарушить прав других людей. Внешнее богослужение также не подлежит никакому ограничению, когда при оном законная свобода других людей состоять может.

§ 104. Посему никто не имеет права принуждать других к принятию своего вероисповедания. Самая верховная власть в государстве тогда только имеет право отвергнуть какое-либо вероисповедание, когда найдет оное вредным для взаимной свободы граждан или общественного порядка и спокойствия. Потому в благоустроенных государствах предоставлена совершенная свобода всем вероисповеданиям.

Отделение III

О праве достигать благополучия

§ 105. Человек по своей чувственной природе желает приятного и отвращается от неприятного. Первоначальное назначение сего стремления есть сохранение бытия человеческого. Право на жизнь предоставляет каждому право на средства, служащие к поддержанию и услаждению оной.

§ 106. Понятие о благополучии есть относительное, ибо хотя чувственная природа у всех людей есть общая, но в качестве вещей, содействующих к благополучию, нередко люди бывают несогласны между собою. Потому только сам человек определить может, что споспешествует к его благополучию и что оному противно. Хотя он может заблуждаться в избрании того, что служит к поддержанию и услаждению его жизни, но никто другой не может управлять его действиями, ибо это значило бы лишить человека свободы, без которой всякое благо ничтожно. Отсюда также явствует, что каждый человек имеет право избрать тот

образ жизни и род занятий, который почитает сходнее с собственным благополучием.

§ 107. К благам, которыми человек по природе имеет право наслаждаться, принадлежит *добрая слава* или *честь*, состоящая в похвальном о нас других людей мнении. Она основывается: 1) на достоинстве природы человеческой и называется *общею*; 2) на деяниях, учиненных человеком, и называется *особенною*. Всякий человек состоит под законом разума и признает оный действительным; только особенные чувственные побуждения заставляют людей уклоняться от силы закона. Следовательно, каждый признается справедливым, доколе внешними деяниями не докажет противного, т. е. доколе не учинит оскорбления другому. Кто ложно приписывает другому исполнение дел противузаконных, тот есть нарушитель права. Но кто внешними деяниями доказал свою несправедливость, тот не может требовать, чтоб его признавали справедливым, в противном случае он имел бы право заставлять других переменять свое убеждение или говорить неправду, § 101.

§ 108. Но чтобы кто мог по праву признан быть несправедливым, к тому требуется, чтобы несправедливость его деяний была очевидна и несомненна. Поэтому обидчиком почитается тот, кто осуждает другого по одному подозрению в учинении несправедливого дела.

§ 109. Действие, которым кто-либо объявляется совершеннее прочих, называется *особенною честью* или похвалою, если выражается словами. Никто не имеет первоначального права на особенную честь, ибо: 1) по природе все люди равны и первоначальные права их одинаковы; 2) особенная честь основывается на преимущественных совершенствах человека, каковы не иначе оказать он может, как посредством внешних деяний. Следовательно, право на особенную честь есть не врожденное, но приобретаемое. Итак, никто по природе не имеет права требовать преимущественной чести, заставлять других хвалить себя и показывать пред ним знаки унижения.

§ 110. Действие, которым приписываются кому-либо несовершенства и недостатки в рассуждении про-

чих, называется *презрением* или хулою, если словами выражается. Поколику природа во всех людях одинакова, то никто презираем быть не может. Преимущество телесных и духовных сил не дает человеку права унижать тех, кои таковых совершенств не имеют, иначе право основывалось бы на материи, а не законе разума, что само себе противоречит. Равным образом недостатки естественных сил не изменяют природы человеческой, следовательно, не могут служить основанием презрения или унижения.

§ 111. Высшая степень худой славы называется *бесчестием, бесславием*. Поколику бесчестие основывается на внешних деяниях, противных должности, и на привычке производить оные, то никакой человек по природе не может быть почтен бесчестным, ибо никто не рождается нарушителем должности. Потому, кто справедливого человека объявляет бесчестным, тот причиняет ему обиду.

§ 112. К продолжению жизни и благополучию человека необходимо также принадлежит употребление вещей. Право достигать цели заключает в себе право на средства, к оной служащие. Посему каждый имеет право употреблять вещи по своему усмотрению, если только чрез сие не нарушается свобода других людей. Кто препятствует другому в употреблении оных, тот поступает противузаконно, ибо, во-первых, препятствует человеку действовать, следовательно, нарушает его свободу; во-вторых, лишает его средств к поддержанию и услаждению жизни, следовательно, нарушает самое право на жизнь и благополучие.

ГЛАВА V

О качестве прав первоначальных

§ 113. Права первоначальные принадлежат всем людям, ибо они основываются непосредственно на самой природе, которая во всех людях одинакова. Недостатки духовных и телесных сил не могут служить основанием к лишению кого-либо прав первоначаль-

ных, ибо чрез оные природа человеческая не переменяется.

§ 114. Неспособность человека пользоваться своими правами не дает другим людям права лишать его оных, ибо она, во-первых, не есть состояние непременимое и необходимо навсегда таковым остающееся, во-вторых, по причине таковой неспособности человек не делается простою вещью, но всегда сохраняет тот образ, в котором мы замечаем существа нравственные, и те органы, посредством коих разум осуществляет свои цели в вещественном мире.

§ 115. Посему права первоначальные принадлежат также детям, слабоумным, сумасшедшим и проч. Ограничивать их действия другой только тогда имеет право, когда закон разума то допускает.

Примечание. Притязания европейских народов на свободу и собственность кочующих племен в разных частях света совершенно противны сему началу.

§ 116. В рассуждении прав первоначальных все люди равны, т. е. всем им принадлежат одинаковые права, ибо основание оных у всех людей одинаково. Сие равенство состоит в том, что каждый человек по общему закону может выполнять свои права и никто другой в том не может ему препятствовать. Следовательно, по сему же закону обязанности людей одного к другому одни и те же; человек может требовать от других только того, что сам почитает для себя должностью. Всякое требование, сию меру превосходящее, есть противузаконное старание присвоить себе преимущество или первенство.

Примечание. Здесь говорится только о тех правах, которые людям приличествуют как нравственным существам, т. е. о правах формальных, в рассуждении которых люди совершенно равны. Но сего никоим образом доказать нельзя, чтоб люди были равны и в тех правах, которые им принадлежат законно в гражданском обществе. Утверждать сие равенство — значит уничтожать всякое понятие о праве, ибо тогда надлежит или воспретить каждому приобретать больше противу прочих, или предписать, чтобы всякий излишек свой уступал тем, которые его беднее, то и

другое равно уничтожает всякое понятие о собственности и справедливости.

§ 117. Права первоначальные суть неотчуждаемы и неотъемлемы, ибо то только право может быть отчуждаемо, которое зависит от свободного деяния; но первоначальные права не зависят ни от какого свободного деяния, напротив того, все свободные деяния человека зависят от прав первоначальных, поколику самая свобода людей в действиях зависит от их нравственной природы.

§ 118. Отчуждать право — значит отказываться от свободы употреблять оное; но первоначальные права состоят в свободе располагать собственным лицом, которая нераздельна с существом человеческим. Хотя человек может совершить внешнее действие для уступки некоторых предметов своего первоначального права, но не может отказаться от признания законов разума, его формальные права определяющих, следовательно, и сия уступка остается без всякого действия.

ЧАСТЬ II

УСЛОВНОЕ ПРАВО

О правах производных

§ 119. По природе человек имеет одни только первоначальные права, но посредством свободного деяния может соединить с оными другие права, называемые *производными*. Деяние, которым приобретается право, называется *приобретением*. Кто приобрел исключительное право на вещь, тот называется *владельцем* или *хозяином* оной.

§ 120. Дабы приобретение могло служить основанием права на вещь, к тому требуется, чтобы оно было произведено по праву, ибо несправедливость не может служить основанием справедливости. Потому при каждом приобретенном праве должно различать: 1) законный предлог, т. е. основание приобретения; 2) способ или действие, которым приобретение совершается по силе законного предлога.

§ 121. Врожденное право человека на употребление вещей есть законный предлог приобретения, способы же оного бывают различны по различию состояния, в котором вещи находятся. Одни из них не подлежат исключительному владению и называются *бесхозными*, а другие составляют предмет исключительного права. Приобретение вещей бесхозных совершается по одной воле приобретателя, ибо тем никому обиды не причиняется. Приобретение вещей, принадлежащих другому, может последовать только по согласию владельца, в противном случае оно было бы противно всеобщему закону свободы. Первый способ приобретать вещи называется *первоначальным*, а второй — *производным*.

§ 122. Приобретение вещей посредством первоначального способа называется *завладением*, а передача права по согласию владельца с приобретателем — *договором*. Итак, условное естественное право разделяется на две главы: в первой изъясняются законы первоначального завладения, а во второй — законы договоров.

ГЛАВА I

О завладении

§ 123. *Собственность* есть право исключительно употреблять вещь, не нарушая прав других людей. Предмет сего права также называется *собственностью*. Исключительное употребление вещи требует, дабы она в таком отношении находилась к нашему лицу, чтобы нам возможно было исключительно располагать оною, и сие отношение вещи называется *владением* в пространном смысле. В тесном же смысле владение есть такое отношение вещи к человеку, в котором он имеет физическую возможность и вместе намерение располагать оною вещию исключительно. Посему занятие как начало владения называется *завладением* и как способ, которым человек делает вещь бесхозную своею, называется *присвоением*.

§ 124. Поколику вещи первоначально никому не принадлежат исключительно, то каждый может упо-

треблять их по произволу, следовательно, каждый может завладеть оными, ибо кто имеет право употреблять вещь всяким образом, тот имеет также право употреблять оную исключительно и удерживать в таком состоянии навсегда. Посему законный предлог завладения бесхозяйными вещами содержится в первоначальном праве людей на употребление оных, § 113.

§ 125. К действительности завладения требуется: I. Воля владеть вещию. II. Занятие. III. Означение и IV. Способность вещи к завладению.

§ 126. I. Воля есть необходимая потребность завладения, ибо противу воли никто не делается владельцем вещи; в противном случае владение было бы неправо, а должность нечто терпеть или допускать. Но всякая должность проистекает из закона всеобщей свободы, которым воспрещается насилие, следовательно, и принуждение к приобретению права. Посему человек не делается владельцем вещи чрез одно физическое влияние на состояние оной, ибо можно действовать на вещь без намерения владеть оною исключительно.

§ 127. II. Но одна воля не может утвердить права собственности на вещь бесхозяйную, ибо, во-первых, многие люди могут в одно время возыметь намерение завладеть одною и тою же вещию, а потому каждый из них получил бы исключительное право на вещь, что само себе противоречит; во-вторых, воля одного человека не есть закон для прочих. Следовательно, кто возымел только намерение завладеть вещию, тот не может считать себя обиженным, если другой действительно завладеет иною, ибо чрез то внешняя его свобода не нарушается.

§ 128. Но для приобретения исключительного права на вещь бесхозяйную надлежит привести оную в такое отношение к нашему лицу, чтобы другой человек не мог употребить оную без нарушения нашего права. Вещь приводится в такое отношение всяким внешним свободным действием на оную, которое называется *занятием*, поколику производится с намерением владеть вещию исключительно. Кто вещь замятую отнимет у владельца или будет употреблять противу его

воли, тот нарушит его право личности, ибо уничтожать действие разумного существа — значит препятствовать ему достигать законных целей или его самого употреблять как средство. Итак, завладевает бесхозьяною вещью не тот, кто прежде захотел владеть оною исключительно, но кто прежде употребил на оную действие, называемое занятием.

§ 129. III. Поколику завладение вещи одним человеком налагает обязанность на прочих не употреблять более оную по своему произволу, то надлежит, чтобы владетель объявил волю свою владеть вещью исключительно. Сие бывает посредством знаков, напоминающих другим, что бесхозьяная вещь поступила в частное владение. Знаки сии суть или *естественные*, по которым завладение познается без всякого предварительного соглашения, или *искусственные*, определяемые взаимным согласием для означения завладения.

§ 130. Естественные знаки суть: I. Содержание вещи в своих физических силах или при себе. Посему за правило поставляется: кто имеет вещь в своих физических силах, тот почитается владетелем оной дотолы, пока другие причины не докажут противного. II. Обработка вещи, соответствующее какому-либо назначению. Следовательно, кто обработал вещь для какой-либо цели, тот почитается владетелем оной, пока другие причины не докажут противного; искусственные знаки неисчерпаемы, поколику произвольны, и могут быть употреблены там, где естественные недостаточны.

§ 131. Знаки употребляются не для большего укрепления права собственности, но для напоминания другим, что вещь принадлежит уже в исключительное владение. Потому всякий знак, способный для сей цели, почитается достаточным. Неприкосновенность собственности зависит не от важности знаков, которыми какая-либо вещь означена, но от силы закона, запрещающего нарушать чужое право. Кто собственность чужую повреждает, тот есть нарушитель права, и поступок его одинаков как в том случае, когда поврежденная вещь была преобразована законным владетелем, так и в том, когда она сохранила естественный вид, но о принадлежа-

ности оной по какому-либо внешнему, хотя маловажному, признаку нельзя было сомневаться.

§ 132. Словесное объявление воли о намерении владеть вещию исключительно не есть достаточный признак завладения, ибо, во-первых, слова не всегда выражают истину и потому словесное объявление о завладении может быть ложное, после которого вещь останется по-прежнему в бесхозяйном состоянии и подлежит произволу первого приобретателя; во-вторых, никто не имеет права заставлять других людей себе верить, следовательно, один человек не может принуждать прочих почитать вещь его собственною только потому, что он назвал ее своею.

§ 133. IV. Неспособными к завладению почитаются: а) вещи, не подлежащие занятию, ибо для завладения бесхозяйною вещию необходимо требуется внешнее действие; б) равным образом если вещь означить невозможно, то нельзя приобрести на оную исключительного права владения, ибо всякий может пользоваться оною по праву как бесхозяйною; с) не способны к завладению вещи, коих исключительное владение противно личным правам других людей. Но сие разумеется о целом их составе, части же могут принадлежать нам исключительно, в такой только мере, чтобы личные права других чрез то не были нарушаемы.

Примеч[ание]. По сему река подлежит завладению, но открытое море не подлежит оному.

§ 134. Отсюда явствует, что пределом завладения полагается: I. Физическая возможность произвести оное в действо. II. Права других людей. В первом отношении человек может только то обратить в свою собственность, что занять и означить возможно. Всякое покушение овладеть такими вещами, которые исключительно владению подлежать не могут, есть неблагоразумное стремление. Во втором отношении никто не может так далеко распространять право своего владения, чтобы чрез то нарушены были права других людей, ибо нарушение справедливости не может служить основанием права. Отсюда следует: 1) никто не может приобрести права собственности на другого человека ни противу воли, ни с его на то согласия, ибо право лич-

ности состоит в свободе располагать самим собою. Следовательно, произвольное завладение человеком противно праву, согласие же лица не может служить предлогом завладения, ибо право личности неотчуждаемо *; 2) никто не может завладеть собственностью другого, ибо таковое завладение было бы нарушением права.

§ 135. Кто завладел вещью, тот остается владельцем оной дотоле, пока имеет на то волю. Посему право владения не ограничивается физическим задержанием вещи, ибо завладение, а не физическое влияние на вещь служит способом приобретения собственности. Владение вещью без физического задержания оной называется *умственным*.

§ 136. Кто приобрел право собственности на вещь, тот может делать из оной всякое употребление, не противное правам других. Как многообразны законные способы употребления вещей, так многообразны и права владельца на его собственность. Но все оные относятся к трем главным понятиям, в праве собственности заключающимся, кои суть: I. Право владения. II. Право на сущность. III. Право пользования.

§ 137. I. Право *владения* состоит в праве приводить вещь в такое состояние, чтобы можно было удержать и сохранить оную. Отсюда проистекает право владельца удалять всех других от употребления вещи, отвращать всякое чуждое на оную владение. Следовательно, он может вещь свою ограждать, запирасть, скрывать и охранять всяким произвольным образом, а в случае утраты требовать возвращения оной.

§ 138. II. По силе права *на сущность* владелец может вещь свою преобразовать, переменить ее существо, отдать другому за награду и безвозмездно, употребить сообразно ее назначению и противно оному.

§ 139. III. Право *пользования* состоит в том, что владелец вещи может употреблять оную как средство для своих целей и пользоваться всеми качествами, при-

* Воинского устава арт[икул] 187. За кражу людей определена смертная казнь. На том же основании и кабала воспрещена многими указами ⁴.

надлежностями и плодами вещи по своему произволу. Следовательно, он может также оставить вещь без употребления или другим позволить пользоваться ею.

§ 140. На праве пользования основывается право владельца на *приращение* вещи, под именем которого понимается вообще всякое присоединение вещи к нашей собственности. Оно происходит трояким образом: 1) когда из нашей собственности происходит другая вещь, составляющая особенное существо, что называется *плодотворением*; 2) когда вещь получает или новые качества или прежние силы оной приходят в большее совершенство, что называется *улучшением*; 3) когда от внешних причин присовокупляется другая вещь к нашей собственности и составляет с оною одно целое, что называется *приращением* в тесном смысле. То, что прибавляется к собственности посредством сих способов приращения, называется вещью *прибылою*, а самая собственность, к которой нечто прибавляется, называется вещью *главною*.

§ 141. Приращение в тесном смысле происходит или от действия природы, или от труда и искусства человеческого, или тем и другим способом вместе. Первое называется *естественным*, второе — *искусственным*, а третье — *смешанным*. То, что прибавляется к вещи чрез приращение искусственное и смешанное, есть или материя, или форма, в последнем случае приращение называется *преобразованием*.

§ 142. Если материя, прибавляющаяся к собственности, есть вещь бесхозяйная, то она принадлежит владельцу главной вещи. Кто присвоит оную, тот употребит чужую собственность средством для получения себе прибыли противу воли владельца. Если же прибылая вещь составляет собственность другого, то она принадлежит прежнему владельцу. Но при сем должно различать, случайно ли последовало соединение вещей или по намерению одного из владельцев; в первом случае каждый может отделить свою собственность от чужой. Издержки, употребленные на отделение, падают на обоих владельцев, но вред, последовавший от соединения, несет владелец вещи поврежденной, ибо случай вредит господину вещи. Во втором случае вред и издержки,

происшедшие от соединения и отделения вещей, несет виновник соединения оных, ибо никто не лишается своего права по умыслу или ошибке другого.

§ 143. Когда прибывшая вещь состоит в форме, то при сем должно различать, можно ли восстановить прежний вид вещи или нет. В первом случае владелец может требовать, чтобы преобразователь возвратил его собственности прежний вид или вознаградил его за уничтожение оного, к нему равномерно имеет право и во втором случае, когда прежняя форма вещи пропадает невозвратно. Утверждать, что владелец в случае невозможности отделить форму от его вещи должен вознаградить за оную преобразователя,— значит доказывать, что один человек имеет право дать насильно вещь другому и требовать за оную вознаграждения, § 127.

§ 144. Когда право владения, право на сущность и право пользования принадлежит одному лицу, то право собственности называется *совершенным*; когда же оные принадлежат разным лицам, то право собственности называется *несовершенным*. Если владелец вещи ограничил себя во владении или употреблении оной некоторыми условиями, то право собственности называется *ограниченным*. Посредством единовременного завладения или добровольного согласия многие люди могут иметь вместе совершенное право собственности на одну вещь, тогда собственность называется *совместною*, в которой права одного соучастника ограничиваются правами прочих.

§ 145. Праву владельца соответствует всеобщая обязанность других людей не препятствовать ему в законном употреблении его собственности. Если заведомо, но случайным образом чужое имение поступило в нашу власть, то хотя право не предписывает нам содействовать положительным образом к возвращению оного, однако ж повелевает воздерживаться от всякого употребления чужой собственности. Следовательно, мы не должны скрывать вещей, другому принадлежащих, а тем паче противиться требованию выдачи оных.

§ 146. Итак, кто владеет чужою вещью противу воли законного владельца оной, тот есть незаконный владелец и называется или *недобросовестным*, или *добросовест-*

ным владетелем, смотря по тому, знает или не знает о незаконности своего владения.

§ 147. Недобросовестный владетель есть нарушитель права, потому обязан: *a)* возвратить вещь как можно скорее, дабы прекратить нарушение права восстановления оного; *b)* возвратить всякую пользу, от вещи полученную, ибо в противном случае незаконное владение чужою вещью было бы способом приобретения; если недобросовестный владетель получил от вещи менее пользы, нежели сколько мог получить владетель законный по своим обстоятельствам, то и за сей ущерб по праву также следует вознаграждение, ибо оный произошел по воле недобросовестного владетеля; *c)* за всякое произвольное повреждение вознаградить законного владетеля, в противном случае, не получив полного вознаграждения, остался бы законный владетель обиженным. За самое случайное повреждение законный владетель имеет право требовать удовлетворения, если бы оное не могло произойти, когда бы вещь находилась в его власти, ибо оно есть следствие незаконного владения.

§ 148. Кто завладел чужою вещью, думая, что она бесхозяйная, тот приобрел на оную *мнимое* право собственности, которое почитается равным истинному, доколе заблуждение владетеля не откроется. Потому мнимый или добросовестный владетель такие же права имеет на вещь, какие принадлежат законному. Но когда заблуждение его дознано будет, то ему предстоят следующие должности: *a)* он обязан возвратить вещь законному владетелю, и в случае медления и просрочки делается недобросовестным; *b)* возвратить приобретенную от вещи пользу, ибо получил оную по заблуждению, которое не может быть законным способом приобретения. Но за вред, приключившийся вещи по его небрежению или по случаю, не отвечает, ибо, во-первых, он владел вещью как собственною, во-вторых, всякий случай вредит хозяину вещи, а не тому, который владеет оною случайно.

§ 149. Впрочем, и законный владетель может требовать только своего собственного. Если добросовестный или недобросовестный владелец употребил нужные

издержки для содержания и надлежащего употребления вещи, то законный владелец не иначе может требовать выгоды, полученной от вещи, как возвратив издержки, употребленные на оную. Что добросовестный или недобросовестный владелец присоединил к вещи для украшения, то может он взять, не вредя сущности оной. Если присоединенных вещей для украшения чужой собственности отделить нельзя, то они остаются в пользу владельца, который не обязывается к вознаграждению за оные, § 144, ибо к исполнению чего-либо для других человек обязывается или по воле, или чрез незаконное действие. Но присоединение украшения к вещи не зависело в сем случае от воли владельца, а случайная утрата оной не есть противузаконное действие с его стороны. Следовательно, обязанность к вознаграждению ни в том ни в другом отношении на него не падает.

§ 150. Итак, всякое употребление вещи противу воли владельца есть нарушение его свободы. Не количество вреда, причиненного вещи, но стеснение свободы владельца составляет понятие об обиде. Посему право *безвредного употребления* чужой собственности, как противное свободе владельца, допущено быть не может. Те, которые принимают оное, не на всеобщих законах свободы, а на практических случайных наблюдениях основываются, но правила, ими из опытности извлекаемые, не могут служить постоянными и всеобщими законами свободы.

§ 151. Равным образом не может быть допущено *право необходимости*, которое, сходственно с понятиями защитников оного, состоит в праве употреблять чужую собственность в случае необходимости, ибо употреблять чужую вещь противу воли владельца — значит нарушать право. Следовательно, право необходимости есть право нарушать право других людей, что само себе противоречит.

Примечание. По нужде и закону пременение бывает — сие значит не то, чтобы действие незаконное нужда превращала в законное, но что нужда заставляет иногда человека закон нарушить.

§ 152. Право собственности прекращается различными способами, из которых одни не зависят от воли

владельца, а другие зависят. К первым относятся: *a)* уничтожение вещи; *b)* потеря оной; *c)* смерть самого владельца; ко вторым же принадлежат: *a)* оставление вещи и *b)* договор.

§ 153. Когда вещь уничтожается, то вместе с тем прекращается и право владельца на оную, ибо материальное право пропадает, когда оное делается независимым от воли владельца. Посему владелец совместной собственности, если она погибла случайно, не может требовать от своих соучастников удовлетворения. Равным образом когда материальное право уничтожилось, то владелец оного не может требовать от других исполнения обязанности, соответствующей оному. Но если уничтожение вещи произошло по воле другого человека, то владелец хотя лишается материи, но не лишается права, ибо может требовать удовлетворения за убыток.

§ 154. Потерю право собственности прекращается: 1) когда вещь имеет естественный вид; 2) когда знаки, напоминающие об исключительном владении оною, изглаждаются, ибо в обоих сих случаях обязанность других удерживаться от употребления оной уничтожается. Как искусственные вещи имеют на себе знаки трудов человеческих, то потеря оных не лишает владельца права собственности. Следовательно, и находка искусственных вещей не может служить способом приобретения.

§ 155. Смертию владельца прекращаются все его связи с вещественным миром и отношения к другим людям. Оставшиеся после него вещи делаются бесхозяйными, а потому всякий может завладеть ими. Отсюда явствует, что наследство без завещания, [т. е.] по близости родства, ни в силу завещания, [т. е.] по воле умершего владельца, не может быть допущено по началам права естественного.

Примечание. Положительные законы также не признают наследников необходимыми владельцами собственности умершего, ибо они могут отказаться от наследства, т. е. имеют право не приобретать в собственность вещей, учинившихся бесхозяйными смертью владельца. Сие положение странно для тех, которые при-

выкли видеть вещи в одном только известном им порядке и не умеют различать должностей юридических от нравственных и законов положительных — от начал разума.

§ 156. Право собственности переходит от одного лица к другому только посредством договора или взаимного согласия. Но наследство без завещания не есть договор, смерть владельца не есть признак согласия на поступление вещей его кому-либо в собственность. Близкое родство не может служить законным предлогом наследования, ибо по причине родства не можно почитать одного человека владельцем собственности другого.

Примечание. Самые положительные законы не смешивают права собственности по причине близости родства. Отец не может почитать детское имение своим, а дети — отцовское. Имение супругов также различается.

§ 157. Распоряжение владельца своим имуществом на случай смерти называется *завещанием*. [Так] как предмет сего действия есть передача прав, то оное также не может быть допущено в праве естественном, ибо: 1) каждый может располагать своими правами и обязанностями только при жизни, но завещатель делает распоряжение о поступлении оных по его смерти. Следовательно, он присвоит себе такое право, которого смертью лишается; 2) одно желание передать право или обязанность недостаточно к отчуждению оных; к тому необходимо требуется согласие принимающего, которого нет в завещании. Принятие обещания по смерти завещателя также недействительно, ибо владелец смертью теряет право передавать свою собственность, а всякое отчуждение требует необходимо обещания оного; 3) нарушением завещания не нарушается внешняя свобода завещателя, ибо он не существует уже в вещественном мире, а потому никакой обиды ему не причиняется, когда оставленные им вещи в пользу наследника кто-либо другой обращает в свою собственность.

Примечание. Общественный порядок и польза побуждали законодателей объявить наследование по завещанию

нию и без завещания законным способом приобретения. Без сего учреждения смерть зажиточных людей может быть знаком к грабительству, и самое накопление богатства и благоразумное распоряжение оным весьма много зависят от уверенности владетеля, что по смерти имущество его достанется тому, кому он назначит и кто в жизни был ему благоприятен.

§ 158. Когда владетель перестает иметь волю владеть вещию, то право собственности на оную прекращается, что и называется *оставлением*. Кто таковую вещь присвоит или пользоваться оною будет, тот не поступает противу воли прежнего владетеля и ничьей свободы не нарушает, ибо вещь чрез оставление учинилась бесхозяйною. Но знаки оставления вещи должны быть ясны и несомненны. Кто, основываясь на знаках, недостаточно выражающих оставление вещи, тот пользуется или завладевает оною противу воли владетеля, тот есть нарушитель права.

§ 159. *Давность* есть прекращение права чрез долговременное и постоянное непользование оным. Давностью также называется приобретение чужого права чрез долговременное и постоянное пользование. Первую можно назвать *лишительною*, а вторую — *приобретательною* давностью.

§ 160. По началам права естественного не может быть допущена лишительная давность, ибо человек перестает быть владетелем вещи тогда только, когда перестает иметь волю владеть оною или соглашается уступить ее другому. Но долговременное невладение и непользование вещию не суть признаки оставления оной, ибо владетель по праву собственности может оставить вещь без всякого о ней распоряжения и не получать от нее пользы, § 140, однако ж не лишается чрез то права, ибо, кто имеет право чем-либо располагать, тот может и не располагать, кто имеет право чем-либо пользоваться, тот может и не пользоваться, следовательно, в том и в другом случае поступает по праву; а потому если бы владетель чрез долговременное невладение и непользование вещию лишился своего права, то он лишился бы потому, что поступает по праву, что само себе противоречит.

§ 161. Если владетель не лишается вещи чрез долгое невладение и непользование оною, то никто также не может приобрести чужой собственности посредством долговременного владения и пользования оною, ибо можно завладеть произвольно только бесхозяйною вещью, но если кто не располагает, не владеет и не пользуется своею вещью, то она не делается чрез то бесхозяйною. Следовательно, и приобретательная давность не может быть допущена.

§ 162. Долговременное невладение только тогда может быть признаком бесхозяйности вещи, когда оное по своей продолжительности доказывает несомненно, что владетель более в живых не находится. В сем случае собственность вещи может быть приобретена не по причине давности, а по причине безхозяйности вещи и не чрез долговременное владение оною, но посредством завладения.

§ 163. Собственность прекращается посредством договора, когда владетель по доброму согласию уступает право на свою вещь другому. Законы, на которых основывается таковая передача, составляют предмет следующей главы.

ГЛАВА II

О договорах вообще

§ 164. Право на вещи бесхозяйные человек приобретает самопроизвольно и может располагать оными независимо от воли других, но право на вещи, принадлежащие другим лицам, равно как и на их действия и услуги, может приобрести только с их на то согласия, ибо самопроизвольное требование от другого лица услуги или доставления какой-либо вещи есть нарушение чужого права. Итак, дабы мы законно могли требовать, чтобы другие люди действовали для наших целей или ограничили свою законную свободу в нашу пользу, к тому нужно их согласие. Объявление воли исполнить что-нибудь для другого называется *обещанием*. Согласие на принятие обещанного предмета или права называется *принятием*. Принятое же обещание называется *договором*.

§ 165. Кто предлагает другому свое право, тот называется *обещателем*, а кто изъявляет волю принять предлагаемое право, тот называется *требователем*, ибо получает право требовать, чтобы обещатель исполнил добровольно принятую обязанность. Единство воли обещателя и требователя называется *согласием*.

§ 166. Обещание со стороны обещателя представляет требователю возможность приобрести право, ибо, кто отказывается от своего права, тот не может считать себя обиженным, когда правом его другой завладеет. Требователь чрез принятие обещания объявляет о присоединении к своим правам уступаемого ему права и чрез то делается владельцем оного. После того как принятие последовало, никто не может делать притязания на право, приобретенное требователем, и самый обещатель не может более оное удерживать в своей власти, ибо иначе он захотел бы пользоваться чужим правом.

§ 167. Поколику уступаемое право только тогда соединяется с правами требователя, когда оное принято, то обещатель может удержать свое право или передать оное кому-либо другому, доколе обещание его не принято. Требователь, или то лицо, кому уступка права была предложена, не может считать себя обиженным, ибо, кто не объявил воли иметь вещь в собственности, тот не может почитать себя владельцем оной, следовательно, и употребление вещи другими людьми не может почитать для себя обидою, § 128 и 129.

§ 168. Посредством договора требователь делается законным владельцем вещи, а потому приобретает вместе [с нею] право принуждения, по которому может требовать, чтобы другие люди ему не препятствовали владеть и располагать оною вещию. По той же причине он имеет власть принудить обещателя доставить вещь уступленную или исполнить обещанное действие. Отсюда проистекают следующие положения: каждый должен соблюдать свои договоры или держать данное слово, каждый может быть по праву принужден к исполнению договора в случае нехотения.

§ 169. Договор бывает нарушен: 1) когда обещание не исполнено; 2) когда исполнено не по силе договора,

но в противность оному; 3) когда обещатель препятствует требователю в употреблении уступленного права или затрудняет противозаконным образом пользование оным.

§ 170. Но договор служит способом передачи прав и доставляет требователю право принуждения тогда, когда бывает *действителен*. Необходимые условия, без которых всякий договор недействителен, суть следующие: I. Свободное согласие. II. Возможность отчуждать передаваемое право. III. Физическая и нравственная возможность исполнить договор.

§ 171. К свободному согласию требуется: 1) чтобы договаривающиеся лица были в полном употреблении разума во время заключения договора; 2) чтобы имели одинаковое понятие о предмете договора и желали взаимно совершить оный; 3) чтобы могли друг другу ясно выразить свою волю.

§ 172. I. Полное употребление разума требуется для свободы согласия потому, что человек только в таком состоянии может ясно понимать вещи и сходно с понятиями об оных направлять свои желания. Ложное понятие о вещах заставляет человека желать того, что здравому рассуждению противно. Посему люди в состоянии безумия, сумасшествия, бешенства, крайней глупости, детства и пьянства, простирающегося до беспамятства, не могут ясно представлять своих действий и цели оных. Согласие, благоразумным образом быть не могущее, есть ничтожно; кто обещает то, чего сам не понимает, тот ничего не обещает. Следовательно, кто заключает договор с человеком, в таком состоянии находящимся, тот не получает права.

§ 173. Но кто в полном употреблении разума заключает договор, хотя без довольного размышления и исследования, тот не может отказаться от исполнения оного, ибо каждая из сторон договаривающихся имела возможность зрело обдумать предпринимаемое дело. Если таковой договор считать недействительным, то следовало бы, что одна из договаривающихся сторон должна лишаться своего права по причине неосмотрительности другой, что совершенно противоречиво.

§ 174. Единство понятия о предмете договора требуется к свободному согласию потому, что без одного не может быть единства воли. Когда договаривающиеся лица имеют различные понятия о предмете договора, тогда один соглашается уступить другому то, что сей принять не хочет, один соглашается принять то, что другой передать не соглашается. Следовательно, ни в том ни в другом случае нет взаимного согласия, а потому нет и договора, ибо собственность приобретается и отчуждается только по воле приобретателя и владельца. Напр., Игорь обещает продать Рославу табакерку и понимает под оною серебряную, а Рослав думает, что ему продается табакерка золотая. Здесь нет согласия ни с той ни с другой стороны, ибо Игорь хочет продать то, чего Рослав купить не хочет, а Рослав хочет купить то, чего Игорь продать не хочет.

§ 175. Когда кто заключает договор, не понимая предмета или содержания одного, то его согласие не есть истинное, но только мнимое, следовательно, и договор, основанный на оном, недействителен. Мнимое согласие происходит частию от заблуждения и невежества, а частию от обмана.

§ 176. Невежество и заблуждение могут относиться или к самому предмету договора, или к побудительным причинам, или к посторонним обстоятельствам, бывшим при заключении одного. Когда невежество относится к самому предмету договора и бывает такого рода, что одна из договаривающихся сторон заключает договор совсем не о том, что другая понимает, то договор недействителен, ибо тогда не бывает истинного согласия, § 175.

Сие заблуждение называется существенным и состоит: 1) в заблуждении касательно самого предмета, его качеств существенных или именно по договору требуемых; 2) в заблуждении касательно лица, которому право по договору передается; 3) в заблуждении касательно исполнения договора, когда одна договаривающаяся сторона понимает не тот способ исполнения, который понимает другая.

§ 177. Если заблуждение касается побудительных причин, по которым один из договаривающихся заклю-

чал договор, то сила договора чрез то не уничтожается, ибо, во-первых, знать побудительные причины или внутренние помышления другого никто не обязывается, § 172, следовательно, и за незнание оных не отвечает; во-вторых, в договоре требуется единство воли касательно предмета, а не причин, побуждающих заключить договор об оном.

§ 178. Если заблуждение касается случайных качеств предмета и обстоятельств договора, то сила сего последнего не уничтожается, ибо согласие в предмете договора существует.

§ 179. Обманом называется умышленное сообщение ложных о чем-либо понятий другому человеку, дабы причинить ему вред. Обман касается также или самого предмета договора, или побудительных причин к заключению оного. Договор, заключенный по причине обмана в предмете, недействителен, ибо обманщик или не то уступить хочет, что обещает, или не то получить хочет, чего, по-видимому, требует; в обоих случаях нет истинного согласия со стороны лица обманутого, а потому нет и договора, § 175. Если же договор заключен по причине обмана в побудительных причинах, то он остается действительным, ибо никто не обязывается знать причины, по коим другой действует, § 178. Предмет договора чрез то не изменяется, а потому и единство понятия об оном существует.

§ 180. Воля других людей нам может быть известна только посредством знаков. Поколику к действительности договора требуется истинное согласие, то взаимная воля договаривающихся сторон так должна быть изъявлена, чтобы она могла быть ясно понимаема. Согласие, не выраженное знаками, но подразумеваемое, называется *предполагаемым*. Но как действительным согласием предполагаемого почитать не можно, то оное и не служит основанием договора.

§ 181. Согласие может быть объявлено: 1) положительными знаками, которые по общепринятому обычаю употребляются для объявления мыслей, и тогда изъявление согласия называется *явным*; 2) равным образом согласие может быть объявлено отрицательными действиями, по которым благонадежно узнать можно

волю другого, таковой способ изъяслять согласие называется *молчаливым*. На сем основывается разделение договоров на *явные* и *молчаливые*.

§ 182. II. Законно могут быть отчуждаемы только те права, которые человек передать может, не нарушая своей природы. Посему право личности и все проистекающие из оного первоначальные права не могут быть предметом договора и сия невозможность простирается как на обещателя, так и на требователя. Первый не может другому передать свои первоначальные права, во-первых, потому, что тем унизил бы себя до степени несмысленных вещей, следовательно, поступил бы противу законов разума, оттого и договор его был бы недействителен, § 187; во-вторых, потому, что отчуждать право — значит отказаться совершенно от употребления оного, но нельзя отказаться от употребления прав первоначальных, ибо отделить оные от существа человеческого невозможно, § 119. Равным образом требователь не может присвоить себе первоначальные права другого, ибо тогда обещатель сделался бы его средством, или простою вещию, что противно главному началу права.

Примечание. Посему холопство, как произвольное закрепощение, справедливо отменено указами 1775, 1781, 1783—1785, 1788⁵.

§ 183. III. Физически невозможным называется то, что вообще не может быть исполнено человеческими силами, или, в частности, силами обещателя. Что невозможно физически, то не зависит от воли человека. Потому, кто в договоре обещает исполнить невозможное, тот ничего не обещает. Равным образом, кто соглашается принять невозможное, тот ничего не принимает. Следовательно, договор на что-либо невозможное не производит ни обязанности, ни права.

§ 184. Невозможность бывает известна или во время заключения договора, или по заключении оного. В первом случае договор недействителен, во втором же обязанность к исполнению оного уничтожается, когда невозможность открывается, и снова настает, когда она прекращается. Если обещатель скрыл невозможность исполнения от требователя, то обязан вознагра-

дить его за неисполнение обещанного, ибо он поступил как обманщик. Когда он мог знать или предвидеть невозможность исполнения, то обязывается к вознаграждению как обещатель неосмотрительный, ибо требователь чрез вину обещателя не лишается своего права.

§ 185. Посему обязывается к вознаграждению: а) кто по причине самонадеянности или легкомыслия более обещает, нежели сколько исполнить может; б) кто обещает услуги другого и не может склонить его к исполнению оных; в) кто произвольно делает для себя исполнение обещанной услуги невозможным; д) равным образом кто лестию склоняет других к обещанию невозможного. Но если последствие докажет, что исполнение обещанного возможно, только труднее представляется, нежели каковым казалось во время заключения договора, то обещатель должен совершить оное, ибо зрелое рассуждение состоит во власти договаривающихся сторон.

§ 186. Нравственно невозможным в праве называется то, что противно правам других людей. Посему тот только договор действителен, из которого не проистекает нарушения прав других. Законы разума не могут быть в противоречии, но если бы договор, противный праву, был действителен, то человек должен был бы оный исполнить и не исполнить: первое должен учинить для того, чтобы удовлетворить обязанности, из договора проистекающей, а второе — потому, чтобы не нарушить права других людей. Отсюда явствует, что договор о передаче чужих прав без согласия владельцев оных недействителен, напр.: *Кто продал вещь одному, тот не может продать оную другому*; и если бы поступил действительно таким образом, то вторичный его договор недействителен и вещь должна оставаться во владении прежнего покупателя.

§ 187. Но договор, противный должностям несовершеннолетним, остается действителен, ибо: а) из договора проистекает должность совершенная, которая в случае сопротивления с несовершеннолетним предшествует оной; б) мы имеем несовершеннолетнюю должность содействовать к нравственности других, следовательно, по

праву можем требовать исполнения должности, из договора проистекающей; с) мы не обязываемся законами права знать, сообразно ли кто поступает при каком-либо действии с законами совести или противно оным, ибо определить сего в другом лице нельзя, но сам только человек может знать, сообразно ли поступает с нравственными законами или противно оным, § 80; d) равным образом мы не обязываемся знать побудительных причин, по которым кто-либо заключает с нами договор, § 178.

§ 188. Договор, заключенный по принуждению или из страха, также недействителен. Но при сем должно различать, по праву ли употреблено принуждение или противно оному, ибо страх сам по себе не уничтожает согласия: лицо принуждаемое избирает из двух зол одно, т. е. или угрожаемое, или проистекающее из договора, но где избрание находится, там произвол не уничтожается. Следовательно, принуждение тогда делает договор недействительным, когда оное несправедливо употребляется противу лица договаривающегося, ибо никто не может получить права чрез свое несправедливое действие, § 121.

§ 189. Посему о принуждении должно судить по следующим правилам:

a. Принуждение, употребленное для защищения нарушаемого права или восстановления оного, справедливо, ибо, кто имеет право, тот может употреблять средства для охранения оного, § 34. Следовательно, договор, при помощи такового принуждения заключенный, действителен.

b. Принуждение, не по праву причиняемое, уничтожает силу договора, нанесение страха другому невинно есть обида, а требование исполнения договора, по причине страха заключенного, есть продолжение обиды. Потому несправедливый требователь не только принуждать к исполнению обещателя не может, но должен также вознаградить за причинение страха как за обиду.

c. Когда страх нанесен лицом посторонним, в договоре не участвовавшим, или каким-либо естественным происшествием, то договор остается действительным,

ибо никто не обязан знать причины, побуждающие другого к заключению договора, § 177.

Примечание. Посему продажа дома во время осады города, уступка товаров в случае опасности кораблекрушения остаются действительными, хотя бы бедствия, предстоявшие хозяевам сих вещей, не исполнились.

§ 190. Изъяснение существенных принадлежностей договоров показывает вместе трудность приноровления оных в частных случаях. Особенному затруднению подлежит суждение о действительности договоров, заключаемых на будущее время, коих предмет составляют разнородные и продолжительные услуги. Хотя предметы договоров вообще не могут быть определены предварительно, но для решения частных случаев, встречающихся при заключении и исполнении договоров, следующие общие правила разум признает действительными: I. Всякий договор должен быть исполнен. II. Исполнение должно последовать или способом, определенным в договоре, или благоразумно предполагаемым. Следовательно, никто из договаривающихся не может произвольно давать смысл словам договора.

§ 191. I. Каждый человек заключает договор произвольно и обещает действие, от его воли зависящее, потому и должность исполнить договор есть совершенная. Но поколику удовлетворение оной впоследствии времени может сделаться невозможным, то нельзя сказать, чтобы она была совершенно необходимая. Посему при каждом договоре надлежит различать условия и ограничения, дабы судить о действительности и недействительности оного.

§ 192. Условие в пространном смысле есть неизвестное обстоятельство, от которого зависит действительность договора. В тесном смысле условие есть будущее происшествие. Ограничение есть условие, определяющее пространство права или обязанности, из договора проистекающей.

§ 193. По качеству влияния на действительность договора условия разделяются на существенные и случайные. Небытие первых изменяет сущность договора,

а отсутствие вторых не производит сей перемены; потому первые обыкновенно при договоре подразумеваются и не требуют явного изъяснения, а вторые, как произвольные, необходимо должны быть выражены.

§ 194. Всеобщие подразумеваемые условия содержатся: *a)* в понятии об ограниченности сил человеческих; *b)* в понятии о праве; *c)* в понятии о предмете самого договора. В первом отношении должность исполнить договор тогда только почитается совершенною, когда предмет договора не превышает сил человеческих вообще или сил обещателя в частности, ибо человек может обещать только то, что состоит в его свободе, § 184—185. Во втором отношении должность исполнить договор тогда только остается непременною, когда из оной не проистекает нарушения других должностей совершенных, ибо разум не может представить должности нарушать права других людей, § 187. В третьем отношении поставляются следующие правила: кто заключает договор, тот предполагается желающим достигнуть цели оного; кто желает достигнуть цели, тот соглашается на употребление средств, к достижению оной служащих; кто желает исполнить принятую должность, тот не желает действовать противу оной.

§ 195. Случайные условия бывают утвердительные и отрицательные, срочные и повременные. Условие называется *утвердительным*, когда действительность договора зависит от события предполагаемого обстоятельства, когда же от несобытия условия договор получает свою силу, то условие называется отрицательным. Срочное условие отлагает *приобретение* права по силе договора, повременное же уничтожает право, полученное чрез договор, напр.: *Я тебе сделаю подарок, если учиться будешь хорошо; Я буду тебя содержать, пока будешь оставаться в училище.*

§ 196. Как утвердительные, так и отрицательные условия имеют одинаковую силу в рассуждении договора, хотя и совершаются различным образом. По событии условия утвердительного ни одна из договаривающихся сторон не может отказаться от данного слова, равным образом если обстоятельство, силу договора уни-

чтожающее, не последовало, то договор остается действительным.

§ 197. Кто заключает договор под условием срочным, тот получает только право требовать, чтобы обещатель не препятствовал событию его надежды. Когда условие исполняется, то он имеет право принудить обещателя удовлетворить обязанности, следующей по договору. Но событие условия должно последовать способом, определенным в самом договоре или обыкновенно подразумеваемым, в противном случае договор остается недействительным, каковым оный бывает и тогда, когда условие не исполнится. Потому договор, заключенный под условие утвердительным срочным, но невозможным, в самом начале бывает недействителен. Если же условие будет отрицательно невозможное, то договор надлежит почитать безусловным, напр.: *Если круг не сделается квадратом, то я дам тебе сто рублей.*

§ 198. Когда в договоре содержится условие поврежденное, то право принадлежит требователю до наступления предполагаемого события, но оное не прекращается, если событие произошло не таким способом, который в договоре определен был, или не тем, каковой обыкновенно предполагается, § 197. Посему если обещатель произвольно приблизил установленное событие, то право требователя чрез то не прекращается. Равным образом сей последний теряет свое право, когда умышленно отдалает событие, которое по договору должно произойти случайно.

§ 199. Договор прекращается: 1) когда следующие по оному обязанности исполнены; 2) когда оные исполнены быть не могут. В первом случае договор прекращается по воле договаривающихся сторон, а во втором — по силе внешних обстоятельств.

§ 200. Произвольные способы, которыми договор прекращается, суть: I. Исполнение договора в точном смысле, когда договаривающиеся стороны исполнили то, к чему взаимно обязались.

II. Уплата или доставление другой вещи или услуги вместо обещанной. Сюда принадлежит также и зачет, когда договаривающиеся стороны освобождают себя от взаимных должностей, проистекающих из раз-

ных договоров. III. Вероломство, которое учиненное будучи с одной стороны, освобождает другую от обязанности, из договора проистекающей. IV. Новый договор, посредством которого сила прежнего договора уничтожается. V. Событием и несобытием условий, содержащихся в договоре, как явствует из вышеприведенных правил.

§ 201. Внешние обстоятельства, прекращающие действительность договора, суть: I. Смерть обещателя или требователя, § 155. II. Невозможность исполнить обещание, § 184 и след., также § 165. III. Перемена обстоятельств, бытие которых при заключении договора или явным поставляется условием, или обыкновенно предполагается.

ГЛАВА III

Об особенных родах договоров

§ 202. В каждом договоре определяется исполнение или с одной, или с обеих сторон. Поколику в первом случае договор одному лицу налагает обязанность, а другому доставляет право, то он называется *односторонним*. Во втором же случае из договора проистекают взаимные права и обязанности для обеих договаривающихся сторон, потому и договор называется *двусторонним*. В договоре одностороннем обещатель уступает свое право требователю, не получая за оное вознаграждения, потому оный договор называется *безвозмездным*. Но в двустороннем договоре одно лицо уступает другому свое право и вознаграждение за оное получает другое, почему и договор оный называется *возмездным*.

§ 203. Предметом договора может быть: I. Действие, как положительное, так и отрицательное. II. Передача вещи другому в совершенную собственность или для пользования.

§ 204. В безвозмездных договорах одно лицо обещает другому совершить известное действие или передать некоторую вещь без всякого вознаграждения со стороны требователя, почему они называются также *благотво-*

рительными договорами. Сюда относятся: I. Сохранный договор. II. Ссуда. III. Заем и IV. Дарение.

§ 205. [I] Когда кто обязывается хранить безвозмездно вещи другого, то сие называется *сохранным* договором. Поколику обещатель сим договором обязывается: 1) исполнять действия, потребные для сохранения вещи, то упущение оных есть нарушение совершенной должности, следовательно, противно праву. Но поколику право сохранять вещь есть одно только право владения, § 138, то хранитель не может пользоваться оною, иначе он нарушил бы право пользования, принадлежащее владельцу; 2) он обязан возвратить вещь по требованию владельца, ибо располагать вещию без воли владельца — значит нарушать его право; 3) он имеет право принудить требователя взять вещь обратно по истечении срока, определенного по взаимному согласию, ибо договор прекращается, когда следующие по оному обязанности исполнены, § 209; 4) за случайную потерю и повреждение вещи хранитель не отвечает, если оных не можно было предвидеть и отвратить, ибо возможность исполнения есть необходимое условие всякого договора, § 195; 5) равным образом не обязан нести издержки, потребные для содержания вещи, ибо обязательство хранить чужую вещь в целости не может быть почтено обязательством уступить другому свою собственность.

§ 206. II. Ссуда есть договор, которым уступается другому употребление вещи безвозмездно. Лицо ссужаемое получает следующие права по силе сего договора: *a)* права пользоваться вещию в течение определенного времени и в поставленной мере; *b)* содержать оную в таком состоянии, чтобы можно получить от оной обыкновенную и условленную пользу, следовательно, владелец вещи не может требовать оной обратно до истечения срока. Но лицо ссужаемое не имеет права давать вещь для употребления другому, поколику право сие принадлежит только владельцу вещи, § 140. С другой стороны, лицо ссужаемое обязывается: *a)* содержать вещь во время пользования оною; *b)* возвратить владельцу ту же вещь в определенное время, и если бы удержало оною долее, то нарушило бы чрез

то право владения, но если время пользования неопределенно, то владетель может произвольно требовать свою вещь обратно; с) вознаградить за повреждение вещи, от его небрежения или несоразмерного пользования происшедшее. Но случайное повреждение или уничтожение вещи обращается во вред самому владетелю оной, ибо чрез оное прекращается право собственности, которое посредством ссуды не передается.

§ 207. III. Займом называется договор, которым одно лицо обязывается уступить другому вещь, истощимую от употребления, с тем чтобы в известное время доставлена была ему другая в том же качестве и количестве. Обещатель в сем договоре называется *заимодавцем*, а требователь — *заемщиком*. Посредством сего договора заемщик получает на вещь совершенное право собственности, § 144; потому случайная потеря и повреждение вещи не освобождают его от обязанности возвратить заимодавцу такую же вещь в том же качестве и количестве.

§ 208. IV. Дарение есть договор, которым кто-либо передает другому право собственности на вещь безвозмездно. Посему: а) только законный владетель может дарить вещь, ибо, кто не имеет права, тот и передать оного не может; б) доколе дарение не принято, до тех пор даритель может переменить свою волю, § 167, ибо чрез то ничье право не нарушается; с) но если принятие последовало, то даритель может быть принужден к исполнению своего обещания, § 166; когда же дарение последовало на известных условиях, то лицо одаряемое тогда только получает совершенное право на подарок, когда условие исполнилось, § 196; если дарение происходит под условием вознаграждения, то оное относится к договорам возмездным.

§ 209. Кто заключает возмездный договор, тот требует от другого взаимного исполнения, причем должно предполагать, что никто из договаривающихся не хочет быть обижен, но каждый желает получить от другого по крайней мере столько, сколько сам ему доставляет. Итак, при возмездном договоре сравниваются уступаемые вещи. Польза, получаемая от вещи, называется *достоинством* оной. Когда достоинство одной вещи срав-

нивается с достоинством другой, то оное называется *ценою*.

§ 210. Право определять цену вещи принадлежит владельцу оной, ибо он лучше знает, какую пользу или какое удовольствие вещь может ему доставить по его способу представления, по его склонности, по цели употребления и по другим отношениям, § 106. Равным образом он только может определить, какое количество чужих вещей следует ему получить за уступку собственной. Отсюда проистекают следующие положения: 1) цена вещей, определенная взаимным согласием договаривающихся сторон, справедлива; 2) как обе стороны хотят получить не менее того, что сами взаимно уступают, то цена вещей и прав, обмениваемых ими, признается равною; 3) но когда согласие одной или обеих сторон последовало по причине принуждения, обмана или заблуждения, то равенства сего не бывает; 4) обязанность исполнения с одной стороны предполагает возможность и готовность ко взаимному исполнению с другой; 5) свойство возмездного договора не определяет, кто первый должен исполнить оный, но тот может принудить к исполнению другого, кто свое обещание исполнил.

§ 211. Все возмездные договоры имеют предметом промен взаимных прав, простирающихся или на вещи, или на лица, т. е. на их силы и услуги. По различию вещей и прав, с оными уступаемых, по различию целей, для которых требуются услуги, происходит бесчисленное множество договоров, из которых здесь предлагаются только известнейшие.

§ 212. Возмездные договоры, которыми передается право собственности на вещь или на пользование оною, суть: I. Мена. II. Купля. III. Наем. IV. Процентный договор.

§ 213. I. Мена в пространном смысле есть договор, которым два или многие лица обещают друг другу уступить свои права; в тесном же смысле мена есть договор, которым кто-либо обязывается уступить свою вещь за вещь другого. Обе договаривающиеся стороны принимают на себя чрез сей договор совершенные обязанности и одна в рассуждении другой получает совершенное

право, каждая представляет в себе и обещателя и требователя. Мена бывает вещами или совершенно определенными, или только вроде означенными. В первом случае требователь получает право собственности на вещь еще до передачи оной, почему и приключившаяся утрата вещи ему во вред обращается. Во втором случае он имеет право требовать от обещателя исполнения договора, т. е. передачи вещи, означенной в роде. Следовательно, случайное уничтожение или повреждение вещи не освобождает обещателя от исполнения заключенного им договора на передачу оной.

§ 214. II. Купля есть договор, которым уступается собственность вещи за деньги. Когда сей договор заключен безусловно или когда условия уже исполнились, то покупатель делается владельцем вещи до передачи оной, а потому если продавец уступает оную другому после первой продажи, то покупатель может требовать оную от сего последнего, ибо, кто сам права не имеет, тот и передать одного другому не может, § 186. Напротив того, продавец получает собственность платимых денег не прежде как по передаче оных, ибо деньги есть вещи только вроде означаемые. Когда покупается надежда, то продавец равномерно обязывается уплатить означенную в договоре сумму, хотя бы надежда его и не исполнилась, ибо предмет договора чрез то не изменяется, § 179.

§ 215. III. Посредством найма предоставляется другому употребление неистощимой вещи за известную плату. Наемщик получает право на определенную вещь, которое не прекращается и не изменяется с переменю владельца оной. Следовательно, купля не нарушает найма. Напротив того, хозяин вещи имеет право требовать определенной платы, хотя бы наемщик и не употреблял вещь в продолжение условленного времени, только бы она способна была к употреблению, ибо, кто исполнил свое обещание, тот может принудить другого ко взаимному исполнению, § 210. Случайный вред несет хозяин вещи, а не наемщик, которому передается только право пользования, § 206.

§ 216. IV. Процентный договор состоит в передаче собственности истощимой вещи для употребления, с тем

чтобы вместо оной доставлена была другая в том же качестве с известною за употребление платою. Уступающий свою собственность для употребления другому называется *верителем*, а получающий оную для употребления — *должником*. Процентный договор основывается на тех же правилах, коим подлежит заем, но отличается только процентами, в виде платы получаемыми за употребление собственности. В рассуждении процентов договор сей отличается от лихоимства, под которым разумеются непомерные проценты, противные положительным узаконениям или нравственности. Право естественное признает всякие проценты справедливыми, коль скоро веритель и должник на оные согласились, ибо, во-первых, никто не обязан знать причины, побудившие другого к заключению договора, § 177; во-вторых, цена вещей признается равною и справедливою, если обе договаривающиеся стороны на оную согласны, § 210.

§ 217. Главнейшие договоры, которыми одно лицо обещает другому свои услуги за известную плату, суть: I. Доверенность. II. Служебный договор.

§ 218. I. Доверенность есть договор, которым кто-либо принимает на себя исправление дел другого за известную плату. Обещатель услуг в сем договоре называется *поверенным*, а требователь — *поручителем*. Из взаимных отношений поручителя к поверенному явствует, что сей последний имеет право исполнить в точности поручение и что он обязан вознаградить поручителя за вред, который может произойти от пренебрежения принятых им по договору обязанностей, но, с другой стороны, ему принадлежит право на вознаграждение за убытки, необходимо сопряженные с исполнением порученных ему дел.

Примечание. Исполнение чужих дел без поручения не есть договор, но, кто соглашается получить выгоду от такового старания других людей о его делах, тот обязывается нести убыток, сопряженный с исполнением должностей, принятых на себя кем-либо произвольно, § 194.

§ 219. II. Служебный договор есть соглашение, которым кто-либо обязуется оказать известную услугу

или произвести что-либо для другого посредством своих телесных или умственных сил. Услуги могут быть определены числом, количеством или временем. Взаимные права наемщика и наемника определяются явными или подразумеваемыми условиями, основывающимися на понятии наемника, или на господствующем обыкновении, или на понятии равенства. Наемщик может требовать всех услуг, законным образом обещанных только от наемника, но не от его преемника, § 157. Наемщик имеет право ограничивать действия наемника, которыми обещанные услуги могут быть воспрепятствованы, §§ 33—34. Посему он может убежавшего слугу до истечения срока преследовать. Но во всем том, что не вредит праву наемщика, слуга пользуется свободой. Он имеет права на условленную плату за свои услуги, равно как и на предварительную плату (задаток) за будущее служение, если то содержится в договоре. Ему принадлежит также право принуждать наемщика к выполнению его обязанностей по договору.

КНИГА II ПРАВО ПРИКЛАДНОЕ

Введение

§ 220. Прикладное право занимается определением прав и должностей, принадлежащих людям в известных отношениях. Главные начала чистого права служат основанием сего приурочения, § 10.

§ 221. Люди или самую природу поставляются во взаимное соотношение между собою, или для достижения законных целей произвольно вступают в общественное соединение. Их взаимные связи и проистекающие из оных права и обязанности должны быть определены по началам права, ибо во всех обстоятельствах жизни они не перестают быть нравственными существами. Определение прав и обязанностей, принадлежащих людям, по самому понятию об общественном их между собою отношении составляет науку *права общественного всеобщего*.

§ 222. Цели, для которых люди совокупаются, многообразны, потому и виды общественного соединения также многообразны. Но в правоучении, сходственно с целию оною, § 13, рассматриваются те только, которые необходимо служат к сохранению внешней свободы людей. Таковы суть общество семейственное и государство.

§ 223. Хотя независимые народы не составляют общества, оставаясь в состоянии внеобщественном, но их взаимные отношения как лиц нравственных должны быть также определены по общим началам чистого права, что составляет науку *права народного*.

§ 224. Итак, прикладное право заключает в себе следующие части: I. Право общественное всеобщее. II. Право семейственное. III. Право государственное и IV. Право народное.

ЧАСТЬ I

ПРАВО ОБЩЕСТВЕННОЕ ВСЕОБЩЕЕ

ГЛАВА I

Об обществе вообще

§ 225. Люди имеют право стремиться к достижению предполагаемых ими целей, следовательно, могут употреблять законные к достижению оных средства. Цели, невозможные для одного человека, могут быть достигнуты совокупными силами многих. Люди могут употреблять сие средство для достижения своих целей по взаимному согласию, ибо чрез то никому обиды не причиняется.

§ 226. Совокупление людей для достижения общей цели соединенными силами называется *обществом*. Люди, совокупившиеся таким образом, называются *членами общества*.

§ 227. Совокупление людей для достижения общей цели не может иначе произойти, как чрез договор, ибо никто не имеет первоначального права принуждать других желать того, чего сам желает, § 106, и действовать для целей, им назначенных.

§ 228. Согласие членов на совокупление сил для достижения известной цели бывает явное или подразумеваемое, § 181. В обоих случаях оно равно их обязывает и одинаковую имеет силу. Но дабы судить о существовании договора, надлежит определить признаки, по которым бы с благонадежностью заключить можно было о существовании согласия людей вступить в общество.

§ 229. Договор общественного соединения существует:

1. Когда кто принимает от другого такую услугу или такое обещание, которые делаются вообще с намерением вступить с другим в общество. Принятие сей услуги или сего обещания есть знак согласия на общественное соединение, напр. принятие даров брачных есть согласие на вступление в брак.

2. Когда многие лица стремятся вместе к общей цели и притом каждое из них действует в полной уверенности, что и все прочие стремятся к той же цели и желают его содействия. Так, напр., когда люди, случайно сошедшиеся вместе, защищаются от представившейся им общей опасности.

3. Когда какая-либо цель силами одного не может быть достигнута, но многие приступают к достижению оной, хотя без предварительного соглашения. Убеждение каждого в возможности достигнуть оную цель только при общем содействии есть признак их взаимного согласия.

4. Когда члены соединились между собою для известной цели, то предполагается, что они согласились также употреблять для оной законные средства, без которых цель не может быть достигнута.

§ 230. Итак, к существу каждого общества принадлежат: 1) *общая цель*, следовательно, единство частных волей в рассуждении оной; где нет сего единства, там нет и общества. Цель общая называется общим благом, поколику составляет предмет желания каждого; 2) *соединение сил* как средство к достижению общей цели, следовательно, взаимное содействие всех членов во всем том, без чего общая цель не может быть достигнута; 3) *исполнение различных дел*, касающихся

цели общества, которые потому называются *делами общественными*.

§ 231. Поелику чрез договор общественный происходит единство воли членов общества в рассуждении цели, то оный называется *договором соединения*. Единство понятия о цели и единство частных воли в достижении оной образуют из членов общества одно *нравственное, таинственное лицо*, которое имеет свои права и должности, называемые *правами и должностями общества*.

§ 232. Совокупность сил, которыми общество располагать может для своих целей, называется *силою общею*. Из соединения частных сил происходит сила общая, которая по праву может быть употребляема только для цели общей, ибо только для достижения оной члены общества по договору соединения обязались жертвовать своими силами.

§ 233. Равным образом делами общественными те только называются, которые касаются цели общей и от которых достижение оной зависит. Все прочие занятия, кем бы оные ни были предпринимаемы и назначаемы, суть дела частные. Члены общества обязаны отправлять дела общие, ибо по договору соединения обязались содействовать к достижению общей цели.

§ 234. Общество как нравственное лицо имеет свои права и должности, § 231, которые суть частью *первоначальные, существенные и необходимые*, частью *приобретенные и случайные*. Первые происходят вместе с обществом и к понятию об оном необходимо принадлежат, вторые приобретаются свободными действиями.

§ 235. Права общества возлагают должности частью на членов оногo, частью на иностранцев. Первые называются *внутренними*, а вторые — *внешними*.

§ 236. Существенное, внутреннее право общества есть власть принуждать всех членов делать то, к чему они по договору соединения обязались. Отсюда истекают следующие должности членов общества:

а. Каждый член обязан споспешествовать общему благу по закону, изображенному в договоре соединения. Если же оным договором не определяется род и мера его содействия, то оные должны быть выводимы из самой цели общества.

б. Никто из членов не должен полагать препятствия к достижению цели общей ни положительным, ни отрицательным образом.

с. Потому каждый член имеет совершенную должность свои частные цели и виды подчинять цели общей в случае несовместности оных. Но если цель частного члена будет важнее и необходимее, нежели цель самого общества, то первая может быть достигнута вопреки последней. Напр., если член общества звероловов не иначе может убить попавшегося ему зверя, как с потерю здоровья или жизни, то он не обязывается в сем случае действовать для цели своего общества.

§ 237. Права общества на его членов ограничиваются правами сих последних. Правила сего ограничения суть следующие:

а. Общество не имеет права употреблять членов как простые орудия для достижения своих целей, ибо право свободы есть неотъемлемо и неотчуждаемо. Каждый человек и в самом обществе остается для себя самого целию. Потому если цель общества иначе не может быть достигнута, как с нарушением сего права, то она должна быть оставлена.

б. Общество не имеет права ограничивать свободу членов своих более, нежели сколько они к тому обязаны по договору или по понятию о цели общей. Хотя чрез исполнение некоторых деяний цели общей спешествуемо быть может, но если члены предоставили себе в рассуждении оных свободу, то не могут быть принуждены к исполнению. Потому каждый член сохраняет все права, которые не были им отчуждены в договоре соединения.

с. Общество может принуждать своих членов только по закону, для всех общему, и принуждение его ограничивается теми же законами, которым подлежит всякое законное принуждение.

д. Общество не имеет права требовать от членов своих вместо обещанной ими услуги другой, противной их воле.

§ 238. Ко внутренним правам общества относятся взаимные права членов оногo. Взаимное соотношение членов общества называется *состоянием общественным*,

которому противуполагается состояние естественное. Взаимные права членов общества определяются: 1) их природой; 2) договором соединения и 3) целью общества.

§ 239. Каждый член в рассуждении других удерживает право личности и все права, из оного проистекающие, §§ 82—87. Потому каждый член общества остается существом самостоятельным и по соединении с другими для общей цели каждый остается свободным во всех деяниях, не препятствующих цели общественного соединения.

§ 240. Но поколику члены общества обязались по договору содействовать цели общей, то они получили чрез то право принуждать друг друга к таким деяниям, исполнение коих не могли взаимно требовать прежде вступления в общественное соединение. Когда общество состоит из двух членов, то один имеет право принуждать другого делать то, что следует по заключенному ими договору. Если же общество состоит из многих членов, то каждому из них принадлежит право принуждения противу всех прочих, и обратно. Способ принуждения или определен самым договором, или нет. В последнем случае оный зависит от произвола каждого, но принуждение ни в каком случае не должно простирается далее законных пределов.

§ 241. Когда один член обижает другого, то о праве обиженного должно судить по договору и цели общей. Вообще обиженному принадлежит право требовать удовлетворения и принуждать обидчика к восстановлению нарушенного права. Если один член обижает всех или целое общество, то он может быть принуждаем к удовлетворению за причиненную обиду или исключен из общества. Равным образом когда все члены или целое общество причиняет обиду одному, то обиженному принадлежит право принуждать всех или оставить общество.

§ 242. Впрочем, если один член обижает другого таким образом, что таковой поступок его противен бывает договору или цели общей, то обида частная делается чрез то общею и обиженному принадлежит право требовать от всех прочих помощи противу обидчика;

почему целое общество имеет не только право, но и обязанность принуждать или выключать из членов обидчика.

§ 243. Чрез вступление в общество частная свобода отчасти ограничивается, отчасти распространяется, ибо каждый член по договору соединения дает другим право принуждать себя к таким деяниям, к которым прежде никто не мог его законно принудить. Но с другой стороны, каждый член сам получает такое же право в рассуждении всех прочих.

§ 244. Поколику общество есть нравственное лицо, § 231, то оному принадлежат также права в рассуждении других обществ и частных иностранцев, называемые *внешними*, § 235. Содержание сих прав определяется вообще понятием о нравственном существе, и в частности договором соединения и целию общества.

§ 245. Внешние права общества суть также или *первоначальные*, или *приобретенные*. Существенные первоначальные права общества суть:

а. *Право существовать как общество независимое и самостоятельное*. Никто не имеет права уничтожать общество и делать притязание на его самостоятельность. Равным образом никто не может нарушить условия его существования, следовательно, расстраивать оное, разделять на части и отвлекать членов от общественного соединения.

б. *Право употреблять силу, общую для достижения своих целей*; следовательно, общество может располагать всеми средствами, ему принадлежащими. На сем основывается право общества увеличивать и усовершенствовать силу общую всеми законными способами. Отчуждение средств и приобретение новых состоит равномерно во власти общества.

с. *Право достигать благополучия*; следовательно, общество имеет право снискивать все то, что приближает его к сей цели. Обязанность иностранцев, соответствующая сему праву общества, состоит в том, чтобы не препятствовать ему избирать произвольно цели и действовать для достижения оных. Неблагоразумные предприятия общества и вредные начинания не дают дру-

гим обществам и частным лицам права противиться его усилиям или полагать оным преграду, ибо чрез то было бы нарушено право свободного употребления общей силы. Благополучие общества состоит в благополучии членов оного, потому иностранцы не могут препятствовать частным членам общества достигать благополучия. Кто поступает противным образом, тот причиняет обиду обществу.

§ 246. Напротив того, никакое общество не имеет власти нарушать права других обществ или частных лиц, потому не может: 1) принуждать иностранцев вступать в оное или против их воли действовать для его целей; 2) заставлять их отказываться от своих целей для его выгод; 3) принуждать их против воли нарушать права третьего лица.

§ 247. Всем обществам как нравственным лицам принадлежат сии права и соответствующие оным должности. Отсюда и происходит совершенное их *равенство*.

§ 248. Случайные права общества суть те, которые оно приобрело законными деяниями. Таковы суть право собственности на вещи и права, приобретенные от других людей по договору. Содержание сих прав точнее определяется существом самых деяний, которыми они приобретены.

§ 249. Если иностранцы нарушили права общества, то оному принадлежит право обороны, предупреждения и вознаграждения за причиненную обиду.

§ 250. Права общества и частных членов тогда могут быть охранены, когда они точно определены и состоят под блюдением особенно на то учрежденной власти. Цель общества может быть тогда достигнута, когда сила общая управляется по известным единообразным правилам. Право отправлять общественные дела называется *властью общею* и бывает или всеми членами вместе отправляемо по общему согласию, или вверено одному лицу. В первом случае общество называется *равным*, а во втором — *неравным*. Существо общества чрез сие различие не переменяется, но способ отправления дел общественных в равном и неравном обществах бывает различен.

Об обществе равном

§ 251. В равном обществе ни один член не имеет власти общественной: она принадлежит всем вместе. Но равенству не противно, если один член получает в договоре общественном больше прав, нежели другой, ибо хотя кто имеет больше прав, но не делается чрез то властелином другого.

§ 252. Только в рассуждении общей цели прав и должности всех членов должны быть одинаковы. Какое участие один член имеет в цели общей, таковое же должен иметь и другой; какая должность для цели общей падает на одного сочлена, таковая простирается и на другого. Потому все подлежащее к исполнению для цели общей должно быть определено общим согласием. Выраженное в договоре общее согласие есть *воля общая*, которая есть закон общества. Итак, в обществе равном все законы определяются общим согласием и называются *законами договорными*.

§ 253. Способ, которым воля общая познается в решении дел общественных, называется *образом правления*. Договор общественный или определяет образ правления, или нет. В последнем случае каждый раз при рассуждении о каком-либо деле должно определять и способ изъявления воли общей. Но поколику обществу предстоит беспрестанно многоразличные дела, для решения коих всегда требуется познание воли общей, чего на опыте каждый раз учинить невозможно, то каждое общество должно непременно иметь определенный образ правления.

§ 254. Для достижения цели общей многие дела должны быть исполняемы единообразно и постоянно. Ежевременное рассуждение об оных было бы частью затруднительно, а частью и вовсе невозможно. Потому благо общее требует, чтобы дела, совершаемые для цели общей постоянно и единообразно, были определены общим согласием в то же время, когда учреждается общество. Сего рода общественные постановления называются *коренными законами*. Договоры, содержащие в себе коренные законы, называются *основными*,

§ 225. Коренные законы определяют: 1) главнейшие и постоянно к исполнению подлежащие дела; 2) способ отправления оных и, наконец, 3) признаки, по которым воля общая во всех случаях может быть познаваема. Итак, коренные законы определяют образ правления.

§ 256. Но дела разнообразны и случайно встречающиеся не могут быть определены предварительно, почему решение оных должно происходить каждый раз по общему рассуждению членов, причем каждый изъявляет свою волю. Объявленная воля частного члена при рассуждении о каком-либо деле называется *голосом*.

§ 257. Право подавать голос называется *правом голоса*. В обществе равном каждый член имеет право голоса, ибо в оном решение дел производится по общему согласию всех членов. Голос бывает: 1) *положительный и отрицательный*, смотря по тому, выражается ли оным хотение или нехотение чего-либо; 2) *безусловный*, если хотение или нехотение чего-либо выражается без всякого условия или предположения; *условный же*, когда бывает тому противное. Поколику же голос есть изъяснение воли, то 3) оный бывает *явный* или *подразумеваемый*; первый выражается определенными знаками, как-то письмом, речью; второй выводится из известных деяний — положительных и отрицательных.

§ 258. По голосам делается заключение о способе исполнения общего дела. Голоса называются *решительными*, когда они возлагают на общество обязанность им последовать; но если не производят сей обязанности, то называются просто *совещательными*. Одинаковые голоса называются *согласными*, а неодинаковые — *несогласными*. Если голоса всех членов одинаковы, то называются *единодушными*, когда же разделены — то *различными*. В последнем случае они с обеих противоположных сторон бывают или равными, или неравными; первое называется *равенством*, а второе — *большинством голосов*.

§ 259. В обществе равном голос каждого члена есть решительный; голоса всех членов суть равные основания, определяющие волю общую, ибо все они принад-

лежат существенно к единству оной. Что голосами определено и поставлено бывает, то называется *заключением*. Когда силою заключения определяется исполнять что-либо всегда одинаковым образом в одинаковых случаях, то сие определение есть *закон* в тесном смысле. Что постановляется для частного случая на время, то называется *решением преходящим*.

§ 260. В обществе равном заключение может последовать только через единодушие голосов, если договор общественный не содержит в себе другого определения. Но если в оном постановлено правило, по которому известное число голосов определяют заключение, имеющее силу закона, то сие число голосов есть закон общества во всех тех случаях, для которых оное таковым признано.

§ 261. Поколику в обществе равном воля общая познается чрез подание голосов, то способ подавать и собирать оные должен быть определен самым образом правления.

§ 262. В равном обществе никто не может дать закон другому, но общество дает закон всем членам оно-го. Итак, воля общая есть *верховный властитель* в обществе равном.

§ 263. Поколику целое общество не может выполнять своей воли, то в оном должен быть *исполнитель*, который, не имея права давать законы, исполняет только оные. Частные члены не теряют чрез то своего равенства, ибо они суть подданные не сего исполнителя, но законов.

§ 264. Когда в обществе нет исполнителя законов, то все члены вместе заступают место одного противу нарушителей законов. Один член есть исполнитель законов противу всех прочих, когда они оказались нарушителями законов. Но поколику сей образ исполнения законов существовать не может, по крайней мере в обществах многолюдных, то исполнитель законов непременно определен быть должен.

§ 265. Итак, из понятия об обществе равном проистекают следующие положения: 1) все законы одного суть договорные; 2) поколику законы общественные определяют средства для достижения цели общей, то

никакое общество не может существовать без законов, и без наблюдения оных никакая цель общества не может быть достигнута; 3) каждый член общества подлежит законам, следовательно, нарушением оных нарушает права всех прочих членов; 4) каждый вступающий в общество подвергается его законам, следовательно, обещает соблюдать оные.

ГЛАВА III

Об обществе неравном

§ 266. В обществе неравном власть общая принадлежит или физическому лицу, или нравственному, т. е. некоторым членам вместе. Лицо, которому общая власть принадлежит, называется *властителем*. Поколик все прочие члены общества подлежат власти общей, то они называются *подданными*.

§ 267. Власть общая может быть приобретена только по договору, ибо ни один человек первоначально не подлежит власти другого, §§ 82, 83, а по договору соединения люди приобретают взаимные права и должности только в рассуждении цели, но остаются в состоянии равенства. Итак, власть общая может быть приобретена только с согласия самих членов общества. Договор, которым власть общая передается, называется *договором подданства*, ибо чрез оный лица независимые и равные делаются подданными, или подвластными. Договор подданства следует за договором *соединения*, ибо прежде должна быть определена цель, а потом уже может быть поручено кому-либо исполнение оной.

§ 268. Договор подданства есть договор *условный*. Общая власть, передаваемая по оному, ограничивается: 1) необходимыми условиями, при каждом договоре подразумеваемыми, § 191; 2) особенною целью общественного соединения и 3) особенными условиями самого договора подданства.

§ 269. Верховная власть называется *полною и неполною*, смотря по тому, принадлежит ли она одному лицу или разделена между многими.

§ 270. Властитель общества называется *неограниченным*, когда в расположении общему властью ни от кого не зависит; в противном случае он называется *ограниченным*.

§ 271. Но властитель общества, как ограниченный, так и неограниченный, обязывается наблюдать: *a)* права членов, § 237; *b)* права самого общества, § 245, и, наконец, *c)* условия или коренные законы, содержащиеся в договоре соединения и в договоре подданства, § 232—233.

§ 272. Употребление власти общественной без всякого ограничения есть *тиранство*, и кто оное производит, тот есть *тиран*. Никто не имеет права быть *тираном*, ибо никто не может быть без законных пределов в употреблении власти.

§ 273. Итак, каждый властитель имеет не только совершенные права, но и совершенные должности к своим подданным. Неотчуждаемые и неотъемлемые права человека и в самом обществе и в самом подданстве должны оставаться неприкосновенными. Равномерно не должны подлежать влиянию общественной власти те права, которые члены общества ни в договоре соединения, ни в договоре подданства не отдали в общее распоряжение.

§ 274. Поколикую властитель изображает волю общую, то он имеет право: 1) давать законы подданным; 2) принуждать их исполнять оные. Подданные обязываются повиноваться законам общим и исполнять повеления властителя. Право принуждать к исполнению законов заключает в себе право наказания. Сопротивление законам или повелениям властителя есть нарушение должности, за которое подданный подлежит наказанию.

§ 275. Но колику властитель изображает самое общество, то власть его не может далее простираться, нежели власть самого общества. Следовательно, властитель может требовать от подданных только исполнения дел, необходимо сопряженных с достижением цели общей. Потому он не имеет права: 1) употреблять подданных как простые орудия и поступать с ними самовольно; 2) лишать их свободы действовать для

их частных целей, когда оные не противны цели общей; 3) принуждать их только по своему благоусмотрению, а не по общему закону.

§ 276. Каждый властитель может быть рассматриваем в двояком отношении: 1) как член общества, подлежащий законам оного; 2) как властитель, который может издавать, переменять и уничтожать законы. Властитель подлежит законам, им издаваемым, в том отношении, что с подданными не иначе поступать обязан, как по силе существующих законов, ибо воля его тогда обязывает подданных, когда учинится для них известною. Касательно собственного лица властитель не подлежит законам положительным, но он обязывается законами естественными, ибо каждое нравственное лицо подлежит опым. Существование их не зависит от воли общества.

§ 277. В неравном обществе законы не суть условные, ибо они определяются не голосами членов, но волею властителя, который один только имеет решительный голос.

§ 278. Общество, как равное, так и неравное, бывает *простое*, когда члены оного суть физические лица; *сложное* — когда члены оного суть нравственные лица.

§ 279. По времени продолжения общество бывает или *ограниченное*, или *не ограниченное* времспем. Первое называется *временным*, последнее бывает или *пожизненное*, или *вечное*, т. е. или по жизнь членов продолжающееся, или навсегда быть долженствующее. Вечное общество возможно только по причине беспрестанного последования членов.

§ 280. Время продолжения общества или явно определяется, или бывает подразумеваемо. В последнем случае цель общества показывает, как долго оное имеет законно продолжаться.

§ 281. Общество прекращается: 1) когда достигает своей цели; 2) когда достижение оной делается нравственно или физически невозможным; 3) когда в договоре определенное время окапчивается; 4) когда члены произвольно соглашаются прекратить взаимное соединение, не нарушая тем прав третьего лица, т. е. чрез новый договор.

§ 282. Но когда частные члены причиняют обиду обществу или общество обижает частных членов, то договор соединения чрез то не нарушается, но обиженной стороне принадлежит право принуждения. Впрочем, в случае обиды как частные члены имеют право оставить общество, так и общество может отторгнуть частных членов, ибо никто не имеет права терпеть несправедливость.

ЧАСТЬ II

ПРАВО СЕМЕЙСТВЕННОЕ

§ 283. Приноровление начал чистого права к отношениям членов семейства составляет *право семейственное*.

§ 284. В праве семейственном исследуются отношения двух родов: I. Отношения супругов между собою. II. Отношения между родителями и детьми; посему оно разделяется на две главы: в первой изъясняются отношения супругов, во второй — отношения между родителями и детьми.

ГЛАВА I

О взаимных отношениях супругов

§ 285. Супружество есть союз между двумя лицами различного пола для исключительного сожития. Договор, на котором сей союз утверждается, называется *брачным*. Члены супружества суть муж и жена, называемые вместе *супругами*.

§ 286. К действительности супружеского договора требуется: I. Свободное согласие. II. Нравственная и физическая возможность исполнить оный, § 170.

§ 287. I. Поколику каждый человек имеет право располагать собственным лицом, § 82, то никто не может заставить его вступить в супружество. Если бы кто захотел принудить другое лицо к супружеству с самим собою или с третьим лицом, то в первом случае

употребил бы оное как орудие своей страсти, а во втором — как орудие своего произвола.

§ 288. Поколику свободное согласие есть необходимая принадлежность брачного договора, то могут заключить оный только лица, имеющие полное употребление разума, § 171. Посему брак не может быть заключен малолетними, сумасшедшими, пьяными и проч.

§ 289. Равным образом брак, заключенный по заблуждению и невежеству, недействителен, ибо когда кто заключает договор, не понимая предмета или содержания оного, то согласие его не есть истинное, но только мнимое, § 175.

§ 290. Поколику воля других людей нам может быть известна только посредством знаков, § 180, то брачный договор могут заключить только те лица, которые могут ясными знаками изъявить свою волю.

§ 291. II. По самому свободному согласию договаривающихся лиц брак может быть заключен, когда он не противен правам других людей. Посему брак бывает недействителен, когда заключившие оный лица состоят уже в супружестве с другими лицами, ибо супружество есть союз на исключительное сожитие.

§ 292. Итак, многоженство противно праву, ибо по оному муж имеет сожитие со многими женами, требуя, чтобы сии последние воздерживались от сожития с прочими. Таковое требование противно собственному его поведению. Следовательно, он употребляет жен своих как средство для цели.

Примечание. Кроме справедливости самая польза убеждает в том, что брак может быть заключен только между двумя лицами. Какое отвратительное зрелище распутства и скотского унижения представляют нам те народы, у которых в обычае многоженство! Целая половина рода человеческого там находится в самом гнусном порабощении у другой и почитается средством удовлетворения скотской страсти. Женский пол, находясь в толь униженном состоянии, не способен ни к каким благородным чувствованиям. По причине строгого надзора и тюремного заключения он жаждет распутства как единственного блага, ему известного. Тайная ревность, снедающая сердце каждой невольницы,

служит обильным источником семейственных беспорядков, которые может прекратить только сильная рука домашнего тирана. Дети с младенчества научаются ненавидеть незаконных жен отца своего, равно как и других детей, происходящих не от одного с ними ложа. Родительская горячность к детям ослабевает по мере их умножения. Развратные родители, утомленные сладострастием, редко любят детей своих, но, напротив, весьма часто их ненавидят. Итак, рабство женского пола, семейственные раздоры, жестокий нрав мужчин, дети без воспитания, оскудение народонаселения в государстве суть следствия многоженства. Многомужество малоизвестно, следствия оно еще ужаснее.

§ 293. Брак, заключенный на временное сожитие, называется *наложничеством*. Хотя не можно доказать по началам права незаконность наложничества, но оное противно нравственной природе человека, §§ 6—7, ибо он делается чрез то рабом своего вожделения.

§ 294. Брачный договор не может быть заключаем между ближними родственниками, ибо оный противен внутренним должностям человека. Ближними родственниками называются те, к которым природа или отечественные обычаи внушают нам особенную нравственную любовь, противную должностям супругов. В случае брака между такими лицами благородное чувство родственного расположения пожертвовано будет другому чувству — низшего разряда. Таковое отношение существует между восходящими и нисходящими родственниками, между братьями и сестрами, но существует ли в природе *врожденное отвращение*, сего доказать нельзя. По крайней мере оно находится в обычаях всех образованных народов и отвергается только во времена развращения нравов или в скотской дикости человека.

Примечание. Кажется, брак должен соединять чуждые между собою колена, а не те, кои и без оного имеют уже родственные связи между собою. Однако ж как далеко простирается кровное родство, сего по началам права определить не можно.

§ 295. III. [Так] как цель супружества есть сожитие, то не могут заключить сего договора лица, неспособные

к сожитию. Следовательно, браки, заключенные оными, недействительны.

§ 296. Должности супругов определяются целию брака и особенными брачными условиями.

§ 297. Вообще супруги обязываются ко всему тому, без чего цель брака не может быть достигнута. Посему супружеская любовь есть первая, главнейшая должность супругов. Искключительное сожитие есть необходимое условие брачного договора; потому одна сторона имеет совершенное право требовать от другой исполнения сего условия. Искключительная любовь требует взаимного вспоможения, особливо со стороны супруга, ибо он заключает союз общежития с существом слабым, следовательно, требующим его помощи.

§ 298. В брачном договоре могут заключаться другие условия, называемые *брачными*. По силе оных супруги приобретают взаимные права и обязанности. Само по себе разумеется, что сии посторонние условия не должны быть противны природе самого брака.

§ 299. Собственность супругов остается неприкосновенною, если в брачном договоре не заключается в том особенных условий.

§ 300. Равным образом супруги сохраняют право свободы во всем том, что не противно брачному договору.

Примечание. Женский пол в странах варварских впал в рабство по причине слабости сил своих. Неограниченная власть мужей над женами сперва превратилась в обычай, а потом утверждена положительными законами, как будто цель государства того требует, чтоб половина рода человеческого непременно была в рабстве. Если жена для мужа есть то же, что дворовая скотина, то в обоих супругах напрасно будем мы искать благородных чувствований. Кто жесток для своей жены, тот может ли быть человеколюбив к людям, ему чуждым?

§ 301. Брак прекращается: 1) смертью одного лица, если оный заключается на всю жизнь, но когда одно лицо нарушает супружескую верность, то другая сторона имеет право отступить от договора, § 200. Если бы нарушитель брачного договора требовал, чтоб другая сторона соблюдала к оному верность, то он желал бы при том употреблять оную как средство для своей цели.

§ 302. Равным образом брак прекращается, когда откроется совершенная невозможность с одной или с обеих сторон исполнить цель оного. Таковы суть недостатки телесные, опасные и заразительные болезни и проч.

§ 303. Взаимным согласием брак также прекращается, если тем не нарушаются права третьего лица.

Примечание. Такого рода прекращение браков противно благоустройству семейств, потому воспрещается законами положительными.

ГЛАВА II

Об отношениях между родителями и детьми

§ 304. Дети рождаются в толь слабом состоянии, что без помощи других непременно должны погибнуть. Родители имеют ближайшую должность стараться о прокормлении и воспитании детей своих, ибо рождение детей есть произвольное действие родителей. Подвергать опасности других есть действие, противное должности; следовательно, избавлять от опасности того, кто нашею виною впадает в оную, есть должность совершенная.

§ 305. Следовательно, никакой брак не может быть заключен без взаимного обещания супругов воспитывать детей своих, ибо тогда оный учинился бы договором, вредным правам других людей, § 186.

§ 306. Должность воспитывать детей есть основание родительской власти над детьми, ибо оная заключает в себе: 1) попечение о сохранении здоровья и жизни детей; 2) попечение об усовершенствовании их телесных и умственных сил; сии многоразличные обязанности только тогда могут быть выполнены родителями, когда они будут иметь власть располагать деяниями детей своих.

§ 307. Пространство власти родительской определяется пространством их должности: родители имеют право делать в рассуждении детей своих все то, что принадлежит к воспитанию и нравственному образованию сих последних. Посему они имеют право:

а. Стараться о содержании и укреплении телесных сил детей своих, следовательно, могут предписывать им действия и упражнения, способные к развитию тела, и воспрещать занятия, противные здоровью или опасные жизни.

б. Право доставлять нравственное воспитание детям дает родителям власть приучать детей к умственным занятиям, ограничивать их страсти, искоренять в них злую волю и дурные навыки, следовательно, в случае упорства детей — наказывать их прилично цели, не преступая потребной меры и не нарушая вышеупомянутой обязанности сохранять целостность их телесных сил.

с. Родители имеют право заставлять детей своих заниматься полезными упражнениями как по силе их обязанности воспитывать детей, так и потому, что доставлять нужное продовольствие они обязаны детям по мере их слабости и невозможности собственным трудом удовлетворять своим нуждам.

д. Родители имеют право защищать детей своих от других людей и вместе требовать, чтоб никто другой не вмешивался в дело воспитания.

§ 308. Родители имеют равную должность воспитывать детей своих, потому и власть над детьми им равно принадлежит. Каждому из супругов принадлежит право требовать от другого, чтобы он не употреблял детей в противность цели воспитания.

§ 309. Пределы родительской власти точнее определяются следующими правилами:

а. Всякая власть родителей над детьми противузаконна, если не принадлежит к воспитанию.

б. Посему родители не имеют права поступать с их детьми как с собственностью, употреблять их для своей пользы как средство, уродовать их или лишать жизни.

с. Хотя родители имеют право наказывать детей, но только для цели воспитания могут производить оное в действо. Всякое наказание, не для сей цели производимое, есть несправедливость.

§ 310. Родительская власть уменьшается вместе с должностью воспитывать детей. Поколику невозможность детей содержать самих себя возлагает на родителей должность стараться о их воспитании, то вместе с

оною прекращается и сия должность. Следовательно, когда дети получают достаточные силы к труду и употребление разума, при котором сами могут располагать своими поступками, то они выходят из родительской власти, а родители перестают иметь должность их воспитывать.

Примечание. Как далеко простирается малолетство, сего по началам права определить нельзя: положительное законодательство назначает предел оному.

ЧАСТЬ III ПРАВО ГОСУДАРСТВЕННОЕ

Понятие о праве государственном

§ 311. Государственное право есть наука об отношениях между верховною властью и подданными, истекающих по началам права из цели общественного соединения.

§ 312. Права верховной власти и подданных рассматриваются: 1) по одному только понятию о сих лицах, составляющих государство; 2) по существу некоторых определенных способов, которыми верховная власть действует. Посему право государственное разделяется на *безусловное* и *условное*.

§ 313. Поколику безусловное государственное право определяет вообще отношения между верховною властью и подданными, то надлежит прежде всего показать, каким образом оные отношения начало свое получили. Следовательно, прежде всего должно изъяснить причины, заставившие людей вступить в общество, и потом уже можно будет приступить к изъяснению существа гражданского соединения.

§ 314. В условном государственном праве определяются способы, по которым верховная власть действует в государстве. Сие определение должно быть основано на одних началах права, не принимая в уважение различных событий, которыми доказывается доброта того или другого образа правления. Таковые изыскания принадлежат к теории гражданского законодательства.

Государственное безусловное право

Отделение I

О состоянии человека вне общества

§ 315. Дабы изъяснить существо гражданского общества, надлежит определить цель, которую люди имели при вступлении в оное. Но мы не прежде можем получить ясное понятие о сем предмете, как рассмотрим состояние их вне общества.

§ 316. Дабы узнать, может ли человек полагаться на безопасность прав своих, мы должны обратить внимание на его поступки с другими, когда он, с одной стороны, по недостатку нравственного образования управляется только скотскими побуждениями, с другой же стороны, по причине крайних нужд находится в беспрестанной крайности или умереть, или претерпевать бедствия, или, наконец, быть обидчиком, ибо таково действительно положение человека вне общества.

§ 317. Философы, изображавшие состояние человека вне общества, держатся различных мнений и больше или меньше удаляются от истинных об оном понятий.

§ 318. Ж.-Ж. Руссо думает, что люди в состоянии внеобщественном не имели между собою нравственных отношений, ни должностей, ни пороков, ни добродетели; они не были ни добры, ни злы, их страсти были недейтельны, ни прошедшее, ни будущее не занимало их воображения; одно только настоящее бытие и удовлетворение первым потребностям возбуждало их внимание.

§ 319. Напрасно сей философ приписывает человеку в состоянии внеобщественном совершенное равнодушие ко всему. Самые грубейшие поколения любопытны до высочайшей степени ко всякому редкому явлению и склонны к подражанию и замечанию. А сии способности печувствительно возводят человека на высшую степень образования. Понятие о пороке и добродетели также им свойственно, хотя необразованный смысл дикого не может постигнуть прямой черты, отделяющей сии качества.

§ 320. Пуфендорф⁶ в изображении человека в состоянии внеобщественном утверждает, что начала справедливости и добродетели неизгладимо начертаны в их сердце и со временем необходимо должны развиваться. Нравственность, говорит он, есть назначение человека: даже собственная выгода заставляет его наблюдать чужие права и миролюбие с другими людьми.

§ 321. Сей философ изображает человека внеобщественного таковым, каковым он быть должен, но он не был таков в состоянии дикости. Если в гражданском состоянии люди удаляются от начал справедливости и законов добродетели, то можно ли, чтобы они в состоянии дикости ясно оные понимали и строго исполняли?

§ 322. Наиболее приблизил к природе описание природного человека Габбес и показал естественный переход его из состояния одиночества в состояние общественное. Он утверждает, что люди вне гражданского соединения вели беспрестанную войну между собою. Конечно, он преступает меру в изображении пороков и недостатков человеческой природы. Раздоры, свирепствовавшие тогда в Англии, дали уму сего философа такое направление.

§ 323. Человек в состоянии внеобщественном, говорит Габбес, сохранение самого себя поставляет за главное правило своих поступков, и сходственно с оным почитает для себя все дозволенным, что только служит ему в пользу. Как все люди последуют тому же правилу, то происходит между ими беспрестанное противоборство и насилие. Конечно, состояние людей вне общества таково, но сие не доказывает, чтобы в людях не было расположения к нравственному добру и справедливости.

§ 324. Природа явственно отличила человека от прочих животных. Способности его ясно доказывают, что он предназначен жить в обществе. Науки, искусства, религия, достижение высоких и благородных целей суть плоды общежития. Образование рода человеческого происходит постепенно, одно поколение пролагает путь другому к дальнейшим сведениям. Напротив того, прочие животные только в совокуплении и порожде-

нии имеют связь между собою. Редко, и то по единообразному инстинкту, бывают одно другому полезны.

§ 325. Человеку предстоит большее число зол, нежели другому какому-либо животному, между тем как средства к удовлетворению нужд его гораздо затруднительнее. Конечно, в состоянии дикости он не столько чувствителен. Но бедствия, причиняемые ему природою, столь сильны, что могут потрясти самую грубую систему органов. Он подвержен стуже, не имея естественно-го покрова, потоплению, которого по малоумию своему не может предвидеть и отвратить. Голод томит его чаще и почти всегда ему угрожает. Болезни также его постигают в дикости, как в образованном состоянии. Средства к его содержанию почти все принадлежат искусству и взаимному вспоможению людей. Малейшее пернатое скоро и легко достает потребную ему пищу. Человек долговременным трудом приобретает пропитание, часто после продолжительных, напрасных усилий претерпевает нужду в первых потребностях жизни.

§ 326. Будучи подвержен беспрестанно томительным нуждам, при всей склонности к нравственному добру человек руководствуется одним только началом самосохранения. Находясь в крайности терпеть бедствия или причинить другому несправедливость, он избирает сие последнее.

§ 327. Люди в дикости друг другу опаснее, нежели звери один другому. Один зверь нападает на другого только по причине настоящей и близкой выгоды. Напротив того, человек в самой дикости простирает виды свои в будущность и предвидит последствия действий в отдалении. Выгоды будущие действуют на его воображение иногда сильнее, нежели настоящие; часто одни мечтания делают его грабителем, тираном и убийцею. Способность помнить и представлять прошедшее по-дает повод людям к новым злодеяниям. Другие животные защищаются только от настоящих нападений или для отмщения в то же время претерпенного ими зла. Они не способны мстить за зло, давно ими претерпенное, дабы утешаться зрелищем страданий своих прежних обидчиков. Только человек может находить для себя услаждение в страданиях подобного ему существа.

Чувство дальновидной и продолжительной мести ему только одному принадлежит.

§ 328. При больших и сильнейших побуждениях к нанесению другим вреда человек имеет больше способности причинять оный другим действительно в удовлетворение своей склонности. Конечно, он имеет меньше силы и отважности в сравнении со многими родами других животных, но сметливость, коварство, лезть подают бесчисленные средства благонадежно и безопасно с его стороны причинять другим возможный вред по произволу.

§ 329. При неограниченном самолюбии, под беспрестанным влиянием скотских страстей человек предается самой грубейшей дикости. Особенно нужды, беспрестанно его томящие, делают его алчным ко всякому незаконному наслаждению: он помышляет не о своих поступках, но о предметах своего желания. Оттого не удивительно, что он делается для подобных ему существ ужаснее, нежели какое другое творение.

§ 330. В состоянии внеобщественном люди могут быть опасны по самым их нравственным качествам. Защита слабого может навлечь обиду сильному. Стара́ние соблюсти справедливость может навлечь несправедливость, желание сохранить права взаимные может служить побуждением к нарушению чужих прав.

§ 331. Итак, будучи со всех сторон угрожаем опасностями, человек должен помышлять об отвращении оных, ибо почитать несчастье благом ему несвойственно. В течение жизни своей он убедился опытом, что безопасность может быть достигнута только посредством соединения его с другими для отвращения, слушающихся нападений совокупными силами.

Отделение II

О цели государства

§ 332. По сему изображению цель, для которой люди соединились в общество, есть безопасность. Некоторые философы, однако ж, отвергают сие мнение и дер-

жаты при том различных толков. По качеству предположения о цели государства их можно разделить на сенсуалистов и рационалистов.

§ 333. Сенсуалисты поставляют целью государства благополучие величайшее, земное благосостояние каждого. Следовательно, они предполагают цель невозможную, ибо понятие о благополучии есть понятие относительное; только сам человек определить может, что споспешествует его благополучию и что оному противно, § 100. С другой стороны, общество, принимая на себя должность достигать цели, получает вместе право принуждать членов своих стремиться к оной; отсюда следовало бы, что общество имеет право принуждать членов своих стремиться к благополучию. Но всякое принуждение предполагает отвращение, потому члены общества должны были бы почитать то благополучием, к чему чувствуют отвращение.

§ 334. Рационалисты поставляют целию гражданского общества усовершенствование рода человеческого, которое, по мнению одних, состоит наиболее в усовершенствовании познавательных сил, по мнению других — в улучшении нравственности. То и другое мнение равно несправедливы, ибо усовершенствование познавательных сил и нравственности зависит от свободы человека и не может быть предметом обязанности совершенной. Предписать внешние действия человеку можно, но внутренние остаются в его воле. Предположение сей цели равно противоречиво, ибо принуждать человека к тому, что зависит от его свободы, значит нарушать его свободу; но усовершенствование познавательных сил и нравственности тогда только быть может, когда человек пользуется свободою. Следовательно, чрез предписание известных средств для достижения цели люди лишились бы самой цели.

§ 335. Хотя означенные цели не могут составлять цели гражданского общества, но оные могут быть достигнуты только в общежитии. Нравоучение обязывает человека стараться об усовершенствовании его физических и нравственных сил, но оно обязывает его также вступить в общество, поелику в оном только может он достигнуть сей цели.

§ 336. Итак, государство есть соединение людей для всегдашнего охранения взаимной безопасности совокупными силами. Цель сия настаёт и уничтожается вместе с человеческим родом. Потому люди могут соединиться для достижения оной навсегда.

§ 337. При учреждении общества люди должны соглашаться: 1) в рассуждении самого их соединения для взаимной безопасности; 2) в рассуждении выбора средств для достижения оной и 3) в рассуждении способа употреблять оные. Посему право государственное рассматривает, во-первых, договор соединения людей в государство; во-вторых, средства, на употребление которых люди должны согласиться для достижения цели, и, в-третьих, договор подданства как единый достаточный способ приводить в исполнение то, без чего цель государства не может быть достигнута.

Отделение III

О договоре соединения

§ 338. Государство может учредиться по праву только чрез взаимное согласие людей защищать друг друга взаимно противу могущих встретиться опасностей, § 227. Сие согласие называется *договором соединения*.

§ 339. Всякий договор получает свою силу не от слов, но от исполнений, которые чинимы бывают не иначе как под предлогом взаимности, § 229.

§ 340. Участниками сего договора все те быть могут, которые имеют возможность изъявлять свою волю и содействовать цели общества.

§ 341. Поколику цель, для которой договор соединения заключается, есть общая, возлагающая на всех равную обязанность содействовать к достижению оной, то по договору соединения все люди равны, если не постановили в оном особенного условия, определяющего их неравенство.

§ 342. По договору соединения люди предают себя совершенно обществу, ибо при таком только условии цель оного может быть достигнута. Следовательно, не

только все имущество граждан есть средство для достижения цели общества, но и самая жизнь каждого может быть употреблена для приобретения оной. В том никакого нет противоречия, что люди для спасения жизни должны жертвовать жизнью, ибо, вступая в общество, человек имеет свободный выбор между беспрестанною опасностью лишиться жизни вне общества и между благонадежностью сохранить оную в обществе. Также и в том нет сомнения, что человек имеет право давать обществу такое обещание, ибо, кто жизнью своею располагает, тот никому не причиняет обиды. Равным образом вступление в общество на таковом условии не только не противно нравственной обязанности сохранять свою жизнь, но весьма сообразно с оною, ибо в обществе лучше может быть жизнь сохранена, нежели вне оного *.

§ 343. Договор соединения простирается на детей, родившихся в обществе от членов одного, когда они, достигнув совершенного возраста, явным или молчаливым образом изъявляют на то свое согласие, ибо договором тот только обязывается, кто свободно заключает оный. Родители не могут включать своих детей в договор соединения, ибо они имеют только право воспитывать детей своих, но не назначать им произвольного состояния, в котором по достижении совершенных лет оставаться должно. В противном случае дети были бы не что иное, как вещи в рассуждении их родителей.

§ 344. Несмотря на сие, государство имеет обязанность охранять детей, ибо оно принимает под свою защиту все права родителей, следовательно, также право воспитывать детей.

§ 345. Равным образом государство должно защищать детей противу злоупотреблений родительской власти, ибо оно обязывается защищать всех тех, кои находятся в его пределах; в противном случае государство было бы соединение людей, противное правам других.

* «A-t-on jamais dit que celui que se jette par une fenetre pour echapper a un incendie soit coupable de suicide?» J. J. Rousseau ⁷.

§ 346. Последствия договора соединения для частных лиц суть:

а. Каждый гражданин получает право требовать помощи от других в случае опасности, угрожающей его внешним совершенным правам.

б. Равным образом на каждого падает обязанность защищать других в подобных случаях.

§ 347. Для самого государства последствия проистекают следующего содержания.

а. Оно делается нравственным лицом, почему приобретает права и подлежит обязанностям: 1) в рассуждении своих граждан; 2) в рассуждении всех тех, которые к нему не принадлежат.

б. Оно получает право преобладания всеми областями государства, т. е. право удерживать в своей власти все участки земли, составляющие области государства, хотя оные принадлежат частным лицам.

§ 348. На сем основывается: 1) право государства требовать с участков земли взносов для удовлетворения общественным потребностям; 2) обязанность частных владельцев не отделять свои владения от областей государства без его на то согласия, ибо не только все полагаются на пособие частного гражданина в случае опасности, но и частный гражданин полагается на помощь всех при таковом обстоятельстве. Следовательно, в договоре соединения необходимо предполагается неразделимость общества.

§ 349. Доколе государство выполняет свои обязанности в рассуждении граждан, до тех пор никто не имеет права оставлять оное, § 168.

Отделение IV

О средствах для достижения цели государства

§ 350. Средства для достижения цели государства суть частью материальные, частью формальные. Первые состоят в имуществе граждан и в их силах — физических и нравственных; вторые — в способах, по которым деяния граждан совершаемы быть должны, дабы цель государства могла быть достигнута.

§ 351. Все средства, во власти частных граждан состоящие и к достижению цели государства способные, называются *имуществом государства*.

§ 352. Государственное имущество в собственном смысле есть совокупность того, что граждане по состоянию своему уделяют для достижения цели общества, что может быть учинено двояким образом: или граждане предоставляют на всегдашнее пользование государству некоторое имущество, или непрерывно уделяют некоторые части из их собственности для удовлетворения нуждам государства.

§ 353. Владения, предоставленные государству для удовлетворения общественным потребностям, называются *государственными капиталами*; участки, собираемые по временам с имущества жителей государства, называются *податями*.

§ 354. Граждане государства обязаны вспомоществовать цели общества, следовательно, все обязываются к несению податей. Но сия обязанность падает на каждого соответственно его достатку, ибо, во-первых, граждане государства обязываются содействовать цели общества по мере возможности; во-вторых, равное разделение податей было бы противно самой цели общества, поколику оно навлекло бы опасность частным гражданам, лишившись достатка, погибнуть от голода; в-третьих, неравное имущество требует неравных средств к сохранению оного.

§ 355. Неимущие граждане не имеют обязанности платить подати, но для цели общественной они могут содействовать их физическими и нравственными силами. Таковые услуги называются *повинностями*.

§ 356. Поколику каждый для своей свободы хочет пожертвовать только тою частию своего достатка, каковая потребна для сей цели, то граждане государства обязываются доставлять обществу не более как сколько ему нужно для удовлетворения потребностей.

§ 357. Но поколику государство имеет целью сохранение величайшей выгоды, т. е. безопасности, то в оном вопреки частному хозяйству (в котором расходы соразмеряются с доходом) доходы должны быть соразмерны по количеству расходов, и гражданин обязан

платить все подати, возлагаемые на него государством.

§ 358. В рассуждении повинностей те же правила поставляются. Всякое личное служение может быть требуемо только для цели общества и в такой мере, каковая для того достаточна.

Отделение V

О договоре подданства

§ 359. Договор соединения необходимо влечет за собою договор подданства, ибо хотя цель, для которой люди совокупились в общество, показывает уже средства, необходимо нужные для достижения оной, но способ употребления сих средств не может быть определен для всех частных случаев. Справедливость употребляемых средств познается из общих начал разума; напротив того, благонадежность и приличие оных для достижения цели познается только из опыта. В общих началах разума люди могут быть согласны, но в предметах опытности бывают разномысленны. Отсюда явствует, что назначение средств для достижения цели общества не может происходить по общему согласию, ибо самое сие согласие существовать не может, § 253.

§ 360. Большинство голосов противно договору соединения, ибо хотя каждый по оному обязался содействовать цели общества, но никто не обязался в избрании средств подчинять свою волю воле других людей. Следовательно, если бы кто захотел в рассуждении сего делать предписания другим, тот поступил бы противозаконно, ибо тем присвоил бы себе такое право, которое ему не принадлежит. Хотя бы самая большая часть членов общества согласилась на каковые-либо средства, то и тогда не можно принудить остальных членов следовать воле прочих, ибо действие несправедливое не превращается в справедливое оттого, что многие учинили оное противу малого числа людей.

§ 361. Потому члены общества должны были определить способ употребления средств для достижения цели общества. Лицо, которому по силе общего согласия предоставлено право назначать и употреблять

средства для цели, называется *властителем*. Оно бывает физическое, когда одному человеку предоставляется означенное право, или нравственное, когда оно принадлежит многим физическим лицам вместе *.

§ 362. Вверенное властителю право избирать и назначать средства для достижения цели общества называется *верховною властью*. Поколику право сие выше всех других прав в обществе, то оно называется также величеством.

§ 363. Верховная власть может быть передана только по согласию всех членов общества, ибо в договоре соединения нет условия, обязывающего частного члена в избрании средств повиноваться произволу других. Следовательно, если кто не согласится на мнение своих сочленов касательно лица, которому они вверяют верховную власть, то договор соединения между им и прочими членами упичтожается.

§ 364. Властитель ни от кого не зависит, ибо право величества, или верховной власти, ему передано единогласно, потому воля его изображает волю общую, § 267, следовательно, все члены государства суть подданные, исключая самого властителя.

§ 365. Личная свобода каждого члена государства согласна с подданством, ибо цель государства есть цель каждого гражданина, только избрание средств для достижения оной поручено властителю; следовательно, доколе гражданин направляем бывает только к цели государства, до тех пор он не употребляется противу воли как простое орудие. Властитель остается притом как главный орган государства.

§ 366. Но гражданин подчинен властителю только для цели государства; во всех прочих действиях он остается свободным и независимым, если оные непротивны обязанностям его к обществу, § 236 и т. д.

* В собственном смысле верховная власть в каждом государстве разделяется между многими лицами, ибо только в самых малых государствах один человек может отправлять все дела общественные. Во всех прочих государствах частный произвол подчиненных служителей общества столько же имеет влияния на течение дел общественных, как и в самих конституционных государствах, с тою только разностию, что сие влияние не определено неперменным законом.

§ 367. Когда властитель употребляет подданных или не для цели государства, или в противность оной, то сие называется злоупотреблением власти в несобственном смысле, ибо таковые поступки выходят из круга деятельности властителя.

§ 368. Чрез договор подданства происходят в государстве два *таинственные лица* — властитель и подданство, которое есть совокупность всех подданных.

§ 369. Должность властителя употребляет средства для общей безопасности возлагает на его обязанность пеcись о безопасности каждого члена общества. Право его располагать действиями подданных ограничивается сего обязанностию.

§ 370. Должность защищать своих сограждан, предписываемая по договору соединения, перестает уже быть непосредственною для частных лиц, но вместо оной предлежит им должность повиноваться властителю, ибо попечение о защите общества и частных лиц ему передано по договору подданства.

Отделение VI

О верховной власти

§ 371. Совокупность прав, принадлежащих властителю, называется *верховною властью*, которая, поколику ни от какой другой власти не зависит, то называется также *величеством*. Верховная власть по различию способов, коими обнаруживается, разделяется на разные виды, кои суть: 1) власть законодательная; 2) исполнительная и 3) блюстительная.

§ 372. Права величества суть частью *необходимые*, частью *случайные*. Недостаток первых уничтожает понятие о верховной власти, недостаток вторых не перемещает сущности оной. Первые называются также *первоначальными*, а вторые — *производными*.

§ 373. Верховная власть должна достигать цели государства; [так] как при том действия ее необходимо простираются частью на членов государства, частью на внешние народы и частных жителей, то верховному властителю должно принадлежать: 1) право управлять

подданными, т. е. направлять их действия сообразно цели государства. Права в рассуждении подданных называются *внутренними правами величества*; 2) право ограничивать действия иностранцев, дабы оные не учились противными цели общества. Происходящие отсюда права называются *внешними*. Властитель по причине прав первого рода называется *правителем*, а по правам другого рода — *представителем* государства.

Подразделение I

О власти законодательной

§ 374. Законодательная власть есть право определять средства для цели государства, посему она может располагать: 1) действиями подданных; 2) государственным имуществом; 3) наконец, давать обществу такое направление и устройство, которое сообразно с целью оного.

§ 375. Определенные властителем правила, с которыми граждане должны соображать свои деяния для цели государства, называются *законами*. Средством, сообразным с целию общества или приличным для достижения оной, только то почитается, которое определяется общею волею; но таковую почитается только воля властителя, следовательно, законодательная власть ему только принадлежит. Почему он и называется *законодателем*.

§ 376. Поколику законы содержат в себе определения средств для цели государства, то они не должны содержать в себе: 1) ничего противного оной цели, следовательно, закон не должен нарушать ни общей, ни частной безопасности. Предположение произвести благо для одних членов общества чрез пожертвование безопасности других противно цели самого общества, должности верховной власти и существу самого закона, 2) равным образом законы не должны предписывать или запрещать таких деяний, которые к обществу не относятся, ибо граждане обязываются повиноваться верховной власти только для общей безопасности, следовательно, во всех частных делах и занятиях остаются

ся свободны, как скоро исполнили то, что для цели общества нужно, § 366.

§ 377. Законы должны быть всеобщие, т. е. всех граждан равно обязывающие, ибо цель общества есть общая, следовательно, и содействие к оной должно быть общее. Посему законы падают на всех граждан и доставляют всем равные права и обязанности. Но сие равенство состоит в том, что в равных обстоятельствах люди имеют равные права и равные обязанности, ибо ни договор соединения, ни договор подданства не заключают в себе ничего такого, почему бы один гражданин более обременен был, нежели другой. Если бы законодательная власть на одного более тягости возложила, нежели на другого, то сие произошло бы по особенным видам, которые в состав цели общественной не входят.

§ 378. Но если всеобщая безопасность требует, чтобы на одного или некоторых граждан возложены были особенные отягощения, которым прочие ныне не подлежат да и впредь едва ли подлежать могут, то государство должно сделать за особенное отягощение особенное вознаграждение. На том же основании может законодательная власть некоторым подданным предоставить особенные права и преимущества, называемые *привилегиями*, ибо равенство членов чрез то не нарушается, когда те из них получают вознаграждение, которые для безопасности всех несут большее отягощение. Когда привилегии кому-либо сообщены, то уже не могут быть отняты, если соединенные с оными особенные обязанности выполняются.

§ 379. Верховная власть должна обезопасить права подданных, посему она должна: 1) определить, что есть право и неправое для каждого гражданина, и 2) назначить способы, как защитить оное право от внутренних нападателей и от внешних народов. Отсюда явствует, что законодательная власть имеет право:

a. Издавать законы гражданские, по которым бы можно было разбирать распри граждан о праве.

b. Полицейские узаконения, определяющие меры для охранения лиц и имущества граждан от насилия взаимного, от вредных действий природы и от различ-

ных случайных приключений, вредных свободе и благосостоянию граждан.

с. Уголовные узаконения, которыми для воздержания граждан от взаимных обид определяется наказание, за всякое зло причиненное.

d. Установления, до государственных доходов относящиеся, дабы на счет оных содержать учреждения внутри государства, к сохранению безопасности служащие, и достаточное количество вооруженной силы, готовой защищать общество от нападения внешних врагов.

§ 380. Законы обязывают подданных соотносить с оными действия их, но обязывают только тогда, когда законодательная власть объявила их таковыми. Объявление законов называется *обнародованием*. Способ обнародования должен быть известный и определенный, дабы никто не мог извиниться неведением закона.

§ 381. Когда законодательная власть какие-либо действия, касающиеся цели общества, так допускает, что из того выводится заключение о ее на то согласии, то сие принимается за подразумеваемый закон, который называется *обычаем*.

§ 382. Закон может быть уничтожен или чрез явное отменение, или тайно, чрез допущение обычая, противного оному, или чрез новый закон, в котором без явной отмены содержится учреждение, противное прежнему закону. Но предшествующие законы, содержащие в себе частные предписания, не уничтожаются последующим общим законом, хотя в оном и содержалось им противное, ибо цель нового закона есть другая, нежели каковую законодатель имел в виду при издании прежних частных законов. Но предшествующие частные законы уничтожаются, когда цель их не может согласоваться с последовавшим общим узаконением.

Подразделение II

О власти исполнительной

§ 383. *Исполнительная власть* есть право властителя проводить в действо то, что законами предписано.

Посему она заключает в себе: 1) право соображать действия подданных с законами, дабы отвратить поступки, противные цели общества; 2) судить о сообразности и несообразности действий иностранных народов и частных лиц с целию государства и принуждать их к выполнению совершенных должностей, предписываемых общими началами разума или особенными условиями. В первом смысле исполнительная власть называется *судебною*, во втором — исполнительною *внешнею*.

§ 384. По праву власти судебный властитель может все спорные случаи подводить под существующие законы, делать решения, приговоры и заключения: подданные должны признавать оные действительными.

Право сие есть верховное, никакой повый пересуд предполагаем быть не может, в противном случае своевластитель был бы подданным, что само себе противоречит, поколику власть его зависела бы от другой, высшей власти, § 364.

§ 385. Судебная власть ограничивается существующими законами; все ее решения, приговоры и заключения должны основываться на предшествующих определениях власти законодательной, ибо действие ее состоит только в подведении частных случаев под общий закон. Отсюда явствует, что она подчинена законодательной и действует только в пределах, назначенных ей сею последнею. Хотя обе сии власти бывают соединены в одном лице, но действия их не могут быть смешиваемы.

§ 386. Посему никакой случай и никакое деяние не могут быть суждены по закону, изданному после оных, ибо закон тогда только обязывает, когда он издан: закон неизданный не есть закон. Следовательно, ни проект закона, ни закон утвержденный, но не обнародованный не обязывают подданных, и оба они по праву признаются несуществующими. Посему подданный не может быть наказан за такое действие, которое не было запрещено законом, хотя бы оное было вредно обществу или противно правам других людей. Законы разума производят в нас понятие об обиде, но не мо-

гут служить основанием наказания, когда нет закона положительного, запрещающего оную.

§ 387. В праве судебной власти заключается также право: 1) предписывать порядок судопроизводства, обряд оного и розыскания, дабы произнести правый приговор; 2) в спорных случаях получать надлежащее осведомление, дабы основательно судить об оных; 3) учреждать потребные судебные места и определять способ, по которому можно достигать познания истины в делах судебных.

§ 388. Все учреждения для сей цели, равно как и меры принудительные, должны согласоваться с общими началами права. Право судебной власти, равно как и законодательной, ограничивается целию общества. Посему не может быть справедливость нарушена в рассуждении одних членов общества, дабы другим доставить должное. Пытка, соглядатайство, откровение частных тайн человека суть деяния, противные цели общества.

§ 389. Подданные обязаны повиноваться законам, следовательно, должны также повиноваться исполнительной власти, которая законы приводит в исполнение. Кто противится воле исполнителя законов, тот противится самым законам. Но если исполнитель закона поставляет на место оного свою волю, то подданные имеют право ему противиться, ибо, кто требует не того, что законы повелевают, тот незаконно присваивает себе власть законодателя, но несправедливому нападению сопротивляться можно, следовательно, и несправедливому исполнителю законов может быть чинимо сопротивление.

§ 390. Подданные имеют совершенную обязанность повиноваться судебной власти, ибо необходимо должны согласовать действия свои с законом. Но по силе договора подданства законы верховной власти должны предписывать то только, что к достижению цели государства необходимо нужно, § 369.

§ 391. Поколику судебная власть должна исполнить закон безусловно, то в случае несогласия сего последнего с целию общества подданные должны испрашивать изменения или уничтожения закона от зако-

подательной власти, но не могут требовать от исполнительной оставления оного.

§ 392. Судебная власть соображает частные случаи с существующими законами, § 384, потому ей принадлежит право исследования, ибо тот только может приноровить случай к закону, кто имеет ясное об оном сведение. Сему праву судебной власти соответствует должность подданных извещать ее о всем том, что нужно к правильному подведению случая под определенный закон.

Примеч[ание]. Действия судебной власти составляют силлогизм, в котором закон составляет большую посылку, подлежащий случай — меньшую, а решение составляет заключение.

§ 393. Но судебная власть не может приноровлять случаи к такому закону, который темен, ибо закон непонятный ничего не определяет и никого не обязывает, следовательно, он не есть закон. Определить в таком случае смысл закона — значит дать закон; [так] как право сие принадлежит законодательной власти, то толкование законов также к кругу ее деятельности относится.

§ 394. Если темнота содержится не в законе, но в подлежащем случае, то объяснение оной принадлежит судебной власти, ибо право приноровлять случай к закону ей принадлежит, следовательно, она может употреблять также и средства, к тому нужные. Темнота закона называется *темнотою определения*, темнота случая — темнотою подположения (*lex in hypothesis obscura*).

§ 395. Объяснивши случай, судебная власть разрешает оный по намерению законодательной. Решение бывает или чрез ограничение, или чрез распространение. Решение первого рода бывает, когда подлежащий случай хотя, по-видимому, содержится в законе, но не подлежит оному или потому, что существенные признаки случая, представленного в законе, несходны с признаками подлежащего случая, или потому, что на побочные обстоятельства случая намерение закона не простирается, напр.: кто лишит человека жизни, тот сам должен быть лишен оной. Самсон по дружбе опил

гостя вином. Спрашивается, виновен ли Самсон как убийца? Решение второго рода бывает, когда существенные признаки случая и описанные в законе суть одинаковы, когда в побочных обстоятельствах не содержится ничего такого, что бы подлежащий случай исключало из цели закона, так, напр.: кто убьет человека, тот сам подлежит смертной казни; Самсон умирил человека толодом, спрашивается, виноват ли Самсон по силе означенного закона в убийстве?

§ 396. Решения судебной власти должны быть согласны между собою, когда случаи одинаковы, ибо для них существует один закон. Различные решения одинаковых случаев предполагают отступление судебной власти от закона, что противно ее обязанностям. В случае противоречия законов судебная власть должна относиться к законодательной, ибо из двух законов противоречивых ни один не существует, поколику они сами себя взаимно уничтожают. Постановить закон есть право законодательной власти, следовательно, и уничтожить один из противоречивых, дабы другому доставить силу, также зависит от ее воли.

§ 397. Исполнительная внешняя власть имеет право решить, должно ли с иностранными народами заключать мир, дружественные союзы или объявлять кому войну для защищения прав общества. Властитель в решении таковых дел ни от кого не зависит и никому не повинен давать отчета, в противном случае он не был бы властитель, § 384. Но он ограничивается в сих действиях целию общества: доколе соображается с оною, до тех пор решения его для всех действительны.

§ 398. По силе власти внешней исполнительной властителю принадлежит право:

a. Принуждать подданных признавать и соблюдать заключенные им договоры с иностранными народами.

b. Делать распоряжения и приготовления для защищения общества от нападений врагов, следовательно, набирать, обучать и содержать войска, строить и поддерживать укрепления.

c. Приводить в движение войска и принуждать подданных, обязавшихся служить отечеству, исполнять его волю противу врагов внешних.

d. Прекращать военные действия, в случае нужды жертвовать правами общества, уступить часть областей государственных для сохранения целого.

§ 399. Но по отношению к праву, предоставляемое властителю членами общества противу иностранцев, ограничивается отчасти целью государства, отчасти правами его подданных, отчасти его особенными должностями, то он не имеет права:

a. Заключить мир или вести переговоры, противные цели общества, следовательно, он не может передать своих подданных другому своевластителю.

b. Употреблять силы государства не для цели государства, но или для своих видов, или для пользы других народов, жертвуя им или имуществом, или кровию его подданных.

§ 400. Но доколе предприятия властителя противу внешних народов не противоречат цели общества или с оною согласоваться могут, до тех пор они почитаются законными, хотя бы от некоторых членов и почитаемы были вредными для государства или бесполезными. Всякое, однако ж, предприятие должно почитать противузаконным, которое причиняет несправедливость кому-либо из сограждан.

Подразделение III

О власти блюстительной

§ 401. *Блюстительная власть* есть право властителя осведомляться о всем том, что касается цели государства, как-то: об опасностях, угрожающих обществу или частным гражданам, о средствах, которые употреблены быть могут для отвращения оных.

§ 402. Блюстительная власть есть или *общая*, обнаруживающаяся во всех обстоятельствах государства, или *частная*, действующая в частных обстоятельствах, заслуживающих внимания властителя по их отношению к цели общества.

§ 403. Общая блюстительная власть простирается лишь на отношения государства к другим народам и частным лицам или на состояние государства, поко-

лику оное зависит от областей, имущества, сил, образа мыслей, нравов и деяний граждан.

§ 404. По силе общей блюстительной власти относительно к иностранным народам и жителям власти имеет право употреблять все законные средства для приобретения полного, точного и основательного сведения об отношении государства к другим народам, с которыми состоит оно в известных связях. Но сии средства тогда только законны, когда ими не нарушаются ни права его подданных, ни права иностранцев. По сему властитель имеет право:

a. Приобретать сведения о расположении иностранных народов к нему и государству, им управляемому, о их силе, политических связях, о торговле и промыслах.

b. Поколику сам он не может исполнить сей обязанности, то может возложить оную на известных граждан, предписывая им употреблять для сей цели только законные меры; средства, противные справедливости и добрым нравам, для того избраны быть не могут и подданные употреблять оные не обязываются.

c. Равным образом он не может требовать от других народов, чтобы они внутри своих пределов держали таковых его уполномоченных. Каждое государство имеет право скрывать свое состояние и свои связи с другими народами, следовательно, может противиться поискам других народов. Итак, недопущение пребывания посланных в каком-либо государстве не может быть почитено несправедливостию.

d. Осведомление сего рода основывается не на полномочии посланника, но на допущении иностранного государства, которое имеет право удалить посланного, когда он собирает означенного рода сведения противу его воли.

§ 405. По силе общей блюстительной власти касательно внутреннего состояния государства властитель имеет право употреблять все законные средства для приобретения сведения о положении общества и о поведении граждан относительно оного. Все, что имеет влияние на состояние общества, не может казаться маловажным властителю; потому право его рассматри-

вать состояние государства так далеко простирается, как он то находит нужным по своему благоусмотрению. Отсюда следует, что он имеет право:

a. Приобретать сведения об имуществе; силах и поступках подданных, также о их образе мыслей, частной жизни и правах.

b. Властитель не может употреблять для того средства, не совместные со свободою и честью граждан, ибо по договору подданства граждане передали властителю право охранять все свои права, следовательно, также и право на честь.

c. Ни один из подданных не может принять такого поручения, которое противно свободе его сограждан, ибо по договору соединения граждане обещали не нарушать взаимных прав. Посему каждый соглядатай есть враг общества, ибо он нарушает свободу частных людей, которую граждане государства защищать обязались совокупными силами.

d. Итак, осведомление о поведении подданных не должно нарушать частной свободы, в противном случае средство было бы предпочтено самой цели.

§ 406. По силе частной блюстительной власти относительно иностранцев властитель имеет право употреблять все законные средства осведомляться об известных поступках и деяниях правительств иностранных государств, могущих иметь влияние на государство, им вверенное, истребовать от оных объяснение известных их деяний, каковы суть вооружение, собрание армии на границах, ограничение или прекращение торговли.

§ 407. По силе частной блюстительной власти касательно внутреннего состояния государства властитель имеет право осведомляться о частных приключениях и деяниях подданных, которые могут быть опасны государству посредственно или непосредственно. Он имеет право употреблять все средства для узнания, подлинно ли оные приключения и деяния подданных опасны государству.

§ 408. Когда находится вероятность, что от такого-то лица последует опасность обществу или частным его гражданам, то оное называется *опасным*. Сия вероят-

ность основывается на том, что причины, предполагающие опасность, убедительнее, нежели те, кои отрицают бытие оной. Причины подозрения суть обстоятельства, по которым благоразумно заключить можно о возможности известного дела. Обстоятельства сего рода суть или признаки состоявшегося дела, или происшествия, соединенные с самым делом, или, наконец, последствия оного.

§ 409. Каждое подозрительное лицо имеет обязанность подвергнуться изысканию, ибо каждый по договору соединения обязался желать, чтоб опасность обществу была отдаляема. Но самое подозрение должно составлять акт законным, судьею совершенный, ибо по договору подданства каждый обязался отвечать за свои действия закону, а не частному произволу.

§ 410. Изыскание подозрения, падающего на какое-либо лицо, состоит только в точном рассмотрении причин, к оправданию или обличению оного служащих, следовательно, никакое насилие причинено оному быть не может. Подозреваемый в преступлении не есть еще преступник действительный, следовательно, пытка и всякое истязание суть действия незаконные.

Отделение VII

Об отношении подданных к властителю

§ 411. Властитель ни от кого не зависит, ибо ему принадлежит верховная власть, следовательно, никакая власть в государстве выше его быть не может, в противном случае властитель был бы подвержен другой власти, верховной, что само себе противоречит. Итак, властителю должно быть все подчинено, сам же он не подлежит никакой ответственности.

§ 412. Лицо властителя священно и неприкосновенно, никто в государстве не может ему сопротивляться, ибо если бы кто имел такое право, то его власть была бы более власти самого властителя.

§ 413. Равным образом подданные государства неприкосновенны в их личных и вещественных правах. Нужда государства не дает никому права причинять

обиду подданному, ибо она не есть право, § 452. Властитель обязывается достигать цели государства только законными средствами. Кто удовлетворит своим обязанностям в рассуждении общества, тот прав. Лишать его, сверх того, каких-либо благ — значит делать обиду правому. Цель не может освящать средств, следовательно, несправедливые меры выходят из круга деятельности верховной власти.

§ 414. Государственные причины (*raison d'Etat*), которыми в практике прикрываются несправедливые поступки, не могут быть допущены правом естественным. Сии темные выражения употребляются для отвращения соблазна, который необходимо происходит в народе от созерцания неправоты, публичною властью причиняемой или допускаемой, ибо общая уверенность народа состоит в том, что правительство не может поступить иначе как справедливо. Обыкновенно поступают таким образом для достижения какой-либо необыкновенной пользы или отвращения необыкновенного вреда. Но самая величайшая польза для государства есть справедливость, а самое величайшее зло — несправедливость.

§ 415. Но если под правом необходимости или государственною причиною разумеется право властителя требовать от подданных в чрезвычайных случаях чрезвычайных пожертвований или употребления необыкновенных, но, впрочем, законных средств, то сего отрицать не можно. Справедливость оных средств познается из предположения общего согласия подданных на употребление оных, когда в крайних обстоятельствах другим способом общей цели достигнуть не можно. Таким образом, властитель имеет право сожечь город, опустошить поля своих подданных для защищения государства, когда сего иначе достигнуть не можно. Но пожертвование одних предполагает вознаграждение со стороны других, ибо по договору подданства никто не обязался жертвовать своею жизнью и имуществом только для пользы других или жертвовать более, нежели прочие сограждане.

§ 416. Верховная власть ограничивается законными средствами для достижения цели государства; ей под-

чинены все члены государства, следовательно, и все частные общества, в государстве существующие. Властитель может оные столько ограничивать, сколько потребно для цели общества. Для приведения их в сию меру он имеет за ними главное смотрение и еще с большею внимательностью блюдет оные, нежели поведение частных лиц, ибо общество скорее и удобнее может учинить несправедливость, нежели один человек.

§ 417. Но употреблять принуждение противу обществ властитель не прежде имеет право, как тогда, когда последует обида или происхождение оной содедается достоверным. В противном случае зло как наказание может быть причинено людям невинным, к чему ни частный человек, ни глава общества не имеют права.

§ 418. Когда частные люди или общества стремятся к их целям, то властитель имеет при том действовать на них только отрицательным образом, т. е. смотреть, чтобы они не сделали врагами общества; однако ж он не имеет права действовать на них положительным образом, т. е. исследовать качество их целей, доброту и благонадежность средств и проч. Но учинился ли кто врагом общества, о сем должно судить не по разглашениям и подозрению, но по ясным и несомненным признакам.

§ 419. Правами властителя определяются совершенные должности подданных, означаемые общим именем *гражданского повиновения*. Граждане обязаны безусловно повиноваться властителю, т. е. без прекословия исполнять его законные повеления.

§ 420. Итак, гражданское повиновение не слепое и механическое, но рассудительное и благоразумное, основанное на суждении о должности и проистекающее не от страха и рабского малодушия, но от свободы и благорасположения ко всему законному. Каждый член общества обязался желать того, чего по общему закону разума желать должно. Предметы общего желания изъясняет властитель, следовательно, его воля изображает общую волю. Потому, кто воспротивится властителю, тот воспротивится воле общей для исполнения его частной воли, что противно договору соединения, по кото-

рому цель общая должна составлять предмет общего желания.

§ 421. Итак, подданному предоставляется право судить только о том, составляет ли воля, которой он повиноваться должен, волю общую или частную волю властителя. Право сие и последнему подданному государства не может быть отказано, ибо он обязан знать, что составляет его должность или не составляет: без сего познания и самой должности исполнить не может.

§ 422. Воля властителя познается: 1) посредством положительных признаков, определенных на то самым властителем; 2) посредством отрицательных [признаков], которые познают из существа верховной власти.

Примеч. Поведение властителя есть положительный признак воли общей или верховной, но что сие повеление не противоречит общей цели, сие составляет признак отрицательный. Если закон властителя нарушает права, которые защищать должен, то хотя он содержит в себе положительный признак воли общей, но не имеет отрицательного, а потому ничтожен.

§ 423. Отрицательные признаки воли верховной суть:

1. Если она не содержит в себе ничего такого, что было бы противно должностям подданных.

2. Если она не нарушает права тех, на которых возлагает должности.

Закон, содержащий один или оба признака вместе, не может быть признан верховною волею, ибо: 1) если закон обязывает кого-либо к действию, противному должности, то он нарушает вместе его право; поступать по убеждению в должности есть существенное, неотъемлемое право человека; никто не мог отказаться от оного по договору подданства в пользу верховного властителя, §§ 182, 183; равным образом 2) если закон обязывает кого-либо к тому, что нарушает его право, то не можно почитать оный верховною волею, ибо общая или верховная воля состоит в том, чтоб защищать права всех и каждого, следовательно, воля, нарушающая права одного или многих, противна воле общей, почему и верховною почтена быть не может.

§ 424. Итак, гражданское повиновение имеет свои пределы, назначаемые должностями и правами подданных. Повиноваться вопреки должности подданный не может, повиноваться с пожертвованием случайных прав позволено, но каждый может отказать в таковом повиновении. При сих ограничениях подданные обязаны: 1) признавать законы государства и по силе оных исполнять возлагаемые на них должности; 2) подвергаться приговорам судебной власти; 3) подвергаться употребляемым противу их средствам принуждения за неисполнение их должностей.

§ 425. Но когда из законных учреждений государства проистекает случайным образом несправедливость для подданного и государство не имело законного средства удалить оную, то подданный обязывается сносить оную, ибо властитель в сем случае желает содействовать цели государства, но удерживается от того препятствиями, непреодолимыми для человеческой природы.

§ 426. Но если верховная воля так устроена, что от оной необходимо проистекает нарушение прав, то никто не имеет должности ей повиноваться, так, напр., если похититель престола употребляет власть свою только к собственному набогащению грабительством жителей.

§ 427. Что касается до прав подданных в рассуждении властителя, то они удерживают, во-первых, все те права, которых не передали по договору подданства; во-вторых, те, которые приобрели или от властителя, или по другим договорам.

§ 428. Права, удержанные подданными по договору подданства, суть частью личные, частью вещные. Личные права суть: а) право существования; б) право употребления сил своих; с) право достигать благополучия.

§ 429. Вещные права человека суть:

а. Право пользоваться вещами, никому исключительно не принадлежащими, б. право владеть и располагать вещами, законным образом приобретенными в исключительную собственность.

§ 430. Итак, каждый подданный удерживает все те права, исполнением которых не полагается препятст-

вия цели общей. Каждый может стремиться к целям, сообразным с целью общею, и делать все то, чем обществу не причиняется. Всем без изъятия принадлежит неограниченное право на действия, которые ни в каком отношении не могут быть вредны обществу, § 366.

§ 431. Потому каждый имеет неограниченное право на внутренние ощущения и мысли, каковы бы оные ни были, нравственны или порочны. Одно помышление, за которым еще не последовало никакого вредного для других действия, не дает властителю права употребить за оное наказание, ибо права других нарушают не помышления, а дела.

§ 432. Все частные действия, как-то: разговоры, письма, сочинения — до тех пор должны быть почитаемы законными и состоять в совершенной свободе каждого, откуда не будет проистекать из оных прямо и непосредственно какого-либо преступления, § 98 и далее].

§ 433. Итак, подданные удерживают право составлять общества для произвольных целей. Властитель имеет над оными только отрицательное право надзора, т. е. смотреть, чтобы они ничего не учинили противно по законам.

§ 434. Общества, составляемые подданными, которых договоры и права властитель поддерживать и ограничивать должен, но которых произвольно переменять не может, суть супружество, служебный договор, общество религиозное, сословия ученые, экономические и для разных предприятий и целей учрежденные.

§ 435. Требования, чинимые подданными властителю, суть частью утвердительные, частью отрицательные. По силе первых подданные имеют право требовать от властителя: 1) чтобы он при всех учреждениях принимал в уважение право каждого подданного, каждого почитал необходимою целию, лицом и членом общества; 2) чтобы всею силою защищал свободу каждого, не делая в сем отношении никакого различия; 3) чтобы он защищал права каждого противу нападения других и взаимные обязанности подданных принуждал исполнять непременно. Отрицательные требо-

вания суть: 1) никто из подданных не может быть употреблен средством для цели государства иначе как по силе договора соединения; 2) свобода гражданина не может быть ограничена более, нежели сколько потребно для цели общества; 3) никто из граждан не может быть иначе принуждаем и наказываем, как по закону определенному, § 386.

§ 436. Из сего явствует, что когда властитель рассматривается отвлеченно, то подданные не имеют в рассуждении его права принуждения, ибо тогда он имеет одну только общую волю и желает необходимо того, чего каждый подданный по договору соединения желать должен. Потому подданные обязаны ему повиноваться безусловно.

§ 437. Но когда властитель рассматривается как лицо физическое или нравственное, которое, изображая общую волю, имеет притом и свою частную, то должность повиновения на подданных не простирается, когда он под видом общей хочет исполнить свою частную волю.

§ 438. Потому должность повиновения на подданных не простирается: *a)* когда предписываемые деяния не касаются цели общей; *b)* когда они не согласны с договором подданства или из одного не следуют; *c)* когда противны положительным законам, на всех равно простирающимся, ибо таковые предписания проистекают от частной, но не от общей воли.

§ 439. Во всех других случаях, когда властитель истинно изображает волю общую, подданные обязаны ему повиноваться: частное злоупотребление не уничтожает в нем верховной власти.

§ 440. В благоустроенном гражданском обществе определяется для граждан законный способ искать защиты и удовлетворения: *a)* когда законы требуют от кого-либо исполнения должности несправедливой или невозможной; *b)* когда гражданские власти, преступив свою обязанность, принуждают подданных к чему-либо несправедливому или невозможному.

§ 441. Но искание правосудия и удовлетворения должно быть сообразно с общими началами права; потому оно ограничено как в рассуждении степени, так

и в рассуждении способа. Когда подданный не может произвести принуждения законным образом, тогда он должен переносить обиду, ибо не можно принуждать незаконными способами. Следовательно, заговоры, измена, возмущение и проч. не могут быть употреблены как способы принуждения.

§ 442. Способы сопротивления насилию или определяются положительными законами, или остаются неопределенными. В первом случае они должны быть употреблены по закону, а во втором — по общим началам разума.

Отделение VIII

О взаимном отношении подданных

§ 443. По договору соединения люди совокупились для защиты взаимных прав, следовательно, никто не может лишить прав другого, никто не имеет права употреблять кого-либо из сограждан как средство или простую вещь для себя самого. Все граждане суть члены государства; каждый должен быть признаваем правственным существом, целию для себя самого.

§ 444. Все права одного лица в рассуждении другого приобретаются по договору. Потому один член государства не может получить личного права на другого посредством рождения или наследства, ибо сии действия не суть договоры. Но посредством рождения и наследования могут быть передаваемы имущество, отлучия и разные выгоды, законно родителям и предкам принадлежавшие, ибо оные к вещам относятся.

§ 445. Ни один член государства не может принуждать другого оставаться в известном положении и отказать от права усовершенствования. Тем более одно состояние не может требовать, чтоб другое ему служило и от его распоряжений зависело.

§ 446. Особенные заслуги, оказанные кем-либо, дают особенное право на вознаграждение общества, § 378. Но никакими заслугами не можно приобрести права на свободу и собственность других людей, в противном случае самая заслуга причиняла бы опасность обществу в лице его членов. Награждение на счет го-

сударственной казны или имуществ не противно сему началу; напротив того, весьма справедливо, чтобы тот получал выгоду, кто жертвовал обществу своим покоем, трудами или жизнью. Тогда делается он участником пользы, доставленной им обществу.

§ 447. Потому если подданный желает приобрести право на услуги другого, то он может сего достигнуть посредством договора. Но и в сем случае один подданный имеет право требовать от другого не более, как сколько обещано в договоре.

§ 448. Итак, подданные сохраняют один противу другого право свободы. Одному только властителю уступили они право защищать их свободу — право, бывшее для них бесполезным в состоянии внеобщественном. Но властитель обещал взаимно защищать их свободу всею силою государства. Потому взаимное отношение подданных ни в чем не переменилось, один в рассуждении другого они остались совершенно свободными, ибо и прежде обязаны были наблюдать права других и могли исполнять то только, что совместно со всеобщеою свободою. По договору подданства они предоставили властителю право определить границы их свободы положительными законами, дабы между ими не могли возникать незаконные притязания на взаимные права и распри по случаю оных. Но положительные законы не должны полагать пределы прав далее, нежели сколько нужно для соблюдения свободы каждого, в противном случае они противоречили бы собственной их цели.

§ 449. Итак, в государстве каждый подданный свободно может выполнять свои первоначальные и приобретенные права, другие не могут ему в том препятствовать. Кто воспротивится исполнению прав другого, тот есть нарушитель свободы, следовательно, может быть принужден: 1) оставить незаконный поступок; 2) удовлетворить за причиненную обиду.

§ 450. Отсюда явствует, что подданные и после договора подданства имеют те же права, каковые принадлежали им прежде оного. Только право судить по закону о праве и заставлять соблюдать оное силою передали властителю. На основании сего никто не может требовать от другого помощи противу оскорблений,

ни оказывать оную другому, если закон или обстоятельства самого дела не производят изъятия из сего начала, ибо самоуправство есть нарушение права верховной власти.

§ 451. Все подданные один другому равны, но сие равенство состоит в том, что все они равно могут быть принуждаемы властителем соблюдать взаимные права, ибо властитель обязан защищать права всех членов государства равною силою. Следовательно, ненаказанность одного, строжайшее наказание другого в одинаковых случаях и за равные преступления не могут быть допущены по началам права. Право помилования принадлежит властителю там, где законы несправедливы: все прочие причины ничтожны.

§ 452. Тем не нарушается равенство подданных, что один зависит от другого по началу разделения верховной власти, что один оказывает другому услугу за деньги, что один владеет недвижимою собственностью, а другой за пользование оною дает плату, ибо при сем каждый пользуется своим правом. Но равенство сие нарушается, когда одному предоставлена свобода приобретать такое право, которое воспрещено другим. Если не противно цели общества, когда один кто-либо располагает известным правом, то и другой на том же основании располагать оным может.

ГЛАВА II

Государственное условное право

Предварительные понятия

§ 453. Безусловное государственное право представляет необходимые условия, на которых общество учреждено быть может; оно определяет, что необходимо должно быть исполнено или оставлено, дабы люди в соединении могли обезопасить их врожденные и приобретенные права. Соединение людей, учреждение образа правления, решение и производство общественных дел составляют предмет изыскания сей науки.

§ 454. Все государства в их сущности одинаковы, везде находится совокупление людей для общей цели,

известный образ течения дел общественных; везде находится власть повелевающая и сила повинующаяся. Законные способы сего устройства для всех государств одинаковы; и поколику каждое государство и в действительном мире должно быть учреждено на общих законных основаниях, то и начала, по которым судить должно о существующих государствах, неизменяемы и ничем не ограничены.

§ 455. Между государствами, законное основание имеющими, находится различие, происходящее из их особенного устройства. Оно состоит преимущественно в различии образов правления, коих исследования по общим началам права составляет условное государственное право.

§ 456. Верховною волею почитается только единоголосная, общая воля всех членов государства, способных к изъявлению согласия. Она образуется двояким образом: 1) когда все жители государства совокупляются при каждом встречающемся случае, дабы по общему согласию решать оные; когда они действительно при том единомысленны, то воля общая существует; но когда не согласны, тогда не бывает и воли общей; 2) другим образом происходит воля общая, когда все члены согласуются в том, что воля общая быть должна, но сами отказываются от права определять оную, предоставляя какому-либо лицу ее изъявление.

§ 457. Изъявление общей воли первым способом в мыслях представить можно, но оное не бывает на самом деле, ибо: 1) различной степени образования, различные выгоды жителей государства препятствуют им быть согласными во всех частных случаях; 2) невозможно вразумить равно всех о каком-либо частном деле государства; 3) невозможно узнать истинное мнение каждого; 4) невозможно, чтобы таковой властитель законно изъявлял свою волю, следовательно, 5) невозможно достигать таким образом цели государства.

§ 458. Итак, верховная воля образоваться может только вторым способом, почему члены государства допустить оный обязаны, следовательно, они должны согласиться, чтобы во всех частных встречающихся случаях верховную волю изъявляло лицо физическое

или нравственное. Когда подданные согласны кому-либо уступить таковое право, то воля сего приобретающего заступает место всех; каждый должен признавать оную верховною и ни от кого уже больше не зависящею, § 364.

§ 459. Способ, по которому верховная воля в государстве обнаруживается в частных случаях и приводится в исполнение, называется конституцией или образом правления. Каждое государство имеет образ правления, определяемый договором подданства, ибо ни одно государство быть не может без известного и определенного изъявления верховной воли.

§ 460. Посему договор подданства должен содержать в себе особенное условие, определяющее образ правления и подчинение граждан известному лицу, которому верховная власть предоставлена. Но поколику образ правления целию общества не определяется и власть верховная различным образом может быть устроена, то члены общества должны согласиться, какой именно образ правления в государстве быть должен.

§ 461. Определение образа правления принадлежит первым основателям государства. Сие великое дело они могут произвести сами в общем собрании по единодушному желанию, могут поручить сословию, избранному из их сограждан, или, наконец, предоставить оное одному лицу, коего мудрость и добродетель отличали от прочих. Сии различные способы учреждения образа правления не все одинаково удобны к произведению на самом деле, но все равно сообразны с началами права.

§ 462. Образ правления определяет: 1) кто должен быть в государстве признаваем властителем; 2) какие пределы полагаются его власти. Естественные пределы верховной власти вообще и в каждом образе правления предполагаются. Положительные ограничения верховной власти суть особенные признаки, по которым познается, когда волю властителя должно почитать волею общею и когда — частным его произволом.

§ 463. Условия договора подданства, определяющие отношение между подданными и властителем, суть

коренные законы. Они обязывают равно обе договаривающиеся стороны, т. е. подданных и властителя. На основании договоров двусторонних ни которая сторона не может их нарушить и переменить самопроизвольно.

§ 464. Когда властитель нарушает коренные законы государства, то воля его в сем случае не есть верховная, но частная и, кто ей не повинует, тот не нарушает прав величества.

§ 465. Подданные имеют право требовать от властителя, чтобы он не нарушал коренных законов государства, ибо чрез каждый двусторонний договор обе стороны приобретают одна противу другой право принуждения. Однако ж только справедливые средства принуждения взаимно употребляемы быть могут. Для избежания злоупотреблений в сем случае в договоре подданства именно означаются средства принуждения.

§ 466. Из сказанного явствует, что верховная власть в государстве не иначе получается, как чрез посредственную или непосредственную передачу всех граждан, способных к изъявлению воли. Сей договор может быть заключен явно или молчаливо, по нужде или по добровольному согласию. Молчаливый договор так же действителен, как и явный, § 228.

§ 467. Государство есть общество нескончаемое, по крайней мере оно должно быть таковым по общим началам права. Следовательно, и власть верховная в государстве нескончаемо должна быть отправляема; но лица, которым она вверяется, суть существа смертные. Потому в договоре подданства также должен быть определен способ, по которому верховная власть должна поступить от одного лица к другому, дабы она беспрестанно существовать и продолжаться могла. Первые основатели общества имеют право определить правила, по которым верховная власть должна поступать от одного лица к другому.

§ 468. Потомки первых основателей общества должны допускать существующий образ правления, равно как и образ поступления власти верховной от одного лица к другому. Потому в образе правления они не могут иначе сделать изменения, как по общей воле

всех членов общества, т. е. подданных и властителя. На самом деле сие согласно обеих сторон познается чрез допущение перемены образа правления, производимой одною стороною, если другая при том не терпит насилия.

§ 469. Посему когда некоторые частные лица не исполняли их должностей, предписываемых коренными законами, то другие получают чрез то право употребить противу них строгие меры принуждения, но не могут разрушить образ правления или переменить оный. Даже когда положительные законы не представляют нам более никаких средств к нашему защищению и каждая сторона получила право защищаться самопроизвольно по общим началам права, то и тогда никто не может нарушить образ правления, ибо договор соединения и договор подданства заключены не с одними только лицами, нарушившими оные, но и со многими другими не участвовавшими в нарушении оных. Нарушение договора с теми, которые сами оный нарушили, может быть употреблено противу их как средство принуждения, но не можно нарушать права тех, которые нам не причинили обиды.

§ 470. Образы правления могут быть различны. Не можно определить по общим началам права, который из оных есть лучший. Цель государства есть безопасность, следовательно, вообще лучший образ правления есть тот, который больше безопасности доставляет всему государству и частным подданным. Но частные обстоятельства государства показывают, какой образ правления и в какое время может доставить государству больше безопасности. Убеждение одного или некоторых из сограждан в недостатках существующего образа правления не дает им права самопроизвольно переменять оный.

§ 471. В праве не могут быть исследованы все образы правления, ибо они определяются по опыту и нуждам общества человеческого, следовательно, бесконечны. Но по началам права могут быть исследованы главнейшие образы правления, наиболее известные.

§ 472. Трудность при учреждении образа правления состоит в том, чтобы верховную власть устроить

сообразно с целию общества: она должна в частных случаях изображать волю всех или по крайней мере волю большей части граждан. Решение сей задачи может быть произведено различным образом:

I. Все граждане, способные к поданию голосов, решают общественные дела по их усмотрению и желанию, они обещают себе взаимно повиноваться безусловно общему их решению. Сей образ правления называется *демократиею* или *правлением народным*.

II. Все граждане избирают известное число отличных мужей, которые должны исправлять общественные дела и повелевать всеми. Сей образ правления есть *аристократия*, или *вельможеправление*.

III. Все граждане избирают одно лицо, которому обещают безусловное повиновение в исполнении его решений. Сей образ правления есть *монархия*, или так называемое *единодержавие*.

§ 473. Все означенные образы правления могут быть еще разделены по пространству власти верховной. Некоторые образы правления предоставляют властителю полное право располагать всеми делами государства, другие, напротив того, сей власти полагают пределы. Посему образы правления разделяются на неограниченные и ограниченные.

§ 474. Властитель называется неограниченным не потому, что бы он не подлежал правилам естественной справедливости, § 271, но потому, что ему предоставлено право изъявлять общую волю по усмотрению, ни от кого независимо. Посему его воля, коль скоро сообразна бывает с общими началами права, необходимо должна быть почитаема верховною.

§ 475. Ограниченный властитель есть тот, которому положительными коренными законами государства предписывается способ изъявлять общую волю. Но если он, не выходя из сих пределов, волю свою изъявляет, то предписание его так же безусловно должно быть исполняемо, как и повеления неограниченного властителя.

§ 476. Основатели государства могут предоставить властителю и ограниченную и неограниченную власть,

ибо они могут учинить договор подданства или с условием, или без условия. Но когда они не поставили в сем договоре никакого условия, то и предполагается, что властителю передана власть неограниченная, ибо если по какому-либо договору передается право безусловно, то значит, что приобретатель может располагать оным самопроизвольно.

§ 477. Каждый образ правления должен быть оставляем ненарушим ни от властителя, ни от его подданных. Только по взаимному согласию или по несоблюдению договора подданства с одной стороны может оный перемениться.

Отделение I

О демократическом образе правления

§ 478. Демократия есть образ правления, в котором верховная власть принадлежит всем гражданам государства в совокупности как правственному лицу. Демократия бывает ограниченная или неограниченная. В неограниченной демократии все граждане имеют в общественном собрании равные права и в изъявлении их воли не подлежит никаким положительным ограничениям. В ограниченной демократии изъявление верховной воли народа определяется какими-либо правилами или бывает зависимо от другого, высшего условия.

§ 479. Общая воля в демократии не иначе может быть определена, как чрез подание голосов в общем собрании. Поколику народное сословие имеет верховную власть и совершенно свободно, то оно может располагать всеми общественными делами, определять способ отправления верховной власти, издавать и переменять законы, определять все меры для достижения цели общества.

§ 480. Голоса членов народного сословия равны, потому отправление дел и постановление законов должны быть производимы при общих совещаниях, называемых *народными собраниями*. Граждане в демократическом образе правления законно могут от-

правлять дела общественные только в народных собраниях.

§ 481. Но дабы при сих собраниях не происходило замешательств и распрей, то определяется коренными законами: 1) кто имеет право присутствовать в народном собрании и подавать голос; 2) что должно быть почитаемо общею волею всего собрания; 3) в каком месте должно происходить народное собрание и в какое время; 4) каким образом созывается народное собрание; 5) как подавать и собирать голоса должно; 6) каким образом по оным следует делать заключение.

§ 482. Народное собрание не может происходить ежедневно, потому отправления общественных дел по определениям народного сословия поручается или одному лицу, или некоторым членам. Таким образом постановляется или правитель общества, который есть только чиновник государства, или особенное сословие, управляющее делами во имя верховного народного сословия.

§ 483. Право присутствовать в народных собраниях есть право наследственное, ибо всегда принадлежит известным лицам по их качествам, с которыми переходит к их наследникам, например право отца семейства, владельца известным имуществом и проч. Способ наследовать и получать право в народных собраниях определяется коренными законами республики.

§ 484. Поколику народное собрание представляет народ и верховная власть ему принадлежит, то все граждане подчинены народному собранию и даже члены оно́го, каждый сам по себе отдельно взятый. Итак, в республике демократической никто сам по себе не свободен, но только народное сословие свободно как в рассуждении внешних государств, так и в рассуждении республики, им управляемой.

§ 485. Демократия может быть учреждена таким образом, что не все члены общества непосредственно принимают участие в народных собраниях, но посредственно, чрез их уполномоченных, которые называются представителями и получают от избирателей приказание, каким образом в народном собрании поступать должно и каких требовать законов. Дабы образ прав-

ления мог оставаться демократическим, то они должны подлежать ответственности своим избирателям по силе данных им наставлений. Если сего не бывает, то демократия превращается в аристократию.

§ 486. Из понятия о демократии следует:

1. Хотя все граждане оной образуют нравственное лицо, представляющее властителя, однако ж каждый сам по себе отдельно взятый есть только подданный. Верховная власть никому особенно не принадлежит.

2. Народ в совокупности имеет все права, каковые в монархии принадлежат лицу физическому, а в аристократии — верховному сословию.

3. Что в народном собрании определено, то должно почитать выражением воли верховной, которой все в государстве подчинено быть должно.

4. Поколику в народном собрании большинство голосов полагает решение дел, то, собственно говоря, ему принадлежит верховная власть.

5. Но большинство голосов не может переменить образа правления. Итак, властитель в демократии есть также ограничен в рассуждении образа правления, который может быть переменен по общему только желанию.

Отделение II

Об аристократическом образе правления

§ 487. Если основатели общества согласились предоставить верховную власть сословию некоторых избранных мужей, то таковой образ правления называется аристократией. Общество граждан, которому принадлежит верховная власть, называется верховным советом. Власть оного бывает или не ограничена, или ограничена известными положительными законами.

§ 488. Власти верховного сословия в аристократии подлежат все частные граждане и все особенные общества, даже члены оного сословия, следовательно, в аристократии никто сам по себе не свободен, только верховное сословие свободно как в рассуждении самого

гражданского общества, так и в рассуждении внешних государств.

§ 489. Поколику власть верховному сословию сообщается от народа, то оное представляет народ. Воля оного почитается волею народа.

§ 490. При учреждении аристократического образа правления народ по силе первоначальной свободы определяет способ отправления верховной власти. Посему от воли его зависит определить: 1) число вельмож; 2) способ избрания их; 3) назначить временно[е] ли их управление или всегдашнее; 4) избираются ли их преемники или назначаются по известному закону; 5) принадлежит ли право вельмож известным фамилиям или соединено бывает с известным имуществом, или, наконец, с известными личными качествами; на все оные случаи поставляются народною волею законы, корешными называемые.

§ 491. Законы, определяющие таким образом отношения между верховным сословием и народом, составляют условия договора подданства. Верховное сословие обязывается оными в рассуждении народа и не может их переменить без его на то согласия. Если верховная власть без всяких условий передана верховному сословию, то оное, как собрание народное, может по своему произволу постановить и переменить законы.

§ 492. Аристократия бывает наследственная, когда право подавать голос в верховном сословии принадлежит известным фамилиям или сопряжено с владением известным имуществом. Но если право голоса приобретается по избранию или самого верховного сословия, или народа, то аристократия бывает избирательная. Смешанная аристократия бывает, когда подаватели голосов избираются, но только из известных фамилий или из владельцев известным имуществом.

§ 493. Если в аристократии избирательной право избирать вельмож принадлежит не верховному сословию, а народу или его уполномоченным, но вельможи ни в чем более от власти народа не зависят, то таковой образ правления есть аристократический, хотя он и кажется демократическим.

Отделение III

О монархическом образе правления

§ 494. Когда верховная власть в государстве предоставлена одному физическому лицу, то образ правления называется *монархическим* и бывает неограниченный или ограниченный. Когда монарх волю свою о делах общественных изъявлять может независимо ни от кого в государстве или когда положительные законы не определяют пространства его власти, то монархия бывает неограниченная. Но когда монарх обязан располагать данною ему властью не только по своей совести, но и по известным положительным правилам, без наблюдения коих воля его не может быть почитаема верховною, то монархия бывает ограниченная. Нравственные лица, имеющие законное влияние на определение верховной воли, называются *государственными чинами*.

§ 495. Когда монарх употребляет силы государства противу государства или не для цели общества, когда с подданными поступает как с рабами, лишая их первоначальных и производных прав, то таковой образ правления называется *деспотическим*.

§ 496. Верховная власть в государстве первоначально учреждается по договору подданства. В государстве монархическом народ предлагает верховную власть избираемому лицу, а сие последнее соглашается на его предложение. Таким образом, верховная власть получается чрез договор.

§ 497. Поколику право монарха есть право личное, т. е. одному только лицу предоставляемое, то по смерти избранного монарха власть верховная снова переходит к народу, который вправе избрать нового властителя или переменить образ правления.

§ 498. Гражданство есть общество нескончаемое. Властители же государства суть смертные, для сего народ должен определить, кто по смерти царствующего монарха и каким образом должен наследствовать. [Так] как таковая власть определять наследие принадлежит народу, то в монархическом государстве всякий образ наследования почитается законным, который

определен согласием народа, следовательно, столько находится образов наследования, сколько оных по началам права представить можно.

§ 499. Монархия, в которой каждый раз по упразднении престола избирается новый властитель, называется *избирательною*. Монархический образ правления называется наследственным, когда наследник вступает на престол не по избранию, но по силе предшествовавшего закона. Если наследник получает верховную власть по закону, но только с согласия народа, то сей образ наследования называется *смешанным*.

§ 500. Способ избирать властителя не перемениет существа верховной власти. А потому в монархии неограниченной хотя новый монарх получает полную и неограниченную власть, но самого образа наследования переменить не может, ибо оный основывается не на избрании, но на договоре подданства.

§ 501. По смерти монарха, доколе не определен преемник, трон называется *упраздненным* и состояние монархии называется *междуцарствием*. В течение сего времени зависит от народа, управлять ли государством по общему согласию или поручить сию власть некоторым согражданам. Лицо, которому вверяется управление государством во время междуцарствия, называется *правителем* государства, который есть только поверенный народа, но не властитель; должность его есть только временная, которая оканчивается вместе с избранием нового монарха.

§ 502. Право избирать монарха народ или себе предоставляет, или поручает некоторым лицам на известных правилах и условиях или совсем безусловно. Избрание, сделанное по силе предписанных на то правил, называется *законным*, а вопреки оным учиненное — *незаконным*.

§ 503. Избрание есть договор, в котором договаривающиеся стороны суть: 1) народ, предлагающий верховную власть; 2) лицо, приемлющее оную. Отсюда следует: а) доколе не совершено избрание, доколе избираемый не имеет верховной власти; б) во время избрания народ может постановить правила для избираемого вновь монарха. Сии правила называются

избирательными условиями; с) избираемому можно принять и не принять верховную власть на таковых условиях; d) если принимает оную, то получает владичество и условиями избирательными обязывается как коренными законами.

§ 504. В монархии избирательной право назначать наследника престола принадлежит не государю, а народу или его уполномоченным, потому действия избрания не зависят от воли государя. Если при жизни государя наследник избирается, то он не может ни препятствовать избранию, ни насильно дать народу наследника своего трона. Кого народ законно избирает преемником царствующего государя, тот есть наследник монархии, и право владчества получает он тотчас по пресечении жизни своего предшественника.

§ 505. В монархии наследственной учреждаются законы, которыми определяются лица, способные к наследованию, и самый способ наследования, дабы не могли возникнуть несправедливые притязания и споры об оном. Таковые законы устанавливаются согласием народа и по избрании первого монарха им самим подтверждаются. Они обязывают народ, монарха и всех тех, которым впоследствии времени по силе оных принадлежать будет право наследства. Потому законы сии называются коренными.

§ 506. По силе коренных законов в монархии наследственной по упразднении трона наследник восходит на оный, не требуя согласия народа. Хотя он прежними коренными законами обязывается, но не подлежит никаким новым обязательствам. Таковой образ наследования продолжается, доколе род царствующего поколения не прекратился. По прекращении же оного народ снова получает право избирать наследника и определять способ наследования.

§ 507. Если в монархии образ наследования бывает смешанный, то хотя наследник по воле народа обойден быть не может, однако ж в случае явной неспособности или несогласия его на предлагаемые условия народ не обязан признать его наследником.

§ 508. Если в монархии наследственной право наследования ограничивается только потомством пер-

вого царствующего в роде, то наследование называется *семейственным*. Если же определение наследника зависит от предшественника, таковое наследование называется *отчинным*.

§ 509. В монархии отчинной монарх располагает верховною властью как собственностью. Если он может по произволу только передать верховную власть другому, то монархия называется *несовершенно отчиною*, если можно разделить по произволу области государства на разные зависимые или независимые общества, то монархия называется *совершенно отчинная*.

§ 510. *Отчинный* образ правления противен цели общества, ибо по оному, во-первых, весь народ делается собственностью властителя, во-вторых, разделение областей государства, каковое предполагается в монархии совершенно отчинной, подвергает государство опасности и совершенному разрушению.

§ 511. В монархии наследственной семейственной определяется порядок наследования членов семейства, первый в порядке почитается наследником. По прекращении царствующего поколения народ приобретает право избирать наследника и определять образ наследования.

ЧАСТЬ IV

ПРАВО НАРОДНОЕ

Введение

§ 512. Государство, рассматриваемое в отношении к другим государствам и частным лицам, называется *народом*. Как лицо нравственное, оно имеет права и должности к другим народам и частным лицам.

§ 513. Взаимные права и должности народа определяются или по общим началам права, или по условиям и договорам, каковые народы заключают между собой. На сем основывается разделение права народного на *естественное* и *положительное*.

§ 514. Хотя права народов определяются понятием о существах нравственных, но они точнее могут быть

разысканы чрез определение самого их состояния и взаимного соотношения.

§ 515. Состояние народов есть двоякое: *безусловное* и *условное*. Первым называется такое состояние, в котором народы рассматриваются отвлеченно, без всяких приобретенных прав и обязанностей, как лица самостоятельные. Во втором состоянии народы рассматриваются с их правами и обязанностями, от их свободных деяний происшедшими. Посему право народное разделяется на *безусловное* и *условное*.

ГЛАВА I

О правах народов в безусловном состоянии

§ 516. Первоначальные права государства суть те, которые проистекают из самого понятия о существе оного. Поколик государству есть нравственное лицо, то оному принадлежит: I. Право существовать как общество независимое. II. Право действовать или употреблять свои силы для произвольных целей. III. Право достигать благополучия.

§ 517. I. По праву свободы каждое государство есть само для себя цель, никакой другой народ не может употреблять оное средством для своих целей. Следовательно, государство имеет право: а) на собственные области; б) на государственное постановление; с) на членов, оное составляющих.

§ 518. а) Каждому народу принадлежит право располагать собственными областями, никто другой не может ему в том препятствовать. Следовательно, области государства все другие народы должны оставлять неприкосновенными. Никакое действие не может быть учинено в областях государства без согласия или противу воли оного. Право сие бывает нарушено произвольным вступлением в области государства, хотя бы оное никакого вещественного вреда не причиняло.

§ 519. По силе оного права государство может предписать условия жителям областей его, так и чужестранцам, имеющим в оных временное пребывание. Главнейшее условие для сих последних есть соблюде-

ние законов государства, в противном случае допущение иностранцев в области государства было бы противно цели общественного соединения.

§ 520. Но право государства на области не доставляет ему права на чужую собственность, случайно в оном находящуюся, ибо владетель не лишается своей собственности, когда она не состоит более в физическом его владении или совокупилась с собственностью другого.

§ 521. *b)* Право на государственное постановление состоит в том, что одному только народу принадлежит свобода учреждать, исправлять и переменять оное. Потому иностранцы того только могут требовать, чтоб государственное постановление не заключало в себе опасности для их прав. Несообразность оного с нуждами членов государства не дает иностранным народам права переменять оное или требовать от самого правительства таковой перемены. Жалобы подданных иностранного государства не могут быть приняты за основание таковых поступков, ибо помогать другим есть должность несовершенная, не нарушать чужих прав — совершенная.

§ 522. *c)* Право государства на членов оного состоит в том, что они подлежат только его власти, никакая другая власть не может располагать их лицами, деяниями и имуществом. Посему государство законно может отвращать всякое влияние на его членов со стороны других народов.

§ 523. II. Право действовать или употреблять силы государства состоит в том, что народ может по произволу располагать оными, никто другой не может предписать ему в том способа или остановить его деятельность.

§ 524. Силы государства частью нравственные, частью вещественные. Первая суть различные власти, для управления государства устроенные. Вторые суть физические силы граждан, их имущество и различные учреждения, для цели государства служащие.

§ 525. Власти, учрежденные для управления государства, суть законодательная, исполнительная и блюстительная. Деятельность оных властей не может быть

ограничиваема или останавливаема другими народами, если из оной не проистекает нарушения их прав. Посему каждый народ имеет право: *а)* отправлять законодательную власть во всем ее пространстве, иметь сношения с иностранными народами; никто не может ему в том препятствовать; *б)* отправлять исполнительную власть, т. е. решать тяжбы частных лиц, заключать союзы, мирные договоры, объявлять войну иностранным народам, вести и оканчивать оную. Одна только собственная опасность может дать право другим народам вступаться в таковые дела государства.

§ 526. Права народа на его внешние силы определяются следующими законами: *а)* каждый народ имеет право употреблять по своему произволу его внешние силы, когда тем не нарушаются права других народов; *б)* каждый народ имеет право употреблять его имущество для достижения произвольных целей, другие народы не могут ему в том препятствовать или предписывать способ употребления его достатка; *с)* каждый народ имеет право собирать войска, укреплять свои пределы и образовать все возможные средства внутренней и внешней безопасности.

§ 527. III. Благополучие народа как нравственного лица состоит в достижении его целей. Предположение целей, избрание нужных средств для достижения оных состоит во власти народа, ибо благополучное состояние одного само по себе не нарушает прав другого, потому на законе всеобщей свободы оное должно быть допускаемо.

§ 528. Итак, ни один народ не имеет права предписывать другому цели и способ употребления средств для достижения оных. Самое злоупотребление сил государства и пожертвование оными для целей вредных не дает никому права делать притязание на свободу и независимость народа в сем отношении, ибо никто не может определить, что содействует или не действует к благополучию другого.

§ 529. Отсюда проистекают следующие положения: *а)* каждый народ имеет право пользоваться источниками своего богатства и оставлять оные в небрежении; *б)* каждый народ может стараться о просвещении и

образовании своих членов; с) каждому народу принадлежит право свободного исповедания религии.

§ 530. Права народа в безусловном состоянии суть также неотчуждаемы и неотъемлемы, ибо без оных народ не имеет самостоятельности и составляет часть того государства, властью которого управляется.

§ 531. Но в условном состоянии народ может изменить права свои, ибо чрез то никто не делается вещию. Напр., если правитель общества уступает над собою верховную власть, то члены, составляющие оное, не теряют прав личных; если целый народ отдается в подданство другого, то никто из единиц, составляющих оный, не делается вещию, ибо каждому предоставлено право сопротивляться насилию.

ГЛАВА II

О правах народов в условном состоянии

§ 532. Народ имеет первоначальное право на те только вещи, которые принадлежат ему по силе самого происхождения государства, но на все прочее получает право или посредством приобретения, когда вещи бывают бесхозяйные, или посредством согласия других, когда вещи принадлежат кому-либо в собственность.

Отделение I

О завладении

§ 533. Народ приобретает право собственности на вещи бесхозяйные таким же образом, как и частные лица, т. е. посредством *завладения*. Дабы завладение имело законную силу, к тому требуются те же принадлежности, какие изложены о сем предмете в праве чистом.

§ 534. Особенности качества народного завладения суть следующие: 1) народ имеет бóльшие силы, нежели частный человек, потому может овладеть бóльшим пространством земли и количеством вещей. Но открытое море не может быть предметом народного завладения; 2) однако ж сила не дает права, потому

правá сильнейшего и образованнейшего народа ограничиваются в завладении правами слабейших и грубых народов; 3) народ не может равномерно овладеть тем, чего употреблять и на что физически действовать не в силах.

§ 535. Земли и вещи, завлажденные народом, принадлежат в его собственность; они зависят от верховной власти народа и не могут быть другими ни употребляемы, ни присвоены без его на то согласия.

§ 536. К вещам народным принадлежат не только вещи, публичную собственность составляющие, но и состоящие во владении частных лиц; потому народ имеет право защищать вещи, принадлежащие членам оного, противу притязания и нападений других народов.

§ 537. Когда народ оставляет каковые-либо вещи в намерении не иметь более на оные права собственности, то оные могут быть приобретены другим народом. Но неупотребление вещи, как бы оное продолжительно ни было, знаком оставления оной почтено быть не может, ибо хозяин вещи может пользоваться и не пользоваться ею. Потому давность в праве народном естественном также допущена быть не может.

Отделение II

О народных договорах

§ 538. Поколику народы суть нравственные лица, то они могут передавать один другому права свои и принимать на себя взаимные должности по обоюдному согласию. Отсюда явствует, что народы могут заключать между собою договоры, которые для отличия от договоров частных называются *публичными* или *народными*.

§ 539. Народ не сам собою заключает договор, но [через] лицо, имеющее в государстве верховную власть, потому о договорах народных должно судить по правилам договоров, заключаемых по силе полномочия. Договор общественного соединения и договор подданства определяют меру власти главы общества в заключении договоров народных.

§ 540. Договор народный бывает действителен: 1) когда не содержит в себе противного цели общественного соединения; 2) когда не нарушает договора подданства; 3) когда не нарушает прав посторонних лиц, в оном не участвующих.

§ 541. Верховный властитель общества не всегда сам лично заключает договоры, но поручает совершение оных другим; в таком случае тот только договор действительным почитается, который заключен по силе данного полномочия.

§ 542. Уверение есть договор, которым кто-либо от имени народа нечто обещает, не будучи к тому уполномочен. Итак, уверение не имеет силы договора, если народ не изъявит на оное согласия. Когда уверение в чем-либо отвергнуто народом и чрез то причиняет вред тому, кто оное принял и, полагаясь на оное, действовал, то нарушителем права почитается не самый народ, но лицо, которое без полномочия действовало.

§ 543. К публичным также договорам относятся договоры, заключенные народом с частными лицами, как иностранцами, так и членами того же народа. Должность сохранять оные ненарушимо остается во всех случаях одинаковою.

§ 544. *Священным* в праве народном называется то, от чего наиболее зависит спокойствие, безопасность и вообще мирное состояние народов. Посему народные договоры должны быть почитаемы священными, ибо на точном соблюдении оных основывается всеобщее спокойствие народов.

§ 545. Хотя образ правления изменяется и лица, отправляющие верховную власть в государстве, один за другим последуют, но договоры, заключаемые с другими народами, не теряют свои силы, ибо они заключаются именем народа, который есть лицо вечное.

§ 546. Но если договор заключен на известное только время, то называется временным и теряет свою силу по наступлении назначенного срока.

§ 547. Главнейшие виды народных договоров суть: I. Союзы. II. Политическая система. III. Посредничество. IV. Заступление.

§ 548. I. *Союз* есть договор, которым народы обещают взаимное содействие в достижении общей цели. [Так] как безопасность есть главный предмет сношений народов, то союзы заключаются преимущественно на случай войны и разделяются на *оборонительные* и *наступательные*.

§ 549. Союз оборонительный есть договор, которым народы обещают взаимное содействие в отражении неприятеля. Союз наступательный есть договор, которым народы обещают взаимное содействие в нападении на другой народ.

§ 550. Союз нападательный противен началам права, ибо никто не может принять на себя должности, противной правам других людей.

§ 551. II. Политическая система есть оборонительный союз, которым народы обещают действовать совокупными силами противу несправедливых нападений, от кого бы оные ни были чинимы. Итак, цель политической системы есть соблюдение владычества права в сношениях народов. Отсюда проистекает обязанность членов политической системы защищать справедливую сторону противу нападений несправедливой.

§ 552. III. *Посредничество* есть договор, которым один народ по требованию других принимает на себя обязанность участвовать в разбирательстве распри о праве. Следовательно, народ может учиниться посредником: I. По желанию спорящихся сторон. II. Только в случае распри, ибо в другом случае нет причины, по которой бы один народ мог вступить в дела другого.

§ 553. IV. *Заступление* есть договор, которым один народ обязуется защищать права другого. Отсюда явствует, что заступление может быть тогда только, когда права другого находятся в опасности, потому заступление народа-нападателя как вообще противно праву, так и, в частности, понятию о заступлении.

§ 554. Хотя война есть незаконное состояние, но народы и во время оной могут иметь между собою законные сношения, ибо и тогда не перестают быть

правственными лицами. Главнейшие виды договоров, заключаемых во время войны, суть: *a)* перемирие; *b)* охранительные договоры; *c)* сдача; *d)* размен пленных и *e)* мирный договор.

§ 555. *a)* Перемирие есть договор, в котором воюющие державы обещают друг другу срочное остановление неприятельских действий. Перемирие имеет целью или общее остановление всех неприятельских действий, или остановление оных в известном только месте, потому называется или *общим*, или *частным*. Обязанности, из сего договора проистекающие, суть взаимные, неисполнение оных с одной стороны дает право другой нарушить перемирие.

§ 556. *b)* Охранительный договор есть обещание одной из воюющих держав сохранить права известных лиц другой державы и в самое время разрыва. Таковы суть пашпорты, даваемые уполномоченным неприятельской державы для проезда, и охранительные грамоты, даваемые частным и публичным лицам. Хотя неприязненные действия с одной стороны дают право другой не исполнять свои обязанности, но сии особенные условия сохраняют свою силу, ибо оные заключаются или именно на случай войны, или во время оной.

§ 557. *c)* Сдача есть договор, которым известная часть войска, известное укрепление, город или область передаются во власть неприятеля. Договор сей может быть заключен только лицами уполномоченными. Но неприятельская держава не обязана судить о справедливости полномочия. Сдача бывает *безусловная* и *условная*. В первом случае неприятель получает на уступленные ему предметы безусловное право, а во втором — условное. Безусловная сдача целой страны есть договор подданства, основанный на правилах оного.

§ 558. *d)* Размен пленных есть договор, которым промениваются взятые в плен солдаты и другие чины армии. Размен бывает общий или поголовный. В первом случае все пленные отдаются массою, а во втором — один на один и соблюдается равенство в чинах и других качествах.

§ 559. е) Мирный договор есть взаимное обещание воюющих народов о конечном прекращении военных действий. Правила оного изложены будут ниже.

Отделение III

О посольствах

§ 560. Послом называется лицо, отправленное одним народом к другому для совещания о делах общих. Итак, посол есть лицо, уполномоченное от народа, представляющее самый народ в деле, ему порученном. Он действует не сам собою, но во имя народа и зависит от его определений.

§ 561. Поелику посол изображает народ в деле, ему порученном, то обязывается теми же законами и те же имеет права, которые принадлежат самому народу как в рассуждении государства, с коим дело происходит, так и в рассуждении других народов.

§ 562. По праву свободы народ может допустить к себе посла и может не допустить оного, ибо, кто связи и сообщения с кем-либо иметь не хочет, тот ничьего права не нарушает.

§ 563. Равным образом народ как владетель своих пределов и областей может не допустить к себе иностранного посла, воспретить ему проезд чрез свои владения в другую державу и в случае позволения предписать условия.

§ 564. Поколику посол действует именем народа, то надлежит, чтобы характер его был известен тому народу, к которому он отправлен. Свидетельство, изображающее доверенность, послу данную для совещания с другим народом о делах общих, называется *полномочием*. Когда полномочие принято бывает от другого народа, то он обязуется признавать посла в его достоинстве.

§ 565. Когда посол иностранный принят бывает, то народ обязуется не препятствовать ему исполнять все то, что для цели его посольства законно употреблено быть может. Посему посол состоит под покровительством народа.

§ 566. Посол изображает народ, потому принадлежит ему право независимости во всем том, что касается до дела, ему порученного. Когда какая держава допускает к себе посла, то тем самым признает его независимым. Право сие называется правом *неподсудности*.

§ 567. Оскорбление посла есть оскорбление народа, ибо: 1) посол есть подданный народа; 2) он изображает самый народ. На сем основании права посла называются священными.

§ 568. Что посол допускает или утверждает именем народа по силе своего полномочия, то обязуется исполнить самый народ. Но договор, заключенный вопреки полномочию, не действителен.

Отделение IV

О правах народа во время войны

§ 569. Когда один народ причинил обиду другому или намерен причинить оную, то сей последний имеет право принуждать. Но обида познается чрез действие. Равным образом обида замышленная должна основываться на несомненных признаках.

§ 570. Увеличение внутренней силы народа не есть признак намерения причинить обиду другому, потому оно не может служить причиною к объявлению войны.

§ 571. Право судить по началам справедливости о способах принудить другой народ к вознаграждению принадлежит каждому народу, если оное не передано законным образом другому.

§ 572. Род принуждения и степень оного определяется понятием об обиде, следственно, принуждение не может быть больше обиды и не долее продолжаться может, как до получения вознаграждения за оную.

§ 573. При употреблении средств принуждения противу народа должно рассматривать членов государства: 1) как части, составляющие оное, и 2) как частные лица. Обида народу причиняется не частными лицами, но государством, потому и принуждение должно быть употреблено противу государства как нравственного лица.

§ 574. Хотя государство состоит из частных лиц, почему и сила воюющего народа посредствомным образом противу них употребляется, но подданные государства должны быть рассматриваемы: 1) как лица, под властью государства состоящие; 2) как лица, волю и власть государства выполняющие. Принуждение может быть употребляемо только противу сих последних, в противном случае оно обращалось бы во вред тем, которые никакого зла не причинили.

§ 575. Для точнейшего определения законного отношения между народами воюющими надлежит различать вооруженную часть народа от безоружной. Противу первой все средства принуждения употреблены быть могут, которыми дальнейшее сопротивление делается невозможным. Но они должны быть сообразны с законами права, следовательно, должны быть: а) явные, известные народу, противу которого употреблены быть имеют, ибо они употребляются для угрожения, которое если само по себе достаточно будет, то употребление средств будет незаконно. Явным средством называется, когда вообще употребляемо бывает для принуждения; б) неприятель должен объявить о своих неприятельских действиях; тайное соглядатайство есть противузаконное средство, но разведывание, предпринимаемое явно, есть средство законное; с) подданный не может сам собою употреблять насилие противу неприятельских войск, ибо только верховная власть в государстве определяет средство для отражения неприятеля.

§ 576. Права вооруженной силы народа противу неприятельского войска также ограничены, только отвращение обиды и вознаграждение за оную есть цель неприятельских действий. Потому после сдачи неприятельских солдат или после их объявления о намерении более не противиться неприятель не имеет права убивать их или делать им насилие, но он имеет право принуждать их оставаться в таком состоянии, в котором они не могут ему противиться.

§ 577. Когда народ ведет войну или сопротивляется требованию другого несправедливо, то его правительство причиняет сию несправедливость, но не под-

данные и не воинство, которое исполняет верховную волю; потому войско не подлежит наказанию за исполнение повелений верховного властителя.

§ 578. Власть неприятеля может простирается на подданных неприятельской державы не далее власти верховного властителя. Посему неприятель может: 1) в занятых областях собирать налоги, определенные верховным властителем; 2) налагать новые подати и требовать услуг от жителей. Начальства народные должны повиноваться неприятелю и исполнять его повеления, когда властитель той стороны не в состоянии защищать своих подданных.

§ 579. Но неприятельская армия не имеет права: 1) нападать на жизнь безоружных подданных, притеснять их и поступать с ними самопроизвольно; 2) делать притязания на те права, которые самой верховной власти не подлежат, как, напр., присваивать частные имущества, сокровища, владения разных обществ; 3) равным образом грабеж городов, деревень и домов есть противузаконное нарушение прав частных.

§ 580. Из сказанного явствует, что власть народа в употреблении средств принуждения ограничивается не только особенными правами частных лиц, но и общими началами права. Высочайшая воля народа не может быть употреблена противу малейшего права человека, но она может быть употреблена противу прав, принадлежащих самому государству. В сем случае степень принуждения определяется качеством обиды.

§ 581. Обида, причиняемая народу, может быть большая или меньшая, потому и степень принуждения бывает различен. Всякая обида состоит в нарушении прав, которые бывают существенные, случайные, общие и частные. Как при всякой обиде принимается в уважение: 1) внутреннее расположение обидчика или его намерение, бывшее побудительною причиною деяния; 2) права нарушенные, так равномерно при обиде народной должно обращать на сии предметы внимание.

§ 582. Обида, причиненная народу подданным другой державы, только тогда превращается в обиду народную, когда она державу не принуждает своих

подданных к удовлетворению. В противном случае народ имел бы право причинить насилие такой державе, которая ему не причинила обиды.

§ 583. Обида тогда только дает право к принуждению, когда: 1) бывает очевидная и несомненная; 2) когда обидчик отрицается делать удовлетворение. Потому принуждение может последовать: 1) после объявления намерения употребить оное; 2) когда будет известно, что обидчик не хочет сделать удовлетворение.

§ 584. Нарушение существенного права дает обиженному право подобным образом действовать противу обидчика. Когда один народ нарушает целость пределов или образа правления в другом государстве, то дает ему право употреблять противу его подданных меры принуждения. Когда же нарушение касается прав случайных, то принуждение должно простираться только на оные.

§ 585. Когда одному народу причинена обида подданными другого государства, то он имеет право требовать удовлетворения, но не имеет права причинять вред взаимно подданным того народа, ибо тогда принуждение устремлено было бы противу таких лиц, которые не причинили обиды, § 582.

§ 586. Оскорбление, причиненное подданными государства другому народу, подвергает их самих изысканию, и народ имеет право употреблять противу них принуждение.

§ 587. Когда посредством принуждения восстановлено будет нарушенное право, тогда прекращается возможность действовать противу народа неприязненным образом, в противном случае оно превратилось бы в незаконное нападение. Посему нападатель не имеет права употреблять дальнейшее насилие, когда удовлетворение последовало, § 572. Отсюда явствует, что победитель не может обращать в рабство побежденных.

§ 588. Война оканчивается мирным договором, который равномерно должен быть соблюдаем обеими сторонами. Нарушение оного есть *вероломство*.

§ 589. Распри народов по праву независимости должны быть решены самими народами; потому на

заключение мира между воюющими державами никакой другой народ не может иметь самопроизвольного влияния, но воюющие державы могут приглашать посредников к заключению мира.

§ 590. Мирный договор, заключенный между народами, обязывает их взаимно. Нарушение одного из главных условий делает весь договор недействительным. Нарушение случайных частей договора не уничтожает силы оного. Прочие потребности мирных договоров суть те же, кои изложены при рассуждении о договорах вообще.

**ПЕРЕВОД НА ЛАТИНСКИЙ ЯЗЫК
МАЛОУПОТРЕБИТЕЛЬНЫХ СЛОВ,
ВХОДЯЩИХ В СИСТЕМУ «ПРАВА ЕСТЕСТВЕННОГО» ***

Аристократическое собрание	Collegium Optimatum sive Senatus
Безусловное повеление	Imperativum cathegoricum
Большинство голосов	Vota majora
Брачные условия	Conditiones sponsales
Вельможи	Optimates
Вещь бесхозяйная	Res nullius
Вина	Culpa
Виновность	Culpabilitas
Владение	Possessio
Владелец	Possessor
Владелец добросовестный	Possessor bonae fidei
Владелец недобросовестный	Possessor malae fidei
Властитель	Imperans
Властитель верховный	Imperans summus
Властитель ограниченный	Imperans limitatus

* Здесь находятся некоторые слова, в переводе даже весьма употребительные, но они поставлены для показания малоупотребительных, от них происшедших. Переводить все учебные слова, входящие в систему «Права естественного», почти неужным: там иностранные термины излишни, где они не придают большей ясности.

Власть
 Власть верховная
 Власть законодательная
 Власть исполнительная
 Власть блюстительная
 Вменение
 Вменяемость
 Воля общая
 Воспламенение
 Всепрощение
 Голос
 Голос положительный
 Голос отрицательный
 Голос безусловный
 Голос условный
 Голос подразумеваемый
 Голос решительный
 Голос совещательный
 Голоса согласные
 Голоса несогласные
 Голоса единодушные
 Голоса различные
 Государственные чины
 Государственный капитал
 Давность
 Давность приобретатель-
 ная
 Дарение
 Даритель
 Доверенность
 Договор
 Договор односторонний
 Договор двусторонний
 Договор благотворитель-
 ный
 Договор возмездный
 Договор брачный
 Договор служебный
 Договор соединения
 Договор подданства
 Договоры основные

Potestas
 Potestas summa
 Potestas legislativa
 Potestas executiva
 Potestas inspectoria
 Imputatio
 Imputabilitas
 Voluntas societatis
 Affectus
 Amnistia
 Votum, suffragium
 Votum affirmativum
 Votum negativum
 Votum cathegoricum
 Votum expressum
 Votum tacitum
 Votum decisivum
 Votum deliberativum
 Vota consentientia
 Vota diversa
 Vota unanimia
 Vota divisa
 Ordines status
 Fundus publicus
 Praescriptio
 Praescriptio adquisitiva
 Donatio
 Donator
 Mandatum
 Pactum
 Pactum unilaterale
 Pactum bilaterale
 Pactum beneficium
 Pactum onerosum
 Pactum matrimoniale
 Locatio operarum
 Pactum unionis
 Pactum subjectionis
 Pacta fundamentalia

Должность	Officium
Должность совершенная	Officium perfectum
Должность несовершенная	Officium imperfectum
Должность нравственная	Officium moralitatis
Должность юридическая	Officium juris
Должник	Debitor
Должности общества	Officia societatis
Должности общественные	Officia socialia
Действие	Actus
Деяние	Actio
Деяние нравственное	Actio moralis
Деяние законное	Actio legalis
Деяние справедливое	Actio justa
Деяние несправедливое	Actio injusta
Деяние дозволенное	Actio licita
Деяние недозволенное	Actio illicita
Деяние внутреннее	Actio interna
Деяние внешнее	Actio externa
Деяние неопределенное	Actio indifferens
Единовластие	Monarchia
Единодержавие	Monocratia
Заблуждение	Error
Заблуждение преодолимое	Error vincibilis
Заблуждение непреодолимое	Error invincibilis
Завладение	Occupatio
Завладение воинское	Occupatio bellica
Заем	Mutuum
Заемщик	Mutuatarius
Заимодавец	Mutuans
Заключение	Conclusum
Закон	Lex
Закон нравственный	Lex moralitatis
Закон юридический	Lex juris
Закон коренной	Lex fundamentalis
Закон договорный	Lex pactitia
Залогодательство	Oppignoratio
Залог	Pignus
Занятие	Apprehensio
Заступление	Guarantia
Заслуга	Meritum
Защитение	Defensio

Злой умысел	Dolus malus
Избирательные условия	Pacta conventa
Купля	Emtio, venditio
Лицо	Persona
Лицо нравственное	Persona moralis
Лицо физическое	Persona physica
Лицо таинственное	Persona mystica
Лицо ссужаемое	Commodatarius
Лицо одаряемое	Donatarius
Личность	Personalitas
Междоусобица	Interregnum
Меньшинство голосов	Vota minora
Мирный трактат	Pacis pactum
Многоженство	Poligamia
Многомужество	Poliandria
Монархия	Monarchia
Монархия избирательная	Monarchia Electitia
Монархия наследственная	Monarchia Hereditaria
Монархия отчинная	Monarchia Patrimonialis
Могущество государства	Potentia status
Мена	Permutatio
Наем	Locatio, conductio
Наемщик	Locator, conductor
Наказание	Poena
Наложничество	Concubinatus
Народ	Gens
Народное правление	Democratia
Народные договоры	Pacta publica
Народные собрания	Comitia popularia
Наследование отчинное	Successio patrimonialis
Наследование по завещанию	Successio testamentaria
Наследование без завещания	Successio ab intestato
Невинная оборона	Inculcata tutela
Невежество	Ignorantia
Недоброжелательство	Malevolentia
Необходимость	Necessitas
Необходимость физическая	Necessitas physica

Необходимость нравствен- ная	Necessitas moralis
Нравственное чувство	Sensus moralis
Нравоучение	Ethica
Обида	Injuria
Обида существенная	Injuria essentialis
Обида случайная	Injuria accidentalis
Обида общая	Injuria generalis
Обида частная	Injuria specialis
Обида особенная	Injuria privata
Обида положительная	Injuria commissiva
Обида отрицательная	Injuria omissiva
Область	Regio
Обнародование закона	Promulgatio legis
Образ правления	Forma regiminis
Образ правления монар- хический	Forma regiminis Monar- chica
Образ правления аристо- кратический	Forma regiminis Aristo- cratica
Образ правления народ- ный	Forma regiminis Demo- cratica
Образ правления смешан- ный	Forma mixta
Общая цель	Finis communis
Общество	Societas
Общество равное	Societas aequalis
Общество неравное	Societas inaequalis
Общество простое	Societas simplex
Общество сложное	Societas composita
Общество временное	Societas temporaria
Общество вечное	Societas perpetua
Общество супружеское	Societas conjugalis
Объявление войны	Denunciatio belli
Обязательство	Obligatio
Обещание	Promissio
Обещатель	Promittens
Оставление вещи	Derelictio rei
Отвращение врожденное	Horror naturalis
Перемирие	Armistitium
Плоды	Fructus
Побуждение	Motivum

Побуждение внутреннее	Motivum internum
Побуждение внешнее	Motivum externum
Повиновение	Servitus
Подати	Tributa
Покупщик	Emtor
Пользование	Usucapio
Порука	Fideijussor
Поручитель	Mandans
Поручительство	Fideijussio
Посредник	Mediator
Посредничество	Mediatio
Посол	Legatus
Поучение	Castigatio
Правитель общества	Rector civitatis
Право	Jus
Право естественное	Jus Naturae
Право естественное чистое	Jus Naturae Purum
Право естественное при- кладное	Jus Naturae Applicatum
Право естественное безус- ловное	Jus Naturae Absolutum
Право естественное услов- ное	Jus Naturae Hypotheticum
Право общественное все- общее	Jus Sociale Universale
Право семейственное	Jus Domesticum
Право государственное	Jus Publicum
Право народное	Jus Gentium
Право гражданское	Jus Civile sive Positivum
Право всемирного граж- данства	Jus Cosmopoliticum
Права врожденные	Jura innata
Права первоначальные	Jura originaria
Права производные	Jura derivativa
Права приобретенные	Jura adquisita
Право владения	Jus possidendi
Право на сущность	Jus in substantiam rei
Право пользования	Jus ususfructus
Право собственности	Jus dominii
Право собственности пол- ное	Jus dominii plenum

Право собственности не- полное	Jus dominii minus plenum
Право собственности огра- ниченное	Jus dominii restrictum
Право собственности неог- раниченное	Jus dominii non restrictum
Право собственности мни- мое	Jus dominii putativum
Право безвредного упот- ребления	Jus innoxii usus
Право необходимости	Jus necessitatis
Права величества	Jura majestetica
Права величества внут- ренние	Jura majestetica interna
Права величества внеш- ние	Jura majestetica externa
Право помилования	Jus aggratiandi
Право неподсудности	Jus exterritorialitatis
Право исследования	Jus inquisitionis
Право предупреждения	Jus preventionis
Права общества	Jura societatis
Права общества внутрен- ние	Jura societatis interna
Права общества внешние	Jura societatis externa
Права общественные	Jura socialia
Правота	Aequitas
Предлог приобретения	Titulus acquirendi
Представитель	Representator
Приговор	Sententia
Принуждение	Soactio
Принятие	Acceptatio
Приращение	Accessio
Приращение естественное	Accessio naturalis
Приращение искусствен- ное	Accessio industrialis
Приращение смешанное	Accessio mixta
Присвоение	Adpropriatio
Продавец	Venditor
Проценты	Foenus, usura
Процентный договор	Pactum foeneratitium
Равенство голосов	Paritas votorum

Равновесие	Aequilibrium
Решимость	Determinatio
Священное	Sanctum
Сдача	Capitulatio
Соединение сил	Unio virium
Слава	Fama
Слава добрая	Fama bona
Слава худая	Fama mala
Собственность	Dominium
Собственность совместная	Condominium
Согласие	Consensus
Согласие явное	Consensus expressus
Согласие предполагаемое	Consensus praesumptus
Согласие взаимное	Consensus mutuus
Согласие молчаливое	Consensus tacitus
Состояние	Status
Состояние безусловное	Status absolutus
Состояние условное	Status hypotheticus
Состояние общественное	Status socialis
Состояние внеобщественное	Status extrasocialis
Сохранный договор	Depositum
Союз	Foedus
Способ приобретения	Modus acquirendi
Способ приобретения первоначальный	Modus acquirendi originarius
Способ приобретения производный	Modus acquirendi derivativus
Справедливость	Justitia
Справедливость внутренняя	Justitia interna
Справедливость внешняя	Justitia externa
Страдание	Passio
Ссуда	Commodatum
Ссужатель	Commodans
Суд	Forum
Суд внутренний	Forum internum
Суд внешний	Forum externum
Темнота закона	Lex in thesi obscura
Темнота случая	Lex in hypothesi obscura

Требователь	Acceptans sive promissarius
Удовлетворение	Satisfactio
Улучшение	Melioratio
Условие	Conditio
Условие утвердительное	Conditio affirmativa
Условие отрицательное	Conditio negativa
Условие существенное	Conditio essentialis
Условие случайное	Conditio arbitraria
Условие срочное	Conditio suspensiva
Условие повременное	Conditio resolutive
Хотение	Volitio
Хранитель	Depositarius
Цена	Pretium
Ценность	Valor
Честь	Honor
Честь общая	Honor communis
Честь особенная	Honor eminens

ПРИЛОЖЕНИЯ

В. И. Колычев

**ПИСЬМО О ПОЛЬЗЕ УЧЕНИЯ
К ВАСИЛИЮ СЕРГЕЕВИЧУ ШЕРЕМЕТЕВУ
1781**

С утра до вечера в моем уединенье
Я время провожу, любезный друг, в ученье;
Но к пользе ль мне, скажи, толико им томлюсь
И знания обрести я с рвением стремлюсь?
Какая выгода ученьем принесенна? ¹
Жизнь стала ли моя от одного блаженна?
Сколь множество невежд богатством вознеслись,
Премудрым для него на свете предпочлись?
Мы видим, что они их частью преблаженны ²,
Забота, горести от них все удалены;
Узревши радостями наполненный их век,
Ходящий в тьме тогда что скажет человек?
Он громко вопиет, я глас его внимаю:
«О злато! О серебро! Богами вас считаю:
Могли ль предмудрые без оных обойтись?
Презренья в бедности могли ль они спастись?
Не видны ль у вельмож ученые толпами
В передних компатах с их важными трудами?
Прибегнули ласкать и жертвы воскурить
И ими на себя их взор бы обратить,
Стоят и за труды щедроты ожидают.
Счастливы ли ж они на свете пребывают?
На то ли многих лет все тщанье и труды,
Чтоб пищей тщетности остались их плоды?
Чтоб суетные тем желанья питались
И наши б имена потомству предавались?»

Иль для того наш ум наукой отягчать,
Чтоб в бедности себя премудрым называть?
Не гордость ли велит от смертных отличаться?»

О, мнение ложное! Нам должно научиться
Творца творенье — самих себя познать,
Не можем без того творцу хвалы воздать,
И бывши человек, — из тварей тварь отменна,
Умом, словесностью, душою одаренна,
От диких бы скотов себя не отличал,
Когда бы в праздности уму остаться дал.

Ты враг невежества, довольно то я знаю,
Хвалю тебя за то, люблю и почитаю!
Не тщетно знанием быть хочешь просвещен,
Не тщетно им и я толико восхищен;
Сокровищи его сильнее к нам блистают,
Как злато и серебро невежд всех ослепляют.
Гасенди, Лейбниц, Вольф, Мопертюи, Невтон,
Лок, Сократ, Эпикур, премудрейший Платон,
Тит Ливий, Ксенофонт, Бель, божественный Гомер,
Депрей³, Ювенал, Мольер, Геллерт и Вольтер,
Наставники мои, светильники уму,
Которые, прогнав невежества всю тьму,
Довольные собой примеры показали,
Что счастливо они на свете пребывали;
Труды их принесли велику пользу нам,
Осталась память их к позднейшим временам;
Дверь храма мудрости рукой их отворили,
Нас к знаниям они и к музам проводили,
Ложь с истиною нас учили различать,
От заблуждений нас тцались излечать.

Когда, любезный друг, правдиво мы помыслим
И все плоды наук подробнее исчислим,
Когда уважим мы то сами в один миг,
Что ум без оных наш толико б не постиг.

Науки я пою и славлю их успехи,
Прибытки важные и разные утехи,
Которые от них имеем мы себе,
Да Фемис призову, о них пою тебе.
Да снижет она и дух мой укрепляет.
Вещает истину и мысли оживляет.
О правосудие! Лучи твои простри

И смертных оными толико озари,
Чтоб видели они, полезно сколь ученье
И нужно в жизни нам рассудка просвещение;
На верных ты весах невежество извесь,
Да чувствуют они его себе вред весь.
Нам мудрых тщанием те тайнства открылись,
Которых в времена невежества страшились;
Увидя молний блеск и слыша сильный гром,
Искали их вины в невежестве самом.
Затмение светил тогда всех ужасало,
И мнили в нем обречь грозящих бед начало.
Коварные жрецы, не зная естества,
Их толком суетным о гневе божества
Народы к трепету и буйству побуждали
И часто жертвенник их кровью обагряли,
Чтоб ярость всю небес смягчить и отвратить
И оным бы покой вселенной возвратить.

Но физика, реша, причины нам открыла,
И знать вещественность она нас научила,
Способность нам дала стихии испытать,
Чтоб действия от них известна ожидать.
Постигши свойство их, мы тягость оных знаем,
Делим, когда хотим, их силу уменьшаем,
И, споря с оными, все можем произвести,
Нам вред их отвратить, прибыток в них обречь.
Осталось ли, скажи, чего не испытали?
Найди в природе то, чего бы мы не знали?
И если мы чего не можем постигать,
То знаем, что вину в ней должно полагать.
Приступим рассмотреть, сколь взор наш достигает,
Но оный без наук в пределах пребывает,
Без них не может он из оных выходить,
Они пеклись его орудием снабдить,
Которым мы к глазам все нашим привлекаем
И удаленные предметы различаем.

Нам оптика сей дар дражайший принесла
И взор наш к небесам дальнейшим донесла,
Без коей способов мы тех бы не имели,
Чтоб в самой высоте подробно бы все зрели.
С наукой о мирах ее соединив,
Сколь можно оными мы ум наш просветив,

Познали круглость тел и разность между ими,
Взаимность нужную, союз одних с другими.
Течение светил, великость их и путь,
Пространство оное, в котором они суть,
И время быстрое мы верно измеряем,
Затмение и погод премены предвещаем,
Магнита действие познав, мы к пользе нам
Без страху чрез моря к безвестнейшим странам,
Как посуху, бежим и верный путь находим,
Обратно им в страны отечества приходим.

Толико вникнув, мы, чтоб мира связь познать,
Вещественность его сколь можно постигать,
Могли ль оставить мы шар, нами населенный,
На коем рождены и жить мы осужденны?
Жилище наше мы, измерив и познав
И вещи сущие на оном испытав,
Которые его наружность покрывают
И в недре оною Сократы пребывают,
Чрез огонь мы их делим, сливаем вместе их
И твердые тела мы делаем из сих,
В которых мы себе прибыток обретаем,
Которых пользу нам вседневно ощущаем.

Достоинство стекла великий муж воспел⁴,
Которого наш век красой себе имел:
Восшедший на Парнас, с Пиндаром возлетевший⁵,
Наш химик и Малгерб, острейший ум имевший,
Нам лирой возвестил, сколь пользы от стекла.

Но сколь нам химия сокровищ извлекла!
Которые б в земле безвестными остались,
Ни злато б, ни серебро без оной не сыскались.
Нам трудно без нее достигнуть до того,
Чтоб лучшее могли извлечь мы из всего.
Механика, представь, сколь выгод нам приносит!
Те тягости она нам движет и возносит,
Которые бы нас, всех наших сил лишив
И тщетным бы трудом дух бодрый утомив,
Понудили бы нас намеренье оставить,
Нам нужны здания для жизни сей восставить.

Вол, праздно бы ходя, лишь былые спедал
И плуга б человек полезного не знал;
Художества бы все без оной оскудели,

Орудиев себе б нужнейших не имели,
Без коих им нельзя того бы произвести,
Чтоб нам могли они столь нужного принести.
Ни ветер бы, ни вода не двигнули телами,
Которыми они для наших польз пред нами
Заставлены вертеть, и силы лишены,
По нашей воле быв к их действию влечены.

Эвклид и Архимед вдруг в мысль мою приходят,
К источнику наук они ее возводят.
Я, оные поя, в песнь должен то включить,
Что, сколь стараясь они нас научить,
Начала правил тех полезных положили,
Которыми они бессмертье заслужили;
Когда б не знали мы науки исчислять,
Тогда бы не могли с успехом исполнять,
Чтоб знать одних к другим всех чисел содержанье
И друг от друга тел измерить расстоянье,
Чтоб им определить известну толстоту,
Пространства всякого длину и широту;
Но с оной без труда того мы достигаем,
Из точки знание столь нужно извлекаем,
Из коей истекла едина долгота,
Подвинулась длина, явилась широта,
Из оной толстота равно произвелася,
Сим образом сия наука пачалася
И математике соделалась душей,
Которой части все основаны на ней.

Не найдем ни одной воздвигнутой громады,
Великих пирамид, обширные ограды,
Которые б ее не приняли закон.

Изящны знания и стройный лиры звон
Согласие на ней приятно основали
И мерностью частей пред нами возблистали.

Наука бранная основана на ней,
Зависит от нее всей твердостью своей,
По правилам ее имеет все снаряды
И рушить и крепить ее станы и грады,
Днесь стен их толстота не может защищать,
Когда наука им не будет помогать.
Взор наш мы обратим на стены возвышенны,
Которыми они днесь сильно укрепленны,

Сравнив их с древними, ту разность обретем,
Что от народов тех паденья им не ждем,
Которые равны в невежестве герулам,
Текущим грабить свет вандалам, готфам, гуннам;
Но днесь удержит их искусство, огонь и строй.

Покрытый лаврами Румянцев, наш герой,
Блеснув своим мечом, врагов он устрашает,
Дунай, лияся в Понт, дела его вещает,
Да слава возгласит о них ее трубой,
Я лиру для наук настроил пред тобой.

О, коль сладчайший шум и нежное журчанье
И с ними голосов согласно восклицанье,
Приятно в слух бия, в восторг меня влекут!
Се Иппокренских вод потоки к нам текут.
Из чистого они источника стремятся,
С высокия горы вниз падая, крутятся,
И слышен чистых сестр и Аполлонов глас.
Взойдем, любезный друг, взойдем мы на Парнас!
Но чтоб нам крутостью его не утомиться,
Врачебной мы его воды должны напиться,
Очистить ею вкус и сердце излечить,
Чтоб чувство нежное удобней получить.
Вкусив ее, пойдем неробкими ногами,
Снисшедший Аполлон предшествует пред нами,
Меж рощей и кустов прохладных он грядет,
Цветами усанным он нас путем ведет.
Наверх горы вошед, и в храм за ним мы входим,
В котором всех его питомцев мы находим,
Приемлющих венцы за подвиг и труды,
От коих родились изящные плоды;
Их прочность испытать мы к оным обратимся,
Афинам, Риму мы поднесь еще дивимся,
И оным тщательно должны мы подражать,
Коль вкуса не хотим чистейша заражать.
Когда невежеством народы угнетались,
Тогда Витрувий у оных не рождался;
Паллада, Мишельанж, Леблонд и Скамоцци,
Переславнейший Петольд и Виньольт Бароцци⁶,
Воздвигнув здания, те веки означают,
В которые Перикл и Август пребывают.
Позднейшим временам Пигаль то возвестит,

Что знаниями век текущий сей блещит.
Бессмертно Фалконет свидетельство оставил
И нашу он страну трудом своим прославил,
Потомки поздние, узревши зрак Петров,
Почувствуют они, что наш век был таков,
В котором знания к брегам Невы стекались
И дни блаженные россиян утверждались.
Мы можем то сказать, что Лебрюнь⁷ и Рембрант
Не зрелись никогда у цельтов и сарматов,
Что Рубенсова кисть невежд не удивляла,
Потомству памяти о них не оставляла.
Как Инд с высоких гор о камни ударяет,
Разлившись, шумит, бег к морю простирает,
Так в лиру стройную Полимния гремит,
Великие дела воспев, внимать велит,
С которой некогда неробкий Ломоносов,
До облак возлетя, пел славы дела россом,
И с Каллионою он сладостно гремел,
Когда он труд Петра Великого воспел...
Вещайте музы вы свирелью и трубою!

Вещайте вы о нем, да вас услышит свет,
А нас блестящая Урапия зовет,
Велит к Коперникам дней наших обратиться,
О множестве миров узнать и известиться,
Что Аристотель лишь мечтаньем паучал,
Как грекам о звездах бесчисленных вещал.
Урапия лишь речь премудру окончала,
То Клия перед нас с той книгою предстала,
В которой бытия написаны времена,
Живущих на земле всех подвиги племян,
К блаженству твердому, к их славу возвышенную
И с самой высоты к ужасному паденью
Народам и царям учение гласит,
Путь правдой осветя, им шествовать велит.

Сойдем с Парнаса мы, от шума удалимся,
Взяв книгу бытия, мы ею упрямимся,
Откроет нам она те истинны вины,
Народы конми к их подвигам званы.
В глубокой древности, времен сих удаленной,
Народов видим мы рассудок ослепленный,
Лишенный силы ум, с какой он смертным дан,

Притуплен грубостью и буйством их поправ.
Мы видим веру их без правил и ученья
И жертвенник их зрим источником мученья.
О вышнем божестве не знали ничего,
И чтя в нем строгого, гневили лишь его.
Обычай гнусные в закон себе примали,
Глас наглости тогда со стрепетом внимали,
И тягостью цепей наложенных гнелись,
Прервать их силились, но робостью мелись,
Одни против других пороки ополчаясь,
И обществ нужна связь от оных разрываясь,
В зле помощи искать понудили людей,
Признать властителей и строгих им судей.
В сии нам времена встречаются драконы,
Которы кровию писавши их законы,
Острили ими меч, чтоб оным уязвлять,
Мня тем спокойствие народов составлять,
Но токи крови лив, сердца не очищали
И ум засохший тем они не возвращали.

Доколе ум возник, доколе озарен,
Казался смертных род к злодействам сотворен,
Безвестною была святая добродетель,
И смертный смертному был только бед содетель.
Все гибло и тряслось от лютой людей,
Которы, превзойдя свирепостью зверей,
С мечом и пламенем во все страны бежали,
Что встретили, то жгли, друг друга поражали,
С востока к западу и с севера на юг,
Невежество прошел пространный света круг.
Везде оно тот яд жестокий разливало,
Которым душу, ум и нравы повреждало,
Оставило везде неистовства следы,
Везде им начаты ужасные беды,
Которые б поднестъ сугубо продолжались,
Когда бы мудрые на свете не рождались.

От время к время шед, потом встречаем мы
Грядущий смертных род из вредной ему тьмы,
И к счастью его, Ликургы и Солоны,
Дав новые ему и нравы и законы,
Благотворящей их рукой его ведут,
От бед его хранить они приемлют труд,

Афины, Спарта вдруг желаньем возгорали
Уму свободу дать, невежество попрали,
Узрели оного приближенный конец,
В их недрах начались училища сердец.
Сократ, Анаксагор и многие родились,
Народы гречески от коих просветились;
Рим тем же шел путем от буйства своего,
И в Греции искал он счастья сего.
Ее премудрых он учение приявши
И всю на нем великость свою основавши,
Узрел в стенах своих он славный Нумио век⁸
И в бедственные дни Катонов и Сенека.

Хотя народов сих великость окончалась,
Но слава оных бессмертною осталась,
Что из развалин их науки извлекли,
И их следами мы к всем знаниям текли.
Они были творцы, но мы лишь подражали,
Хотя на высоту потом и мы взбежали.
Напомним мы себе плачевны времена,
Как Греция и Рим, вся южная страша,
Жилище всех наук от буйства разорялось,
Невежд наполнилось и в пепел обращалось.

Нам после сих времен является весь свет,
Что кончить те беды ему надежды нет.
Едва в Европу луч из Рима простирался,
То тучей буйственной он паки закрывался,
И может быть, он к нам вовеки не блистал,
Им озаренный век в Европе б не настал,
Когда б в ее странах Альфреды⁹ не родились,
Петрами б коль умы от уз не свободились.
Но действовать лишь ум свободу получил,
Взойти на высоту трудился и рачил,
Парящему орлу он стал тогда подобен
И столь возвысился, сколь был к тому удобен;
Родились мудрецы, ученье разлилось,
И время лучшего тем время началось...

Великие умы исследовав, познав
И твердо истину известну доказав,
Открыли нам глаза, и скоро мы узрели,
Что с тем рождены мы, чтоб ступень ту имели,
На кося стоя мы превыше всех,

В познании себя имели бы успех,
К чему нас мудрые ведут и научают,
Сердца наши, умы и нравы очищают.
Толкуют нам они, что может вредно быть
И что, на свете быв, не должны мы забыть,
Что в добродетели всех благостей начало,
Против которой зло род смертных ополчало,
Влекло его к бедам и рушило покой.
Но мудрые, прервав зловерное собой,
Очистили весь яд, коварство обличили,
Владык благих и злых на свете различили,
Из коих Карла леств великим назвала ¹⁰,
Которого рука саксонов кровь лила
И оных силою к той вере обращала,
О коей с кротостью мудрость возвещала.
Кто истинно велик, они сказали нам,
И глас за тех возвесть велели к небесам,
Которы подданных для славы кровь не лили
И человечество любили и щадили.
Они нам, различа друг от друга царей,
Решили, кто из них достоин олтарей,
Что в свете Петр велик, из уст мы их внимали,
И истину ту довольно мы познали,
Что важен труд Петров, прославит россом он,
Но Алексей ¹¹ их был премудрейший Солон;
Карл Северный, мечем в Бендерах ополченный,
Был рыцарь токмо он войною зараженный.
Хвалу премудрым мы достойно возгласим
И жертву принесем признаньем нашим им,
Спасают нас они и строят нам блаженство.
О, вышний дар небес! О, смертных совершенство!
Ты вечно на земле меж нами пребывай!
И благи твои обильно изливай,
Твоим мы промыслом жизнь счастливо проводим,
В невежестве мы зло единое находим.

Ф. В. Кречетов

ПЛАН ЮРИДИЧЕСКИЙ
1782

ТОМ ПЕРВЫЙ
КНИГА ПЕРВАЯ

§ 1

Юриспруденция в пространном смысле есть всеобщее умствование: о установлении во всем до общественной жизни касающемся праворазумного в гражданских делах уложения, или начал узаконения. Она есть: 1-е, всяких в общежительстве наиполезнейших вымыслов и должностей отец, яко их пачинающий; 2-е, оных вымыслов и должностей в приведение ко исполнению мать, яко их раждающая, и, 3-е, всех оных по первому и второму случаю в общежительстве, в бытие, устроенных вымыслов должностей и способов, всеми в обществе живущими людьми к беспрестанному движению побуждатель, судия и полагатель за наблюдение и исполнение государственных или, так сказать, общежительных польз, или должностей, мерных награждений, а за преступления, или действия, общежительству вредные, мерных же наказаний, то есть юриспруденция должна занимать начало и конец каждого человека гражданского жития и действия его; во всех вещах и понятиях без наималейшего изъятия. Следовательно, юриспруденция о всем, что было, что есть и что впредь будет и быть может, рассуждать, заключать и предопределять должна сего дня и сочинять ее, и учиться оной познания, каждый гражданин по силе

своего в гражданской жизни участия непременно повинен, и нужен есть, и потому*.

§ 2

Начало сего плана да будет навсегда российского императорского величества изъявление, почему и действие по нем да будет от того же высочайшего благоволения. А целость сего сочинения есть общее снискание человечеству пользы.

§ 3

Начертание сего плана имеет о нужности и пользах, для коих он предприят, ясные свои доказательства.

§ 4

По силе права общежительного да будет каждый плана сего § навсегда в содействие общепольное прежде чрез посредство императорского престола наследника предлагаем к прочтанию императорского величества, дабы в рассуждении дела сего важности императорского величества благоволением доставлен он был прежде всем в империи под высочайшим императорским покровительством состоящим академическим и экономическим обществам для достодожного рассмотрения и апробации, чтоб тем охотнее можно было приступить к надлежащему его сочинению тогда, когда сей план одобрен будет.

§ 5

Сего для, по здравому рассуждению, оный план и все по нем изъятые предприятия ко исполне-

* Расположение плана сего для удобнейшего внимания в сочинении его изъятых польз состоять имеет в двух книгах, из коих в первой изъятые быть имеют начальные планы сего основания, а вторая содержать имеет к первой книге соответствующие из разных писателей подтвердительные доводы и паки от сочинителя плана сего собственные на все то приличествующие примечания и утверждения.

нию и в честь да будет навсегда, во-первых, императорскому величеству и императорскому высочеству, а потом и академическим, и экономическим обществам, и всем государственным, начиная с первых до самых последних мест судебных членам, и государственным же домам училищным, а за теми и всему не у дел находящимся знатному чиновничеству и патриотству российскому, и всем гражданам российским, и всем людям разумнейшим.

§ 6

План сей есть: 1-е, действо государственное, служащее ко управлению народами; 2-е, сущая всеобщая государственная экономия ко умножению числа людей, могущих академических и экономических обществ трудами пользоваться; 3-е, сущая же экономия наук, число полезных предметов с числом потребных к тому людей умножающая, и, 4-е, сущий ключ коммерции, приводящей людей: 1-е, в познание экономии и рукоделий и, 2-е, побуждающей их приобретений ко умножению и тем путь в государственное во всем изобилие показующий и чрез то всем вообще благоденственную в монархии жизнь составляющий. Того ради правильно есть, чтоб все государственные начальства, общества, чины и члены о всем в нем полагаемом рассмотрении, рассуждении и апробации свои в действо его о произведении учинить благоволили, прежде нежели настоящая юриспруденция сочинением будет начата.

§ 7

Действом государственным план сей есть потому, что предприятие его не до одного человека, но до общей пользы касательно, понеже оно к познанию и славе бога, к большому человекам усмотрению, познанию и почитанию его и наилучшим образом государственного сообщества и благоденства их ко устройению весьма принадлежит и пужно есть, ибо, начиная с пер-

соны монарха, оканчивая самым нижним членом или, яснее сказать, последним человеком государственным, план сей равно прямое свое действо имеет к сохранению целости и блага как каждого особенно, так и всех вообще живущих людей.

§ 8

Существенно всеобщую государственную экономию план сей есть потому, что его в действо произведением назначен будет чертеж, или план, к наилучшему и удобнейшему распространению наук словесных, к большей способности сочинения достопамятнейшей и вероятнейшей всего Российского государства истории, потом ее географии, по тем к надежнейшему устройению государственных каждому гражданину потребных и полезных как ему самому, так от него и до всех вообще касательных должностей, затем и к наилучшему государственному повсемственному удовольствию, пространнейшей и основательнейшей коммерции; а за всеми опытами современно наилучшее, или, так сказать, вечное и недвижимое государственных законов уложение¹ к вечному продолжению и непрерывному пользе человеческих благоприобретению. И сия экономия восстановлена и содержима быть может: во-первых, в правосудии и тем в соблюдении людей от напрасной гибели; во-вторых, в распространении наук, и чрез те в размножении разных государственных дел познаний, и в учреждении, и наблюдении своих должностей, и теми общими полз в приобретении; в-третьих, в распространении истинной чести, а чрез ту в возлюблении спокойства и тем чрез разумные вступления в супружества, в рождении детей, в благоразумном их воспитании и на пользу общую в наставлении, каждому им по способностям их и понятию, ко исполнению должностей, на государственной же экономии основанных, и, в-четвертых, в умножении рукоделий и их употреблением в продажи, в распространении коммерции, как о всем оном в дальнейших планах сего параграфа к большей ясности будет повторяемо,

§ 9

Итак, по вышеписанному *непрерывно принадлежат и нужны* есть России науки словесные, ибо давно уже любомудрые самодержцы всероссийские продолжают попечение оных о распространении. Но их распространению препятствует медлительность во многих местах на одно толко по-русски читать и писать простое обучение, время до трех лет и далее занимающая. Она-то, делая о науках небрежение или от них отвращение, в некоторых людях при научении от разнообразных пристрастий и вредное последование являет. А по всему оному весьма есть доказательно, что к обучению природного россиян языка потребных учителей великий есть недостаток да великая же в умножении оных настает и нужда. Того ради непременно нужно россиянам иметь стремление к распространению словесных наук, почему и следует в плане сем о их в России течении и разных писателей о их важно умствуемые извещения к достодолжному чрез то россиян к наукам побуждению как следует.

§ 10

Понеже по всему вышеписанному есть довольно понятно: 1-е, что от народного просвещения и вкорененного ему благонравия государственная польза есть великая и, 2-е, что в знании читать и писать есть надобность необходимая, то непременно нужно есть прежде всего российского народа умы предуготовить к люблению наук чрез изъявление ему настоящих или существующих в распространении оных польз. А потом изыскивать всевозможно способы наискорейшим образом уметь ученикам оные преподавать. Впрочем, и сие знать надлежит, что вкоренение наук подобно прививанию оспы, от несмертельного больного из привитой оспенные по большей части выздоравливают, а от натурально опасной или от смертельного больного принятой — по большей части умирают, то есть от доброго учителя добрые отменно науки приемлющий ученик будет человек в общежительстве уче-

ный полезный, а от худого или злохитрого учителя и безразборно всякозбродные науки приемлющий ученик в общежительстве будет ученый вредный. Вот какая есть сила и польза от наук и учителей! Сего для непременно же нужно выбирать лучших учителей и выбирать лучшее, чем учить или чему учиться.

§ 11

Сего ради словесных наук к распространению о нужном их скоропреподавании изъясня, *положим в начало, основание, устройство, утверждение и крепость благоденства общественного — правосудие.*

§ 12

Для единовидного и единоумственного правосудодействия необходимо есть нужнейш[ий], разумнейший, на естественном порядке основанный сочинен быть полный и целость государственную всемерно содержащий гражданский, или государственный, закон.

§ 13

Для законоизобретения, законосочинения, законоучения и по нем правосудодействования нужнейшее есть для всего Российского государства дело сочинить всеобщую, или универсальную, юриспруденцию.

§ 14

А чтоб во все то, что выше к снисканию общего благоденства о средствах изъяснено, способнее было достигнуть, непременно есть нужно доводить государство Российское до того, чтоб во всех достаточно было способности к скорейшему обучению и знанию читать и писать правильно и разумно.

§ 15

Следовательно, сим и доказано, что для всех в жизни человеческой наивозможным образом выгод-

ностей приобретаний, да к тому еще и в рассуждении разных наук множества, а века человеческого краткости пред всеми другими науками первейшие и самонужнейшие суть науки словесные; яко они суть всем другим наукам и художествам поспешествовать и каждой из них помятствование содержать и в них удобнейший путь показывать могущие, ибо многие изъясняли в них существующую величайшую ползу, а в незнании или невежестве — величайшее зло и источник всех злодеяний, следовательно, непременно умножать их должно.

§ 16

Многие люди утвердить могут, что разумное учение ведет умы человеческие к высочайшему познанию бога. к восчувствованию истинного к нему почитания и к достодолжному имени его прославлению, и сердцем чистым и духом смиренным во всем воли божией к покорению, и богоугодных дел и жизненного нашего блаженства к удобнейшему познанию и творению. Без разумного учения как в гнусном суеверии гнездящиеся невежество и уныние крайнейше блаженство человеческое подавляют и потопляют, так и в пагубном неверии, или безбожии, обитающие наглость и отчаянность по частям его рвут. В невежество погруженными людьми удобнее действуют бунтовщики, а просвещенные, вред сей отвращая, жить могут честно и благоденственно. Следовательно, умножать просвещение непременно надлежит.

§ 17

Выше сказано (§ 13), что нужнейшее есть для всего Российского государства дело сочинить юриспруденцию того для, сколь непременно потребно то, чтоб ее сочинить со всевозможнейшим благорассуждением для всех российских разных народов общую, столько ж нужно и то, чтоб по ней к знанию производств юридических каждого, до кого что потребно, обучать и чрез то, истребляя разные о законах толки, все истине при-

соединять, дабы не с мнимым, но с истинным правосудием спокойства подлинно достигнуть было можно. Следовательно, для сего надлежит учредить по всем городам школы юридические.

§ 18

Для общей же пользы многое число людей, читать и писать обученных, иметь нужно для произведения в действо всех тех предприятий, о коих экономические общества и все оным соответствующие люди благоразумные трудятся, ибо сверх оных людей числа, кои в трудах российского Вольного экономического общества² от разных добродетельствующих персон описаны, могут быть по нижним экономическим должностям в употребление приняты со знанием грамоте за полезнейших еще и следующие, а особливо в хозяйстве, каждый особенно должности своей полным систематическим порядком сочинения имеющие и знающие: 1-й, дворник, который б купно был и строитель не только одного своего дома собственного или приказанного, но и некоторого числа ему вверенных домов, купно же и наблюдатель бережения лесов; 2-й, ключник с полными вверенных ему имуществ к сбережению наставлениями; 3-й, с такими же полными наставлениями и знаниями купно с помогающими им фамилиями садовник с знанием садового искусства; 4-й, скотник с знанием скотолекарств. Равно им, 5-й, птичник; 6-й, конюший, купно и смотритель над лугами и коновал; 7-й, выборный для знания и надзирания над полевыми работами; 8-й, староста для знания ж и надзирания над домашними крестьянскими работами; 9-й, пчеляк для содержания пчел; 10-й, рыболов, купно и рыбозаводитель и всех водостроений наблюдатель; 11-й, купчина и о всех хозяйственных куплепродажных делах наблюдатель и рачитель; 12-й, питьевар; 13-й, повар с всевозможным потребносведением о медицине; 14-й, исправнейший кузнец; 15-й, всяких хозяйственных экономических дел писарь, и оных содержатель, и всей хозяйственной библиотеки хранитель, читатель и экономических примечаний сочинитель;

16-й, прикащица для надзирания над всем полом женским; 17-й, ключница для всего того, что до женского наблюдения и действием исправления принадлежит. Все сии для лучшей в хозяйственных делах исправности должны уметь читать и писать. Из сего очевидная есть польза. Того для потребно, дабы все таковое число людей грамоте обучены были и все бы оные в хозяйстве должности разумно исправлять, а в недостатке людей хотя малое, но не простое, а ученое уже из них число свои должности занимать могли.

§ 19

По таковом о всех общественных трудах и от них пользах и оными пользоваться препятствиях, рассмотрении и рассуждении, следуя примеру людей добродетельных, всех оных ради причин по законной вольности *должно побуждать всякого гражданина благо-разумного, дабы он во отвращение вышенисанного словесных наук в учении и учителях недостатка и оных экономических и всех ученых людей всякого рода наставлений в действия к произведению во вспоможение непременно служил своему отечеству скорейше россиян природного языка читать и писать учением и в деле сем упражнялся и успехи свои доводил дотоле, чтоб читать и писать научать было можно не только в год и менее года, но паче трудился б дотоле, доколе человеческие понятия учительскому искусству соответствовать могут.* Дабы сия скорость делала к наукам привлечение и впред прибавляла бы число лет каждому по разным склонностям или к слушанию вышних и всяких разных наук, или к обучению разных художеств, и тем могла бы возрастать знаменитая России польза. Понеже сим будет исполняемо желание вечно благославной памяти государя императора Петра Великого, равно сему и ныне царствующей всеавгустейшей российской монархини о просвещении народа своего благоволение, сему-то в последование императорская Академия Наук тщательно желающим для сего и дает достойно позволительные оного в действие к произведению свидетельства; однако *к сему ж в пре-*

дупреждение непременно нужно, как и выше уже говорено (§ 10), предуготовить или преклонить к люблению наук российского народа умы, чрез внушение каждому от наук пользы и к тому чрез всемилоостивейшее изволение, силу и повеление монарше, ибо в противном случае, не сделав сего дупреждения и не показав народу от наук пользы ощутительных, все о распространении их предприятия оставаться могут без жадного действия. Сего-то для и предприят сей план сочинять и оный к высокомонаршему благоволению поднести, дабы народ к наукам чрез написанные в нем пользы и средства побужден быть мог, а потом и с стороны правительства чтоб каждому грамоте обученному человеку заблаговременно к общепользным действиям в гражданстве многие открыты были дороги, должно всевозможным образом изъяснить и высочайшей власти ко узаконению правосуднодостойных воздаяний всеобщее мнение поднести, дабы оные самым существом неложно каждого гражданина на употребление себя в пользу общественную побуждать могли. Вследствие же сего да благоволено будет и плана сего сочинителю быть учредителем самонижайшего класса народных государственных волных школ. И да будет он со всеми своими предприятиями принят под собственное императорского величества и наследия его и всего правления государственного покровительство. и охранение от всех могущих ему быти в деле его препятствий, и вреда отвращения, ибо без сего, конечно, с надлежащим желанием к пользе общей совершенного успеха быть не может. Понеже всякое повое да еще и велико предпринятое дело, сколько бы оно ни было полезно, не только ко исполнению приводить, но и начало ему сделать великая есть трудность; потому-то на него по самому естеству и право лежит для названия его великим, что его и рождение и возвращение до плодов бывает трудно. И хотя для сего никто из благоразумных людей не должен доброго своего предприятия оставлять, ибо не ныне, так заутро, не в нынешний год, так в последующ[ий] за сим, не в сей век, так в будущий дело доброе, конечно, за дело доброе добрыми людьми принято быть может. Однако, дабы

приватный человек общепользные дела в произвождение удобнее доводить мог, надлежит позволить, дабы он имел свободу иметь прибежище и откровение своему монарху, чтоб того силою и могуществом разум человека приватного к пользе рода человеческого употреблен быти мог.

ПЛАНА ЮРИДИЧЕСКОГО ТОМА ПЕРВОГО КНИГА ВТОРАЯ

Состоящая из содержаний к первой плана сего книге соответствующих, то есть из собранных от разных писателей, на каждый в первой книге § в подтверждение доводов и паки сего же плана от сочинителя собственных на все то приличествующих примечаний, рассуждений и утверждений как следует.

Под § 1

Плана юридического напредначертание.

Когда сей план апробован будет, тогда для большей удобопонятности плана сего в напечатании на блюсти следующее: 1-е, книгу первую печатать форматом букв сорта большего; 2-е, вторую, то есть подтверждение писателей, форматом букв сорта меньшего, а, 3-е, собственные мои в книге второй выяснения печатать кузифом.

Под § 3

Плана сего на предприятие и сочинение.

Отделение 1-е

По предприятии моем к делу сего плана как только я стал при начертании его в разных писателях приискивать приличные к сей материи, кого в нем писал, мыслей, то нашлось их столь много и столь приличных, как будто я с них копию брал, хотя я до того и вовсе никакого сведения об них не имел, и столь их накопи-

лось много, что не только принужден я план сей разделить на две книги, но и весь онный план в свет разумный для достойного рассмотрения издать в 4-х томах. Итак, сии книги будут, подобно как в музыке прима и секунда, во всех четырех томах одну песнь петь.

Отделение 2-е

«Экономического магазина» *³ некто сочинитель, без именованья себя, о зеркалах, изобретенных Кулибиным, говорил: «За короткое пред тем время, как получил я о сем изобретении первое известие, пришла мне самому самая та же мысль в голову, что можно бы повторить сияние свечи несколько раз, естли б составить оное из множества зеркальных штучек, и уже несколько дней и упражнялся в черчении и выдумывании того, как посреди самых сих затеев получил я 16 № «Московских ведомостей» и увидел о учиненной подобной тому прежде меня и лучшей выдумке господина Кулибина».

Из сего доказательно есть, что натурально правильные мысли не сбивчивы! Видно, что они всегда всякого человека к прямой цели общественного блага ведут, когда кто единострасно о благе общем судить станет, не ослепляясь самолюбием и зверскою не только к пище и одежде, но и к разуму человеческого глупою алчностью и жадностью и ложною о всем пред другими лучшестве надменностью! Итак, не должно удивляться, что одну вещь в разных местах разные люди вдруг изобретать могут.

Отделение 3-е

В книжке под названием «Евгсеонит» ** в предупреждении изъявлено: «Что нет ничего нового под солнцем, о том за 4000 лет *** до наших времен сказано

* Части 2-й на страницах 83-й и 85-й.

** Печатанной в Москве в университетской типографии в 1782 г. ⁴.

*** Еклесиаст, гл. I, ст. 10.

было. Часто в одном веку или в один год в разных странах людьми, как бы по некоторому умов согласию, одно искусство находимо было. Часто мы называем изобретением то, что древним известно было и потеряно».

Отделение 4-е

В книжке под названием «Путешествие добродетели» * изъяснено: «Часто полезнейшим и лучшим писателям попрекают, что они пишут не собственное свое, а подражают другим и сочинения свои наполняют разными исключениями, но не помышляют того, что спустя две тысячи лет после времен Соломона невозможно изобрести ничего нового, когда уже и в то время ничего нового во всем свете сказать было невозможно, что сходные разумы могут иметь сходные мысли, подобное и соединение оных, а часто и сходные выражения и что новые писатели имеют то несчастье, что поздно пришли в свет сей, дабы могли почитаемы быть подлинниками. Говорит Донат⁵ в Гieronиме: «Да погибнут те, которые прежде нас наше сказали», но тем счастливее новые читатели, что не имеют нужды искать жемчугов в остатках древностей, понеже богатство древних и новых писателей находят в едином месте, а сверх того, пользуются красотою одежды и новостью слога».

Под § 4

Во изъяснение силы великих персон и патриотов, плана сего предприятие утверждать могущих.

Отделение 1-е

Сей план юридический по справедливости посвящен всему государству Российскому для следующих причин: 1-е, для произведения в действо расположений

* Печатанной в Москве в университетской типографии 1782 года, в части 2-й, на странице 52⁶.

его, потому что российский монарх есть целость спокойствия всего России принадлежащего народа; 2-е, что наследник монарший есть государственного спокойствия крепость и надежда. Итак, по сему плану всего предприемлемого к сочинению непременно каждый себе за должность да вменяет всеподданнейше прежде предлагать свои мнения или мысли к прочтанию и поправлению императорскому высочеству, дабы оное по императорского величества изволению предлагало для такого ж прочтения и поправления императорскому величеству, а императорское величество потом для дальнейшего по всемилостивейшему своему к государственной пользе стремлению учрежденным для общей пользы академическим и экономическим собраниям к рассмотрению и за сим уже к императорскому величеству для комfirmаций взнесению, а напоследок и в свет ко изданию.

«...Словом заключить, спокойствие государственное зависит от государства согласования во всем образе истины. Согласование же образу истины состоит во имени на хваления и хуления сердца прямого (то есть в кую-либо страну не наклонного), самоважнейшая же во имени на хвалении и хулении сердца прямого надобность не выходит из двух пунктов сих — *исправления избытков в земле, употребления людей*. Когда государь любит и почитает добродетель, когда источники блага делает чисты и содержит себя в правосудии твердо, когда, с ними будучи, людей и вещи употребляет и отвергает без пристрастия, когда возмогает иметь разбор между обогащением и справедливостию строгой, то обе — и народную любовь, и государственное благополучие — получит вкупе, подлинно от сего единственно они приходят, для того что на сие единственно по желанию его благодать высочайшего неба нисходит и с сим единственно пребывать может вечно. Се место, в коем для него к понятию проищательному, к знанию совершенному, ко утверждению воли справедливой и непревратной, ко установлению сердца своего прямо и неколеблемо успехи бывают верные; и се место, от коего ему ко исправлению себя, ко устройению своего дома и к восстановлению благоден-

ствия в государстве пользы будут надежные. Нет сомнения сказанному в сей книге, что человеку просвещением разумной души своей со обновлением по просвещению других установить себя на благе истинном можно...»

Под § 11

Во изъяснение, что есть правосудие и какая от него и почему в общежительстве польза быть может.

Отделение 1-е

Речение *правосудие* я вывожу из речений следующих: правитель всего света — бог, который всем созданным своим непреклонно премудростию своею управляет. Сему подобно от речения *правитель* я вывожу речение *правда* сам, то есть бог. Подражая сему, по человеческому разуму вывожу я речение *правда есть рассуждение или определение*, человеческим умом написанное или изреченное, такое, которое *самого бога правление, то есть закону естественному согласное*. От сего заключаю и звание людей праведных, тех, кои с волею правления или правды божией с определением мыслят и делают в жизни согласное. Выше сказано (§ 7), что в правосудии есть государственная экономия людей, того для по приличности слова здесь о происхождении оной экономии государственной изъясняю: во-первых, что восстановлением правосудия наилучшая может быть устроена полиция, а тою довольно может быть удержано безумное и дерзкозверское от непросвещения или слепоты толко ума человеческого происходящее человекоубийство; во-вторых, от уложения наилучших к удобнейшему и скорейшему истинному правосудопроизводству правил чрез скорое право суда производство отвращена будет и оная многочисленная людей напрасная гибель, по многим городам от содержания в тюрьмах нужною смертию устрояемая, так как законная; в-третьих, от сбережения тех караульных от гибели, которые за упущения оных тюремщиков изпод стражи яко повинные страждут, а иногда и вовсе

гибнут, прилагая к сим гибель иногда и судей за их в делах судебных или по страсти за неправосудие или и за невежественную оплошность; в-четвертых, от сбережения того хлеба, который сии несчастные втуне поедают; а в-пятых, и от умножения той прибыли, которая от тех тюремщиков по годности ими работ прибывать могла б, ежели бы они не в тюрьме, но на свободе жить могли. Вот что содержит правосудие!..

Под § 13

Изъявление разума, таким образом, юриспруденцию российскую плана сего сочинитель написану быть располагает.

Отделение 1-е

Юриспруденцию и ее соделание на российский язык можно уподобить тому, что прежде у царя Ивана Васильевича названо Судебником, в котором * явствуется: «Лета 7058-го [1550] июля в 18 день царь и великий князь Иван Васильевич всея России с своими бояры Судебник уложил, как судити бояром, и околничим, и дворецким, и казначеем, и дьякам, и приказным людем, и по городам, и по волостям».

Отделение 2-е

В рассуждении, что оный Судебник, так как и царя Алексея Михайловича Уложение, хотя на один конец начало свое имели, то есть (так как я в § 1-м о юриспруденции в пространном смысле изъявил) ко установлению правосудия и тем общего спокойства государственного, но они писаны без такого разделения, какого я о юриспруденции полагаю, того для должно предпринимаемую юриспруденцию России сочинять из Судебника, Уложения и из всех разных философских и государских правительных учреждений и указов, раздельно изъемя разум слов: один оставляя к веч-

* Напечатанном при Сенате в 1774 году.

ному узаконению добра и зла, а другой — к изысканию о добре и зле, то есть слог юридический, изъясляющий вымысл и сочинение, в какой вещи или в каком действии в общежительстве есть добро или зло, которое вечно в различии хранить надлежит, должно иметь особо от слога юридического, изъясляющего о способах, каким образом или средствами должно изыскивать о известном уже добре и зле в рассуждении толко того, чтоб узнать истинно, кем, что, когда, как и от какого источника произошло и каким средством добродетель и чрез ту общее спокойство, так как бы точный наш жизненный рай, созидать и охранять, а зло и чрез тот общественный вред и всегдашнее от одного к другому в жизненной опасности и страхе адское мучение отвергать. Следовательно, посему двоякому в юриспруденции слога и разума разделению *надлежит*: добра и зла юриспруденциею изыскание и *вечно* ей же к хранению всеми разумы утвердительно *предание* называть *законом*; а изыскание о добре и зле, то есть как оно в общежительстве происходит и чрез то добро или зло раждаемо или истребляемо бывает и почему закону естественному и гражданскому чрез последование общее спокойство сохранять возможно, именовать должно *законоучением и законоисполнением*.

Под § 14

Рассуждение о причинах, для чего всем гражданам должно уметь читать и писать правильно и разумно.

Отделение 1-е

Наука всем читать и писать правильно и разумно потребна для того, что выученные слабо не могут иметь к пользе общей такого действия, какого бы по званию каждого от них быть могло...

Под § 17

Рассуждение ко учреждению школ юридических.

Отделение 1-е

Довольно России известно, что ныне к действию по наместничествам писмоводцы и юристы (по содержанию об них манифеста, и 1779-го года генваря 9-го дня указа, и к номеру 35-му 1781-го года «Санктпетербургских ведомостей» прибавл.) надобны, следовательно, как юридические школы учредить, так и прежде еще того оную желанную быти в сочинении юриспруденцию иметь непременно нужно, дабы к обучению гражданства школы юридические по ней уже обучение свое иметь могли. В рассуждении сего непременно ж нужно прежде пауки словесные распространить, ибо, как без распространения наук словесных юриспруденцию, таковую, как выше сказано (§ 1), сочинить неудобовозможно, так юриспруденции дотоле обучать неудобоплезно. Сего ради, паки говорю, весьма нужно есть прежде заготовить множество людей, которые бы ту мною желаемую быти сочинену юриспруденцию не только могли читать, но желательно есть, дабы из таковых оказались желающие и способные оную со мною и сочинять, нежели чтоб я прежде приуготовления к тому людей начал ее сочинять тогда, когда и готовых у нас имеемых, и беспрестанно многими рачительно с разных языков переводимых книг читателей имеем недостаток...

Под § 18

Возражение на тех, кои к распространению наук желания не имеют.

Отделение 1-е

Я не знаю, что сказать могут те, которые мое к обучению россиян предприятие пренебрегали, почитали за неважное, за ненужное, кои еще над мною в том и насмехались, и больше уважали науки языков иностранных, нежели своего собственного, и кои изъявляли больше нужность в красноречии. Не явно ли, что они то делали, не зная, куда бы им и на какую долж-

ность таковых не чужой язык умеющих людей употребить, ибо видели они, что и те, кои у них своего языка читать и писать обучены, вместо пользы больше во вред обратились, того для и оное заключение, якоб посему и не должно уже им людей своих обучать, сделали неправильно. Они не заметили того, что людей их на вред обращению точная причина не что оное, как господское попущение жить при них людям без всяких для них в экономии ко упражнению заготовленных должностей, сия-то есть первая причина, от которой люди, проводя время в праздности, изобрели себе за должность играть в карты и прочие иметь неполезные и вредные упражнения. Итак, от сего явно есть, что от грамот умеющих людей как вреда опасность, так и бесполезность заключена ими весьма неосновательно по непознанию ими того, что дознанному ими вреду собственное господ неосмотрительное над ними владычество и праздность, а не науки и не природы тому причиною.

Когда приходят мне на память бывшие надо мною (не только от иностранных в незнании нашем пользу свою иметь могущих, себя более славящих и потому отменно и насмехатся над нами любящих и благу росску завидящих, но и от моих соотечественных) за мое для обучения российскаго языка к заведению школ предприятие насмешки* и когда я все оные от грамоте имеющих неудобности и вреды в мыслях моих соображаю и представляю себе в рассуждение напроотиву сего добродушных и человеколюбивых мужей для сохранения человеческого здоровья в сочинениях и переводах полагаемые и по всемилостивейшему императорскому повелению печатанные труды, как, например, наставление народу в рассуждении его здоровья, наставления отцам и матерям о телесном и нравственном воспитании детей и прочие книги медицинские, как-то

* Но кто сии были люди именно, о том объявлять ни малейшей надобности не состоит. Я надеюсь, что они, познавши о своем неразумном о мне и моих предприятиях заключении, сами себя стыдиться будут. Так на что ж их озлоблять еще к тому в дополнение. Я желаю всем благоразумного исправления.

домашний лечебник, изъяснении вреда от неумеренности в любострастии, составляющие великую государственную в сбережении народной гибели экономию,— смею полагать, то и все государства Российского обоего пола всяких чинов и состояний люди достойны быть словесным природного своего языка наукам обучены. А потом Экономического общества труды прочитав, сколь много сожалею тех трудов! И сколь много над слепотою ума человеческого или, так сказать, безрассудно-зверскозлобною завистию с ненавистию пользы другого, общую ползу вредящую, смеюся!.. Ибо разумею, что над мною насмешки были частию от простоты или незнания, частию же от злости, в непросвещенных, алчным суеумствованием поврежденных людях находящиеся!.. И потому, презирая мне насмешки, рассуждаю, что ежели не будет умножения знающих оные экономические труды читать, то сколь сожаления достойно, когда толикие труды со временем вместо нарощения пользы, или тщете, или далнему по несчастию чрез ослабление народное и вовсе так, как и сей мой план, забвению преданы быть могут, ибо естли городским жителям или за службами, или веселостями, или какими особливыми нуждами о сих трудах подумать будет некогда, а деревенские жители и крестьяне грамоте знать, следовательно, их читать и экономии по ним учиться не будут, то сколько ж от оных всех, так как и от сих настоящих моих трудов, пользы будут?!..

Отделение 3-е

Волного экономического общества в трудах объявлено: «По сведению о состоянии российских крестьян сочинить для их употребления и наставления книжку под именем «Зерцала крестьянского» величиною не более пяти или шести листов печатанных, которая бы содержала простым, но чистым и ясным слогом изображенные краткие правила, а именно: в первом разделении — о воспитании его детей и о соблюдении своего и домашних своих здоровья: во втором — о домашнем его хозяйстве, земледелии, скотоводстве и прочих промыслах и упражнениях, объясняя притом,

где прилично, краткими рассуждениями пользу и вредность каждой вещи».

Следовательно, в рассуждении чинимого о сочинении такового подробного крестьянам наставления запроса удобно заключить можно, что желательно есть, чтоб крестьяне грамоте были обучены, ибо без того бесполезно бы было для них запрашивать сочинять оное «Зерцало крестьянское», ежели они его читать уметь не будут. Я к сему в дополнение полагаю, что в экономии нужно разделить так эконому и подчиненным его упражнению, чтоб назначено было именно во весь год, что, какому человеку, где, когда, как делать...

Под § 19

Рассуждение о вольности, состоящей в народе российском к снисканию общественных польз.

Отделение 1-е

Вольность каждому россиянину к снискиванию пользы общественной я заключаю по ее императорского величества всемилостивейше изображенному 1765-го и 1779-го годов Правительствующего Сената в указах позволению «каждому служить в таком роде службы, к коей кто находит силы свои уравниваемые».

Отделение 2-е

В «Экономическом магазине» (части второй на странице 34) не объявивший своего имени сочинитель говорил: «Человек, употребивший себя во что-нибудь во особливости, всего скорее и способнее может выдумать, замечать и находить разные новые нужные и полезные вещицы, относящиеся к той части домостроительства, к которой он наиболее имеет склонность и в которой наиболее упражняется. Многие ненарочные и сами собою встречающиеся с ним случаи могут нередко подавать ему след и повод к открытию и сде-

ланию чего-нибудь нового и до сего неизвестного, нигде не употребляемого, и сколь легко статся может, что иные из них и не похотят учиненных ими открытий и нужных примечаний утаить за собою, но, сообщив их своим гражданам, предадут оные потомству».

Отделение 3-е

В духовном регламенте⁷ (в части 2-й, о исправном учении, в регуле 6-й) предназначено: «Избирать учителей так, как в Париже повелением короля Людовика XIV заключена кратко грамматика, что в год обучить остроумного человека можно». А части 3-й в должностях под числом 2-м изъяснено, что «всякому волно доносить Сенату о правильных прибылях государственных».

Отделение 4-е

Учреждением наместничеств (в статье 384-й) предназначено: «В рассуждении народных школ приказ общественного призрения долг имеет стараться, чтоб оные были установлены: 1-е, по всем городам, а потом в тех многолюдных селениях, кои подсудны верхней расправе, для всех тех, кои довольно пожелают обучаться во оных. (В чем, однако же, не чинить никому принуждения, но отдать на волю родителей, отдавать детей в школу или оставлять дома.); 2-е, чтоб неимущие могли учиться без платежа, а имущие — за умеренную плату; 3-е, учреждение в народных школах имеет на первый случай состоять в научении юношества грамоте, рисовать, писать, арифметике, детей же греко-российского исповедания учить катехизису для познания основания веры, толкованию десяти заповедей божиих для вкоренения нравочения всеобщего». В 392-й: «Буде случится, что частный человек или какое общество захотят установить, которое из тех (кои написаны в главе о должности приказа общественного призрения, для общественной пользы потребных) учреждений или к установленным прибавить поже-

лают своим иждивением*, то приказ общественного призрения не чинит в том никому препятствия. Лишь бы установление сходствовало общим для установлений предписанным правилам и оных не повреждало». Тако ж и в уставе благочиния⁸ в части 83: «В каждой части иметь народную школу безденежно».

К сему в соответствие приличествует и 1754-го года генваря 54 дня манифест о учреждении в Москве университета...

Отделение 6-е

Я, плана сего сочинитель, о распространении словесных наук предприятие уже тому девять лет как имею, и донныне оно столько возросло, что, естли изволение и сила божия и монарша предприятию моему споспешествовать благоволит, отныне чрез истинных патриотов российских, сограждан и прочих людей благоразумных к тому мне вспомошествование, чрез скорое время всех Российского государства обоего пола людей со всеми европейскими государствами словесных наук познанием в сравнение привести по милости божии уповаю. Да и должно о сем иметь попечение. По известию явствуует, и в Константинополе школы заведены. А надежда к сему *словесных наук в России* возвышению есть то, что *к преподаванию их порядок* по сему плану для учителей и учеников существовать будет совсем *новый*, нежели как донныне в России есть. *Сего-то для необходимо потребна мне* от императорского величества особая *привилегия* и прочее к тому необходимо же нужное к моему искусству и плану *вспомошествование* для учреждения самонужнейшего и нынешних народных школ степенью низжайшего класса государственных волных школ; и со всеми оными школами потребно по таковой привилегии *вечно быть мне под высочайшим императорского величества осо-*

* Я, плана сего сочинитель, при сем признаю, что, конечно бы, все мое имение так, как разум, на толь обширное предприятие употребить не пожалел, но ни же малое основание учинить сему могу за недостатком.

бенно покровительством, с тем чтобы учредить мне оные школы, ежели императорскому величеству благоугодно будет, под именем императорского высочества, то есть российского императорского величества престола законного наследника или его детей, наподобие оных щедрот, коими в Москве свободная больница учреждена; и состоять оным школам вечно в бессмертную память императорского величества ныне в России царствующей государыни, всемилостивейше матерней к России любви, под именами российского императорского престола наследников, дабы оные школы вечно под высокомонаршим от всяких сему предприятию препятств охранением и защищением быть могли. И сие для того, чтоб всегда из оных наследников, яко есть нижайшего класса школ ученики, по всей возможности уже к принятию наук заготовленные, тем удобнейше могли входить в большие для наук и художеств императорским величеством донныне по городам высочайше устроенные академии, училища и школы к совершенному уже во всем наставлению их, к приобретению дальнейшей пользы государственной.

Привилегию на сие испрашивать я имею надежду в рассуждении, что по великому императорского величества о распространении наук попечению в 1776-м году генваря 31-го дня ее величество пожаловала учрежденной при церкви святого Петра немецкой к школе привилегию...

Отделение 9-е

Выше сего мною изъявлено понятие (под § 18, в отделении 1-м), что и наученные грамоте люди в праздности не только без ползы, но и на вредные дела во употребление себя праздностию побуждаемы быть могут. В рассуждении сего, дабы таковому неустройству или несчастью их предупредить, предрассуждено мною и предпрята для всех тех, кои в моих школах читать научатся, подобно как некоторая учености пища, то есть из моего собственного разных всяких книг чтения к сочинению бесконечная книга под на-

званием «Лес лесов» *⁹, которую всяк, читав, может к скорейшему и наилучшему доводить себя познанию и делать чрез нее как себе самому, так и всему человеческому состоянию в жизни пользу. А как сей учености пищи для беспрестанно заготовлением продолжение весьма нужно иметь мне достаточную библиотеку, то паче потребно и к тому всемилостивейше императорское позволение входить мне в библиотеки государственные для чтения всякого рода книг, для ежедневного увеличивая оного повсеместного, для пользы государственной бесконечного под именем «Леса лесов» давно уже предприятого моего сочинения.

Итак, за сим рассуждением ясно есть, сколь нужно мне прибегнуть с изъяснением моего о распространении наук словесных предприятого желания, ибо естьли на все сие получу я силы и могущество от высочайшего благоволения монаршего и тому соответствующих патриотов, то, конечно, много в деле своем предуспеть могу, почему надеюсь и ожидаю благоволения, что, как высочайшая власть и сила императорская, так и все российское попечительное о добре общем благоумствующее ученых людей общество о мне и всех оных для государства экономических предприятиях моих, войдя в патриотическое рассуждение, не преминет учинить благопотребное к пользе общей определению.

Всяк благоразумный посему разуметь может, что я не без неудовольствия продолжил оное в моем предприятии девятилетнее время, ибо, познав великие от просвещения народного пользы и нашед способ к тому их распространению, но для того желаемой привилегии донныне получить за неимением о сем к императорскому величеству руководителя не могши, конечно, имел и огорчения. Однако на желание мое, противуборствующему времени повинуюсь, на сей неуспех вовсе не огорчился и оного предприятия моего вовсе не оставил, ибо знаю, что ежели российский природный язык распространен не будет, то (как выше сказано

* Плана сего том 3-й.

под § 18) всех во оном государстве патриотствующих людей труды и умствования не будут приносить желаемой пользы, ежели книг, читателей, следовательно, и покупателей их будет мало. И сие желание мое продолжал я до 1783 года, пока некоторый российский чиновначальник план сей сочинить мне одобрил и в благоупотребление от меня принять его обещал. Но сего не исполнил.

Препятствия моему о словесных науках предпрятию были следующие: иные говорили мне, ты-(де) того сделать не можешь; иные — не должно-де просвещать народ, из того-(де) будет вред*. А как я парочно сделал выписку из разных писателей, чрез кую то их ложное возражение опровергнул...

Отделение 10-е

Изъявление польз, существующих в распространении словесных наук.

...Сего для и употребил я мои труды на сочинение краткого и из разных писателей о содержимых в словесных науках пользах доказательства, отнюдь не для тех, кои в науках пользу знают, но для тех, кои о пользах в них по неведению в небрежении или и в нелюблении наук находятся. И сие нимало не из тщеславия, но чтоб в незнающих оных полз возбудить к наукам желание, к тому ж кажется мне лучше хотя понести себе нареkanie званием тщеславного, да сделать обществу пользу, нежели, опасаясь тщеславием нареkania, ничего не делать. А чтоб сие сочинение могло во умах народа нашего подействовать больше, то за наилучшее почитаю, ежели сии мои доказательства подтверждены будут или от высокого правительства, или от сильнейших чиновных людей, или от Волного экономического общества, — словом, как бы то ни было, токмо я к наивящему в том споспешествованию весма за нужно почитаю не знающим еще в науках полз для ревностнейшего к ним побуждения дать о существующих в

* Но объявлять их, кто они таковы именно, как и выше я сказал, никакой теперь надобности не состоит.

распространении словесных наук пользах достаточнейшее изъяснение в рассуждении, что большая часть народа нашего есть безграмотных, следовательно, потому и пользы от наук не знающих, а не знающие в науках пользы не могут иметь к ним и желания., ибо благоденство человеческое как в гнусном суеверии гнездящиеся невежество и уныние, так и в пагубном неверии или безбожии обитающие наглость и отчаянность по частям рвут. Известно, что законоучение и законопознание целость нашего благоденства содержат, что в невежестве погруженными людьми удобнее действовали бунтовщики, а просвещенные, вред от себя отвращая, жить могут честно и благоденственно, что науки российскому победоносному оружию довольно споспешествовали и ныне споспешествуют и во многом Россию украшают, что чрез просвещение и разные о законах толки умолкнут, все истине присоединится и тем скорее спокойствия достигнуть надежно, ибо если, как выше сказано, положим, что ныне вообще и во всех человеках одного грамоте умеющего числится сумнительно, то не увидим ли от сего явную и великую трудность в том, чтоб возможно было всех удовлетворить правосудием? А как всякому смыслящему понятию, что если нужен слушателям проповедатель, то потребны и проповедателю слушатели. Если нужны читателям книги, то бесполезны и книги без читателей. Итак, если положим вначале основание, устройство, утверждение и крепость благоденства общественного — *правосудие* и увидим, что оно требует *установления или закона, коим бы объяснено было однократно, что кто в обществе яко добро делать и что яко зло не делать должны, и как злых наказанием от зла исправлять, и как же добрых награждением за добро прославлять, к восстановлению наилучшего в благоразумно управляемом государстве спокойствия и благоденства,* — то в заключение сего самая необходимость доказывает за потребность иметь, чтоб человеки доведены были до совершенного законопознания, ибо без познания сего ни от потрешностей их ухранить, ни без воздаяния им те оставить, а потому и спокойствия с благоустройством достигнуть не есть возможно. Следовательно, для общест-

венного благоденствия нужно правосудие, для правосудия нужен закон, для законоизобретения и для законознания и потому право суда производства нужна юриспруденция, а для удобнейшего ко всему тому вникновения и всего того исполнения нужно всем государственным жителям знать природный свой язык, читать и писать правильно и разумно. И мною я, что в рассуждении разных наук множества и века человеческого краткости науки словесные всем другим наукам и художествам споспешествовать и каждой из них памятование содержать и путь в них показывать могущие всяк здравомыслящий почтет для общего блага за нужные, ибо многие о сем изъяснили.

Отделение 11-е

Всемилоостивейшая государыня! Возрите благоснисходительно на все подданническое мое к службе вашему императорскому величеству принадлежащее изъяснение и прошение.

По моему прошению Правительствующим Сенатом к определению к делам быв я назначен, но никуда еще не определен, рассуждая, чтоб время тщетно не иметь и службу принять, силам моим согласнейшую и для государства полезнейшую, желаю вечно служить вашему императорскому величеству и отечеству моему в приобретении успехов к скорейшему российский народ природного языка читать и писать обучению. В коем бы донныне имеющую года по два, по три и больше да еще и то иногда в неправильном научении медленность наукам и вашего величества благонамерения совершенному исполнению наносящую препятствие зовсе отвратить и по всей возможности доводить его до кратчайшей скорости, чтоб сие впредь не только в год, но в несколько месяцев производить было возможно, да и не только тем, кои в юности, но и тем, кои уже в совершенном возрасте учится пожелают, и производить его без ущерба казенного и народу без наималейшей тягости. А каким то образом учредить, в приложенном при сем плане явствует, дабы чрез сие как вечно благославной памяти государя императора Петра Великого

в духовном регламенте изъявленное желание, так и вашего императорского величества учреждением народных школ яко многожелательное, которое доказательно много употребляемыми на то денежными суммами, народа российского о просвещении благоволение поспешнее исполнять, ибо учреждено: «Духовным регламентом избирать учителей так, как в Париже повелением короля Людовика XIV заключена кратко грамматика, что в год обучить остроумного человека можно». Учреждением наместничеств, что «приказ общественного призрения долг имеет стараться школы установить по всем городам и во многолюдных селениях для всех тех, кои добровольно пожелают обучаться во оных, и, буде частный человек захочет, установить, таковое учреждение или к установленному прибавить», то не чинить «в том никому препятствия». Духовного ж регламента части 3-й, в должности под числом 2-м, изъявлено, что «всякому волю доносить Сенату о правильных прибылях государственных». А понеже я по присяжной должности мною из сего предприятия моего иметь правильные прибыли государственные следующие: 1-е, знание читать посредством своим будет каждого предуготовлять к удобнейшему всяких наук слушанию и понятию, а знание писать послужит оных и к памятованию и к действию; 2-е, скорость учения соделает к себе больше привлечения, потому что каждый к словесной науке прилежать будет надежнее, нежели как тогда, когда за медленность времени в ней упражняться было отвратительно, ибо совершеннолетние и возмев иногда к наукам охоту, но мя, якоб им за протечением юношеских лет никакого же способа к наукам не осталось, во все обучения отчаяваются, а я и сих желание исполнить приемлю, чрез что число обученных умножится; 3-е, чтение же и писание каждому по склонностям открывает удобнейший путь, а скорость обучения сбережет им довольно времени к упражнению в разных полезных, какие толко вообразить можно, науках, художествах, рукоделиях, изобретениях, действиях и сочинениях, к познанию состояния человечества, к сбережению его целости, здоровья и гражданского спокойствия и ко уважению любви к ближнему и отечеству; 4-е, наученных бу-

дет в каждый год выходить умножительное количество, ибо и ученики мои скорое ж учение по моим наставлениям производить будут, равно и в другой, какой кто похочет, язык для науки за своим уже к тому помогающим вступать и в том понятие иметь могут свободное и успешнейшее. Следовательно, в каждый год Россия учителями и полезными разных упражнений познавательными и описательными вдруг и непрерывно умножаясь, вскоре правительству для русского языка на таковые, какие мною предприимлемы, школы о денежных притязаниях и употреблении без затруднения самоизвольное денег в народе циркуляцией, то есть вольным сбором и платежом, по одному толку языка своего распространению весьма много воспользуется в рассуждении, что к разным наукам или языкам способности или склонности не имеющие, вместо того что занимается одной вещи на разных языках наименованиями многими, свое время, стремление, понятие и память употребляя, могут познать на своем языке тысячи слов, разных вещей названия значущих, таких, кои к их склонностям соответственны, следовательно, вскорости ими в краткую человеческую жизнь к пользе общей и употребительны, и посему больше будет пользы на одном языке многими людьми из многих дел, нежели на многих языках из познания только языков и дел. Тако ж обращающимися в государстве нашем иноверцами от времени до времени чрез скорейшее русского языка и с чтением богослужения познания, так как бы без меча завоеванием их, и народа в России приумножится, ибо по опытам известно, что таковые и в подданства преклонятся и в нем с природными уравниаться могут, а потому и всех вышеименованных действий распространение и лучшее их совершенство из многих людей разнородных знания воспоследует. К тому ж уповаю я, что таковым читать и писать во учении труда и попечения на себя мною принятием как приказам общественных призрений в рассуждении много еще и кроме сего на них возложенной должности (яко-то: о сиротских домах, о больницах, о богадельнях, о неизлечимых больных, о сумасшедших, о работных и о смирительных домах в попечении), так и все благонравия и прочих

наук и судебных правительных и писмоводительных дел учителям может последовать облегчение и споспешествование. А сверх того, уповаю ж я, что как из таких школ вдруг может явиться много чтецов и писцов, то от сего воспоследует многая покушка, а чрез ту — побуждение сочинителей и переводчиков книг, из сих книгокупищников и чтецов всякий город, или дворянский дом, или кто бы то ни был добрый гражданин могут сочинить города своего, или дворянства, или какого-либо в том городе достопамятного дела истории; из них способнейше может быть сочинена полная российская история, из той — полная география (которой без истории бывший похвалный муж господин Татищев¹⁰, сочинять не могли, принужден был взятся писать историю), по сей полная экономия со умножением земледельческих и всяких в жизни дел знаний, от сей полная система коммерции, а из всех полная юриспруденция к общему благоденству российскому.

Итак, из сего довольно ясно, сколь весьма нужно и полезно России распространение природного языка, ибо ежели он распространен не будет, то все о разных науках, художествах, рукоделиях и о всем о чем бы то ни было наилучших и полезнейших книг множество и самая святейшая чистота и ясность законов не принесет обществу желаемой пользы, ежели книг читателей, следовательно, и покупателей будет мало. Тако ж понеже новейшие писатели полагают, а именно Г. Юсти, что «кроме вышних училищ нужны еще и другие учреждения, такие, посредством коих приготавлилось бы юношество к слушанию вышних наук», а г. Ренат — что «начертание наук представляется прозорливости и благоизобретению монарха и что самая нужнейшая статья есть порядок учения, который должен быть предписан государем», то по всем вышеписанным резонам и присяге, коего каждый россиянин обязан по крайней мере стараться, споспешествовать все, что к верной императорскому величеству службе и пользе государственной во всяких случаях касаться может. Оное мое к учению желание объявил я в учрежденной при императорской Академии Наук комиссии и, от оной получив достойное к тому

свидетельство, уведав, что нижегородское наместничество призывает к себе в приказные чины вольных 120 человек, и потому разумея в грамоте умеющих людей недостаток, тем и более признав предприятие мое за нужное, дабы его с наилучшим успехом в действо произвести, со всеподданнейшим благоговением ваше императорское величество всенижайше прошу: в рассуждении, что ваше величество о пользе нашего отечества попечение имеете верховнейшее и пред всеми наибольшее и законное, что мое предприятие можете пред всеми равнострастнейше и справедливейше ценить и уважить, что наревностнейше и наисильнейше можете привести оное во исполнение к бессмертной славе вашего великого имени и что вашему благонамеренному о школах началу принадлежит благое и окончание, по оному предприятию моему к производству практики (для вышеписанных всенародных польз и с теми сопряженно снискания мне вечного продовольствия на сию службу вместо бываемого жалованья) для учреждения на основании приложенного при сем плана самонизжайшего класса народных вольных школ пожаловать мне привилегию, которая бы памянутый план для дальнейшего наук распространения за единственный контракт в ненарушимости утверждала иметь со всеми теми, кои по нем со мною в дело вступать будут. К большому в учении успеху все милостивейше повелеть в губерниях или городах, где большее число к наукам желающих откроется, давать от кого надлежит особые казенные порозжие по числу учеников дома, и к тому ж в пристойнейшем для того месте завести мне типографию для печатания из практики в науках времени к сокращению будущих и прочих к тому книг. *И со оными школами и типографиею вечно принять меня так, как состоящая при немецкой святого Петра церкви школа в 1764 году принята, в особенное вашего императорского величества и всепросветлейших вашего величества наследников покровительство, дабы оную привилегию (яко есть высочайшим от всяких моему производству помешательств или притеснений защищением, предприятия сего высочайшею рукою вящше восстановлением и во многом к тому подкреплением)*

больше мог я содействовать к достоудолжному вашему императорского величества царствования прославлению в рассуждении, что ваше величество, по высочайшей своей прозорливости зная, что ничто не происходит у нас столь благоудспешно, как то, что предприимлем мы добровольно и по собственной своей склонности, и что не может человек столько подействовать, имея душевные свои силы стиснуты, сколько действует, имея оные в чистом распространении. 1765-го и 1779-го годов в указах всемилостивейшее изъяснили позволение каждому служить по силе и склонности своей; по коему позволению, познав я, что в сем предприятии моем всякой другой службы больше и полезнее предудпеть чувствую себя способна (лю без привилегии, вспомоществования, а теми купно и народа к наукам побуждения совершенно подействовать не силен и начать того не могу), сего для об оном к государственной пользе предприятия моем вшодданнейше изъясня, по присяжной должности ваше императорское величество сей привилегии мне о пожаловании и прошу, свято упоая на высокомоунаршее ваше правосудие и уважение сего моего предприятия, которое вашему императорскому величеству яко чистейшую от сердца моего верноподданническую жертву в посвящение приношу и с достоудолжным благоговением ожидаю от вашего императорского величества на сие всемилостивейшего благоволения...

Отделение 14-е

...Итак, по всем вышеписанным изъяснениям можно мне ласкаться упованием, что российское патриотическое собрание, разных до экономии принадлежащих вещей о приобретении и соблюдении шекущееся, конечно, меня на пользу общественную соблюдать и в предприятии моем наивозможнейшую помощь подавать благоудлит. Можно надеяться, что оно шохочет и меня наблюдать, и подобных мне приумножить, когда оно в напрасной от небрежения общего гибели скотов, и всяких произрастаий, и всего того, что в трех царствах натуры производимо есть, о разумном употреблении пишет

свои определения, когда о всем напрасно гиблющем сожалеет и когда всякий в государстве вред всячески во всем отвращает и всему полезному в произведениях умножения иметь желает. Посему, конечно, заключать можно, что читать и писать скороучение всяк почтет за экономию, всякого рода науки, художества и рукоделия по склонности в каждом заготовляющую, и соблюдающую, и ко всему тому первое основание подающую...

...Ежели российские жители из разных состояний объятые согласием и волю свою по моему плану школ к составлению или владельцы, каждый от себя или с селения хотя по одному или по несколько человек у меня читать и писать учить и по моему «Лесу лесов» пользоваться отдавать согласясь, в плане моем подпишутся (когда им все то, что мною выше к экономии о потребных грамотных людях писано (§ 18), покажется ненужным), то, сколь скоро пристойное число учеников открыто будет, школы мои учреждать начну там, где больше учеников открыто быть может или где императорское величество повелеть изволит.

...К тому же мое о помянутой отчине изъяснение последовало и потому, что по рассуждению господина де Беарде¹¹ о собственности крестьян опыт учинить собственными крестьянами редкий приступит осмелится в рассуждении сомнения, чтоб подданные не устремились выходить из подчинения и послушания господина своего и чрез то не могли бы, от него отбывая и сему противясь, яко безумные невежды за противность свою по закону гражданскому гибнуть. Сего всякому помещику по справедливости в таком случае сожалеть можно. А сии тихоновские отчины¹² мне для опытов наук и экономии отдача никакого бы сомнения от сущего крестьян просвещения не составляла.

В противном случае все марать бумагу на проекты, ежели благоразумие не поможет нам делать опыты, ибо без опыта ничего за верно совершенное познать не можно. К тому ж ежели б крестьяне в подчиненности моей быть и не похотели, то без всякого затруднения тотчас их сделать можно по-прежнему или в иные какие государственные жители правительство по благо-

рассуждению переименовать, ибо г. фон Клингштет * о истреблении порока лениности говорил: «Беспорядок такого рода, который не только столь сильно распространился, но и по важности своей великое имеет участие во общем государстве благоденствии, заслуживает по крайней мере то, чтоб, размышляя об нем, приступили к опытам для точного изведения: подлинно ли все краткие средства недействительны к совершенному истреблению сего порока или хотя к некоторому оного со временем уменьшению».

Вследствие сего всяк благоразумный рассудить может, что помянутой отчины для изъявленных опытов во власть мою препоручения желание отнюдь не было наклонением ко испрашиванию мне ею во владычествование. Мое желание не на такой страсти основано, чтоб что-либо просить от прозорливейшей монархии без заслуг моих. Сему я не подвержен. Доказывает то обширность моих предметов, коих, конечно, ко исполнению приводить ни сил, ни жизни моей не достанет. Знаю, что, кто берется за дела или науки многие, ни в чем совершенно успевать не может. Того для я желаю в делах, мною предпринимаемых, упражняться не один, но возбуждаю и прошу всех и каждого, чтоб мои предприятия со мною производить изволили многие любезные мои соотечественники и сограждане. Вся важность в моем сочинении состоит единственно во изъявлении моего желания и в возбуждении и наклонении и других к службе и пользе нашему отечеству. Сам я к действию по всем моим предметам склонность имею равную, кроме что к обучению словесных наук и склонность и способ имею большие. Впрочем, мое пристрастие одно, и есть оно все целое делать что-нибудь такое, чем бы была польза моему отечеству. Делать то, на что высочайшей власти и всех благоразумных людей благоволение к моим предметам впоследствии. Всяк знает, что я смертен, а по смерти ничего не надо. Я в предприятиях моих ни искусства, ни трудов не уважаю и за то никаких награждений не прошу, но все предаю прозорливейшему благорассмотрению и благо-

* Вольного экономического общества, части 6-й на стран. 239-й.

волеию монаршему и всех людей благоразумных в заключение. Я полагаю: отечеству всевозможно служить и быть чести и наградений достойным — принадлежит к должности и чести гражданина, а заслуги награждать и пользу общественную и славу монархии умножать принадлежит к должности, чести и прославлению высочайшего правления и всех людей благоразумных заключения.

От имени благоразумия посредством полиции вопросить каждого во обществе живущего, желает ли он добра и чести и отвращается ли от зла и бесчестия? То, как весьма надежно есть, что всяк человек сказать может: «Добра и чести желаю, а зла и бесчестия отвращаюся». В таком случае предложить каждому, чтоб он для снискания ему и потомкам его добра и чести и отвращения от зла и бесчестия в общественной жизни на благоустроение дал по своей возможности в законохранилище своего города или селения с каждой души столко, сколько он может, на учреждение школ и учителей общенародных, которые, денги от каждого приемля, с верною запискою в шнуровую, на то особливо от правления учиненную книгу, от кого сколько принято, отдать в хранение тем людям города или селения, кои имеют у себя имения против данного им на соблюдение вчетверо больше, с тем дабы оное денег число никогда, кроме школ учения сего, ни на что употреблено не было, а ежели на что иное употреблено будет, то во всякое время, когда оное востребованное налицо не явится, продав сберегательное имение с публичного торгу, возвратить денги школьные в казну общественную школ, то есть отдать другому гражданину капиталистому на таком же основании. И принять сие в сбережение никто отрицаться не должен под страхом от всего общества презрения, так как бы он обществу блага не желающим являлся хотел. А как сей сбор или подаяния прошение у каждого просимого раждать будет в мыслях род некоего подаяния возвратительного, ибо давать всяк будет, подобно как бы самому себе, яко есть на пользу общую, то весьма довольного можно надеяться чрез сие денежного сбора без наималейшего народного отягощения...

1-е, 1763-го года в «Московских ведомостях» под № 55-м изъяснено: «В Оксфорде некоторые ученые люди согласились и учинили между собою общество, которого намерение в том состоит, чтоб английский язык от всех несвойственных выражений очистить и яснее сделать».

2-е, 1765-го года в московских же «Ведомостях» под № 66-м от Германии из Миньхена объявлено: «Известно, что в Баварии до сего времени немецким языком не весьма чисто говорили и писали, чего ради намерение его светлости нашего государя почитаемо быть должно весьма достохвальным, по которому он указом повелел сочиненную при здешней академии наук немецкую грамматику принять во всех баварских училищах, дабы везде введен был чистый и исправный слог немецкого языка».

Равно тому 1766-го года в «Московских ведомостях» под № 66 от Польши из Варшавы объявлено: «Здесь учреждают академию для поправления польского языка точно на таком основании, на каком учреждена кардиналом Ришельем парижская».

Сему подобно и в российском языке учинить можно, ежели мои соотечественники со мною согласятся и и к сему приступить желают.

Итак, все сие соображая, достойно ль много упоминаемые Экономического общества труды и наставления, беспрестанно во многих ежегодно причисляя книгах, на нашем языке в переводах и сочинениях состоящие, оставить вотще без употребления в пользу каждого частную, а с тою купно и во всеобщее обогащение государственное! Можно ли истинному сыну отечества, любящему славу и честь истинную, которая и по смерти его не умирает, о всем вышеписанном не иметь рачения! Должны ли всех оных предназначенных полз предприятия коснуть в небрежении! И разумно ли не приводить их к совершенному на пользы исполнению! И не сожалетельно ли патриотам все то, что великий Петр и по нем бывшие государи, а особливо ныне царствующая великая Екатерина и по ее высочайшей воле

и апробованному уставу Экономическое общество и все ученые люди собирают и сочиняют оставлять втуне, так чтоб никто их трудами не пользовался, не читал и не исполнял! Конечно, всяк благомыслящий скажет: *всякое полезное предприятие добрый гражданин для пользы общественной во исполнение приводить должен.* А когда так, то сие-то и меня побуждало к предприятию заведения школ, сие-то побуждало и к предприятию писать юриспруденцию, так как и сего на сыскание во всем для государственного благосостояния успехов генерального плана со всеми сими подробностями к сочинению принудило.

Отделение 16-е

Г. Ломоносов * говорил:

«Для чего толь великих мужей были труды и жизни опасные испытания? Для того ли только, чтобы, собрав великое множество разных вещей в беспорядочную кучу, глядеть и удивляться их множеству, не размышляя о их расположении и приведении в порядок»...¹³

ЗАКЛЮЧЕНИЕ ТОМА СЕГО

Напоследок изъявляю я во всю жизнь предприятия моего полное положение следующее:

Я желаю, когда высочайшая власть благоволит, по издании сего тома распространить во всю Россию науки словесны, так чтоб великая Екатерина царствованием Россию со всеми европейскими государствами в знании словесных наук точно уравнить. Во втором плане сего тома, ежели высочайшая власть благоволит же, изъявлю мысли мои, чрез какие средства должно и удобно будет, взямая основание вначале из Евангелия Иисуса Христа и всяких книг священных, а потом из данного от великой Екатерины, императрицы российской, для уложения Наказа¹⁴ сочинить скорейшим образом юриспруденцию, мною предпринимаемую, чрез

* Собраний его в книге 3-й на странице 309: в изъяснениях о физике и химии.

умы и труды всех просвещенных людей. В том третьем по благоволению же власти высочайшей изъявлю мысли мои, как чрез многие же просвещенных людей умы и труды, того же правила держась, можно будет поспешно сочинить обстоятельно все должности государственные, ибо, на то собрав из моих заготовлений по всей возможности, всем открою способы и документы, каждому что кому принадлежит, чрез много лет мною заготовляемые. А в четвертом томе плана сего тако ж, ежели высочайшая власть благоволит, изъявлю мои мысли и способы чрез всех же людей благоразумных умы и труды на том же основании к сочинению вечно-го уложения. А напоследок, ежели воля всемогущего благоволит и поспешит и совершит, заключу рассуждением, как достигать должно и всем людям вообще вожделенного спокойствия и благоденствия своего.

Я надеюсь, что благоразумно рассуждать склонные люди не будут и удивятся всему оному пожеланию к предприятию моему, к соделанию всего вышеписанного чрез многие умы, когда представят себе в рассуждение Францыска Бакона, канцлера английского, о котором в жизни его * явствуется следующее:

«Николай Бакон имел меньшего сына, который хотя и был тем счастлив, что родился в таком веке, в коем вельможи чтити художества и науки столько, сколько они презирают их ныне, однако присовокупил к тому еще от себя способность и дивную понятность во всяких полезных и приятных познаниях, разум его был подлинно образцовый, как отличный во всем от обыкновенных ученых людей, смыслящих и умствующих токмо, взирая на прежде бывших, да и казался он родившимся к положению меры и закона в правительстве наук, также и к тому, чтоб ему быть учителем своего века и временам будущих родов».

** «Вступил он в коллегия тринитетскую 1573-го года, имея двенадцать лет от рождения, в ней произ-

* С французского на российский язык печатанный при императорском Московском университете 1766-го года на стран. 5-й.

** Там же, на стран. 6-й.

шел успехами толь быстро, что окончил круг своих наук, каковы тогда преподавались, прежде шестого на десять года, но более еще то долженствует приводить в удивление, что того самого времени начал он усматривать пустоту и бесполезность (тогда господствовавшей) философии да и выразумел, что здание полезных знаний долженствует быть построено на других основаниях и из других материалов, нежели кои употребляемы были от давних уже времен. Сим узнанием одолжен он природному токмо смыслу и особливому своему рассмотрению» * «Разум его, с природы склонный к изысканиям и рассуждению, не позволил ему употребить свое время на изучение языков; он рассуждал: лучше шрепровождать оное в прилежном исследовании нравов да обыкновений народных, характера тосударей их и разных установлений правительства».

** «В 1605-го годе Бакон издал в свет сочинение свое, названное «О приращении наук».

*** «В сем сочинении, коего как расположение новое, так и совершение счастливое, автор намерился особливо исследовать прилежно состояние и степень познаний, в котором и на которой в его время находился разумный мир, так же какие суть мира сего части, кои шрежде его производимы были без успеха и какие были пренебрежены или и все, конечно, неведомы. Наконец, какие способы могут довести до новых изысканий и какими средствами можно привести в совершенство приобретенные уже познания. Сим, без сомнения, делать великую услугу человекам, когда им подавать уведомления о том, в чем они обманывались толь от многих веков и чего им не доставало, а притом и указывать всеобщие способы к исправлению их погрешностей, к совершению их же знаний и к получению тех, которых они не имели!» Сочинение сие выдано сперва на аглинском языке, но автор, когда уединился от двора, пересмотрел свой труд, исправил оный и дополнил многим, а при помощи некоторых

* На стран. 8-й.

** На стран. 35-й.

*** На стран. 36-й.

приятелей и перевел его на латинский язык. Сие издание есть 1623-го года первые части большого труда, названного «Возобновление наук».

* «Бакон, не хотя следовать по стезям, тремже бывшим, проложенным от людей, как то он сам говорил, учения обыкновенно многим общего, пролагает себе новый путь и углубляется один и без проводника в самые густые дебри мрачные сей страны и покровенные тьмою. Сие содержание, толь мало ведомое, а толь многжды описанное, восприимлет себе вид весь новый в его руках».

** «Не мог он употребить в свою пользу труд предваривших его, ни получить себе помощь от сочинений древних философов. Все удалились всемерно от правого пути, а буде кои несколько усмотрели оный, то, боясь трудностей и скуки, случающихся в проложении новые стези, оставили его устремительно. Бакон одолен своему уразумению и проницанию оным лучом живого света, показавшего ему вскоре и в единовоззрение, что утаивалось чрез время двух тысяч лет слишком от многотрудных исканий, бывших ему предвартелями».

* На стран. 43-й.

** На стран. 201-й.

О МИРЕ, НАЧАЛЕ ЕГО И ДРЕВНОСТИ

1785

Человек, гражданин вселенной, населяет место, ему неведомое! Тщетно, возвышаясь выше земли, из которой он произведен, протекает он неизмеримые небеса для исправного наблюдения строения мира; тщетно, останавливаясь при менее обширном предмете, старается он открыть происходящее в его глазах; делаемые им правдоподобные догадки могут иногда слабому его разуму показаться вечными и неперменными истинами, льстящими бессильному его любопытству; природа в некоторых случаях может попустить его думать, что он проникнул в ее тайнства и открыл некоторые сокровенные ее пружины, но при всем том она остается непроницаема и закрыта от нас густым мраком. Ум человеческий, сколько бы проницателен ни был, не может открыть причин всего происходящего в небесах и на земле: мы не знаем даже собственного своего тела и ни малейшей части из тех частей, которые в нем находятся*.

По таковом признании неведения человеческого нетрудно теперь понять, что в сем нашем о *мире* начертании мы не имеем другого намерения, кроме того, чтобы исторически только показать, что думали до нас о сотворении мира и происхождении рода человеческого. Не нам принадлежит судить о столь темных и непроницаемых задачах; мы оставляем природу во мраке,

* [См.] *Cicero. Acad. Quest., lib. 4.*

в котором любит она скрываться, обо всем, что касается вселенной вообще, мы говорим то же, что Лукан сказал о приливе и отливе моря в особенности: «О ты, какая б ни была причина толь частых и чудесных движений, пребывай сокрытою, как то угодно всевышнему!» *

Вот порядок, который мы предположили себе наблюдать в сем кратком нашем начертании. Вначале мы покажем, какое понятие имели древние о всеобщей системе мира, потом объявим мнения их о начале его и конце, который он иметь должен, отсюда перейдем к тому, что касается до земли в особенности, и покажем, что о ней древние думали, упомянем о их географии и о переменах, которым они почитали ее подверженною, и, наконец, рассмотрим, что они полагали в рассуждении начала человека и животных, населяющих землю.

Мнение древних о мире, или понятие их о всеобщей его системе

Человек долгое время наслаждался солнечным светом, не делая никаких рассуждений о естестве сего освещающего его существа. В продолжение многих лет люди видели над своими головами восходящие и заходящие звезды, не имея желанья их узнать. Скитаясь по полям, жили они подобно прочим животным, занимаясь одним нужным к сохранению их жизни и не беспокоясь о прочем, не касающемся прямо к сим побудительным их нуждам. Не стараясь познать пространства земли, пеклись они об одном том уделе ее, который давал им потребное к пропитанию, и не заботились нимало о течении светил. Взоры их устремлялись к небесам тогда только, когда они получали от них теплоту и росу, одна нужда привлекала все их внимание и все попечение, и если она давала им какое успокоение, то они, вероятно, употребляли оное к доставлению себе ощутительнейших увеселений, пежели каково бесплодное познание фигуры земли или движения небес.

* [См.] *Lucan. Bel. Civ., lib. 1.*

Трудно определить точно время, когда люди начали упражняться в познании строения мира. Но когда представим себе, с одной стороны, тесные пределы человеческого разума и особливо невежество первых жителей земных, страшившихся всечасно, чтобы небо на них не упало, с другой стороны, вообразим успехи египтян и халдеев¹, которые приобрели они, по римскому летоисчислению, более нежели за четыре тысячи лет пред сим,— то легко уверимся, что познания их были плод долговременного и прилежного наблюдения впоследствии многих веков.

Писатели уведомляют нас, что египтяне суть первый просвещенный народ на сей половине земного шара. Как они жили на открытой земле под чистым и ясным небом и наслаждались выгодами общежительства, то есть нерушимым покоем, то скоро они обратились к наблюдениям светил. Халдеи употребили к тому внимание свое также по сей причине, но Диодор Сицилийский египетским астрономам приписывает обширнейшее познание. Он уверяет*, что они не только предузнавали затмения, но предсказывали и наводнения, землетрясения и явления комет. Египтяне лучше всех прочих знали долготу года, который состоял у них всегда из двенадцати месяцев**, [в то время] когда прочие народы составляли его: иные, как-то аркадские народы,— из трех; иные, как-то акарнанцы,— из шести; другие, как-то римляне,— из десяти; Нума был у них справедлив до времен Августа***; многие ж считали год по дням, как-то афиняне и прочие греки считали год по дням, как-то афиняне и прочие греки с своими последователями составляли его только из 354 дней. Также египтяне знакам Зодиака и созвездиям дали наименования, которые носят они и до сего времени****. Они определили число дней в неделе, которым дали имена семи планет, и порядок, сохраненный ими в расположении оных, заслуживает дальнейшего замечания. Достойно примечания в нем то, что

* [См.] *Diod. Lib. 2.*

** Иродот. Кн. 2.

*** [См.] *Solin Cap. I. V. Macrob. Falurnal., lib. 1, cap. 12.*

**** *Herodot. Lib. 2.*

Т о е с т ь.

напр.	Суб.	Вос.	Пон.	Вт.	Ср.	Чет.	Пят.
час	1. Сат.	Солн.	Луна	Марс	Мерк.	Юпит.	Венера
2.	Юпит.	Вен.	☿	☉	♂	♂	♀
3.	Мар.	Мерк.	♂	♀	☿	☉	♂
4.	Солн.	Луна	♂	♀	♂	♀	☿
5.	Вен.	Сат.	☉	♂	♂	♀	♂
6.	Мерк.	Юпит.	♀	☿	☉	♂	♂
7.	Луна	Мар.	♀	♂	♀	☿	☉
8.	Сат.	Солн.	♂	♂	♀	♂	♀
9.	Юпит.	Вен.	☿	☉	♂	♂	♀
10.	Мар.	Мер.	♂	♀	☿	☉	♂
11.	Солн.	Луна	♂	♀	♂	♀	☿
12.	Вен.	Сат.	☉	♂	♂	♀	♂
13.	Мер.	Юпит.	♀	☿	☉	♂	♂
14.	Лун.	Мар.	♀	♂	♀	☿	☉
15.	Сат.	Солн.	♂	♂	♀	♂	♀
16.	Юпит.	Вен.	☿	☉	♂	♂	♀
17.	Мар.	Мер.	♂	♀	☿	☉	♂
18.	Солн.	Луна	♂	♀	♂	♀	☿
19.	Вен.	Сат.	☉	♂	♂	♀	♂
20.	Мер.	Юпит.	♀	☿	☉	♂	♂
21.	Лун.	Мар.	♀	♂	♂	☿	☉
22.	Сат.	Солн.	♂	♂	♀	♂	♀
23.	Юпит.	Вен.	☿	☉	♂	♂	♀
24.	Мар.	Мер.	♂	♀	☿	☉	♂

когда мы назначим первый час дня той планете, которой имя дано сему дню, то второй час того дня будет принадлежать следующей планете и так далее; таким образом, продолжая сие чрез 24 часа в таком порядке,

чтоб за Солнцем следовала Венера, за ней Меркурий, потом Луна, Сатурн, Юпитер и Марс, в первый час следующего дня придется самая та планета, которой имя носит сей день, и т. д.

Халдеи не хотели уступить египтянам в познании астрономии. Баснословная их древность, приписываемая ими своим наблюдениям, доказывает, что они почитали себя древнейшими в свете звездоблюстителями. Они уверяли, что когда Александр приходил в Азию, то в то время было, по объявлению Цицерона *, 470 000, а по объявлению Диодора ** — 403 000 лет от того времени, как они начали свои наблюдения. Симплиций пишет, что Каллисфен, философ, спутник сего монарха, прислал к Аристотелю справедливые и верные наблюдения, которые восходили до 1903 лет, что подходит близко к потоку и далее эпохи вавилонского столпа. Однако один великий писатель ² приписывает халдеям столь грубое заблуждение, что едва ль можно сему поверить в рассуждении столько прилежавшего к астрономии народа чрез толикое последствие веков. Они думают, говорит он ***, что Луна светит от самой себя и не заимствует света от Солнца. Мимоходом можно сказать и о евреях, что они то малое сведение, которое имели в знании небесных светил, заняли от халдеев. Из сего явствует, что заблуждение, ложность которого столь очевидна, просвещеннейшими людьми между халдеями, конечно, было отвергнуто и что оно принимаемо было от тех только, кои пристрастны были к предрассудкам своих предков. Как бы то, впрочем, ни было, но греки, получившие познания в астрономии, по свидетельству Иродотову ³, от сих народов, чрезвычайно похваляли успехи их в сей науке, и искуснейшие из них ездили обыкновенно или в Вавилон, или в Египет для достижения совершенства в оной.

* [См.] *Cic. De Divin.* 1. I.

** [См.] *Diodor. Lib.* 3.

*** [См.] *Apul. De Deo Socrat.* Лукреций, столь прекрасно писавший о естестве вещей, также не опровергает сего мнения, как то видно из 5-й его книги:

Lunaque, sive notbo fertur loca lamine lustrans,
Sive suam proprio iactat de corpore lucem.

Пристрастность халдеев к астрономии завела их наконец к странным предрассудкам. От наблюдения небес перешли они к суеверному почитанию светил. Сии светящиеся тела, столь отдаленные от нашего шара, приняла они за действующую причину всего случающегося с нами. Они взирали на небо как на книгу судеб, в которой написаны все были грядущие приключения и все происшествия, — словом, они выдумали тадательную астрологию, науку, по которой угадывали, что с кем случится и кто рожден с какою судьбою? Не мое дело входить в подробное разыскание сих халдейских догадок, но я не могу миновать без замечания, что число *семь*⁴, столь славное в древности, сие число, которое освящено в истории мнробытия и законе израильском, есть единственно причиною толикого к нему всех уважения и сего суеверия халдеев, и [так] как сие число часто встречалось им в небесах, как-то: в Плеядах, Трионах⁵, а особливо в планетах, то сие и заставило их почитать оные, почитая сие число таинственным и содержающим нечто божественное.

Кажется, что соседственные с египтянами народы, как-то финикияне и ливийцы, узнали астрономию в самом непродолжительном времени. Финикияне, подвергнувшие себя первые опасности мореходства*, в плавании своем не имели другого путеводительства, кроме той помощи, которую получали они от знания светил, коих положение служило компасом их кормчим. Атлант, царь Ливии, почитаем был за великого астронома потому, что он изобрел сферу**; и сие-то подало повод к выдумке, будто бы он держал на плечах небо. Гостеприимствуя Геркулеса, открыл он ему употребление сей выдуманной им сферы, научил его сделать подобную, и из сего вышло прибавление к той басне, что будто он разделил с сим героем бремя, которым до того времени отягчен был один. Геркулес по

* [См.] *Plut. Lib. 4*, сар. 12.

** Плиний изобретение сферы приписывает Анаксимандру, Атланта же называет изобретателем астрономии. [См.] *Lib. 7*, сар. 57. Но сие не должно быть удивительно, ибо часто приписывается изобретение чего либо тому, кто только оное исправил или объяснил.

возвращении своем сообщил грекам полученные им от Атланта познания, и так от него-то сии народы получили первые понятия об астрономии, и, может быть, задолго прежде обращения их с халдеями.

Иродот, Диодор и другие повествователи, писавшие пространнее об искусстве египтян и халдеев в астрономии, кроме сего, не приписывают им никакого подробнейшего понятия о сей науке, и потому, вероятно, что сии первые наблюдатели течения светил имели о мире одно почти всеобщее познание. Итак, можно думать, что они составили себе о вселенной первое и естественное понятие, представляющееся первое разуму, когда мы начинаем рассуждать о строении ее одними глазами, не призывая рассудка в помощь чувствам. Мир представляется тогда пространным шаром, за которым находится пустота, или беспредельное пространство. Земля, стоя неподвижно, занимает центр вселенной; планеты, в числе которых и Солнце, обращаются вокруг ее, каждая в особливом своем пебе; твердь кажется как бы блюдо с воткнутым в нее множеством, как бы гвоздей, неподвижных звезд, покрывающее всю громаду, так что она вертится сама в своем круге с непонятною скоростью. Такое же, кажется, было мнение египтян и халдеев. Сия догадка тем вероятнее, что славный Эвдокс, живший долгое время в Египте, и Птоломей Александрийский о мире другого, кроме сего, ничего не утверждают. Последний к всеобщей системе прибавил только мнимое перводвижимое (*mobile primum*) и кристальное небо, которые, думал он, производят кажущиеся противные их движения: одно — от востока на запад, а другое — от запада к востоку. Также когда греческие философы начали рассуждать о сей материи различно, то мнения их почтены были за новости. Но мы исследуем оные несколько пространнее.

Египтяне и другие вдавшиеся в астрономию народы, когда греки не были еще научены сей науке, наблюдали звезды механическим только образом; я разумею здесь то, что они старались только познать их положение и обращение в небе, не рассуждая о сих светлых телах, а еще меньше о естестве мира вообще. Греки, будучи более философами, нежели астрономами, присо-

единяя к наблюдениям рассуждение и по видимым судя о вещах, сокрытых от проникательности их зрения, первые отважились мыслить новым и отвлеченным образом о натуре светил и строении мира. Правда, что они не согласовались в своих системах: всяк, давая силу своему воображению, думал иметь право основывать что-нибудь отличное от других; однако они почти все согласно отвергали те несходственные и маловероятные мнения, которые прежде их имели о мире.

Такое преимущество — иметь философический ум! Если он не всегда приводит нас к истине, то по крайней мере выводит нас из древних заблуждений.

Я не сомневаюсь, чтобы великое число из древних не было долгое время в ложном мнении, которое Апулей приписывает халдеям, т. е. что Луна и прочие планеты светят от самих себя. Греки употребили в пользу свою сие их заблуждение, как только начали иметь философов. Платон думал, что Луна есть тело каменистое *, а Пифагор с своими исследователями утверждал, что она земного свойства **; и сии-то мнения древнейших философов, каких имела Греция. Всякому известен поступок Перикла, который, приготовляясь выйти в море и видя кормчего своего, пришедшего в страх по причине солнечного затмения, накрыл его своею епанчою, сказав: «Солнечное затмение от сделанного мною в твоих глазах затмения различествует только в том, что тело, скрывающее от тебя солнце, больше моей епанчи». Бесплезно будет приводить сюда сто других таких примеров, читаемых у историков; довольно сказать, что между греками не было уже никого, кроме простого народа, который бы был в том заблуждении, который бы, говорю, думал, что Луна светит от себя.

Главнейшее, что противно кажется разуму в древней системе, которую можно по справедливости назвать чувственной системою, есть то, что они полагали Землю центром вселенной и, так сказать, заставляли вертеться вокруг сего малого тела не только все планеты, из коих некоторые гораздо больше ее, но и самое Солнце со всеми неподвижными звездами, коих ужас-

* *Plut. De Placitis Philosophorum*, lib. 2, cap. 25.

** *Ibidem*, lib. [2], cap. 30.

ная величина не может никак войти в сравнение с величиною Земли. Фалес легко узнал, что Луна не от себя светлую кажется*. Анаксимандр, ученик его, распространил сие еще далее: он заключил, что Земля, заимствуя свет от Солнца, так [же] как и прочие планеты, обращается вокруг сего центра нашей сферы**.

Что думал Пифагор о движении*** Земли, подлинно не известно, по крайней мере можно верить, что пифагорейцы возвратили Солнцу должное ему место, равно как и прочим планетам, между которыми Земле также невозможно занимать первого места в порядке течения вокруг сего великого светила. Наконец, некоторые философы столько восстали на несправедливое уважение к Земле, что из сей крайности впали в другую, столько же предосудительную, как и первая. Сиракузянин****6 возмечтал уже, что не только Солнце стоит неподвижно, но и все планеты и что в системе мира ничто не коловратно, кроме одной Земли.

Справедливо, что прилежные размышления производят новые открытия. Признавши Землю такою же планетою, как и прочие, и присвоив ей такое же кругообращение около Солнца, из сего начала вывели они последствие, что планеты, которые видим мы ни в чем не разнствующими от Земли и в которых усматриваются также горы, долины и моря, могут быть, так же как и она, населены жителями. Ксенофан, не довольствуясь одною возможностью, полагал утвердительно, что Луна имеет, равно как и Земля, жителей*****. Анаксагор утверждал то же*****. Лукиан приписывает мнение сие многим философам*****, и из «Жизни Платоновой» видно, что в его время было оно довольно общим; и если стихи, которые Иерокл выдает

* См. *Плут.*, De Placitis Philosophorum, ib. 2. гл. 28.

** Филон Смирнский приписывает честь изобретения сего Анаксимандру, но Диоген Лаэртций присваивает оное Филолаю, ученику Пифагорову.

*** Естли верить тому, что говорит Диоген Лаэртций в «Жизни Пифагоровой», то он полагал Землю средоточием мира.

**** [См.] *Cic. Acad. Quaest.*, lib. 4.

***** [См.] *Cic. Ac. Qu.*, lib. 4.

***** [См.] *Diog. Laert. in Anaxag.*

***** [См.] *Lucian. Verae Histor.*

за Орфеевы⁷, действительно суть изречения сего великого стихотворца, то посему заключать должно, что мнение сие весьма древнее, ибо в них мы читаем, что Луна имеет горы, города и моря.

Но не только древние философы сообщили нам мысли свои о натуре планет. Они в память нам оставили еще понятия свои о Солнце и звездах. Пифагорейцы почитали Солнце огнем, возженным в середине мира. Анаксагор имел о нем такое же мнение. Сей самый Анаксагор, так как и Анаксимен, мыслил, что все звезды суть частицы воспаленной атмосферы, имеющие вид колеса, то есть такой машины, которая обращается вокруг своего средоточия, из чего можно заключить, что не один Анаксагор воображал вихри, попутные течению планет, что учинило имя его славным в древности. Он придавал такой вихрь Земле, и не только ввел сие мнение в рассуждении сего нашего шара, но равно и в рассуждении всех светил. Вот что говорил Климент Александрийский о системе сего философа: «Он приемлет разные чудные вихри, отвергая содействие провидения, сотворившего мир»*. Из сего думать можно, что Анаксагор, предположив однажды свои вихри, признавал мир самостоятельным, или пребывающим по себе, без пособия провидения, создавшего его.

Теперь остается нам только показать, что думали древние философы о мире вообще. Одни полагали один только мир, сложенный из всего того, что мы видим; другие ж думали, что можно допустить и многие миры. Фалес, Пифагор, Анаксагор, Ираклит, Платон, Аристотель, Зенон суть знаменитейшие из числа приемлющих единство мира. По сей-то причине ученики их утверждали, что мир одушевлен одною душою, которую называли они всеобщею душою, или душою мира (*anima mundi*), коей частицы были частные души, находящиеся в животных, в Земле, в планетах и звездах**. Для означения сообразности и согласия всех

* *Clemens Alexandr. Strom.*, lib. 2, cap. 4. О вихрях смотри систему мира дворяника философа.

** Цицерон приписывает сие мнение и Пифагору. [См.] *De Nat. Deor.*, lib. 1.

частей вселенной, отчего происходят видимые нами стройность, порядок и чин, пифагорейцы имели обыкновение говорить иносказательно; и в сем случае они говорили, что Солнце, планеты и все обращающееся в пространстве небес издает гармонический звук* и что называлось у них великое согласие (*magna consonantia*). Из сего-то некоторые богословы заключали, что девять муз были не что иное, как звук восьми сфер мира и гармония, происходящие от их согласования**.

Что ж касается до тех, кои допускали множество миров, Диоген Лаэций объявляет нам, что Зенон Элеатский был сего же мнения***. Ираклит и некоторые другие утверждали, что всякая звезда есть особый мир, содержащий землю и воздух, т. е. населенный****.

Плутарх, сказывая нам о сем, приписывает сие мнение пифагорейцам и также уверяет, что оно находилось и в Орфеевых стихах. Но Анаксимандр, Анаксимен, Левкипп, Ксенофан, Диоген, Архелай, Демокрит и Эпикур мнение сие распространили гораздо еще далее. Не довольствуясь прежним положением, что звезды могут быть целыми мирами, они расширили пределы вселенной за предписываемые ей слабым нашим зрением границы. Они распространили оные до такой степени, до которой и самое наше воображение никогда не достигнет; словом, они заключили, что мир беспределен. Сии философы, рассуждая возвышенным и самым отвлеченнейшим (*transcendentali*) образом***** , делали умозаключение, что миров есть бесчисленное и бесконечное множество и что в сем бесчисленном их множестве беспрестанно некоторые рожда-

* [См.] *Cic. De Nat. Deor.*, lib. 3.

** [См.] *Macrob. In Fomn. Scip.*, lib. 1.

*** [См.] *Diog. Laert. In Zen. Fleat.*

**** *Plut. De Placitis Philosophorum*, lib. 2, cap. 13.

***** Сии огромные титла атомисты приписывают безрассудной своей системе. Чтобы сие яснее видеть, нужно только прочесть *Anti-Lucretium* кардинала де Полиньяка и *Зрелища природы* (*spectacle de la nature*), том IV, часть 2, рассуждение VIII.

ются, другие исчезают, то есть что все они подвержены беспрестанной превратности и что ежедневно форма одних разрушается и из нее также непрерывно выходят новые миры.

Из всего сказанного нами можно судить о удивительных успехах, приобретенных греками в миропознании, и сколько они были удалены от мнений всех своих предшественников. Однако ж не надлежит думать, чтоб сии мыслящие отменно от простолюдинов философы извели великое число своих современников из ложных предвзятых ими понятий или чтобы они привлекли их к своим мнениям. Народ, водимый одними чувствами и грубо отмеущий все то, чего малопроницательный его разум постигнуть не может, пребыл закоснелым в древних предрассудках. Анаксаторовы вихри были в посмеянии, так же как и Картезиевы*: те, кои приписывали Земле кругообращение, почитаемы были за сумасшедших и, полагавшие жителей в планетах, считались за вралей, наяву грезящих; равной сей участи подвержены были и все прочие, принимавшие каждую звезду за особый мир и [принимавшие] множество миров, коих глаза наши не могли видеть**. Не лучше сего уважаются и в нынешние времена философы, утверждающие их мнения... Но я не могу дать справедливейшего понятия о невежестве, в котором находился народ тогда и во всякое время, во всем касающемся до знания природы, как разве заключив сие словами знаменитого писателя древности: «Давно уже люди научились определять дни и минуты, в кои должны случиться затмения Солнца и Луны, однако ж большая часть в народе остается в смешном предубеждении, что будто сии происшествия приключаются от чародейства»***.

* Чему причиною было и то, что его система вихрей была доказана ложною и оставлена большею частию нынешних философов.

** Абдерские жители так уверены были о Демокритовом сумасшествии, что они отправили к нему для лечения Иппократа.

*** Плиний-историк.

Мнения древних о начале мира ⁸

Прежде всего без сомнения надлежало дать понятие, как думали древние философы о системе мира, дабы из сего уже можно было входить в подробности их мнений и о начале его. Естественный порядок того требует, чтобы сперва узнать вещь, дабы потом судить уже о ее начале и открыть, каким образом она вещь получила свое бытие. О бытии мира трояко думать можно: I. Можно принять его вечным как в рассуждении его материи, так и в рассуждении формы, т. е. представить его себе существующим от века таковым, каковым мы его ныне видим. II. Можно также принять его вечным в рассуждении только материи, представив себе, что настоящая его форма не всегда существовала. III. Наконец, можно представить, что и материя и форма, его образующая, имели начало. Сие последнее мнение, как то ниже показано будет, в древности всеми было отвергаемо, в рассуждении ж двух первых древние все были того или другого мнения и каждая сторона имела великое число славных последователей.

Начнем с тех, которые утверждали вечность мира как в рассуждении формы, так и в рассуждении материи. Диодор мнение сие приписывает халдеям ⁹; Страбон говорит то ж и о друидах ⁹. Ферецид, учитель Пифагоров, по объявлению Диогена Лаэртция, написал книгу о начале вещей под заглавием «Бог, время и мир вечный» ^{**}. Сам Пифагор, полагавший, что души вечно переселялись из одного тела в другое, не мог лучше утвердить своего мнения, как предположив мир вечным и невредимым, хотя Плутарх и полагает его в число приписывавших богу его начало ^{***}. Но если что нам известно, то это то, что Оцелл, ученик и современник Пифагоров, в небольшой своей книжке, которая после него осталась, изъясняет нам мнения последователей его секты о начале мира, где он удостоверяет нас в мнении их о вечности Земли и населяющих ее животных ^{****}. Ксенофан, смешивая вселенную с бо-

* [См.] Lib. 3.

** [См.] *Diog. Laert.* In Pherec.

*** [См.] *Plut. De Placit. Phil.*, lib. 1, cap. 4.

**** *Ocellus. De Univers.*, cap. 1.

жеством, говорит, что она никогда не начиналась и никогда не будет иметь конца. Мелисс думал о сем почти так же, как то Цицерон сказывает*. Что ж касается до Платона, то хотя Плутарх, Цицерон и Диоген Лаэций утверждают, что он полагал миру начало**, однако, как то ясно видеть можно из оставшихся после него книг его, что он приписывал материи вечность, напротив того, не столь приметно, чтоб он почитал мир вечным и в рассуждении его формы. «Тимей», его книга, столь темна и непонятна, что в сем разговоре все можно принимать так, как кто хочет***. Однако ж в другом месте он довольно ясно утверждает систему периодического, или великого, года****, в который мир, непрестанно обновляясь, сохраняется то крайней мере вечно в одной форме. Но, как бы то ни было, Плутарх причисляет Пифагора и Платона к тем, кои почитали мир невредимым, и ученики сего последнего, которые были наиболее преданы его учению, как-то Филон и Платон, утвердительно полагают, что мир есть вечен, несмотря на случающиеся в нем от времени до времени перемены, кои истребляют большую часть населяющих Землю*****. Наконец, Аристотель и перипатетики более всех признавали вечность мира и утверждали, что небо, звезды, планеты, Земля, животные и вообще все вещи суть вечны и никогда не перестанут существовать*****.

Мы разделим древних философов, приписывавших миру в рассуждении формы начало, на два класса: в первом поместим тех, кои принимали систему периодического года, о котором ниже изъяснено будет, а ко второму причислим тех, кои отвергали сию систему.

По мнению первых, мир не изменял никогда своей формы и пребывал всегда в той, в коей произведен, но токмо от времени обновлялся до времени, по мнению ж последних, форма его совершенно переме-

* [См.] *Cic. Ac. Qu.*, lib. 4.

** *Cic. Acad. Quaest.*, lib. 4 et *Diogen. Laert. In Platone.*

*** [См. *Cic.*] *De Nat. Deor.*, lib. 2.

**** В разговоре своем называемом *Politicus.*

***** *Plotin. Ennead.* 5, lib. 8, cap. 12.

***** [См.] *Cic. Acad. Quaest.*, lib. 4.

нялась и делалась совсем иною, нежели он был сначала.

Чрез периодический же, или великий, год древние разумели все обращение небес, т. е. возврат всех светил к той самой точке, откуда они течение свое восприяли *. Сколь долго продолжается сей периодический год, они никогда не были между собой согласны: одни составляли его из пяти тысяч лет, другие — из десяти, из пятнадцати ** и из ста тысяч, а некоторые — из многих миллионов, как то и в ценсорине ¹⁰ видеть можно.

Итак, по окончании сего великого периодического года, древние думали, мир возобновлялся и начинал существовать в той же форме и таким же образом, как прежде. Люди, населяющие землю, возрождались и начинали новую жизнь, подобную той, какую они уже препровождали.

Те же происшествия, кои случились в течение прежнего великого года, случались также и в последующем за ним. Таким образом, в вечности все периодические годы соединялись и были, так сказать, повторением один другого. Ориген приписывает мнение сие платоникам и пифагорейцам ***. Известно, что Платон в одном из своих разговоров утверждал сию систему, но он особенно полагал, что по истечении некоторого времени во всех вещах будет превращение: светила начнут восходить на западе, а заходить на востоке и жизнь человеческая начинаться будет в старости, а кончиться в первом младенчестве ****.

Стоики привязаны были более всех других к сему мнению и утверждали оное с большим жаром. Хризипп, один из славнейших философов сей секты, изъясняется о сем таким образом: «После смерти нашей по прошествии многих периодов времени встанем в том же состоянии и в той же форме, какую прежде имели». Нумений, другой известный стоик, говорит,

* [См.] *Cic. De Nat. Deor.*, lib. 2.

** Макробий, изъясняя, что есть периодический год, пролагает его в пятнадцать тысяч лет. [См.] *De somnio scip.*, lib. 2.

*** Ориген против Цельса, кн. 5, гл. 21.

**** [См.] *Plat. In Politic.*

что сие-то востание в прежней нашей форме свершает великий оный год, в который природа обновится в себе и от себя, и присовокупляет к тому, что они сии перемены и сии периоды переменяться будут бесконечно. Св. Августин о сем мнении стойков говорит еще явственнее. «Они верили,— говорит он*,— что вся вечность есть круг совсем подобных происшествий; например, когда Платон учил в Афинах, что по прошествии каждого периодического года в то же время тот же Платон будет опять учить в том же городе, в тех же местах и будет иметь тех же учеников... То же самое последует со всеми вещами, кои должны случаться беспрестанно по истечении некоторого времени, которое хотя, правда, и продолжительно, но известно».

Сему-то учению о возобновлении, или, если можно сказать, о возвращении вещей, посеянному и в Сибиллиных стихах¹¹, должно приписать *Виргилиевы* стихи, когда он, лаская, римскому консулу говорит о счастье народа, которое обещает рождение его сына, сими словами **: «Время, предсказанное Сибиллою, наступило; сие долговременное последствие веков, предшествовавших прежде, начинается: *Астрея*¹² возвращается на Землю и возвращается *златой век*». Вероятно, что египтяне и древние арабийцы имели в виду сие мнение, когда говорили они о Фениксе, рождающемся из своего пепла, как о символе бесконечного возобновления природы.

Что ж касается до тех, кои, не принимая периодического года, признавали просто, что мир в рассуждении своей формы переменяется, в число сих должно полагать Анаксимена, Демокрита, Эпикура и других, кои принимали множество миров разрушающихся и производящихся беспрестанно,— словом, всех тех, кои атомы принимали за начало (*principium*) вещей, а случай — за действующую причину их бытия. По их мнению, мир обращался в хаосе, откуда случай извлек его,

* [См.] *August. De Civ. Dei.*, lib. 12, cap. 13.

** Известно, что ученые не согласны между собою в рассуждении предмета четвертой *Виргилиевой* Эклоги, но мне кажется, что ее к сей материи основательнее отнести можно; впрочем, сказанные нами *Виргилиевы* слова суть следующие:

и в сей хаос он не иначе возвратится, как когда тот же случай паки извлечет его оттуда и даст ему новую форму.

Теперь изъясним, каким случаем, думали древние, мир мог получить свое начало. Одни причину сего приписывали единому случаю, другие присваивали сие некоторому мыслящему существу, но все они предполагали некоторые предсуществования начала (*principia*), на которые мыслящее существо или случай действовали, т. е. кои служили действующею причиною к образованию мира; сии вещей начала Левкипп, Демокрит и эпикурейцы * называют *атомами*, т. е. телами, неделимыми, другие называли *стихиями*, некоторые давали им общее имя *семена* вещей, другие ж соединяли все сии идеи с словом *материя*. Фалес таковым началом мира почитал воду, Анаксимен признавал воздух, Ираклит и Парменит — огонь, Эмпедокл к сим трем вещам присовокуплял землю и первый утверждал четыре элемента, кои перипатетическая школа учинила потом славными **.

Не останавливаясь в исчислении различных мнений философов в рассуждении сего, довольно будет сказать, что, по их мнению, те начала, или стихии, которые они принимали, какие бы, впрочем, они ни были, были в нестроении и смещении, пока случай или божество не извели оные от мрака и не устроили. Левкипп, Демокрит, Эпикур и все атомисты, которые занимают важное место между философами, рассуждавшими о начале мира, сие действие приписывают единственно случаю.

Alتما Cumaeri venit jam carminis aetas;
Magnus ab integra saeculorum nascitur ordo;
Iam redit virgo, redeunt Saturnia regna.

Virg. Eclog. 4.

* Principia omnium esse atomos (dixit) atque inane,— говорит Диоген Лаэртский, говоря о Демокрите. Цицерон, предлагая сие Демокритово и всей секты атомистов мнение, говорит... [См.] *Cic. De Fin. Bon. et Mal., lib. 1.* Но никто не описал сей системы лучше Лукреция, как то можно видеть из сих его стихов. [См.] *De nat. Rer., lib. 5.*

** [См.] *Cic. Acad. Quaest., lib. 4.*

Впрочем, неизвестно, имели ли они ясное понятие о сем случае и могли ли они под сим словом разуметь что другое, кроме причины, правда скрытой, но необходимой. Но, как бы то ни было, они изъясняли сие таким образом: атомы находятся в непрестанном движении в беспредельной пустоте и потому случается, что великое число сих атомов, столкнувшись с другим множеством, сцепляются и остаются друг с другом связаны чрез большее или меньшее время, потом разделяются и возвращаются в смешанное движение, в котором прежде находились, до тех пор, пока опять не соединятся. Итак, мир наш, говорили они, есть не что иное, как куча атомов, кои, сцепившись вместе, произвели все существа, составляющие оный. А как число атомов и пространство, в коем они содержатся, беспредельны, то из сего видно, что может беспрестанно рождаться множество миров и также множество оных могут разрушаться и действие атомов во всей вечности есть попеременное сцепление и расторжение, т. е. беспрестанное произведение и истребление миров.

Число философов, приписывавших вину бытия мира мыслящему существу, весьма немногочисленно. Если исключить Анаксагора и тех, кои последовали учению Платона*, то все другие причину миробытия приписывали, кажется, не другому чему, как случаю или нужде. Сами платоники принимали и божество и нужду и признавали и то и другое за действующую причину мира. Вот как о сем Платон рассуждает**: «Бог родил мир от века и, производя оный, следовал мысли, или совершенному образцу, который он имеет в самом себе всем возможным вещам. Вещество (материя) существовало еще прежде, и оно есть мать мира, так как бог есть его отец. Следовательно, мир есть вещь родившаяся, бог есть начало рождающее, а материя есть вещь, в коей зачатие мира. Итак, премудрость и нужда суть действующая вина миробытия, ибо премудрость есть не иное что, как бог, а нужда с веществом есть едино».

* [См.] *Cic. Acad. Quaest.*, lib. 1, et *ibidem*, lib. 4.

** *In Timaeo*.

В сей системе найдется многое темным; и для того оно нужно объяснить. Во-первых, неизвестно, что Платон понимает, когда говорит, что материя существовала прежде мира, ибо он же сказывает, что мир вечен, или сотворен от века, посему не можно понимать сего первенства материи (говоря по-богословски) как первенство в порядке, а не первенство* во времени. Столь же трудно изъяснить, что сей философ хочет сказать, когда говорит, что нужда и материя есть то же и что сия нужда есть мать мира. В сей нерешимости должно прибегнуть к платоникам, кои наилучше открыли учение своего учителя. Они научают нас**, что вещество существует необходимо; из сего следует, что вещество есть необходимая причина бытия мира. И в самом деле, Платон утверждает, что всего смешнее говорить, что бог сотворил мир для прославления себя. Сим, говорит он***, приписываем мы ему недостатки и низкие намерения художников, коих цель трудов есть или корысть, или честолюбие.

Анаксагор, приняв за начало всех вещей вечное и бесконечное вещество, полагает, что части его, бывшие в смешении, разделены и устроены премудростью (мыслию) божиею****. Халдеи, как то мы выше видели, признававшие [426] мир вечным, признали, однако ж, что порядок и устройство утверждены божием промыслом. Таким образом, они соединяли две вещи, кои Платон разделяет особо в своей системе, т. е. образование мира и его вечность.

Но самое древнейшее и славнейшее в древности мнение о начале мира бесспорно есть то, которое содержит в себе аллегорические баснословия древних египтян и финикийян и которое греческие и латинские стихотворцы столько прославили, что учинили известным при слове *хаос*, т. е. смесь стихий, или беспоря-

* *Первенством* называю я то, что богословы называют *prioritas*.

** Смотри Плотина *Ennead.* 1, lib. 8, cap. 15.

*** *Ennead.* 3, Lib. 2, cap. 2. Лукреций называет также безрассудным думать, что вселенная сотворена для человека, *De Nat. Rer.*, lib. 5.

**** [См.] *Diog. Laer.* In *Alexag.* См. № (19).

дочное смешение семян всех вещей, которые любовь умела разделить и сделать плодотворными. Дошедшие до нас под именем Орфеевых стихотворения содержат в себе сию славную аллегорию; Аполлоний также говорит о сем, и Изидод¹³ не позабыл упомянуть в книге своей, названной «Родословие богов» («Theogonia»), хотя он и неверно нам сие сказывает, полагая, что Земля сотворена прежде любви. «Хаос был,— говорит он,— прежде всех вещей, потом мрачный тартар¹⁴, находящаяся в недрах земля и любовь, победительница человеков и богов. Из хаоса вышел эрев¹⁵, а ночь произвела день и эфир»*. Аристофан с большим порядком, нежели все другие, написал о сей материи. Вот что говорит он в одном из своих хоров: «Вначале был хаос и ночь, эрев и тартар, не было еще ни земли, ни воздуха, ни неба, как мощь произвела яйцо, из коего вышла прекрасная любовь с позлащенными крылами, которая, смешившись с хаосом, родила весь мир»**. Сие подало случай к сей эмблеме, в коей любовь представляется обладателем и творцом вселенной с длиною бородою в знак ее древности***; и по сей же причине Венера получила наименование матери-природы, разделительницы стихий****. Все сии изображения означают единственно то, что согласие и соединение между вещами одного рода и одних свойств были причиною бытия мира; так как вражда, или, как то греки называли, *χορίς*, была и могла еще быть причиною его смешения и разрушения.

Как египтяне и финикияне в рассуждении начала мира держались системы хаоса, то легко могло быть, что и соседственные с ними иудеи приняли сию ж систему. Моисей, наученный всей египетской премудрости, мнение сие явно подтверждает****, и хотя богословы толкуют ныне Моисеевы книги различным образом, однако ж ничто так не ясно и неощутительно, как сия истина.

* Изидод. Родосл. богов, стих 116.

** *Aristoph. In Aulib., ver. 694.*

*** Смолри Луциана *In Amor.*

**** [См.] *Apul. Metam., lib. 4.*

***** Бит. I, 2.

И в самом деле, понятие, которое присоединяют к слову *сотворил*, т. е. *извест* из совершенного ничто, есть совсем новое, и нет такого выражения ни на котором древнем языке: ни на еврейском, ни на греческом, ни на латинском. Слова сих языков, которыми ныне приписываем мы сей смысл, не имели сего значения в тогдашние времена. Еврейское *бара* есть то же, что русское *сделал*, или *сотворил**. Эвсевий в своих «Евангельских приуготовлениях книг». I, глав. 10, говорит: «Финикийская богословия допускает началом всех вещей *духовный* воздух с мрачным хаосом, кои оба вечны и бесконечны. Дух сей, или *духовный* воздух, смешавшись с хаосом, из сего смешения и соединения произвел жидкость (*limus*), из коей все твари произведены». Из сих Эвсевиевых слов очевидно явствует, что хаос существовал прежде сотворения мира, и притом видно, что финикийцы принимали также и *дух*, соделавший хаос плодородным согретием вод или влажности. Отсюда научиться можно, что *огонь* и *вода* для того введены были в брачные обряды, что древние сии две вещи почитали за начала рождения. Сие открывает также нам, по какой причине египтяне и финикийцы и те, кои посвящены были в Бахусовы таинства, изображали мир в виде яйца. Наконец, сие убеждает нас признать, что оный финикийский и иудейский *дух* есть то же, что и *любовь* (или Купидон), о котором говорят греки, так как их *эрев* и *тартар* явно означаются сими словами — *тьма* и *бездна*. Из сего ж следует, что либо иудеи заимствовали сии понятия от египтян и финикийян (халдеев), либо они извлекли оные из Моисеевых книг.

Но все, что мы ни сказали о славном хаосе древних, не дает еще нам ясного и подробного понятия о мнении их в рассуждении начала мира. Можно сказать, что они о всем сем говорили загадками, хотя знание о сем и без того было весьма темно, и они придали аллегорический покров к естественной мрачности вопроса, который они изъяснить предпринимали.

* Ватабль и Гроций, искуснейшие толкователи, говорят, что еврейскому тексту точно соответствуют сии слова: Quando Deus creauit coelum et terram, materia erat informis.

Если что ясно понять можно из их системы, то это то, что мир никогда не был сотворен из ничего*. Когда смешанные стихии разделились, то материя, из коей мир создан, уже существовала, и не было еще тогда ничего *сотворенного*, т. е. ничего произведенного из точного *ничего*, кроме новой формы, в которую безобразная (*informis* — невидимая) материя облеклась. Таким образом, мы можем смело с славным англичанином Бюрнетом уверить, что такое толкование, как ныне толкуют сотворение мира, было совсем неслыхано в древности не только между философами, но и ни же в котором народе.

Напоследок мы можем за верное утвердить, что в древности большая часть принимали мир вечным, все же те, кои полагали, что мир имел начало, допускали вообще преждебытие материи, наконец, они заключали, что мир есть или чрезмерно древен, или время, впоследствии по сотворении его, исполнено толикою темнотою и покрыто толь пустым мраком, что совершенно невозможно ничего сказать известного о его начале.

Мнения древних о конце мира

Неоспоримая то истина, что то, что не имело начала, должно не иметь и конца и, напротив того, что восприяло начало, должно некогда кончить свое бытие**. Таким образом, по мнению тех, которые мир почитали безначальным, и тех, кои приписывали ему начало, получаем мы вместе два противные понятия.

Следуя первым, познаем мы, что мир должен пребывать во всей вечности, а последние сказывают нам, что продолжение пребывания его должно неминуемо иметь свой предел. Сверх сего, говоря о стойках и о прочих, утверждавших систему периодического года, должно непременно мнения их о начале мира и о его

* Сие есть неперменное правило Лукреция: *Nullam rem e nihilo gigni diuinitus unquam.*

** [См.] *Cic. De Nat. Deor.*, lib. 1.

конце соединить вместе; также, изъясняя систему атомистов, мы не должны разделять от мнений их о начале вселенной их заключения о произведении и разрушении бесчисленного множества миров, которое они допускали. К тому ж как мы о сей материи говорили токмо вообще, то бесполезно будет войти в подробность и обстоятельнее рассмотреть, какие мысли имели предки наши о миропребывании и конце его.

Те, которые мир почитали вечным, убеждены будучи в том, что то, что всегда было, должно необходимо всегда и пребывать, утверждали, что он вечно пребудет в таком состоянии, в каком теперь, не ослабевая и не претерпевая ни повреждения, ни перемены, по крайней мере относительно к его целому и главнейшим его частям *.

Мы здесь говорить будем о тех только, которые полагали мир начавшимся, ибо они только принимали, что он и конец иметь будет. А чтобы найти у древних о сем что-либо положительное, надлежит прямо начать с греческих философов. Правда, что Манетон и Иерокл сказывают, что и египтяне почитали мир тленным **; Страбон говорит то же о гимнософистах ***¹⁶; но греки первые изъяснились о сей материи ясно и решительно; и те из них, которые полагали, что мир получил начало, также решительно утверждали, что он некогда получит и конец **** По мнению атомистов, причина его разрушения должна произойти оттого, что атомы, расторгнувшись и разделясь, возвратятся в прежнее смешанное свое движение и дадут место разрушению всех вещей, которые они произвели чрез сцепление между собою. Вот что говорит о сем Меммию Лукреций, следуя Эпикурову мнению: «Вначале ты видишь небо, и землю, и море, троякую их приро-

* Смотри в III части стр. 245 [426] № 1 и стр. 245, 246, 247, 248.

** Диоген Лаэртский также приписывает им сие мнение in Prooem. сими словами: «Aegyptiorum huiusmodi philosophum esse prodidere... mundum genitum corruptionique obnoxium».

*** [См.] Страбон. Книг. 15.

**** Сие мнение Диоген Лаэртский приписывает стоикам, говоря: Placet autem eis corruptibilem esse mundum. In Zenon.

ду, три тела, Меммий, три рода столь различные и три различные их вида; единый день разрушит все, и чрез столь многие годы держащийся состав мира рушится» *.

Как такое всеобщее преобразование сей машины производит в нас поражающую и ужасающую воображение мысль и как оно дает стихотворцам материю к изображению сего, когда случай к тому способствует с успехом, то и не удивительно, что Сенека и Лукан такое разрушение вселенной описывали таким образом, что их описание удобно вдохнуть страх и ужас. Вот слова первого. «По разрушении вечных законов,— говорит он **,— когда наступит кончина миру; северный полюс разрушит все, что есть в Ливийской стране, и подавит, что заключает обширный Гарамас; обрушится южный полюс на обитателей севера и уstraшенный полюсом Титан изгонит потерянный день.

Падающий чертот небесный совлечет с собою восток и запад, и всех равно богов потребит некая смерть и хаос; смерть составит в себе новый жребий всех существ. Что будет тогда мир?» Лукан изъясняется о сем с равною сему силою и живостию. «Когда, разорвав союз,— говорит он ***,— последний мира час соберет протекшее множество веков, тогда все паки возвратятся в прежний хаос, светила смесятся с светилами, возженные тела вступят в океан, Земля не даст берегов и в них откажет морю, Луна потечет противно Солнцу, раздраженная течением его по круглому шару, возжелает себе дня, и весь враждующий состав разрушенного мира расстроит мирное соединение».

Предполагавшие периодический год, о котором говорено прежде во II части сей книги в статье «О начале мира», философы, особливо стоики, не довольствовались признанием просто, как-то атомысты, что мир погибнет чрез разрушение и смешение своих частей и что вселенная разрушится от всеобщего расстроения. Цицерон во многих местах приписывает им сие мне-

* [См.] *Lucr. De Rer. Nat., lib. 5.*

** [См.] *Hercul Oet. Act. 3.*

*** [См.] *Bell. Civil., lib. 1.*

ние*; Оритен говорит то же**; и Сенека, делающий честь секте стоиков, таких же мыслей***. Сему-то мнению о разрушении вселенной следуя, Овидий говорит в начале своих «Превращений»****: «Написано в книге судеб, что придет время, в которое море, земля и небесный свод загорятся и многотрудный состав мира постраждет». Дион рассказывает нам***** , что император Тиберий имел всегда на языке греческий стишок, коего смысл такой: «Пусть истребится тогда земля огнем, когда меня на ней не будет». И здесь, без сомнений, говорится о сем огне. Лукан, которого мы недавно приводили, в другом месте уверяет, что к всеобщему разрушению мира предназначен огонь и ничто не избежит его свирепства***** Стаций и Проперций упоминают также о всеобщем разорении, но как они о сем говорят кратко, то и неизвестно, как они сие разумели: по эпикурейскому ли учению или следуя стоической системе? Впрочем, стоики были не первые, которые думали, что мир погибнет огнем. Ираклит и Эмпедокл прежде них сие утверждали***** , а Плутарх рассказывает, что сие мнение находится и в стихах Исиода и Орфея*****.

Но хотя таковая мысль о всеобщем расстройении вещества есть из числа тех, коих начало теряется в древности, однако ж ни в котором народе между древними не была она в такой силе, как у сирийцев и финикиян. Зенон, начальник стоической секты, был уроженец из Финикии; и сие учение было всеобщее в Сирии во время благовестия Евангелия. Целс***** почитал ее за известнейшую истину, и Иосифова история делает нас несомнительными о ее древности. Сей историк рассказывает***** , что дети Сифа,

* [См.] *Cic. De Nat. Deor., lib. 2.*

** *Orig. contra Cels., lib. 5, cap. 20.*

*** [См.] *Senec. Nat. Quaest., lib. 3, cap. 13.*

**** [См.] *Metam., lib. 1.*

***** [См.] *Dio. Epit., lib. 58.*

***** [См.] *Bel. Civ., lib. 7.*

***** [См.] *Diog. Laer. In Heraclit.*

***** *Plut. De Oracul. Defectu.*

***** *Смотри Orig. contra Cels., lib. 5, cap. 14.*

***** *Иосиф. О древн. Иуд.; книг. I, гл. 2.*

сына Адамова, узнав от отца и деда своего, что мир погибнет водою и огнем, и желая предание сие доставить потомству, вырезали оное на двух воздвигнутых ими столпах, кирпичном и каменном, дабы в случае разрушения кирпичного столпа во время потопления земли каменный мог устоять противу свирепства вод и таким образом сохранить память того, что они написали. Уверяют, продолжает Иосиф, что каменный столп и ныне еще видится в Сирии. Легкомысленно было бы верить, что столп, который виден был в Сирии во время сего историка, если то правда, был тот, который воздвигли Сифовы дети; однако ж повествование Иосифово удостоверяет нас в том, что сие учение о будущем разрушении вселенной было весьма давно известно в Сирии.

Стараясь единственно об исправлении нравов, стойки малосведущи были в физике; правда, они, как и прочие философы, полагали, что звезды суть огненные тела, но имели при том особое о сем понятие. Они воображали, что сей звездный огонь питается парами, исходящими из земли, из моря и вод, и на сем-то положении основывали они причину будущего всеобщего разрушения*, утверждая, что по прошествии многих веков влажное естество вод истощится, земля чрез то иссохнет и, не имея влаги, не в состоянии более будет давать пищи светилам; итак, огонь привлечется ко всем частям мира и пожрет все вещи. Бероз, по обыкновению халдеев, рассуждая обо всем астрологически, утверждал, что кончина мира последует от соединения планет в знаке Рака, так как потоп, по мнению его, причинен будет соединением тех же планет в знаке Козерога**.

Кажется, что сирийцы и финикияне и те, кои первые полагали, что мир истребится огнем, не имели другой причины к таким мыслям, как самое простое и естественное понятие. Долгое время думали в древности, что при конце мира небо упадет на землю; Христос глаголет, что тогда звезды спадут с неба. Это было

* *Sunt autem Stellae natura flammeae*,— полагают стойки, говорит Цицерон. *De Nat. Deor.*, lib. 2.

** См. *Senec. Nat. Quaest.*, lib. 3, cap. 29.

общее мнение и, по воображению народов, не должно искать другой причины разрушения мира, кроме такого падения неба. Положим, что древние звездам не определяли истинной их величины; однако ж они представляли их великими огненными телами, и, без сомнения, не могли себе представить, чтоб они должны были упасть на землю, не разорив и не превратив ее в пепел в то ж самое время.

Как же определить точное время сотворения мира было всегда почитаемо такою вещию, которой открыть невозможно, то не меньшею невозможностию почитаемо было определить время и продолжение его пребывания и назначить час его конца. Во всей древности мы не находим у язычников никого, кто бы осмелился предвестить ту минуту, в которую мир начался, и то мгновение, в которое он должен окончиться. Иудеи, коих обвиняли в определении эпохи миробытия якобы в том намерении, чтобы возвесть свое происхождение к первым временам, сообщили сие первым христианам, которые по примеру других осмелились назначить предел пребыванию мира, так как иудеи положили предел его началу, и утверждали притом, что кончина его близка. К сей великой мысли присоединили они столь же смешное воображение; и как иудеи возводили начало хранения субботы к самой первой неделе миробытия, то и первые христиане, иудействуя, отнесли мнение сие и к концу мира. Они осмелились разглашать всенародно, что мир продолжится столько тысяч лет, сколько дней употребил бог на сотворение его, т. е. что он продолжится токмо шесть тысяч лет; по прошествии ж сего времени Христос сойдет на Землю, соберет своих избранных и будет праздновать с ними великую пасху (субботу) в продолжение тысячи других лет, потом введет их в наследие вечности*.

Сие мнение о *субботном* продолжении мира и о тысячелетнем царствии было столь общенародно между первыми христианами, что удивительно, как после осмелились некоторые оное опровергать. Евсевий объявляет, что Папий, епископ Иеропольский, был начин-

* [См.] *Hieron. Ep. ad Cypr. Presbit.*

щик такого положения*, и говорит, что он всякий раз, когда встречал кого-нибудь, который жил с апостолами, всегда старался узнать о их учении. Св. Ириней** также упоминает*** о сем тысячелетнем царствии; и кажется, что первые христиане имели материальное понятие о Христовом царствии на земле.

Но здесь не к месту исследовать подробно сей нерешимый запрос о земном царствии Иисуса Христа; довольно сказать, что христиане первых веков, сделавшиеся по большей части из иудеев и, следовательно, предубежденные суеверным почитанием суббот, думали, что мир продолжится только шесть тысяч лет, за которыми последует разрушение неба и земли; и как они следовали летосчислению библии семидесяти толковников, по которому от создания мира до Христа считается пять тысяч пятьсот восемь лет, то и думали, что кончина мира близка. По сей-то причине общенародные несчастья и злключения приписывали они устарелости мира, который, по сказанию св. Киприана****, не имел уже той силы, какую имел прежде, и пришел в дряхлость. Они были в ожидании антихриста и бесчисленных зол, которые сей враг господень причинит церкви. Тертуллиан говорит, что христиане молили о продолжении Римской империи и, уверены будучи, что вселенная разрушится с нею, старались молитвами отдалить несчастья, угрожавшие кончиною миру*****.

* Euseb. Praep., lib. 3, cap. 33.

** Епископ Лугудиский и священномученик, пострадавший в царствование Севера, писал *противу ересей, о святой Троице, о божестве Христовом, о литургии, о пречистых Христовых тайнах и иных тайнах святой веры*, также о *антихристе*; но книг его в переводе на нашем языке нет, память его празднуется августа в 23 день.

*** См. Iren. adv. Heres. lib. 5, cap. 33.

**** [См.] Cyprian. ad Demet. Св. Киприан был епископ Карфагенский, писал много, между прочим: о *девстве, о терпении, о мученичестве, о молитве, о милостыне, о соединении веры, против язычников, противу иудеев, о покаянии отпадших от веры страха ради, коим они могут удостоены быть общения церковного*. Он пострадал при Валерии Максиме. Память его празднуется августа 31 дня.

***** [См.] Tertul. Ap., cap. 31. et lib. contra scap., cap. 3.

Наконец, должно признаться, что в древности никогда не думали, чтобы мир когда-нибудь исчез. Приписывавшие ему начало, так как и признававшие его безначальным стоики и атомисты все равно были уверены, что мир никогда не будет доведен до ничтожества *, и когда некоторые полагали, что он будет иметь конец, то они под сим разумели перемену, которая должна случиться с его формою, а не разрушение его существования. Первые христиане были того ж мнения о конце мира. Они верили, что огонь очистит только его и переменит его форму, не уничтожая материи, и чаяли, что бог сотворит тогда новое небо и новую землю, где они вечно обитать будут, и сие мнение свое основывали на некоторых местах священного писания. «Будет бо небо ново и земля нова,— говорит господь у Исайи **,— и не помянут прежних, ни же въздут на сердце их». То же написано в Апокалипсисе ***: «Видех небо ново и землю нову; первое бо небо и земля первая преидоша». Также в посланиях св. апостола Петра читаем подобные слова ****: «Нова же небесе и новы земли по обетованию его чаем и в пих же правда живет». Феофил Александрийский обвиняет Оригена в том, что он полагал множество миров, хотя не так, как эпикурейцы, которые принимали множество миров, в настоящем времени существующих, но предполагая, что они непрерывно следуют один за другим *****. Впрочем, за верное, кажется, утвердить можно, что Ориген принимал преждебытие (praeexistentiam) материи, как то видно из одной его беседы, и он в своих положениях явно признает, что мир не уничтожится, но переменит токмо свой образ *. Напоследок св. Августин, живший в таком веке, когда христианское учение было уже весьма очищено, согласно говорит, что конец мира не есть совершенное истреб-

* Такое положение Лукрециево, который сходственно сему в первой своей книге говорит...

** Исайя, гл. XIV, ст. 17.

*** Апок., гл. XXV, ст. 1.

**** Соб. посл. Петр. II, гл. III, ст. 13.

***** Libro Paschali 1, которую перевел св. Иероним.

***** [См.] *Orig. De Princip.*, lib. 1., cap. 6.

ление, но токмо перемена его формы; и для того то сказано: преходит мир, небо и земля мимо идут, а не исчезнут*.

Из всего сказанного нами заключим, что хотя христиане и полагают, что мир изведен из ничтожества, но согласно с язычниками признают, что он никогда не обратится в ничто.

* [См.] *August. De Civ. Dei*, lib. 20, cap. 24.

ПРИМЕЧАНИЯ

А. С. ЛУБКИН

Александр Степанович Лубкин (ок. 1771—1815) родился в семье священника в Костромской губернии. Образование получил в Костромской духовной семинарии, а затем в Петербургской Александро-Невской духовной академии. По окончании академии в 1792 г. преподавал в Костромской семинарии немецкий язык и математику, а с 1797 г. — философию. В 1801 г. Лубкин был назначен ректором так называемой армейской семинарии, где за годы преподавания составил свое «Начертание логики». В 1806 г. стал смотрителем Петербургского педагогического института. Скучные биографические сведения не позволяют установить причину его отставки, но есть основание предполагать, что у Лубкина были какие-то трения с церковными властями. Возможно, не последнюю роль сыграли при этом не всегда согласующиеся с религиозными догматами философские построения автора. Характерно, что курс логики Лубкину удалось напечатать только в 1807 г., после ухода из семинарии, когда он смог поставить на титуле книги, что уже стал «прежде бывшим в оной ректором и преподавателем философии». Однако и в педагогическом институте ему пришлось работать недолго. В 1810 г. Лубкин покинул Петербург и стал директором училищ Оренбургской губернии. В 1812 г. он получил возможность исполнять обязанности профессора умозрительной (т. е. теоретической) и практической философии Казанского университета. После официального открытия университета (26 марта 1815 г.) Лубкин был избран ординарным профессором. Уже будучи профессором университета, он продолжал испытывать материальную нужду и вынужден был одновременно занимать должность инспектора Казанской гимназии. Умер Лубкин в Казани 30 августа 1815 г.

Кроме «Начертания логики» и «Писем о критической философии» следует указать еще ряд других трудов Лубкина: «Рассуждения о том, возможно ли нравочению дать твердое основание, независимо от религии» (Казань, 1815), «Опыт разбора российских сословов» (напечатано в «Трудах Казанского общества любителей отечественной словесности», 1815), «Начертание метафизики» в трех частях (издано посмертно в

Казани в 1818—1819 гг.). Кроме того, Лубкину принадлежит и несколько переводов, как, например, перевод книги немецкого писателя Цехарии «Четыре времени года в их сокращении, или Четыре части дня» (СПб., 1805), перевод (совместно с Кондыревым) книги немецкого философа Шнелля «Начальный курс философии» в пяти частях (Казань, 1813—1814).

ПИСЬМА О КРИТИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ

Впервые напечатаны в журнале «Северный вестник» в 1805 г. Письмо первое — в августовской книжке журнала, стр. 183—199; письмо второе — в сентябрьской, стр. 300—315. Текст воспроизводится по первопечатной публикации.

¹ Лубкин имеет в виду «Критику чистого разума» (*И. Кант*. Соч., т. 3. М., «Мысль», 1964). — 8.

² См. *И. Кант*. Соч., т. 3. «Трансцендентальная эстетика», стр. 127—153. — 9.

³ *Планетные жители*, т. е. жители других планет, кроме Земли. — 14.

НАЧЕРТАНИЕ ЛОГИКИ

«Начертание логики, сочиненное и преподаванное в армейской семинарии прежде бывшим в оной ректором и философии учителем Александром Лубкиным» впервые напечатано в Петербурге в 1807 г. (в типографии Ф. Дрехслера). Текст воспроизводится по первопечатной публикации (в тексте опущены некоторые примеры).

Автор указывал, что курс логики он читал слушателям по рукописи и «особенно системе чьей-либо не последовал никакой».

¹ Лубкин приводит строки мнемонических стихов, составленных в середине века для запоминания многочисленных модусов фигур силлогизмов формальной логики. — 27.

² *Герменевтика* — наука об истолковании исторических текстов. — 29.

³ *Пневматология* — учение о душе. — 33.

⁴ *Богословие естественное* — богословие, основанное на утверждениях о постижении религиозных представлений естественным человеческим разумом. Лубкин в соответствии с господствующими в его эпоху взглядами считал естественное богословие частью философской науки. — 33.

⁵ *Ифика* — этика. — 33.

⁶ *Богословия откровенная* — богословие, основанное на утверждениях о постижении религиозных представлений только на основании веры. — 34.

⁷ *Орудный* — органический. — 39.

⁸ Имсеется в виду сатирическое произведение голландского гуманиста XVI в. Эразма Роттердамского «Разговоры». — 137.

⁹ *Идиотизмы*, т. е. идиомы, — оборот речи, свойственный какому-либо языку и непередаваемый дословно на другой язык. — 139.

Тимофей Федорович Осиповский родился 22 января (2 февраля) 1765 г. в с. Осипове, Ковровского уезда, Владимирской губернии, в семье сельского священника. Начальное образование получил во Владимирской духовной семинарии. Как один из лучших и одаренных слушателей, Осиповский в 1783 г. был направлен в Петербургскую учительскую гимназию, где готовились преподаватели для открывшихся тогда народных училищ. После окончания гимназии в 1786 г. Осиповский получил назначение в Москву в Главное народное училище, в котором он проработал 14 лет, преподавая математику, физику, а также латинский язык и русскую грамматику. В 1800 г. Осиповский переехал в Петербург, где заведовал кафедрой математики в учительской гимназии (вскоре преобразованной в педагогический институт). С 1802 г. Осиповский — профессор открывшегося в Харькове университета, в котором он преподавал почти два десятилетия. Осиповский несколько раз избирался (с 1813 г.) ректором университета. Материалист, враг мистики и идеализма, Осиповский выступал против кантианцев и шеллингянцев как в своих лекциях, так и в ряде специальных речей, приуроченных к традиционным университетским торжествам. Две такие речи Осиповского помещены в настоящем издании.

Материалистические идеи Осиповского, его борьба против мистиков и идеалистов вызвала недовольство реакционного руководства министерства народного просвещения и попечителя Харьковского университета и учебного округа, масона, вице-президента пресловутого мистического Библейского общества З. Я. Карнеева, который требовал, чтобы «все предметы учености были проникнуты «духом религии»». Клеветой и интригами он добился того, что Осиповский был в 1820 г. удален из университета. Осиповский переехал снова в Москву, где продолжал свою научную деятельность. Обремененный многочисленной семьей, живя в очень стесненных материальных условиях, он столкнулся также с различными препятствиями, которые мешали ему публиковать свои научные труды.

Скончался Осиповский 12(24) июня 1832 г.

За время своей педагогической деятельности Осиповский воспитал ряд учеников, ставших впоследствии выдающимися учеными, как, например, М. В. Остроградский, А. Ф. Паловский, Н. М. Архангельский, М. А. Байков и др.

Осиповский является автором большого числа оригинальных трудов и переводов. Им написан целый ряд работ по математике, астрономии: многотомный «Курс математики»; «О движении тел, бросаемых на поверхность земли» (1817); «Об астрономических преломлениях» (1817); «Об излияниях солнца» (1819); «Рассуждение о том, что астрономические наблюдения над телами солнечной системы, когда их употребить хотим в выкладки, требующие большой точности, надлежит поправлять еще по времени прохождения от них к нам света

с присовокуплением объяснения некоторых оптических явлений, бывающих при закрытии одного небесного тела другим» (М., 1825); «Исследование светлых явлений, видимых иногда на небе в определенном положении, в рассуждении солнца или луны» (М., 1827). В 1795 г. Осиповский выступил на торжественном акте в Главном народном училище с «Рассуждением о пользе наук». Ряд исследований Осиповского остался в рукописи и не увидел света.

Осиповским была переведена с французского языка многотомная «Небесная механика» Лапласа (перевод не издан), с немецкого — труд академика Х. Г. Краценштейна «Попытка разрешить задачу географико-магнитную, предложенную Петербургскою Академиею наук на 1791 год». В 1805 г. Осиповский перевел с французского языка и издал трактат Кондиляка «Логика, или Умственная наука, руководствуемая к достижению истины». В 1793 г. им переведена с немецкого языка и издана книга Т. Адамса «Электрические опыты...».

О ПРОСТРАНСТВЕ И ВРЕМЕНИ

Впервые напечатано в сборнике «Речи, говоренные в торжественных собраниях Харьковского университета» (Харьков, 1807, стр. 3—15). Перепечатано в сборнике «Историко-математические исследования» (М., Гостехиздат, 1952, вып. V) и в «Избранных произведениях русских естествоиспытателей первой половины XIX века» (М., Соцэкгиз, 1959).

Рассуждение печатается с незначительными сокращениями: опущены традиционные хвалебные вступление и заключение.

¹ В 1252 г. в царствование испанского короля Альфонса X (1221—1284) было осуществлено исправление неточностей «Планетных таблиц» греческого астронома и математика Птолемея. — 152.

² Имеется в виду знаменитый труд греческого философа и математика Евклида «Элементы геометрии». — 154.

РАССУЖДЕНИЕ

О ДИНАМИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ КАНТА

Впервые напечатано в сборнике «Речи, говоренные в торжественных собраниях Харьковского университета» (Харьков, 1813, стр. 3—16). Перепечатано в сборнике «Историко-математические исследования» (М., Гостехиздат, 1952, вып. V) и в «Избранных произведениях русских естествоиспытателей первой половины XIX века» (М., Соцэкгиз, 1959).

«Рассуждение» печатается с незначительными сокращениями: опущены традиционные торжественные вступление и заключение.

¹ Осиповский имеет в виду свою речь «О пространстве и времени». — 156.

² Декартова система вихрей — имеется в виду вихревая

теория движения материи, выдвинутая Декартом, которой он объяснял возникновение небесных тел.— 158.

³ Осиповский в соответствии с тогдашним уровнем науки об электричестве различал две так называемые электрические материи — собственно электрическую и магнитную.— 164.

ИЗ ОТЗЫВА НА УЧЕБНИК ФИЗИКИ ПРОФЕССОРА А. И. СТОЙКОВИЧА

Отзыв дан Т. Ф. Осиповским в 1814 г. в связи с попыткой профессора физики Харьковского университета А. И. Стойковича напечатать за счет университета свой учебник физики.

Воспроизводится из статьи И. Шелкова «Из истории Харьковского университета» («Журнал Министерства народного просвещения», 1890, ч. 271, октябрь, стр. 378).

ОТЗЫВ ОБ УЧЕБНИКЕ «ЛОГИКИ» ПРОФЕССОРА И. Е. ШАДА

Воспроизводится из работы М. Сухомлинова «Материалы для истории образования в России» («Журнал Министерства народного просвещения», ч. 128, 1865, стр. 111—112).

А. П. КУНИЦЫН

Александр Петрович Кунцын (1793—1840) родился в семье священника в Тверской губернии. Начальное образование получил в духовном училище в г. Кашине. Затем учился в Тверской духовной семинарии и педагогическом институте. В 1808 г. Кунцын был послан за границу в Гейдельбергский и Геттингенский университеты для дальнейшего совершенствования в науках и подготовки к профессуре. В 1811 г. он получил место профессора в Царскосельском лицее по кафедре нравственной философии и правоведения, а в 1817 г. стал ординарным профессором Главного педагогического института и руководил кафедрой правоведения. После открытия в 1819 г. Петербургского университета Кунцын стал работать и в нем.

За свои передовые философские и общественно-политические взгляды Кунцын вскоре подвергся преследованиям. Поводом послужила книга «Право естественное», изданная в двух частях в 1818—1820 гг. Книга была вначале представлена директором Царскосельского лицея Энгельгардтом министру народного просвещения князю Голицыну для поднесения императору Александру I. В Главном правлении училищ книга Кунцына вначале получила благоприятную оценку академика Фуса. Но в дело вмешался помощник попечителя Петербургского учебного округа и член Главного правления училищ реакционер Рунич, давший резко отрицательный отзыв о книге.

По мнению Рунича, «Право естественное» являлось не чем иным, «как сбором пагубных лжеумствований, которые, к несчастью, довольно известный Руссо ввел в моду и кои волновали и еще волнуют горячие головы поборников прав человека и гражданина минувшего и наступившего столетий. Марат был искренний и практический последователь сей науки». Рунич потребовал запретить книгу и коренным образом изменить преподавание юридических наук в университете и других учебных заведениях, так как «публичное преподавание наук по безбожным системам не может иметь места в благословенное царствование благочестивейшего государя». Заканчивая свой отзыв о книге Куницына, Рунич писал: «Счастливым себя почту, если вырву хотя одно перо из черного крыла противника Христова».

Главное правление училищ, состоявшее преимущественно из единомышленников Рунича, согласилось с его отзывом и постановило книгу Куницына как «противоречащую явно истинам христианства и клонящуюся к ниспровержению всех связей семейственных и государственных» изъять и уничтожить. Сам же Куницын был в марте 1821 г. уволен из Петербургского университета и Царскосельского лицей и остался преподавателем только в Пажеском корпусе.

«Естественное право» было напечатано значительным для того времени тиражом в тысячу экземпляров. Этим и объясняется то обстоятельство, что, несмотря на истребление этой книги, немалое число экземпляров все же уцелело, преимущественно в частных книжных собраниях.

Лишь в 1838 г. Куницыну удалось добиться реабилитации, он был даже избран почетным членом Петербургского университета. В том же году он был назначен председателем комитета для надзора за печатанием «Полного собрания законов Российской империи».

Умер Куницын в Петербурге 1 июля 1840 г.

Из других сочинений Куницына кроме «Права естественного» следует указать следующие: «Изображение взаимной связи государственных сведений» (1817); посмертно изданное «Историческое изображение судопроизводства в древней России» (1843); «Энциклопедия прав» (Избр. соц.-полит. и философские произведения декабристов, т. 1. М., Госполитиздат, 1951).

ПОСЛАНИЕ К РУССКИМ

Напечатано в журнале «Сын отечества» в 1812 г. (т. 1, № 5, стр. 149—155). Текст воспроизводится по первопечатной публикации.

¹ «Они не презирали вашу леность и не полагались на свою доблесть, ибо, после того как их столько раз обращали в бегство, изгоняли из их лагерей, проводили под игом, они научились оценивать как себя, так и вас». Тит Ливий.— 169.

ЗАМЕЧАНИЯ НА НЫНЕШНЮЮ ВОЙНУ

Напечатано в журнале «Сын отечества» в 1812 г. (ч. 1, № 8, стр. 45—48). Текст воспроизводится по первопечатной публикации.

ИЗОБРАЖЕНИЕ ВЗАИМНОЙ СВЯЗИ ГОСУДАРСТВЕННЫХ СВЕДЕНИЙ

Напечатано в Петербурге в 1817 г. отдельным изданием (в типографии Иос. Иоаннесова). Текст воспроизводится по первопечатному изданию.

РАССМОТРЕНИЕ КНИГИ «ОПЫТ ТЕОРИЙ НАЛОГОВ», СОЧИНЕННОЙ НИКОЛАЕМ ТУРГЕНЕВЫМ

Напечатано в журнале «Сын отечества» в 1818 г. (ч. 50, № 50, стр. 207—224; № 51, стр. 258—271). Текст воспроизводится по первопечатной публикации.

Положительная рецензия на книгу Н. Тургенева была напечатана в журнале «Сын отечества» ранее (ч. 40, № 48) и принадлежала, вероятно, редактору журнала. Здесь же было напечатано письмо Н. Тургенева, извещающее о том, что гонорар за книгу автор жертвует в пользу крестьян, за которыми числятся недоимки по налогам.

¹ Имеется в виду труд итальянского экономиста Пьетро Верри «Рассуждение о политической экономии», переведенное на русский язык И. И. Мартыновым в 1798 г. И до перевода Верри в России были изданы труды русских ученых по политической экономии и статистике, например «Цветущее состояние всероссийского государства» Кириллова (1727), многотомное «Описание коммерции» М. Чулкова (1780-е годы), «Описание России» М. И. Антоновского (1795) в книге «Всеобщее повествовательное землеописание» и др. Были изданы также переводы трудов иностранных ученых, например Якоба Бильфельда «Учение о государственном управлении», Иоганна Юсти «Государственное хозяйство» (1772) и др.— 190.

² «Исследование о природе и причинах богатства народов» Адама Смита было впервые переведено на русский язык Н. Политковским в 1802—1806 гг.— 190.

³ Имеется в виду война США с Англией в 1776—1783 гг. за национальную независимость.— 199.

ПРАВО ЕСТЕСТВЕННОЕ

Книга первая «Права естественного» напечатана в 1818 г. в Петербурге (в типографии Иос. Иоаннесова), была одобрена цензурой к печати 29 марта 1818 г., о чем имеется помета цензора Г. Яценкова на обороте титульного листа. Книга вторая была напечатана в 1820 г. (в той же типографии). Разрешена цензурой к печати 14 октября 1819 г.

¹ *Ручная книга*, т. е. учебное пособие.— 204.

² См. *И. Кант. Соч.*, т. IV, ч. 2. «О поговорке «может быть, это и верно в теории, но не годится для практики»».— 210.

³ Здесь, как и дальше, Куницын развивает учение о так называемом общественном договоре, который якобы заключают люди, согласившиеся жить в обществе.— 233.

⁴ Куницын имеет в виду изданные в XVI—XVII вв. указы, пытавшиеся ограничить право применения кабалы (в элементарной форме — отработка за долги) к некоторым категориям лиц, например к лицам, не достигшим совершеннолетия, к жене и детям закабалившегося, наследникам кредитора и пр. Однако эти указы, содержавшие много противоречий, на практике почти не применялись.— 247.

⁵ В эпоху царствования Екатерины II был издан ряд указов о запрете так называемого холопства как произвольного закрепощения, т. е. запрещалось превращать в крепостных лиц, не принадлежавших к крестьянскому сословию и не проживавших в деревнях. Однако эти указы не выполнялись, чем и объясняется то обстоятельство, что царское правительство вынуждено было часто издавать указы такого рода.— 260.

⁶ *Пуфендорф, Самуэль* (1632—1694) — немецкий правовед и историк. Автор книги «О право естественном и международном и об обязанностях человека и гражданина».— 294.

⁷ «Говорят ли когда-либо, что тот, кто выбрасывается из окна, чтобы спастись от пожара, виновен в самоубийстве?». Ж.-Ж. Руссо.— 299.

ПРИЛОЖЕНИЕ

В. П. КОЛЫЧЕВ

Василий Петрович Колычев (1736—1794) родился в старинной дворянской семье. Сведений о его жизни сохранилось мало. Известно, что он участвовал в Семилетней войне (1756—1762) поручиком Выборгского пехотного полка. Затем постоянно жил в д. Чоглокове, Тульской губернии.

Свое творчество Колычев посвятил в основном пропаганде достижений передовой науки той эпохи и прогрессивных общественных взглядов. Он был одним из немногих современников Ломоносова, по достоинству оценивших его выдающиеся научные заслуги и открытия. Колычев прославлял науки и указывал, что они уничтожают религиозные суеверия и приносят людям счастье и благосостояние. Он был безусловным сторонником гелиоцентрического учения Коперника.

Произведения Колычева напечатаны в сборниках «Труды уединения В. К.» (М., 1781) и «Театр В. К.» (М., 1781). Инициалы «В. К.» долгое время скрывали действительное имя автора, раскрытое лишь совсем недавно.

ПИСЬМО
О ПОЛЬЗЕ УЧЕНИЯ К ВАСИЛИЮ СЕРГЕЕВИЧУ
ШЕРЕМЕТЕВУ

Напечатано в сб. «Труды уединения В. К.», М., 1871. Текст воспроизводится с незначительными сокращениями.

¹ Автор полемизирует с известным тезисом Жан-Жака Руссо (выдвинутым им в ответе на запрос Дижонской академии), что цивилизация и науки вредны для человечества.— 363.

² Они их частью преблаженны, т. е. они довольны своею участью.— 363.

³ Денрей — Буало-Денрео, Никола (1636—1711) — французский поэт и теоретик классицизма.— 364.

⁴ Имеется в виду стихотворная эпистола М. В. Ломоносова «Письмо о пользе стекла».— 366.

⁵ Эти строки являются перефразированием известного отрыва А. П. Сумарокова о Ломоносове: «Он наших стран Малгерб, он Пиндару подобен», который Сумароков вынужден был сделать, несмотря на свое враждебное отношение к Ломоносову.— 366.

⁶ Паллада — Палладио, Андреа (1508—1580) — знаменитый итальянский архитектор эпохи Возрождения; Леблон, Жан-Батист-Александр (1679—1719) — французский архитектор, в 1716 г. приехал по приглашению Петра I в Россию; Скамоцци, Винченцо (1552—1616) и Бароцци, Джакомо (1507—1573), прозванный Виньолой, — итальянские архитекторы и теоретики архитектуры.— 368.

⁷ Лебрюнь — Лебрен, Шарль (1619—1690) — французский живописец, глава академического направления во французском искусстве.— 369.

⁸ Имеется в виду Нума Помпилий — легендарный царь Древнего Рима, содействовавший его процветанию.— 371.

⁹ Альфред Великий (IX в.) — английский король, ведший упорную борьбу с норманнами, покровитель наук и искусств, герой многочисленных легенд.— 371.

¹⁰ Имеется в виду Карл Великий (ок. 742—814), король франков, основавший в IX в. германо-римскую империю, насильственно обращал саксов в христианство.— 372.

¹¹ Имеется в виду царь Алексей Михайлович, в царствование которого в 1649 г. было принято «Уложение», являвшееся в то время первым сводом законов в России.— 372.

Ф. В. КРЕЧЕТОВ

Биографические сведения о Федоре Васильевиче Кречетове (1740 — после 1801) очень скудны. Родился он, по-видимому, в мелкодворянской семье. Судя по обилию церковнославянских слов и оборотов в его произведениях и религиозной окраске его воззрений, можно предполагать, что он получил духовное образование. Свою служебную деятельность Кречетов начал в 1761 г. писцом в Караченской воеводской

канцелярии. Неуживчивый характер, плохой почерк и тяжелый слог послужили серьезным препятствием для его продвижения по службе. В августе 1778 г. Кречетов был вовсе отстранен от служебных дел. Однако вскоре он возобновил свою служебную деятельность и в 1779 г. был пожалован чином поручика. Но его дела шли плохо, и, чтобы прокормить себя, ему приходилось заниматься писанием для разных лиц жалоб и прошений, вести тяжбы и пр. Несколько лет Кречетов служил библиотекарем и секретарем разных лиц. Одновременно он занимался и литературным трудом. В 1787 г. ему удалось издать два своих перевода: «О размножении цветов» (перевод с немецкого) и «Сокращенное предложение королевского плана к поправлению правосудия, сочиненное господином Формеем». Обе книги были напечатаны в Петербурге: первая — в типографии Вильковского и Гальченкова, вторая — в типографии Матвея Овчинникова.

Свою деятельность, приведшую его в Тайную экспедицию, Кречетов начал еще с середины 1780-х годов. Осознав порочность современного ему самодержавно-крепостнического строя, обветшалость царского законодательства, ничтожество и лицемерие высшей дворянской и церковной знати, Кречетов задался целью изменить существующий порядок посредством мирных, просветительских мероприятий. В связи с этим он организовал общество под весьма замысловатым названием — «Всенародно-вольно к благодетствованию составляемое общество». В общество вступило примерно 50 человек, преимущественно из чиновничьей и купеческой среды. Женщины принимались в общество наравне с мужчинами.

Из программы «Общества благодетствования», составленной Кречетовым, видно, что оно ставило перед собой далеко идущие политические и просветительские задачи. Кречетов требовал установления полного равноправия граждан в государстве, ограничения власти самодержавия, реформы суда, отмены сословных привилегий дворянства и высшего духовенства, свободы слова и печати, равноправия женщин, всемерного распространения знаний и просвещения в народе и т. д. Особое значение он придавал распространению юридических знаний, им был разработан план организации широкой сети юридических школ. «Общество благодетствования» намеревалось широко развить книгоиздательское дело и книжную торговлю. В 1786 г. Кречетов начал издание специального печатного органа общества — журнала «Не все и не ничего».

В мае 1793 г. по доносу члена общества Осипа Малевинского Кречетов был арестован. В своем доносе Малевинский писал, что деятельность Кречетова и рассейваемые им «скаротские плевелы» крайне опасны для самодержавного строя, что «он, негодуя на необузданность власти, восстав на злоупотребления, возвращает право народу. Довольно уже слышно народного ропота на неправосудие и не возжечь бы попустительством еще большего пламени». К доносу Малевинский приложил специальное прошение на имя Екатерины II, в ко-

тором указывал, что Кречетов произносил «непристойные и укорительные слова» по адресу императрицы и членов царской семьи, «весь сенат ругал, яко воры и разбойники, и сама же она (императрица.—*Л. С.*) потакает им и делает заодно. И так все то чинил он, Федор Кречетов, великую противность к святым церквам, яко идолослужение производящие, и называл всех правоверных идолопоклонниками... и пророчествует к величайшему бунту такому, которого еще не бывало». Малевицкий писал, что Кречетов задался целью избавить народ «от ига царского, в котором ныне по слепоте своей страдает», крепостным крестьянам хочет дать свободу, а солдат убеждает, «чтобы всем офицерам и штатским перевязали бы руки». Изобличающие Кречетова в антиправительственных настроениях и деятельности показания дали в процессе следствия и другие члены общества.

На допросе на многие вопросы следователей Тайной экспедиции Кречетов отвечал уклончиво, однако почти ничего по существу не отрицал в главных пунктах обвинения, возводимого на него доносчиком и свидетелями, да и не мог отрицать, так как его «крамольные» мысли были весьма обстоятельно изложены в многочисленных сочинениях и записках, попавших в руки Тайной экспедиции. Кречетов был признан чрезвычайно опасным государственным преступником, и 18 июля 1793 г. ему был объявлен приговор:

«Во исполнение высочайшего ее императорского величества повеления правящий должность генерал-прокурора генерал-поручик Самойлов о содержащемся под стражею отставном поручике Федоре Кречетове приказал учинить следующее: Кречетов, как все его деяния обнаруживают его, что он самого злого права и гнусная душа его наполнена прямым злом против государя и государства, ибо он именно открывал злое свое намерение в том, чтоб сделать в России правление такое, которое бы разрушило все благоустроенное в нынешнем положении государства, посему, хотя он, яко совершенный бунтовщик и обличенный в сем зле, по законам государственным, яко изверг рода человеческого, и достоин казни, но по человеколюбию и милосердию ее величества и что с твердостью заключить можно, что сей его богомерзкий умысел по подлому души его расположению никаким образом не нашелся бы в состоянии поколебать верноподданных сынов отечества, по привязанности к священной ее величества особе и человеколюбивейшему ее правлению ко благу верноподданных, от оной его избавить, а чтоб сей изверг о описанном им зле принес всевышнему покаяние, а тем паче, чтоб впредь не мог своими злыми плелевами заразить малоосмысленных людей, то запереть его в здешней [Петропавловской] крепости до высочайшего указа под крепчайшею стражею, не допуская к нему никого, так и писать ему не давая, потому паче, что иногда не откроется ли еще какого на него здесь извещения» (*М. Коровков. Поручик Федор Кречетов. «Былое», апрель, 1906, стр. 49*). Этот жестокий приговор был вынесен без судебного

разбирательства, одним решением генерал-прокурора Сената Самойлова, утвержденным Екатериной II. Мытарства осужденного на этом далеко еще не закончились. Тайная экспедиция и в тюрьме продолжала допросы. В конце декабря 1794 г. по новому повелению Екатерины II он был переведен в Шлиссельбургскую крепость с предписанием содержать его в еще более суровых условиях, нежели прежде, «так чтоб он никаких разговоров и сообщения ни с кем не имел и содержан был накрепчайше». На пропитание осужденного была отпущена самая минимальная даже по тому времени сумма — он был попросту обречен царским правительством на медленную голодную смерть. Следует отметить, что даже в этих ужасных условиях Кречетов каким-то образом все же ухитрился достать бумагу и делал на ней записи, накалывая слова булавкой. При осмотре камеры, в которой он сидел, эти бумаги, зашитые в постель, были обнаружены тюремщиками и отосланы в Тайную экспедицию.

С подорванным здоровьем Кречетов был освобожден в марте 1801 г. при воцарении Александра I. Дальнейшая судьба его неизвестна.

ПЛАН ЮРИДИЧЕСКИЙ

Воспроизводится в извлечениях по архивной рукописи, хранящейся в Центральном государственном архиве древних актов (ОФВУ, ф. 7, д. 2812, ч. 1, л. 332—426). Опущены многие цитаты, приводимые автором.

«План» представляет собой одно из многочисленных сочинений Кречетова, сохранившихся в рукописи в его следственном деле в Тайной экспедиции. Полное название — «План, или Предначертание к сочинению российской юриспруденции, объемлющей всего общежительного благосостояния сословий целость и утверждение, то есть всех совместных и к пользе рода человеческого в действие быть желаемых намерений, и полезно-изображений положение, предпринятое во исполнение российских законов и великих к благотворению желаний и благоволений всемилостивейшия государыни великия Екатерины второй императрицы и самодержицы всероссийския и прочая, и прочая, и прочая».

¹ Кречетов выступал за то, чтобы государство имело твердые и нерушимые законы, не зависящие от капризов и своеволлия самодержца. — 376.

² Вольное экономическое общество было создано в 1765 г. с целью изучения и изыскания новых рациональных методов хозяйства, а также «распространения в государстве полезных для земледелия и промышленности сведений». Просуществовало до 1917 г. Материалы общества публиковались в «Трудах ВЭО» и других органах. — 380.

³ Имеется в виду журнал «Экономический магазин, или Собрание всяких экономических известий, опытов, открытий, примечаний, наставлений, записок и советов, относящихся до земледелия, скотоводства, до садов и огородов, до лугов, лесов, прудов, разных продуктов, до деревенских строений, домашних лекарств, врачебных трав и до других всяких нужных и небесполезных городским и деревенским жителям вещей. В пользу российских домостроителей и других любопытных людей образом журнала издаваемый». Издавался в Москве в 1780—1789 гг. Н. И. Новиковым. Редактором его был А. Т. Болотов. Он же был и основным автором журнала.— 384.

⁴ Имеется в виду книга «Евгеонит, или Созерцание в натуре божиих видимых дел», изданная руководимой Новиковым Компанией типографической в Москве в 1782 г. Автор — ректор Троице-Сергиевской духовной семинарии богослов Аполлос (Байбаков).— 384.

⁵ *Донат, Элий* (IV в.) — известный римский филолог и оратор. Его считал своим учителем католический богослов Иероним. Кречетов ссылается на труд Иеронима, содержавший выдержки из сочинений Доната.— 385.

⁶ Имеется в виду книга «Путешествие добродетели, или Странствования по свету юного китайского царевича с философом, предводительствовавшим и научившим одного, в новейшие времена случившееся» в 2 частях.— 385.

⁷ *Духовный регламент* — свод правил деятельности православной церкви, выработанный в царствование Петра I и изданный в 1721 г.— 394.

⁸ *Устав благочиния* — закон о деятельности полиции, охране порядка и добронравия, изданный Екатериной II в 1775 г. при учреждении губерний.— 395.

⁹ Фрагменты труда Кречетова «Лес лесов» находятся среди его рукописей в следственном деле.— 397.

¹⁰ *Татищев, Василий Никитич* (1686—1750) — русский историк и географ, автор первой 5-томной «Истории Российской с самых древних времен...» (1768—1848), доведенной до царствования Ивана Грозного.— 403.

¹¹ *Беарде де л'Абей* (ум. 1771) — доктор прав Аахенского университета, участник конкурса Вольного экономического общества в 1766 г., представивший работу о собственности крепостных крестьян, удостоенную премии.— 406.

¹² Кречетов просил Екатерину II дать ему Тихоновскую вотчину в окрестностях Петербурга для проведения экономических опытов.— 406.

¹³ Кречетов цитирует «Слово о происхождении света, новую теорию о цветах представляющее, июля 1 дня 1756 г. говоренное» М. В. Ломоносова (см. Покойного статского советника и профессора Михайлы Васильевича Ломоносова Собрание разных сочинений в стихах и прозе. М., 1778, кн. 3, стр. 309).— 410.

¹⁴ Имеется в виду «Наказ» о сочинении проекта нового Уложения, составленный Екатериной II и изданный в 1767 г.

как руководящая инструкция депутата созданной тогда Комиссии для составления проекта нового Уложения. «Наказ» был своеобразной компиляцией взглядов, заимствованных императрицей из трудов французских мыслителей Монтескье, Дидро и др. «Наказ» вместе с двумя приложениями состоял из 22 глав и 655 статей. В этом произведении Екатерина II пыталась изложить принципы просвещенного абсолютизма.—410.

О МИРЕ, НАЧАЛЕ ЕГО И ДРЕВНОСТИ

Трактат был напечатан в масонском журнале «Покоящийся трудолюбец», издававшемся Н. И. Новиковым, ч. II (1784) и ч. III—IV (1785). Воспроизводится в настоящем издании с некоторыми сокращениями: опущены в сносках латинские цитаты. В этом случае дается «[См.]».

Автором трактата был, возможно, известный писатель и философ А. Т. Болотов, принимавший деятельное участие в изданиях Новикова. В 1783 г. Новиков издал переведенную Болотовым книгу немецкого пастора Гецена «Рассуждение о начале и конце нынешнего и о состоянии будущего мира», с многими положениями которого polemизирует автор трактата, что и дает основание предполагать о принадлежности публикуемой работы именно А. Т. Болотову.

¹ Автор не случайно начинает изложение трактующей им проблемы о мире с «успехов» египтян и халдеев. В масонских учениях усиленно поддерживалась точка зрения, что тайны мироздания были известны уже древним народам, и в первую очередь египтянам и жрецам и магам в древней Ассирии-Вавилонии — халдеям, и что знание этих тайн было затем потеряно. Масоны утверждали, что эти тайны содержатся в древнеегипетской и халдейской иероглифической письменности. Отсюда усиленный интерес масонов к расшифровке древнеегипетской иероглифики, в которой якобы только и можно найти раскрытие тайн мироздания. Расшифровка в конце XVIII в. французским ученым Шамполионом египетских иероглифов, разумеется, полностью опровергла антинаучные, мистические утверждения масонов.—416.

² Как видно из опущенного в настоящем издании пространного примечания на латинском языке, здесь имеется в виду древнегреческий ученый и философ Апулей Луций (II в.), сторонник Платона.—418.

³ *Иродот*, т. е. *Геродот*.—418.

⁴ Имеется в виду библейская легенда, согласно которой мир был сотворен в семь дней. Отсюда и священное значение этого числа.—419.

⁵ *Плеяды* — группа звезд в созвездии Тельца; *Трионы* — группа звезд в созвездии Большой и Малой Медведицы.—419.

⁶ *Сиравузиян* — Архимед.—422.

⁷ *Иерокл*, т. е. Геракл — Геркулес. *Орфей* — в древнегреческой мифологии сладкоголосый певец, своими песнями приво-

дивший в движение деревья и скалы и укрощавший диких зверей.— 423.

⁸ Второй части трактата было предпослано следующее вступление:

«Под сим названием [«О мире, его начале и древности»] во второй части *Покоящегося* нашего *Трудолюбца* издали мы одну статью мнений о мире древних, в коей почтенные любители *Трудолюбца* читали уже, что думали известнейшие из древних мудрецов о всеобщей системе вселенной; и как при сем мы обещали по предложенному уже порядку предложить сперва: какое понятие имели древние о мире вообще; потом представить мнения их о его начале, о его конце и о всем, что принадлежит к земле в особливости, и, следовательно, дать понятие о их географии, о переменах, каким почитали они ее подверженною и, наконец, мнения их о начале человека и животных, населяющих землю,— то во исполнение сего принятого намерения, сказав токмо, что думали оные мудрецы о мире вообще или о целой его системе; теперь следует нам сообщить мнения их о его начале».— 426.

⁹ *Друиды* — жрецы-волшебники у древнекельтских народов.— 426.

¹⁰ *Ценсорин* — древнеримское летосчисление.— 428.

¹¹ Имеются в виду изречения и афоризмы, содержащиеся в так называемых «Сивиллиных книгах», приписываемых древнегреческой мифической странствующей пророчице и гадательнице Кумской Сивилле. Эти книги играли большую роль в жизни античного общества.— 429.

¹² *Астрея* — богиня справедливости.— 429.

¹³ *Изиод* (Гесиод) (VIII в. до н. э.) — древнегреческий поэт.— 433.

¹⁴ *Тартар* — в античной мифологии ад.— 433.

¹⁵ *Эрев* — в античной и древнееврейской мифологии злой дух, тьма.— 433.

¹⁶ *Гимнософисты* — «нагие философы», так древние греки называли индийских философов, строгих аскетов, отвергавших даже одежду.— 436.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН *

- Август, Октавиан 368
 Августин, Аврелий 429, 442
 Александр Македонский 418
 Алексей Михайлович 372, 388
 Альфонс X 152
 Альфред Великий 371
 Анаксагор 371, 422, 423, 425, 431, 432
 Анаксимандр 419, 422, 424
 Анаксимен 423, 424, 429, 430
 Аполлоний Тианский 433
 Апулей, Луций 421
 Аристотель 369, 418, 423, 427
 Аристофан 433
 Архелай 424
 Архимед 367
 Атлант 419
- Бакон см. Бэкон
 Беарде де л'Абей 406
 Бейль (Бель), Пьер 364
 Бентам, Иеремия 192
 Берос (Бероз) 439
 Бонапарт см. Наполеон
 Буало-Депрео, Никола 364
 Бэкон (Бакон), Николай 411
 Бэкон (Бакон), Фрэнсис (Францыск) 156, 411—413
 Бюрнет 435
- Валерий, Марк (Максим) 441
 Ватабль 434
 Вергилий (Виргилий) 429
 Верри, Пьетро 190
- Виньоля (Бароцци, Джакомо) 368
 Витрувий 368
 Вольтер, Франсуа Мари Аруэ 364
 Вольф, Христиан 12, 20, 364
- Габбез см. Гоббс
 Гассенди, Пьер 364
 Геллерт, Христиан 364
 Гераклит (Ираклит) Эфесский 423, 424, 430, 438
 Геродот (Иродот) 416, 418, 420
 Гесиод (Изидод, Исиод) 433, 438
 Гиерокл (Иерокл) 422, 436
 Гиппократ (Иппократ) 425
 Гоббс (Габбез), Томас 294
 Годунов, Борис Федорович 197
 Гомер 364
 Гроций, Гуго 434
- Декарт (Картезий), Рене 156, 158, 425
- Демокрит 424, 425, 429, 430
 Депрей см. Буало
 Диоген Лаэртский (Лаэртций) 422, 424, 426, 427, 430, 436
 Диоген Синопский 424
 Диодор Сицилийский 416, 418, 420, 426
 Дион 438
 Донат, Элий 385

* Составил А. Н. Голубев.

Евдокс (Эвдокс) Книдский 420
 Евсевий см. Эвсевий
 Екатерина II 409, 410
 Еразм см. Эразм Роттердамский
 Зенон Элейский 423, 424, 438
 Иван III Васильевич 388
 Иерокл см. Гиерокл
 Иероним 442
 Изидод см. Гесиод
 Иппократ см. Гиппократ
 Ираклит см. Гераклит
 Ириней 441
 Иродот см. Геродот
 Исиод см. Гесиод
 Каллисфен 418
 Канар 200
 Кант, Иммануил 7—11, 13, 17, 147, 153, 155, 156, 165
 Карл Великий 372
 Картезий см. Декарт
 Катон 371
 Киприан 441
 Климент Александрийский 423
 Клингштет, Тимофей Иванович фон 407
 Коперник, Николай 369
 Ксенофан 422, 424, 426
 Ксенофонт 364
 Кулибин, Иван Петрович 384
 Кутузов, Михаил Илларионович 173, 174
 Леблон Жан-Батист-Александр 368
 Лебрен (Лебрюн), Шарль 369
 Левкипп 424, 430.
 Лейбниц, Готфрид Вильгельм 12, 20, 150, 364
 Ливий, Тит 169, 364
 Ликург 370
 Локк, Джон 364
 Ломоносов, Михаил Васильевич 369, 410
 Лукан, Марк Анней 415, 437, 438

Лукпан (Луциан) 422, 433
 Лукреций Кар 418, 430, 432, 435, 436, 442
 Людовик XIV 394, 401
 Макробий, Амбросий Феодосий 428
 Малерб, Франсуа де 366
 Манетон 436
 Мелисс Самосский 427
 Меммий 437
 Микеланджело (Мишельанж), Буонаротти 368
 Мольер, Жан-Батист 364
 Мопертюи, Пьер-Луи-Моро 364
 Наполеон Бонапарт 173—175
 Нума Помпилий 371, 416
 Нумений 428
 Ньютон (Невтон), Исаак 364
 Овидий, Назон 438
 Ориген Александрийский 428, 438, 442
 Оцелл 426
 Палладио (Палада), Андреа 368
 Папий 440
 Парменид (Парменит) Элейский 430
 Перикл 368, 421
 Петольд 368
 Петр I 189, 369, 371, 372, 381, 400, 409
 Пигаль, Жан-Батист 368
 Пиндар 366
 Питт, Вильям 190
 Пифагор 422, 423, 426, 427
 Платон 220, 364, 421, 423, 427, 429, 431, 432
 Плиний Старший, Гай Секунд 419, 425
 Плотин 432
 Плутарх 421, 424, 426, 427, 438
 Полемний 369
 Полиньяк, де 424
 Помбаль, Себастиан Жозе 198
 Проперций, Секст 438
 Птолемей, Клавдий 152, 420
 Пуфендорф, Самуэль 294

Рембрандт, Харменс ван Рейн 369
Ренат 403
Ришелье, Арман Жан 409
Румянцев, Петр Александрович 368
Руссо, Жан-Жак 293, 299
Рубенс (Рюбенс), Питер Пауль 369

Сенека, Луций Анней 371, 437, 438

Сивилла Кумская 429
Симплиций 418
Скамоцци, Виченцо 368
Смит, Адам 190
Сократ 364, 371
Солон 370, 372
Спиноза, Бенедикт (Барух) 221

Стаций, Цецилий 438
Стойкович, Афанасий Иванович 165
Страбон 426, 436

Татищев, Василий Никитич 403

Тертуллиан, Квинт Септимий Флоренс 441

Тиберий, Клавдий Нерон 438
Тургенев, Николай Иванович 189

Фалес 422, 423, 430
Фальконе, Этьенн-Морис 369
Феофил Александрийский 442
Ферекид (Ферецид) 426
Филолай 422
Филон Александрийский 427
Фион Смирнский 422
Флавий, Иосиф 438, 439
Франклин, Бенджамин 191

Хризипп 428

Цельс 428, 438
Цицерон, Марк Туллий 418, 423, 427, 430, 437, 439

Шад И. Е. 165, 166
Шереметьев, Василий Сергеевич 363

Эвдокс см. Евдокс
Эвклид 154, 367
Эвсевий (Евсевий) 434, 440
Эмпедокл 430, 438
Эпикур 364, 424, 429, 430, 436
Эразм (Еразм) Роттердамский 136

Ювенал, Децим Юний 364
Юм, Давид 192
Юнг, Артур 196
Юсти, Иоганн 403

ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ *

- Абсолют 166
Аксиома 56
Аналогия 132—134
Анатомия 34
Антропология 26, 33, 34
Аристократия (см. образ правления)
Астрология 419
Астрономия 416—423
Атомисты 435—437, 442
Атомы 429—431
- Безбожие (см. неверие)
Безопасность 186, 187, 305, 306
— внешняя 181, 184, 185
— внутренняя 181, 182
— как цель соединения людей в общество 296
Бесконечность (бесконечное) 13, 14, 18—20, 23, 163
Бесчестие (бесславие) 240
Благо 239, 274, 384
Благополучие 33, 178, 210, 220, 238—240, 278, 279, 297, 340
Бог 23, 387, 431, 432, 442
Богатство народное
— источники 187
Богословие
— естественное 33
— откровенное 34
Богослужение 237, 238
Болезни духовные 230
Брак 287, 289, 290
- Бытие 17, 22, 79, 148, 151, 154, 426, 432, 433
- Вера 89
Веритель 271
Вероломство 350
Вещество 164, 431, 432
Вещь 8—15, 31, 37, 38, 51, 103, 104, 107, 132, 147, 149—151, 153—155 (см. также предмет)
Вещь 242
— достоинство 268
— занятие 244, 245
— неупотребление 342
— оставление 254
— повреждение 252, 268, 270
— право на вещь 240, 242, 243, 319, 341
— приращение 248
— присоединение украшения 251
— бесхозяйная 243, 244, 248, 252, 254, 255
— главная и прибывшая 248, 249
— как существо, не имеющее прав 216 (см. также владение, владетель, завладение)
- Взаимодействие 162, 164
Вид 44
Вина (виновность) 225, 227, 228

* Составил А. Н. Голубев.

- Владение 243, 247, 267
 — невлаждение 254, 255
 Владелец (владелец, хозяин) 242, 249—252
 Властитель 283, 285, 302, 303, 315, 316, 321, 332
 — воля 318, 321
 — обязанности 304, 324
 — права 284, 311—314, 317, 320, 323
 — верховный 282
 — неограниченный 284, 329
 — ограниченный 284, 329
 — судебный 308
 — как лицо нравственное 303, 321
 — как лицо физическое 302, 303, 321
 Власть
 — злоупотребление 304
 — блюстительная 312—314, 339
 — верховная (величество) 179—181, 185, 211, 283, 292, 303—306, 316, 326, 327, 330, 332, 341, 348
 — законодательная 182, 304—306, 311, 339, 340
 — исполнительная 307—309, 311, 339, 340
 — общая 279, 283
 — полицейская 184, 387
 — судебная 183, 224, 308—311
 — неприятеля 349
 — родителей над детьми 290—292, 299
 Вменение (вменяемость) 227—229, 235
 Внимание 41
 Военные (вооруженные) силы 185, 348
 Возмездие 223, 230
 Возможность (возможное) 22, 215, 286
 Возмущение 322
 Вознаграждение 223
 Возражающий 121, 122 (см. состязание)
 Возражение 119
 — затрудняющее 117, 118
 — опровергающее 117
 Война 185, 233, 344, 345, 348
 Войско 349
 Вольность 393
 Воля 205, 206, 214, 215, 234, 244, 287
 — божеская 221
 — верховная 319, 325
 — добрая 210
 — общая 280—282, 317, 318, 321, 325
 Воображение 13, 14, 77, 79
 — определение 40
 — фантазия (свооображение) 42
 Воспоминание 41
 Впечатление 154
 Время 8, 9, 11—23, 147—149, 151—155
 Всеобщее (см. общее)
 Всеобщность 153
 Вселенная 420, 421, 441
 — разрушение 437—439 (см. также мир)
 Выдумки (см. фантазмы)
 География 403
 Герменевтика 29, 137—140, 143
 Гласность 201
 Государство 180, 190, 191, 209, 273, 298, 316, 324, 327, 386
 — доходы и расходы 186, 301, 307
 — злоупотребление сил 340
 — права и обязанности 184, 299, 313, 338, 339
 — сведения 177—179
 — силы 339
 — цель 296, 297, 300, 301, 303, 316, 321
 — члены 347
 — как лицо нравственное 300, 337, 338, 347
 Государь 386
 Гражданин 300, 301, 303, 305, 322
 Давность 254, 255, 342
 Дарение 267, 268
 Движение 21, 162—164
 Действие 37, 133, 160
 — и противодействие 162 (см. деяние)

- Деление (логическое) 63
 Демократия (см. образ правления)
 Деньги 190, 201, 202
 Деяние (действие) 206, 317
 — неосмотрительность 227, 228
 — внешнее и внутреннее 210, 211, 224, 234, 235, 239, 297
 — законное 235
 — нравственное 38, 214
 — отрицательное 259
 — позвольное и непозвольное 215
 — свободное 224
 — справедливое (правое) и несправедливое (неправое) 216, 224, 225
 — умышленное 227
 — частное 320
 Диететика 34
 Дилемма 72
 Добро 107, 205, 206, 389, 399
 Добродетель 198, 210, 293
 Доброжелательство 222, 223
 Доверенность 271
 Доводы 16, 35, 134
 Догматики 27
 Договор 243, 255, 266
 — исполнение 263
 — нарушение 256, 257, 328
 — невозможность исполнения 260, 261
 — ограничение 263
 — прекращение 265—267
 — уверение 343
 — условия 263—265
 — брачный 286—289
 — двусторонний (возмездный) 266, 268, 269
 — действительный 257
 — мирный 345, 346, 350, 351
 — молчаливый 260
 — народный (публичный) 342, 343
 — недействительный 258—262, 265
 — общественный (общественного соединения) 233, 274, 275, 280, 283, 298—300, 302, 306, 315, 321
 — односторонний (безвозмездный, благотворительный) 266
 — основной 280
 — охранительный 345
 — процентный 269—271
 — служебный 271, 272, 320
 — сохранный 267
 — условный 283
 — явный 260
 — избрания 335
 — подданства 180, 283, 302, 304, 306, 315, 323, 333, 345
 Доказательство 16, 19, 23, 111—113
 Должник 271
 Должность (обязанность) 214, 218, 244
 — внешняя и внутренняя 233, 275
 — государственная 411
 — несовершеннолетняя 261
 — правственная 214, 215
 — общественная 176
 — совершенная 217, 261, 263, 264, 269, 284, 290, 317
 — юридическая 215
 — иностранцев 278
 — супругов 289
 — членов общества 275
 Доход общественный
 — источники 194, 195
 Душа 13, 22—24
 — определение 37
 — власть над телом 39
 — зависимость от тела 38
 — мира 423
 Единство
 — времени и пространства 17
 — мира 423
 Желание 37, 38, 205, 206
 Жизнь 233, 234
 Забвение 40
 Заблуждение (предвзвешивание)
 200, 235—237
 — причины 91—94
 — непреодолимое и преодолимое 228

- существенное 258
- Завещание 252, 253
- Завладение 243, 244—247
 - народное 341, 342
- Заговор 322
- Заем 267, 268, 271
- Задача (проблема) 56
- Заключение 282 (см. закон, решение)
- Закон (природы) 156, 161
- Закон (узаконение) 192, 211, 213, 214, 280, 282, 305—311, 389
 - гражданский (государственный) 378
 - договорный 280
 - естественный 285, 387
 - коренной 280, 281, 327, 333, 336
 - нравственный 214, 230, 262
 - полицейский 306
 - положительный 285, 309, 323
 - уголовный 183, 307
 - юридический 214
 - разума 231, 235, 239, 240, 308
 - свободы всеобщей 244, 340
- Законоведение 190
- Законодатель 305
- Законодательство
 - гражданское 182, 292
 - положительное 188, 205, 213, 252, 292
- Законоисполнение 389
- Законопознание 399
- Законоучение 389
- Заслуга 225, 322
- Заступление 343, 344
- Защитение 230 (см. наказание)
- Земля 300
- Зло (порок) 107, 183, 205, 223, 225, 230, 293, 307, 316, 389, 399
- Знаки 43, 50
 - владения 245, 252
 - объявления согласия 259, 287
 - оставления 254
 - понятий 42

- Идея (см. понятие, представление)
- Идиомы (идиотизмы) 139
- Измена 322
- Изобретение 384, 385
- Изъяснения (примечания) (scholia) 56
- Имущество 299, 301
- Иностранцы (чужестранцы) 275, 279, 338, 339
- Исполнитель (закопов) 284
- Истина 25, 27, 28, 31, 36, 37, 92, 93, 143, 200, 235—237, 414
 - приближение 108—110
 - способы сообщения 110, 111, 116
 - достоверная 75, 76
 - очевидная 75, 76
 - первоначальная 112
 - физическая 123—125 (см. доказательство, метод)
- История 129, 130, 190, 403
 - достоверность 128
 - памятники 131
- Кабала 247
- Кадастр 195
- Категории 157, 165
- Качество 9, 10, 83, 84, 133, 165
- Количество 165
- Конечность (конечное) 13, 21 22 (см. бесконечность)
- Конституция (см. образ правления)
- Контекст 51
- Космология 33
- Крестьяне 406
- Критика аутентическая (подлинности) 137, 140—142
- Круг в определении 61.
- Купля 269, 270
- Лемма 56
- Леность 407
 - причина заблуждений 92
- Лихоимство 271
- Лицо
 - нравственное 283
 - опасное 314

— подозрительное 315
 — физическое 283
 Личность (см. право личности)
 Логика 26, 27, 33, 143
 — предмет 25, 36
 — части 36, 37
 — внутренняя (естественная и искусственная) 35, 36
 — предметная 35
 Любовь 38, 289
 Математика 154, 189, 190, 367
 Материя 426, 430—432, 435, 442
 — вечность 427
 — подвижность 158, 164
 — делимость 163
 — мера действия силы 162
 — теплотворная 164
 — электрическая 164
 Медицина 34
 Мена 269, 270
 Мера 31
 Меркантилисты 198
 Место 149
 Метафизика 33, 39, 105
 Метод (метода) 113, 114
 Механика 366
 Мечты (химеры) 42
 Мир (вселенная) 414, 415, 420, 421, 424, 435
 — вечность 426, 427, 436, 443
 — единство 423
 — конец 435, 436, 440, 442
 — множество 424, 429
 — начало 426, 430, 432, 434, 436
 периодический (вселенский)
 год 427—429, 435
 — познание 416
 Мир 185
 (см. также война)
 Мнение
 — ложное 118
 — великих умов 119
 Многоженство 287, 288
 Многомужество 288
 Множественность 17
 Монады 12, 21
 Монарх 334, 335

Монархия (см. образ правления)
 Мудрость 32
 Мысли 237, 384, 385
 Наведение 73
 Награда (награждение) 225, 322
 Паем 270, 272
 Наказание 199, 225, 230, 284, 291, 307, 309
 Налоги (подати) 190—201, 203, 301
 Намерение 108, 207, 217
 Народ 332, 333, 337, 338, 343, 346, 349, 350
 — права 340, 341, 347, 348
 Народонаселение 187
 Насилие 180, 244, 322
 Наследство (наследование)
 252, 253, 322
 Наука 32, 204, 209, 382
 — врачебная 34
 — словесные 376, 377, 379, 390, 395, 397—400, 407, 410
 Находка 252
 Начала 56
 — нравственные 107, 108
 — философические 125, 127
 — доказательств умственных 111, 112
 — права 178 (см. также право)
 — справедливости естественной 179
 Невежество 228, 379, 399, 425
 Неверие (безбожие) 379, 399
 Невозможность
 — нравственная 261
 — физическая 260
 Необходимость (необходимое)
 221
 — логическая 28
 — нравственная, физическая 214
 Несправедливость 239, 242, 312, 316, 319
 Несходство (см. различие)
 Нравоучение 208—210, 225
 Нравственность 107, 108, 154, 155, 203, 294

- Обещание 255—257
(см. говор)
- Обещатель 256, 257, 260, 261, 267, 270
- Обида 225—227, 262, 277, 286, 307, 308, 317, 322, 347, 349, 350
- Обман 259, 261
- Обманы в умствованиях (пара-логизмы) 94—96
- Образ правления (конститу-ция) 280, 281, 326
- аристократия (вельможе-правление) 329, 333
 - демократия (правление на-родное) 329—330
 - монархия (единодержавие) 329, 334—337
 - перемена 328, 330, 332, 333
 - учреждение 328
 - деспотический 334
 - неограниченный 329
 - ограниченный 329
 - отчийный 337
- Образованию (образованность) 188, 189, 191
- Общее (всеобщее) 9—11, 15, 16, 28, 148, 221
- Общество 176, 177, 273, 275, 277, 285, 304
- независимость и самостоя-тельность 278
 - неразделимость 300
 - права 275—277, 279
 - прекращение 285
 - учреждение 298
 - гражданское 179, 204, 293, 297
 - равное и неравное 279—283
 - семейственное 209, 273
 - частное 317
- Обычай 307
- Обязанность 217, 241 (см. так-же должность)
- Обязательство 214
- Онтология 33
- Описание 62
- Определение 60—62, 68, 75, 112
- Опровержение 118, 119, 121
- Опыт (опытность) 14, 15, 20, 147, 148, 211, 302, 406
- Опыты 123, 124
- Отвлечение (abstractio) 43
- Отвращение 205, 288, 307
- Отношение 31
- Отражение 30
- Ощущение 37, 79
- Память 40
- Паралогизм (см. обманы в умствованиях)
- Педантизм ученый 22
- Перемирие 345
- Перипатетики 427, 430
- Пифагорейцы 428
- Платоники 428, 432
- Пневматология 33
- Побуждение
- внешнее 211, 215
 - внутреннее 214, 215
 - чувственное 231
- Поверенный 271
- Повиновение гражданское 317, 319
- Повинности 197, 301, 302
- Подати (см. налоги)
- Подданные (подвластные) 283, 284, 292, 303, 309, 314, 315, 317—320, 323, 324, 348
- Подозрение 315
- Познание 28, 30, 31, 96—101, 120
- опытное (чувственное) 8, 97, 102—104
 - умственное (умозритель-ное) 99, 105, 108
 - необходимость предвари-тельных сведений 92, 102, 103, 107, 116, 136
- Покой 162, 163
- Политика 34, 186, 211
- Полномочие 342, 343, 346
- Польза 212, 316
- Понятие (идея) 20, 46—49, 150, 153—155
- определение 45
 - классы (разряды) 42
 - противоположение 88
 - раздробление (разреше-ние) 43, 48, 49, 63, 82—84

- соображение (synthesis) 82, 83
- сопряжение (associatio) 41, 154
- видовое 61
- общее (повсеместное, классическое, классное) 19, 42—44, 61, 67, 69, 86, 87, 96, 99
- отвлеченное 19, 46, 87, 88
- особенное (особое, формальное) 44, 46
- относительное 297
- приобретаемое опытностью 148, 152
- приобретаемое умозаключением 18
- противоположные 13
- разумное 46, 88
- темное 40, 46—48, 62
- ясное 40, 46—49
- Порок (см. зло)
- Поручитель 271
- Посол 346, 347
- Посланник 313
- Посредничество 343, 344
- Поучение 230 (см. наказание)
- Похвала 239
- Правда 387
- Правила логические 36, 37
- Правитель 305, 335, 387 (см. властитель)
- Правительство 181, 316
- Правление (см. образ правления)
- Право (правоучение) 208, 216
 - всеобщий признак 218
 - материя и форма 218
 - нарушение 217, 231, 319, 350
 - начало 178, 218—222, 292
 - отчуждение 242
 - верховное 308
 - вещное 240, 242, 255, 319
 - внешнее 278
 - врожденное 231, 243
 - государственное 180, 181, 292, 298, 324, 325
 - естественное 182, 204, 208—213, 252—254, 271
 - материальное 232, 252
 - народное 184, 185, 273, 337, 338, 341, 343, 347
 - недействительное 232
 - неограниченное 320
 - общественное (всеобщее) 272
 - отрицательное 320
 - первоначальное (существенное, необходимое) 239—242, 275, 278, 341
 - положительное 211, 212
 - прикладное 209, 272, 273
 - приобретенное (случайное) 242, 275, 278, 279
 - производное 242
 - семейственное 286
 - совершенное 284
 - формальное 232, 241
 - всемирного гражданства 209
 - голоса 281
 - исследования 310
 - личности 231, 233, 234, 236—240, 247, 260, 277, 319, 320
 - необходимости 251, 316
 - неподсудности 347
 - помилования 324
 - свободы 276, 338
 - собственности 246, 247, 249, 250, 253, 255, 268, 269, 279
 - и обязанность (должность) 217, 218
- Правоискусство (правоведение) 34, 204
- Правосудие 321, 376, 378, 387, 388, 399, 400
- Правота 224
- Праздность 391
- Предисловие 137
- Предложение 53—58, 74, 75 (см. также суждение)
- Предмет 17, 23, 24, 101 (см. также вещь)
- Предположение 100, 101, 103, 104, 110, 133, 135
- Предрассудок (см. заблуждение)
- Представитель (уполномоченный) 305, 331, 332
- Представление (идея) 9—12, 14—18, 40
- Предубеждение 129

- Предупреждение 230 (см. наказание)
- Презрение (хула) 240
- Преступление 182
- Привилегия 306
- Приговор 225
- Принадлежность существенная (attributum) 67
- Принуждение 217, 262, 297, 317, 347—349
 - право 256, 257, 277, 278, 284, 286
 - законное 276, 322
 - психологическое 227
 - физическое 229
- Природа 414, 415
- Присвоение 243 (см. вещь)
- Причина 31, 104, 105, 133, 206, 316, 414, 431, 432 (см. действие)
- Произвол 216
- Промышленность 187, 201
- Просвещение 188, 189, 377, 379, 399
- Пространство 8, 9, 11—23, 147—158, 162
- Противоположность 132, 133
- Противоречие 299
- Психология 26, 33
- Равенство 211, 279, 283, 298, 306, 324
- Раздробление логическое (см. деление)
- Различие (несходство) 42, 43, 45 (см. также сходство)
- Разум 31, 35—38, 83, 103, 165, 166, 206, 207, 209—211, 214, 215, 231, 302, 384, 385
 - источник общих начал права 178, 182
 - недостатки 229, 230
 - полное употребление 257
- Рассудок 44, 165, 166
- Рационалисты 297
- Религия 237, 341
- Республика (см. образ правления)
- Решение 224, 282, 310, 311
- Решимость 206
- Род 44
- Самозабвение 227
- Самолюбие 92
- Самоощущение 37
- Самоуправство 324
- Свобода 212, 222, 234, 297, 322, 323
 - внешняя 208, 209, 211, 216, 273
 - внутренняя 208, 210
 - естественная 182
 - законная 232
 - личная (частная) 278, 303, 314
 - вероисповедания 238
 - воли 207, 235
 - граждан 183, 321
 - супругов 289
- Свойство 60, 61, 68, 83
- Сельское хозяйство 189
- Сенсуалисты 297
- Сила 104, 162, 166, 234
 - общая 275, 278
 - притягательная 157, 158, 160, 163, 165
 - расширительная (расторгательная, отторгательная) 157—163
 - и право 221, 341
- Силлогизм (умствование) 26, 27, 310
 - дилемма (силлогизм крокодилский) 72, 73
 - заключение 65, 66, 152, 310
 - посылки 64, 310
 - правила 64—66
 - термин средний 26, 63—65, 67—69, 95
 - термины больший и меньший 64
 - умствование аналогическое 73, 74
 - несовершеннолетний 66
 - отрицательный 68
 - показательный 66—69
 - простой 66
 - разделительный 70—72, 84
 - различительный 66—69
 - сложный (составной) 66
 - сравнительный (аналогический) 66

- условный (hypotheticus) 70, 71
- утвердительный 68
- Система политическая 343, 344
- Скачок 98, 131
- Скептики 25, 27, 79, 81
- Слепорожденные 155
- Словесность 189 (см. науки словесные)
- Слово (термин) 50, 52, 107, 126, 205
- Словопрение (см. состязание)
- Случай 429, 430
- Смысл 138
- Собрание народное 330—332
- Собственность 242, 243, 245, 248, 249, 251, 258, 289, 322, 339, 342
(см. также право собственности)
- Совесть 224
- Совет верховный 332
- Согласие 256
 - взаимное 290
 - мнимое 287
 - общее 280
 - предполагаемое 259
 - свободное 257, 286, 287
- Согласие великое 424
- Согласие предопределенное (предустроенное) 12, 13, 150—152, 163, 166
- Соглядатайство 309, 314, 348
- Сознание 76, 77
- Сомнение 110, 131
- Сопряжение (associatio) идей 41, 154
- Сорит 70, 112
- Сословие 331—333
- Состязание (словопрение) (disputatio) 120—122
- Союз 343, 344
 - оборонительный 178, 179
- Справедливость 210, 212, 215, 217, 239, 242, 296, 302, 309, 316
 - естественная 179, 182, 184, 185
- Средство 207, 210, 215, 222, 234, 235, 245, 247, 264, 273, 274, 282, 287, 289, 299—303, 314, 316, 321, 322, 338, 340
(см. также цель)
- Ссуда 267
- Стойки 428, 429, 435, 437—439, 442
- Страдание 206 (см. действие)
- Страсти 35, 207
- Страх 262
- Суеверие 379, 399
- Суждение 44, 75, 76, 221
 - определение 53
 - воззрительные 44
 - общие (повсеместные) 54, 73, 87
 - особенные и частные 54, 75
 - противоположные 85, 111
 - противоречащие 120
 - разрядные (synthetica) и раздробительные (analytica) 54, 153
 - умозаключительные 44
 - утвердительные и отрицательные 53, 59, 67
 - явственные (категорические) и неявственные (некатегорические) 53, 54
- Супружество 286, 288, 320
- Существо невестественное (выпечувственное) 106, 107
- Сущность 61
- Сходство 42, 43, 132 (см. различие)
- Счастье 223
- Талант философический 35
- Тело 158, 161—164
- Теорема 56
- Теория 99
- Термин 29, 50—52, 351
- Терпимость 237
- Тиранство 284
- Торговля 187
- Точка физическая 159
- Требование (postulatum) 56
- Требователь 256, 257, 260, 270
- Труд 200, 201
- Убеждение 16, 35, 115, 116
- Убыток 252

Уверенность 27
 Углубление (вникание фило-
 софическое) 30, 48
 Угрожение 348
 Удостоверение (уверение) 27,
 131
 — идеальное (метафизиче-
 ское) 82—86, 91
 — историческое (нравствен-
 ное) 88—91
 — опытное 76—80, 91
 — от нелепости противного
 положения 85, 86, 91
 Узаконение (см. закон)
 Уложение вечное 411
 Ум 414
 — великий и превосходный
 45, 120
 — две степени 165, 166
 Умение читать и писать 377,
 378, 380, 381, 389, 391, 393,
 396, 399—401, 404, 406
 Умозаключение 32, 84, 85, 98,
 134
 Умствование 44, 156, 157, 161
 (см. также силлогизм)
 Умысел 227
 Упорство (inertia) 158, 162, 164
 Услуги 271, 272, 276, 323
 Учитель 377, 378

 Фантазия (см. воображение)
 Фантазмы (выдумки) 42
 Физика 33, 34, 105, 189, 190,
 365
 Физиократы 196
 Физиология 34
 Философия 26, 28, 29, 32, 34,
 35, 125, 412
 — древнегреческая 155, 156,
 413, 420—437
 — критическая 7—24
 — нравственная 207, 208
 — практическая (деятельная)
 33, 34
 — теоретическая (умозритель-
 ная) 33
 Финансы 190, 192, 201
 Форма 426, 427

 Хаос 429, 430, 432—434, 437

Химеры (см. мечты)
 Химия 163, 366
 Хозяйство государственное
 187
 Холопство 260
 Хотение 37, 205 (см. желание,
 отвращение)
 Хранитель 267

 Цвет 9, 10
 Целое 153
 Цель 207, 210, 222, 233—
 235, 264, 273, 287, 289,
 302, 314, 316, 322, 338, 340
 — общая (общества) 274—277,
 280, 282, 283, 285, 296—
 299, 303, 309, 311, 312, 320
 (см. также средство)
 Цена 269, 271

 Частицы 157, 159, 160, 163
 — притяжение 164
 — расталкивание (расторга-
 ние, отторгание) 158, 164
 — непроницаемость 158, 161,
 164
 Часть 153
 Человек 178, 182, 205, 215, 216,
 222, 262, 414, 415
 — достоинство 207
 — жизнь 299
 — качества врожденные 231
 — ограничение свободы 232
 — отличие от животных 294
 — права 318, 322
 — совершенство 207
 — способности 37, 38, 43, 234,
 235
 — существо нравственное 180,
 272
 — существо самостоятельное
 231
 — усовершенствование рода
 человеческого 297
 — государственный 177
 — праведный 387
 — свободный 207
 — в состоянии дикости (вне-
 общественном) 176, 178,
 293—296
 Честность 220

Честь 239, 376
Чиновник государственный
181
Чтение 135—137
Чувства 8—11, 77, 78, 80, 81—
83, 149, 151, 153—155
— нравственное 219
— ограниченность 97
Чувственность 105, 106
Чувствование 37—40, 78, 219

Школы
— народные 382, 394—396, 401
— 404, 408, 410
— юридические 380, 389, 390

Эволюция 166
Экономия 376, 403
Элементы 430
Эпитузпазм 77, 78
Эпикурейцы 430
Эпихейрема 70
Эстетика 33
Этика (ифика) 33

Юриспруденция 373, 378, 379,
388, 390, 400, 403, 410, 411

Явление 152
Язык 42, 43, 51, 62, 139, 402,
403, 409.

СОДЕРЖАНИЕ

А. С. ЛУБКИН

Письма о критической философии. 1805	7
Письмо первое	—
Письмо второе	16
Начертание логики. 1807	25
Предварительное введение о понятии и частях философии	30
Введение в логику	36
I. О логике вообще и порядке ее преподавания	—
II. Краткое обозрение способностей человеческого ума	37
А. О душе человеческой вообще	—
В. О способностях ума человеческого	39
Логика часть первая. О действиях ума человеческого	45
Глава I. Об идеях, или понятиях	—
Чл. I. О разных видах понятий	—
Чл. II. О доброте идей и о средствах к достижению сего	—
Чл. III. О знаках идей, или словах, оные означающих	50
Глава II. О суждениях и предложениях	53
Чл. I. О разных видах предложений	—
Чл. II. О свойствах предложений, снесенных между собою	56
Чл. III. О различной важности суждений, касательно познания вещей, об определении и разделении	59
Глава III. О умствованиях и силлогизме	63
Чл. I. Об умствованиях вообще	—

Чл. II. О простых силлогизмах	66
Чл. III. О сложных силлогизмах	70
<i>Логика часть вторая. О средствах и ясности познаний</i>	75
Глава I. Об истине, вероятности и об различных способах удостоверения	—
Чл. I. О удостоверении чувства внутреннего	76
Чл. II. О удостоверении чувств внешних	78
Чл. III. О удостоверении посредством раздробления идей и соображения оных	82
Чл. IV. О удостоверении, основывающемся на очевидной нелепости противного положения	85
Чл. V. О удостоверении посредством свидетельства других	88
Глава II. О заблуждениях, предрассудках и обманчивостях	91
Чл. I. О причинах предрассудков	—
Чл. II. Об обманчивых доводах, или паралогизма	94
Глава III. О ясности познаний	96
Чл. I. О ясности опытного познания	97
Чл. II. О ясности умственного познания	99
Чл. III. О том, каким образом практические познания и умозрение пособляют себе взаимно к точнейшему познанию вещей, и о пользе предположений	100
<i>Логика часть третья. О разных видах логического делопроизводства</i>	101
Глава I. О способе снискивать познание о вещах	—
Чл. I. О чувственном познании предметов	102
Чл. II. О познании предметов, разуму подлежащих	103
Чл. III. О приближении к истине	108
Глава II. О способе сообщать познание истины другим	110
Чл. I. О разных видах доводов	111
Чл. II. О свойствах хорошей методы сообщать познание свое другим	113
Чл. III. О способе себя защищать и опровергать мнение других	117
Чл. IV. О состязаниях, или словопрениях	120

Глава III. Об исследовании или испытании истины	123
Чл. I. Об исследовании истины физической	123
Чл. II. Об испытании мнения философского	125
Чл. III. Об испытании мнения исторического	128
Чл. IV. Об исследовании мнения, основанного на аналогии, или на подобии, или противоположности вещей	132
Глава IV. О чтении писателей	135
Чл. I. О чтении писателей вообще	—
Чл. II. Главнейшие правила герменевтики	138
Чл. III. Главнейшие правила критики	140
Заключение	143

Т. Ф. ОСИПОВСКИЙ

О пространстве и времени. 1807	147
Рассуждение о динамической системе Канта. 1813	155
Из отзыва на учебник физики профессора А. И. Стойковича. 1814	165
Отзыв об учебнике «Логики» профессора И. Е. Шада. [1816]	—

А. П. КУНИЦЫН

Послание к русским. 1812	169
Замечания на нынешнюю войну. 1812	173
Изображение взаимной связи государственных сведений. 1817	176
Основание разделения государственных сведений на разные части	177
Часть I. О составе гражданского общества	179
Часть II. О средствах для частной и общей безопасности	181
Отделение I. О средствах для внутренней безопасности	182
Отделение II. О средствах для внешней безопасности	184
Отделение III. О пожертвованиях граждан для цели общества	186
Часть III. О содействии верховной власти к народному благосостоянию	187
Прикладная часть государственных сведений	188

Рассмотрение книги «Опыт теории налогов», сочиненной	
Николаем Тургеневым. 1818	189
Право естественное. 1818—1820	204
Предуведомление	—
Введение	205
I. О природе человека	—
II. Разделение права естественного	207
III. Различие права естественного от наук, с оным сходных	209
IV. О пользе права естественного	212
Книга I. Чистое право	214
Часть I. Безусловное право	—
Глава I. Понятие о законах и должностях нрав- ственных	—
Глава II. О главном начале права	218
Глава III. Употребление начал права при сужде- нии о действиях человека	222
Глава IV. О врожденных правах человека	231
Отделение I. О праве существования	233
Отделение II. О праве действовать	234
Отделение III. О праве достигать благополучия	238
Глава V. О качестве прав первоначальных	240
Часть II. Условное право	242
О правах производных	—
Глава I. О завладении	243
Глава II. О договорах вообще	255
Глава III. Об особенных родах договоров	266
Книга II. Право прикладное	272
Введение	—
Часть I. Право общественное всеобщее	273
Глава I. Об обществе вообще	—
Глава II. Об обществе равном	280
Глава III. Об обществе неравном	283
Часть II. Право семейственное	286
Глава I. О взаимных отношениях супругов	—
Глава II. Об отношениях между родителями и детьми	290
Часть III. Право государственное	292
Понятие о праве государственном	—

Глава I. Государственное безусловное право . . .	293
Отделение I. О состоянии человека вне общества . . .	—
Отделение II. О цели государства	296
Отделение III. О договоре соединения	298
Отделение IV. О средствах для достижения цели государства	300
Отделение V. О договоре подданства	302
Отделение VI. О верховной власти	304
Подразделение I. О власти законодательной . . .	305
Подразделение II. О власти исполнительной . . .	307
Подразделение III. О власти блюстительной . . .	312
Отделение VII. Об отношении подданных к властителю	315
Отделение VIII. О взаимном отношении подданных	322
Глава II. Государственное условное право . . .	324
Предварительные понятия	—
Отделение I. О демократическом образе правления	330
Отделение II. Об аристократическом образе правления	332
Отделение III. О монархическом образе правления	334
Часть IV. Право народное	337
Введение	—
Глава I. О правах народов в безусловном состоянии	338
Глава II. О правах народов в условном состоянии	341
Отделение I. О завладении	—
Отделение II. О народных договорах	342
Отделение III. О посольствах	346
Отделение IV. О правах народа во время войны	347
Перевод на латинский язык малоупотребительных слов, входящих в систему «Права естественного»	351

ПРИЛОЖЕНИЯ

В. П. Колычев

Письмо о пользе учения к Василию Сергеевичу Шереметьеву. 1781	363
---	-----

Ф. В. Кречетов

План юридический. 1782	373
Том первый. Книга первая	—
Книга вторая	383
Заключение тома сего	410
О мире. Начале его и древности. 1785 .	414
Примечания	444
Указатель имен.	459
Предметный указатель	462

РУССКИЕ ПРОСВЕТИТЕЛИ (От Радищева до декабристов). Собрание произведений в двух томах. Т. 1—2. М., «Мысль», 1966. (философ. наследие).
Т. 2. 1966. 478 с.

1 Ф(С)

Редактор *Ю. К. Митин*
Мл. редактор *А. Г. Свирса*
Оформление художника *В. В. Максина*
Художественный редактор *Д. А. Аникеев*
Технический редактор *Н. И. Ногина*
Корректоры *Л. М. Чигина, В. М. Кузнецова*

Сдано в набор 2 ноября 1965 г. Подписано в печать 12 февраля 1966 г. Формат бумаги 84×108¹/₃₂, № 1. Бумажных листов 7,5. Печатных листов 25,2. Учетно-издательских листов 22,98. Тираж 17 000 экз. А11619. Цена 1 р. 65 к. Заказ № 531

Подписное издание
Издательство «Мысль»
Москва, В-71, Ленинский проспект, 15.

Московская типография № 20
Главполиграфпрома Комитета по печати при
Совете Министров СССР.
Москва, 1-й Рижский пер., 2.